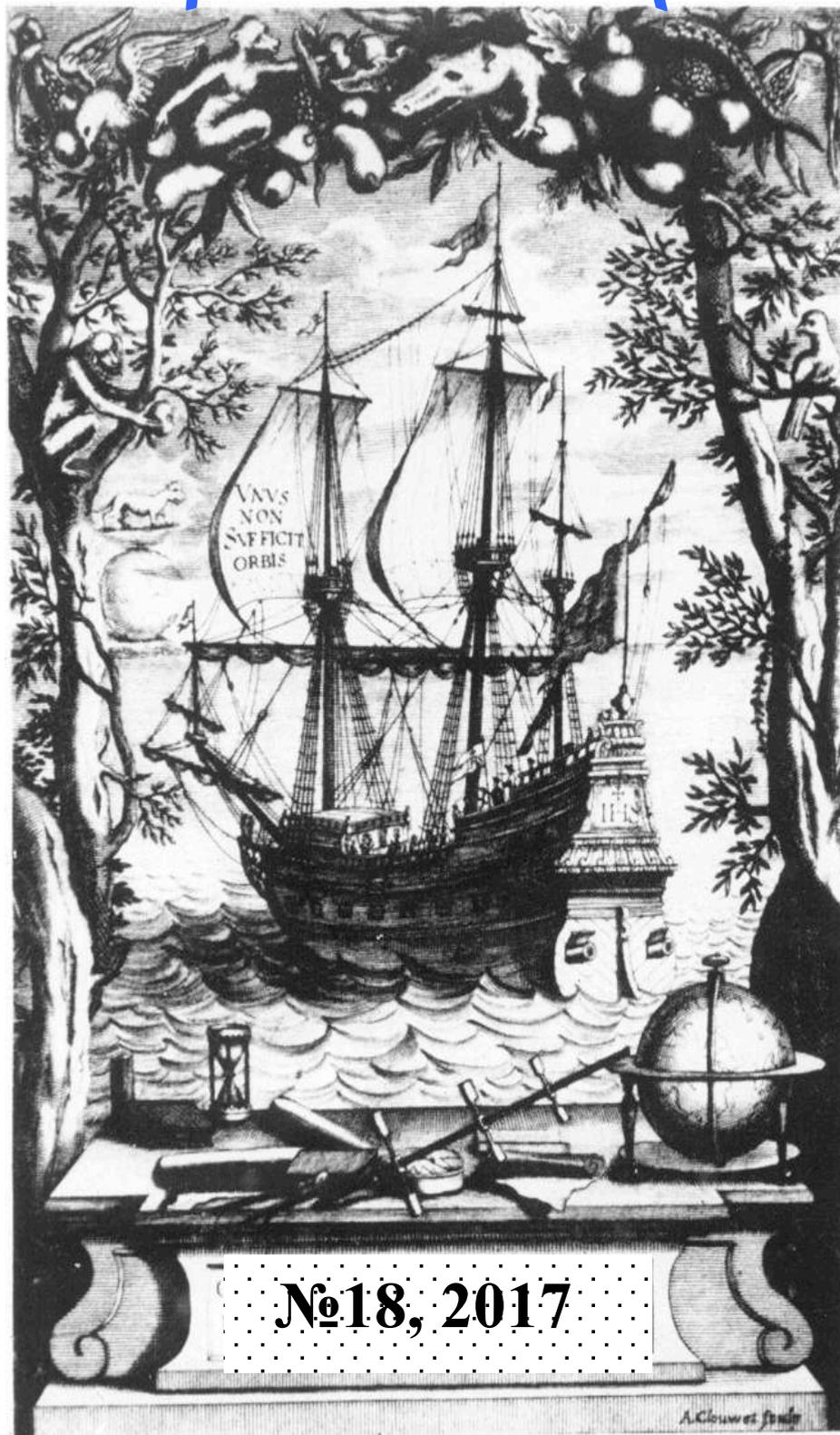

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№18, 2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

**№ 18
2017 г.**

А.А.Щелчков
(ответственный редактор)

Редакционный совет

Е.А.Ларин

З.В. Ивановский

Л.С. Окунева

Н.С.Иванов

А.С. Шишков

С. Серульников (Аргентина)

Х.Ф. Эстенссоро Сааведра (Чили)

Р. Ортис Перальта (Мексика)

Е. Бридыхина (Боливия)

**Москва
2017**

**ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL
CENTRO DE INVESTIGACIONES LATINOAMERICANAS**

**ALMANAQUE
HISTORICO
LATINOAMERICANO**

**№ 18
2017**

A.A.Schelchkov
(redactor principal)

CONSEJO DE REDACCION

E.A.Larin
Z.W. Iwanowski
L.S. Okuneva
N.S.Ivanov
A.S. Shichkov
Sergio Serulnikov (Argentina)
José Fernando Estenssoro (Chile)
Rina Ortiz Peralta (México)
Eugenia Bridikhina (Bolivia)

**MOSCU
2017**

ББК 63.3
Л 272

Л 272 Латиноамериканский исторический альманах,
№18. – М., ИВИ РАН, 2017. – 351 с.
Электронная версия: [http://latinoamericano.ucoz.ru;](http://latinoamericano.ucoz.ru;elibrary.ru)
elibrary.ru

ISSN 2305 -8773

© Институт всеобщей истории РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

И.Ю. Веселова¹
I.Yu. Veselova

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА КЛАВИХЕРО

ECONOMIC PROJECTS OF FRANCISCO JAVIER CLAVIJERO

Аннотация: В статье на базе исторических документов анализируются экономические проекты мексиканского философа и историка Франсиско Хавьера Клавихеро. Автор рассматривает их в контексте поздней колониальной эпохи, обращая особое внимание на специфику региона и характер отношений Новой Испании с метрополией. Идеи Клавихеро в определенной мере отразили настроения, царившие в креольской среде Новой Испании во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: Клавихеро, Новая Испания, колония, Мексика, иезуиты.

Abstract: The article analyzes the economic projects of Mexican philosopher and historian Francisco Javier Clavijero. The author considers it in the context of late colonial epoch and pays attention to regional features and character of relations between New Spain and metropolis. Clavijero's ideas reflected attitudes circulated in the Creole environment in New Spain in the XVIII century.

Keywords: Clavijero, New Spain, colony, Mexico, jesuits.

Франсиско Хавьер Клавихеро, мексиканский мыслитель, член ордена иезуитов, известен, прежде всего, как историк и философ, автор труда «Древняя история Мексики». Его исторические работы, заметки и письма дают нам ценные представления об

¹ *Веселова Ирина Юрьевна* – аспирант, Российский Университет Дружбы Народов. (Irina Veselova – postgraduate, RUDN)

определенной прослойке колониального общества, учитывая происхождение автора и его социальный статус.

Клавихеро родился в сентябре 1731 г. в Новой Испании в семье испанца и креолки². Поскольку его отец занимал одну из административных должностей, Клавихеро с детства контактировал с индейцами. В колледже он познакомился с работами своего предшественника, мексиканского мыслителя Карлоса Сигуэнсы-и-Гонгоры. Они во многом предопределили его увлечение мексиканской историей. В качестве преподавателя Клавихеро постоянно общался с молодежью, и как человек, увлеченный новыми философскими идеями, вел активную переписку с яркими представителями мексиканского просвещения.

Историографы долгое время обращали внимание лишь на его философские, исторические и теологические взгляды. Однако Клавихеро, как и многие его современники, демонстрировал знания в самых разных областях. В данной статье мы обратимся к его экономическим предложениям, которые представляют особый интерес в контексте отношений между латиноамериканскими колониями и испанской короной в поздний колониальный период.

Благодаря мексиканскому историку Мариано Куэвасу увидели свет две небольших работы Клавихеро, под названием «Товары, которыми торгует или может торговать Новая Испания» и «Полезные проекты для развития торговли Новой Испании»³. Точная дата их создания не известна. Они были написаны уже в Италии, куда Клавихеро попал после изгнания иезуитов из испанских владений в 1767 году, но до реформ Карла III в отношении колониальной торговли, проведенных в конце 70-х гг. Эти работы помогут нам составить представление об экономических взглядах автора, которые до этого момента отечественная и зарубежная историографии обходили стороной.

Для понимания цели и замысла Клавихеро обратимся к историческому контексту. В конце XVII – первой трети XVIII вв. наблюдалось ослабление власти испанской короны в ее колониальных владениях в Новом Свете. Королевская торговая

² Maneiro J.L., Fabri M. *Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII*. México, 1956. P. 121

³ Clavijero F.J. *Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España* // Cuevas M. *Tesoros documentales de México, siglo XVIII*. – México, 1944. – P. 363-387; Clavijero F.J. *Proyectos útiles para adelantar el comercio de la Nueva España* // Cuevas M. *Tesoros documentales de México, siglo XVIII*. México, 1944. P. 391-398

монополия, высокие пошлины на товары, коррупция, и другие негативные аспекты колониальной политики сдерживали развитие колониальной экономики и вызывали недовольство населения.

Испания ограничивала развитие промышленного производства в колониях, используя заморские земли как источник сырья и получая огромную прибыль при ввозе в них готовой продукции. Европейские технические достижения проникали в колонии очень медленно. Подобное положение дел сильно тормозило развитие обрабатывающей промышленности. Основными отраслями экономики Новой Испании в XVIII в. оставались горнодобывающая промышленность и плантационное сельское хозяйство. Местные торговцы вкладывали свой капитал в производство на экспорт. Колонии продолжали выполнять функции сырьевого придатка.

Все перечисленные факторы тормозили развитие капиталистических отношений в испанской Америке, однако на деле не исключали их появления. Ограничения со стороны Испании вызывали к жизни особые внутренние процессы в Латинской Америке. Запрет метрополии на торговлю с Европой и другими колониями с одной стороны сильно ограничивал экономическое развитие Новой Испании, но с другой, способствовал активному росту внутреннего мелкого производства, благодаря высокому местному спросу. Успешным примером стали ткацкие мануфактуры. Клавиhero отмечал, что ткани, произведенные в Пуэбле, были не хуже тех, что привозили из Барселоны⁴. Внутренний спрос в свою очередь был обусловлен ростом населения. Новая Испания являлась самым населенным регионом Испанской Америки. К началу XIX в. в ней проживало 44 % от общей массы жителей испанских колоний⁵. Избыточный продукт и развитие инфраструктуры обеспечили постепенный экономический подъем и развитие внутреннего рынка. И все же, капиталистические отношения в испанских колониях оставались на зачаточной стадии.

Такова была общая картина экономической жизни испанских колоний в середине XVIII в. Как же видел ситуацию Франсиско Клавиhero? Ответ на этот вопрос нам помогут дать упомянутые выше работы. Труд Клавиhero под названием «Полезные проекты для развития торговли Новой Испании» включает четыре основных

⁴ См.: Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 394

⁵ См.: Sanchez-Albornoz N. *La población de la América colonial española // América Latina en la época colonial*. Vol. 2. Barcelona, 2003. P. 31

и два дополнительных предложения по улучшению экономического положения колонии.

Первое предложение заключалось в создании навигационного пути, связывающего два океана⁶. Эта идея была сама по себе не нова. Предложения о строительстве канала впервые зазвучали еще в XVI веке, с того момента, как Васко Нуньес де Бальбоа пересек Панамский перешеек. Испанская корона была заинтересована в нем прежде всего из-за того, что он смог бы упростить транспортировку драгоценных металлов из Перу в метрополию. Уже в 1534 году Карл V повелел найти экспертов, которые должны были изучить возможности и стоимость создания такого канала, используя естественное русло реки Чагрес⁷. Однако проект так и не был реализован. Одной из первых причин стала потенциальная угроза со стороны французов и португальцев в этом регионе. Впоследствии к идее канала не раз обращались видные умы Европы и Америки.

Клавихеро отверг идею искусственно созданного канала, отмечая трудоемкость и дороговизну подобного предприятия. Вместо этого он предложил два естественных пути. Первый, располагавшийся на территории Никарагуа, вел от Гранады по реке Сан-Хуан до одноименного порта на побережье Атлантического океана. Второй пролегал от Теуантепека через реку Коацакуалькос до Мексиканского залива. По мнению Клавихеро, второй возможный путь имел определенные преимущества перед первым, такие как близость к Мехико и Веракрусу и простота в транспортировке из одной акватории в другую⁸. При этом главный недостаток состоял в том, что оба пути не подходили для навигации крупных кораблей, хотя сам автор не видел в этом проблем. Перевозка могла осуществляться на небольших судах с неизбежными переходами по суше.

Клавихеро также отметил перспективность региона Никарагуа и выразил сожаление по поводу того, что «так заброшена земля, которая могла бы принести столько выгоды»⁹. Автор неоднократно затрагивал тему пустоты и заброшенности перспективных районов. В этом плане заметки Клавихеро в очередной раз подтверждают

⁶ См.: Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 391

⁷ См.: Araúz C. A. *Un sueño de siglos: El Canal de Panamá* // *Revista Tareas* №. 123. Panamá, 2006. P. 2

⁸ См.: Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 392.

⁹ *Ibid.* – P. 392.

идею Фернана Броделя о наличии проблем в освоении и использовании земель в Латинской Америке, связанных с огромными пространствами и дикой природой¹⁰. Развивались лишь те регионы, в которых Испания была особо заинтересована как в источниках своего дохода. В описании городов и провинций Новой Испании, составленном Клавихеро, хорошо видна разница между районами в зависимости от их расположения и специализации. К примеру, рассказывая читателю о порте Акапулько, автор с грустью замечает: «насколько хорош порт, настолько царит разруха в самом поселении, где в домах из грязи и соломы живут мулаты»¹¹. Город оживал лишь с приходом галеона с Филиппин, который привозил пряности и другие ценные товары в Америку и уплывал, нагруженный мексиканским серебром. Таким образом, природа и география континента, а также экономические интересы колонистов во многом обусловили его историческое развитие.

Следующее предложение Клавихеро заключалось в развитии морской торговли Новой Испании вдоль побережья Тихого Океана¹². Доводы автора о преимуществах, которые этот шаг мог бы принести, сводились к следующему:

1) Защита берегов Тихого океана от враждебных действий английских пиратов. Тихоокеанские поселения испанских колоний действительно страдали от периодических нападений корсаров еще с того момента, как Френсис Дрейк, пройдя в 1578 г. через Магелланов пролив в Тихий океан и поднявшись вдоль побережья, разграбил ряд испанских поселений и кораблей. Но пиратство в этой части Нового Света никогда не достигало столь широких размахов, как на атлантическом побережье. Западное побережье Новой Испании было не слишком притягательным для пиратов. Главной целью обычно становились галеоны, идущие из Манилы¹³. Но затраты на снаряжение вооруженных экспедиций и трудности долгого пути зачастую обесценивали полученную добычу. С середины XVIII века вооруженные нападения в этом регионе полностью уступили место контрабандной торговле.

¹⁰ См.: Бродель Ф. Мировая цивилизация, экономика и капитализм. Т. III. Время мира. М, 2007. С. 398-400.

¹¹ Clavijero F.J. Descripción de la ciudad de La Puebla de los Ángeles o Angelopolis // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 346.

¹² Clavijero F.J. Proyectos útiles. P. 393.

¹³ См.: Герхард П. Пираты Новой Испании (1575-1742). М, 2004. С. 236-237.

2) Упрощение транспортировки необходимых товаров в отдаленные провинции, такие как Сонора, Синалоа и другие. Из-за отсутствия морского пути транспортировать товары приходилось на мулах на расстояние свыше 400-500 лиг, что влекло за собой серьезные расходы. Здесь следует оговориться, что указанные провинции представляли для Клавихеро особый интерес, как для члена Ордена иезуитов. Во многом благодаря им были освоены земли Калифорнии. Более того, Клавихеро посвятил этому направлению деятельности Ордена вторую по масштабности из своих работ – «Историю древней или нижней Калифорнии»¹⁴. Недаром, предложив проекты по развитию торговли Новой Испании, он вынес этот регион в отдельный раздел, к которому мы обратимся чуть позже.

3) Коммуникация с Филиппинами для сообщения важной информации, к примеру, о начале войны или заключении мира. Этот довод был тесно связан с ограничениями и запретами в сфере торговых отношений между колониями. Само предложение о стимулировании торговли вдоль тихоокеанского побережья отразило потребность растущего населения колоний в развитии внутренних и межрегиональных экономических отношений.

Третье предложение Клавихеро состояло в восстановлении торговли между Новой Испанией и южноамериканскими колониями, которая была запрещена из-за жалоб испанских торговцев¹⁵. Запрет повредил экономике обеих регионов. Сильно пострадала Пуэбла: «Сегодня невозможно пройти по улицам того большого и густо населенного города, не столкнувшись с уроном, который нанесла нужда»¹⁶. Внося это предложение, автор подчеркнул, что есть много товаров, которыми могут торговать между собой регионы, не нанося при этом вред торговле Испании. Из-за ограничений и запретов со стороны метрополии в межатлантической и межколониальной торговле стремительно рос контрабандный обмен товарами. При этом контрабанда вредила испанской казне не меньше, чем повредил бы внутренний обмен между колониями.

В своей небольшой работе «Товары, которыми торгует или может торговать Новая Испания» Клавихеро составил подробный список продукции региона. Основным товаром на экспорт было

¹⁴ См.: Clavijero F.J. Historia de la antigua o baja California. México, 1975.

¹⁵ См.: Clavijero F.J. Proyectos útiles. P. 393.

¹⁶ Ibid. P. 394.

минеральное сырье: золото, серебро, драгоценные камни и, в меньшей степени, различные металлы. Помимо этого, вывозилась различная сельскохозяйственная продукция: какао, хлопок, ваниль, сахар, табак и т.д. В этой работе Клавихеро также неоднократно сетовал, что главным препятствием для развития производства и торговли тем или иным товаром чаще всего становился запрет короны, «которая не хочет вредить европейской торговле»¹⁷. Ключевыми проблемами, кроме ограничений со стороны метрополии, становились некомпетентность колониальных чиновников, ошибки в ведении хозяйства и отсутствие стимулов для развития производства.

Четвертое предложение Клавихеро представляется особо интересным в рамках расцвета мексиканского Просвещения. Оно заключалось в назначении премий изобретателям различных полезных механизмов, тем, кто способствовал развитию искусств и ремесел, улучшал инфраструктуру и другим энтузиастам¹⁸. Отсутствие материального поощрения со стороны властей было одной из причин медленного развития науки и технологий, приносящих пользу обществу. Само по себе такое предложение выглядело новаторским, но вполне соответствующим духу просвещения в Новой Испании. На официальном уровне в колледжах и университетах передача знаний происходила при строгом соблюдении традиционного подхода и скептическом отношении ко всему новому. Распространение передовых идей современников в основном осуществлялось в частной среде, где большую роль играли личные библиотеки. Книги, многие из которых попали в Новый Свет контрабандным путем из-за своего содержания, передавались из рук в руки. Во второй половине XVIII в. к персональному интересу в отношении науки добавилась идея о преобразовании общества с помощью «полезных технологий»¹⁹. Возникло стремление к применению знаний на практике. Клавихеро предложил преодолеть существующие барьеры путем материального поощрения.

¹⁷ Clavijero F.J. Frutos en que comercia o puede comerciar la Nueva España // Cuevas M. Tesoros documentales de México, siglo XVIII. México, 1944. P. 366.

¹⁸ Clavijero F.J. Proyectos útiles. P. 394.

¹⁹ Saldaña J.J. Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. – Madrid, 1995. P. 29.

Отдельный проект Клавихеро посвящен мексиканской провинции Сонора, уже упомянутой ранее²⁰. Эта провинция была богата залежами золота и серебра. Однако власти не извлекали из нее той пользы, которую она могла бы принести. Главными факторами здесь были низкая концентрация населения, набеги апачей и других диких индейских племен, а также отсутствие ртути. Ее приходилось везти из Мехико, что требовало больших затрат и делало нерентабельным добычу серебра.

Медленное заселение северных земель Новой Испании, сопряженное с рядом проблем, частично перечисленных Клавихеро, возвращает нас к мысли о важности географического фактора в освоении американского континента. О многом говорит тот факт, что северные районы Мексики фактически не были освоены даже к середине XIX века. Фернан Бродель подчеркивал, что Европе «потребовались столетия, чтобы воспроизвести себя на другой стороне Атлантики»²¹. С медленным освоением огромных территорий связано позднее формирование региональных рынков. Их очертания проявились лишь к концу XVII вв. Однако уже в XVIII столетии в Новом Свете наблюдалось смещение торговой активности из центральных районов к периферийным, приграничным зонам. Проекты Клавихеро в некоторой мере отразили эти процессы. Автор призывал обратить внимание на малонаселенные районы (Сонора, Синалоа, Никарагуа и др.), к которым начинали проявлять интерес не только миссионеры, но и предприниматели.

Для улучшения положения региона Сонора Клавихеро предложил выращивать там лен и коноплю для изготовления пеньки²². Такой выбор был обусловлен благоприятными климатическими условиями. Однако существовал запрет на выращивание в колониях льна, винограда и других культур, которые могли бы навредить экономике Испании. В случае снятия такого ограничения культивация этих растений принесла бы большую выгоду провинции и привлекла бы предпринимателей и работников. Клавихеро подчеркивал, что в данной ситуации, во избежание вреда собственной торговле, Испания могла запретить Новой Бискайе торговать указанными товарами с другими провинциями.

²⁰ См.: Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 395.

²¹ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. С. 398.

²² См.: Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 396.

Помимо этого, Клавихеро осторожно отметил, что Филиппины могли бы снаряжать раз в два-три года галеон в эту провинцию, помимо того, который ежегодно прибывал в Акапулько²³. Такое предложение создавало бы прецедент для расширения межколониальной торговли. Поэтому Клавихеро в том же абзаце поспешно указал, что данное предприятие могло принести пользу не только упомянутой провинции, но также Филиппинам и испанской Короне.

Последнее предложение Клавихеро по улучшению экономического положения Новой Испании заключалось в развитии науки и техники. В нем автор рассуждал о том, почему следовало разрешить использование в Новой Испании технологий, которые могли принести пользу колонии, но были запрещены метрополией. В связи с этим Клавихеро сформулировал ключевой вопрос: «до какой степени должна доходить зависимость Новой Испании от Старой». Сам автор, указывая сложность проблемы, ссылаясь на то, что недостаточно владеет материалом для ответа. Однако Клавихеро был убежден, что нельзя запрещать технологии первой необходимости, а также те, «чье отсутствие больше способствует преимуществу иностранцев, чем нашей собственной нации»²⁴. Этот фрагмент свидетельствует о зарождавшемся в креольской среде национализме. Здесь мы видим четкое разделение на «своих» и «чужих». Автор осознавал свою принадлежность к обществу Новой Испании, которое он отделял от других обществ.

Несомненно, экономические интересы оказали основополагающее значение в сопротивлении метрополии. Однако в том, что это сопротивление приняло национальные формы, особую роль, по мнению Б. Андерсона, сыграли «креольские паломники-функционеры и провинциальные креольские печатники»²⁵. С печатью, столь важной для обмена информацией, в Новой Испании были сопряжены определенные проблемы, одной из которых стало отсутствие необходимой техники. В качестве примера Клавихеро привел производство литейных форм для книгопечатания²⁶. Те, что привозились из Европы, стоили баснословных денег. В результате, стоимость печати многократно

²³ Ibid. P. 396.

²⁴ Ibid. P. 397.

²⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 88

²⁶ Clavijero F.J. *Proyectos útiles*. P. 397.

возрастала. Кроме того, сама бумага оставалась дорогим товаром. Однако здесь следует оговориться, что в передовых отраслях, в развитии которых была заинтересована Испания, новые технологии все же внедрялись. Пример тому – активно развивавшаяся в XVIII в. горнодобывающая промышленность.

Клави́херо также отмечал, что нельзя запрещать технологии, «отсутствие которых дает преимущество небольшому числу американцев или отдельным городам и социальным группам»²⁷. В этом предложении отразилась идея о социальной справедливости, характерная скорей для сторонников гуманизма, чем для креольской среды в целом.

Проанализировав все предложения автора, мы еще раз обращаем внимание на то, что их лейтмотивом являлось развитие внутренней экономики региона. Безусловно, Клави́херо, как уроженец Новой Испании, ратовал, прежде всего, за ее благополучие и представлял ее торговые интересы. При этом все проекты автора, так или иначе направленные на развитие внутреннего рынка и коммуникаций между районами, были сделаны с оговорками на то, что они не должны повредить экономике метрополии.

Были ли воплощены в жизнь эти идеи? Частично, да, но без участия автора. Проекты Клави́херо были его личными заметками, которые он никогда не предоставлял публике или чиновникам. Однако в них воплотились чаяния многих жителей Новой Испании, стремившихся к ослаблению экономического давления метрополии.

Толчком к переменам в застоявшейся системе межатлантической торговли стала семилетняя война 1756-1763 гг. в Европе, поглотившая львиную долю колониальных доходов Испании. Чтобы получить максимальную выгоду от своих заморских колоний, Испании следовало, прежде всего, вернуть контроль над колониальной администрацией. Реформы, подготовка которых была начата еще при Фердинанде VI, были предприняты уже после восшествия на престол Карла III в 1759 году. В колониальные администрации были отправлены чиновники испанского происхождения, увеличилось число военных, которые не только должны были защищать Новую Испанию от нападений других государств, но и подавлять народные выступления внутри вице-королевства.

²⁷ Ibid. P. 397.

В 1778 г. был принят новый торговый регламент, позволивший колониям в Америке торговать между собой, а их основные порты были открыты для торговли с метрополией и иностранными колониями. Эти шаги привели к краткосрочному расцвету колониальной торговли. За одно десятилетие после принятия регламента колониальный экспорт вырос в три раза²⁸. Политика меркантилизма, проводимая метрополией, принесла свои плоды. Но, несмотря на быструю и впечатляющую экономическую трансформацию испанской Америки благодаря импорту рабов и развитию горнодобывающей отрасли, технологическая база этого развития продолжала оставаться полностью традиционной²⁹. Кроме того, если рассматривать расцвет эпохи Бурбонов в международном плане, то торговое оживление колоний во второй половине XVIII века смотрится не столь ярко.

Рассмотренные выше предложения Клавихеро представляют для нас особую ценность, поскольку отражают точку зрения человека, родившегося в Новом Свете и смотревшего на все политические и экономические события эпохи глазами латиноамериканца. Помимо сведений о том, какие экономические проблемы волновали население Новой Испании, работы автора дают нам представление о креольском взгляде на эти проблемы, и свидетельствуют о зарождении мексиканского национализма.

Экономические взгляды Клавихеро не были радикальными, за исключением нескольких особенностей, на которые мы обратили внимание выше. В целом в его работах отразились общие настроения, царившие в креольской среде Новой Испании во второй половине XVIII века. Несмотря на то, что многие из предложений Клавихеро были частично реализованы испанской короной, они принесли лишь кратковременное улучшение обстановки в Испанской империи. Внутри колоний уже начались необратимые процессы, ведущие к завоеванию независимости.

Библиография

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении

²⁸ См.: Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge, 1984. P. 415.

²⁹ Ibid. P.425.

- национализма. – М: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
- Бродель Ф.* Мировая цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. III. Время мира. – М: Весь мир, 2007. – 732 с.
- Герхард П.* Пираты Новой Испании (1575-1742). – М.: Центрполиграф, 2004. – 240 с.
- Araúz C.A.* Un sueño de siglos: El Canal de Panamá // Revista Tareas №. 123. – Panamá: CELA, 2006.
- The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Cuevas M.* Tesoros documentales de México, siglo XVIII. – México: Galatea, 1944.
- Clavijero F.J.* Historia de la antigua o baja California. – México: Porrúa, 1975. – 243 p.
- Maneiro J.L., Fabri M.* Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. – México: UNAM, 1956. – 292 p.
- La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. – Madrid: Ediciones Doce Calles S.L., 1995.
- América Latina en la época colonial. Barcelona: Crítica, 2003.

*И.В. Селиванова*³⁰
I.V. Selivanova

ТОРГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕХИКО И ВЕРАКРУСА В КОНЦЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА: ПАРТНЕРСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ

THE TRADE ORGANIZATIONS OF MEXICO AND VERACRUZ AT THE END OF THE COLONIAL PERIOD: PARTNERSHIP AND COMPETITION

Аннотация: Статья освещает процесс формирования торговых организаций торговцев в Мехико и Веракрусе. В центре внимания оказываются вопросы структуры торговых организаций, социального состава торговцев, рассматриваются взаимоотношения столичных торговцев с купцами Веракруса. В статье освещается процесс постепенной потери консуладо Мехико своего монопольного положения в конце колониального периода и создание новых консуладо в Веракрусе и Гвадалахаре. Автор показывает соперничество столичных торговцев с торговыми представителями Веракруса в период реформирования торговой системы вице-королевства.

Ключевые слова: торговая система флотилий, торговая монополия, консуладо, кабильдо, пенинсуларес, креолы, алькабала, аверия, Мехико, Веракрус.

Abstract: This article analyzes the process of forming trade organizations of merchants in Mexico City and Veracruz. The author focuses on the social structure of trade organizations (consulados). The article deals with the relationship of

³⁰ *Ирина Валентиновна Селиванова* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. *Irina Selivanova* - investigator of the Institute of World History.

merchants of Mexico City to merchants of Veracruz. The author explores partnership and the competitive struggle of merchants of Mexico and Veracruz and process of loss of monopoly position of the capital consulado.

Keywords: consulado, New Spain, Mexico, Veracruz, trade organizations, the competitive struggle of merchants, the monopoly position of the capital merchants.

Организуя торговые связи со своими владениями в Новой Свете, испанская корона создала строго регламентированную торговую систему, которая должна была обеспечить метрополии контроль за колониями. В начале XVI в. были сформированы первые институты колониальной торговой системы – Торговая палата в Севилье в 1503 г. и в ее рамках консуладо в 1543 г. Консуладо представляло собой купеческую гильдию, защищавшую интересы крупных испанских торговцев в Испанской Америке. Они создавались по образцу первых торговых корпораций в Испании, где в XV веке было организовано консуладо или Universidad de los Cargadores de las Indias, который разрешал споры между торговцами Бургоса (учреждено в 1494 г.) и Бильбао (создано в 1511 г.). В результате соперничества были созданы два торговых дома в обоих городах.

Традиция создания консуладо была перенесена в Испанскую Америку, где торговые организации были организованы в наиболее важных для торговли городах. Декретом от 15 июня 1592 года торговцы в Мехико получили разрешение на создание консуладо. И через два года его учредили. В Лиме консуладо было организовано в 1613 году. После того как в XVIII веке консуладо Севильи утратило монопольное значение в торговле с Новом Свете, лидирующие позиции в трансатлантической торговле заняли консуладо Мехико и Кадиса.

Почти на протяжении всего колониального периода право на создание консуладо имели только крупные столичные торговцы. Отчасти это объясняется численным превосходством столичных торговцев. Так, в период с 1790 по 1799 гг. численность торговцев в Мехико достигала 1384 человек, в Веракрус – 441 человек. В других городах их насчитывалось гораздо меньше: в Мериде - 321, Оахаке – 229, Синалоа 191, Соноре – 64, в Дуранго – 33³¹.

³¹ Booker. Jackie R. Veracruz merchants 1770-1829. Boulder etc. Westview press. 1993. P. 9.

Так же как и в самой метрополии, консуладо в колонии являлось корпоративным институтом, принадлежность к которому обеспечивала его членам привилегированные позиции в торговле. Каждое консуладо имело свою структуру из одного приора и двух консулов.

Декрет о создании консуладо узаконивал создание новой торговой системы, вводимой в Новой Испании, стержнем которой оно и было. С самого начала создания торговых отношений в Новой Испании, прибывавшие в страну испанские торговцы действовали в рамках создаваемой монопольной торговой системы. Этим объясняется благоприятное положение консуладо, которое пользовалось поддержкой вице-короля и администрации метрополии. В некоторых случаях на откуп консуладо передавался даже сбор алькабалы в столице. Так было с 1644 по 1661 гг., с 1673 по 1676 гг., с 1694 по 1753 гг. Постоянным источником доходов консуладо был сбор аверии, налога на все товары, ввозимые в Новую Испанию. Этот налог направлялся на поддержание деятельности торговой организации.

Функции консуладо сводились к контролю за торговой деятельностью, определением размеров пошлин и цен, организацией отправки товаров на экспорт, регистрацией ввозимых товаров. Кроме того консуладо осуществлял административно-судебные функции, такие как разбирательство по тяжбам в области торговли, руководство общественными работами в городе Мехико и его округе, надзор за состоянием дорог и чистотой городских площадей. В конце XVIII в. после осуществления реформ «свободной торговли» консуладо Мехико проводило многочисленные общественные работы, направленные на благоустройство столицы, стараясь доказать правительству свою лояльность. С 1767 по 1789 гг. на средства столичной торговой организации были построены госпиталь, тюрьма, психиатрическая лечебница, центральная таможня. Завершилось строительство главного столичного осушительного канала Уэуэтока, которое обошлось консуладо в огромную сумму в 800 000 песо³². Во многом такое поведение консуладо объяснялось надеждой на поддержку столичного городского совета – кабильдо. В начале XVII в. около 75% состава кабильдо столицы были крупными

³² Brading D.A. *Mineros y comerciantes en el México Bourbonico, 1763-1810*. México. 1975. P. 159.

торговцами, поэтому неудивительно, что кабиљдо отстаивало интересы консуладо.

Консуладо выражало интересы прежде всего крупных торговцев. Членами этой организации согласно изданному в 1594 году орданансу, могли быть торговцы вице-королевства, не моложе 25 лет, женатые, имевшие собственность в городе Мехико. Им запрещалось владеть мелкими торговыми лавками и заниматься ремеслами³³. Это говорит о том, что членами консуладо могли быть только крупные торговцы столицы, уроженцы Испании и богатые креолы. Метисы и индейцы, владельцы небольших лавок и прилавков (*tienda mestiza*) и уличные коробейники (*cajón de mercaderías*), не могли согласно условиям приема в консуладо стать его членами. Следовательно в порядке приема в столичную торговую организацию соблюдался общий принцип колониального общества Испанской Америки – расовый критерий. Таким образом, консуладо представляло собой монопольную привилегированную структуру, доступ в которую имели лишь представители высших каст.

Численность членов консуладо с точностью определить на представляется возможным, полных списков всех его членов не сохранилось. В архиве консуладо имеются лишь протоколы некоторых генеральных хунт, списки вновь вступивших в гильдию, а также списки административных чиновников. Согласно наиболее полным спискам в протоколах консуладо числилось в 1763 году 60 членов, в 1768 – 74, в 1771 - 83 человека. Эти данные могут рассматриваться как приблизительные данные о количестве участников консуладо. В созданное в конце XVIII в. консуладо Веракрус входило в 1821 году 37 членов, через год 34 торговца³⁴.

О происхождении членов столичного консуладо говорит список 1753 года. Так, испанскую провинцию Сантандер представляли 16 торговцев, Гипускоа – 5, Бискайя – 7, Логронья – 6, Овьедо – 5, Наварру – 1, Сория – 1, Луго -2, Ла Корунья – 1, Бахадос – 1, тоledo – 1, Мурсия – 1, Севилья, Кадис, Уэлва – 6 и, наконец, 6 человек представляли город Мехико и 2 торговца происходили из Филиппин³⁵. Таким образом, испанские уроженцы составляли

³³ Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamerica, 1493-1810. Madrid, 1953-1962. V. I. T. I. P. 14.

³⁴ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 136.

³⁵ Documentos para la historia economica colonial. Viajes e informes. Por Arellano Moreno. Caracas, 1970. P. 489.

абсолютное большинство в консуладо. При этом стоит отметить, что в торговую корпорацию, видимо, в некоторых случаях могли входить иностранные торговцы, которые осуществляли свою деятельность в колонии. Об этом говорит тот факт, что после начала англо-испанской войны в 1796-1808 гг. из консуладо Веракурса были удалены три члена, которые являлись неиспанскими купцами. В основном они были итальянцы.

Процесс вхождения в консуладо подвергался строгой регламентации. Для того чтобы стать членом консуладо, торговец должен был подавать прошение специальным чиновникам гильдии – калификадорес (calificadores). Это происходило раз в два года в последнюю декаду декабря. Подготовленные списки кандидатов представлялись для окончательного решения главным административным лицам консуладо – приору и консулам.

Креолы, входившие в консуладо, обычно не избирались на высшие административные должности. Нам удалось обнаружить данные о том, что только два консула и один приор были креолами. В консуладо Веракурса была похожая ситуация - только один креол занимал пост приора между 1795 и 1821 гг. Такая политика в отношении местных торговцев обусловила возникновение серьезных противоречий между креольскими и испанскими купцами, которые особенно усилились после введения режима «свободной торговли». До этого времени испанские торговцы имели более выгодные экономические позиции, чем креольские купцы. Многие уроженцы метрополии имели прямые контакты с Испанией через своих родственников в Севилье и Кадисе. Эти непосредственные связи и знания торговой конъюнктуры позволяли им контролировать всю внешнюю торговлю Новой Испании.

Порядок выборов приора и двух консулов Консуладо был определен в 1593 году и сохранился до принятия нового регламента организации в XVIII в. Выборы в консуладо были фактически двухстепенными: внутри консуладо выбирались 30 самых состоятельных торговцев, они уже избирали приора, консулов и депутатов на два года. Кроме приора и консулов в консуладо избирались депутаты. Ряд депутатов консуладо имели постоянные обязанности, например, контроль за деятельностью ярмарок в Халапе.

В 1742 году был принят новый регламент выборов в консуладо. Новый регламент должен был обеспечить регулярную сменяемость

приоров, консулов и депутатов, а также ослабить монополично замкнутый характер этой категории должностных лиц.

Противоречия существовали не только между креольским и испанцами торговцами, но и среди самих испанских купцов. Из испанцев, входивших в столичное консуладо в 1753 году, 44 человека происходили из северных провинций Испании, что говорит о том, что в купеческой гильдии наиболее сильные позиции принадлежали северянам. Именно жители этих провинций в самом начале стали инициаторами создания консуладо в Новой Испании и до конца колониального периода прочно удерживали господствующие позиции в торговле вице-королевства. Острая конкурентная борьба пронизывала всю торговую структуру. Вскоре внутри столичного консуладо сформировались две враждующие группировки торговцев: монтаньесес (*montañeses*) и баски (*vascos, vizcaínes*). Первоначально эти группировки состояли только из испанцев, позже к ним примкнули и креолы. Торговцы сели борьбу за первенство внутри консуладо.

Для того чтобы остановить соперничество, иногда принимавшее форму открытого противостояния, был принят регламент консуладо 1742 года, который обеспечивал равное положение членам обеих групп. По новому регламенту одна группа выбирала приора, консула и двух депутатов, другая – второго консула и трех депутатов, последняя переизбирала одного из консулов через год и выбирала по истечении срока приора.

Торговцы Мехико, располагавшие крупными капиталами, совершали поездки в морские порты и закупали там большие оптовые партии товаров, руководили ярмарками в Акапулько, Веракрус и Мехико. До начала XVIII в. ярмарка испанских и европейских товаров проводилась в Мехико, куда товары, прибывшие через Веракрус, должны были привозить сами севильские торговцы с учетом всех транспортных издержек. Столичные торговцы нередко вынуждали кадисских торговцев сбывать свой товар по бросовым ценам. Такая ситуация не устраивала торговцев метрополии, в связи с чем они настояли на переносе ярмарки ближе к побережью в город Халапу, который находился на полпути от Веракруса к Мехико. Королевский указ от 1720 года впервые поставил под угрозу монопольное положение столичных торговцев, ярмарка была перенесена в Халапу, и все

товары, ввезенные в Новую Испанию через порт Веракрус, отныне должны были продаваться в пределах этой ярмарки³⁶.

С самого начала создания системы флотилий в Новой Испании порту Веракрус в ней отводилась особая роль. В него прибывали все товары, направляющиеся для дальнейшего распространения по территории вице-королевства. При этом следует отметить, что долгое время Веракрус несмотря на ту роль, какую он играл в торговой системе, оставался небольшим городом с немногочисленным населением. В момент прибытия испанского отряда под командованием Эрнана Кортеса в 1519 году было основано небольшое поселение под названием La Villa Rica de la Vera Cruz (Богатый порт Животворящего креста), который вскоре стал самым крупным портом Новой Испании на Атлантическом побережье. В силу неблагоприятного для европейцев влажного и очень жаркого климата, который также характеризовался периодическими проливными дождями летом, европейцы страдали от частых лихорадок. Так, по свидетельствам итальянского путешественника XVII века Франсиско Джемелли Каррери, посетившего город в 1697 году, он представлял собой небольшое поселение с немногочисленным испанским населением, что вызывало у путешественников справедливое удивление тем, как мог Веракрус выполнять функции самого важного торгового форпоста Новой Испании³⁷.

Начиная с XVII века Веракрус начинает играть серьезную роль в качестве связующего звена в транспортной инфраструктуре Новой Испании, связывая между собой рынки Пуэблы, Мехико, Сакатекаса, Гуанахуато. При этом следует отметить, что несмотря на то, что все товары из Испании поступали в вице-королевство именно через Веракрус, сам порт долгое время не имел регулярных торговых связей с регионами и поступление туда товаров происходило через Мехико. Хотя крупные оптовые торговцы Веракруса распространяли товары по всему вице-королевству, тесные торговые связи у него были с городами Пуэбла, Оахака, Мехико, Гуанахуато, Валльядолид, Гвадалахара, Патскуаро и Керетаро. Главными статьями экспорта из порта Веракруса на протяжении всего колониального периода оставались сахар, муку, хлопок, фрукты, кошениль, шелк. Согласно данным Гумбольдта

³⁶ Ortiz de la Tabla D. Comercio exterior de Veracruz 1778-1821. Sevilla, 1978. P.145.

³⁷ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 1.

экспорта сахара в 1802 году достиг 1500000 песо. Асьенды Пуэблы, Тласкалы и Керетаро выращивали хлопок для экспорта из порта. Важное значение в экспорте занимало серебро, которое ввозилось в Веракрус из Сакатекаса, Гуанахуато и других горных регионов. Торговля именно этими товарами находилась в руках испанских купцов.

Кроме того, Веракрус представлял собой крупный центр работоторговли – за период с 1519 по 1660 гг. на рынке города было продано 120 000 африканских рабов, т.е. 2/3 всех отправленных в Испанскую Америку рабов попадали в Новую Испанию через порт Веракрус. За период с 1550 по 1807 гг. около 200000 рабов были посланы в Мехико через порт Веракрус³⁸. В интервале между 1716 и 1739 гг. в Веракрус прибыло 42 корабля из Испании с черными рабами, которых насчитывалось 3011 человек.

Перевозка товаров превращалась в серьезное испытание для торговцев. На провоз товаров от Веракруса до Мехико на повозках с волами в среднем уходило около двух недель во время хорошей и сухой погоды. Длительность перевозки возрастала до пяти недель во время дождей³⁹.

Несмотря на важное экономическое значение порт долгое время отставал в развитии от других городов Новой Испании. Так, такие города как Пуэбла, Гвадалахара, Оахака, Халапа, расположившись на важных внутренних торговых путях, довольно быстро превратились в достаточно крупные города. В среднем рост населения Веракруса во второй половине XVIII составлял 2%. В период с 1803 по 1824 год общая численность жителей Веракруса составляла следующее число: по данным Александра Гумбольда в 1803 году – 16000, в соответствии с данным трибунала консуладо в 1805 году – 15000, согласно данным английского путешественника Вильяма Баллока в 1824 году – 7000 человек⁴⁰. Медленный прирост населения Веракруса в некоторой степени объясняется плохим климатом города и частыми эпидемиями, которые поражали прежде всего испанское население. Наиболее известные, очень сильные эпидемии происходили в 1648 г., в 1785, 1797-1798 гг., между 1802 и 1804 гг. и опять в 1814.

По численности белого населения Веракрус уступал Мехико примерно в десять раз. Так, число испанцев, проживающих в 1595

³⁸ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P.11.

³⁹ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 30.

⁴⁰ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 7.

году в Мехико, составляло около 40000 человек, а в Веракрусе только 4000 человек. В конце колониального периода в 1791 г. в Веракрусе численность белых практически не изменилась и составляла 3961 человек.

На протяжении XVI и XVII вв. вся торговля в Новом Свете находилась под контролем исключительно трех консуладо: в Севилье, в Мехико и Лиме. Однако в конце колониального периода, после проведения реформ торговой системы колоний, появилась тенденция создания новых торговых организаций, что говорило об изменении экономической политики и торговой системы в целом. В это время возникли консуладо в Маниле (1769), Каракасе (1793), Гватемале (1793), Буэнос-Айресе (1794), Гаване (1794), Картахене (1795), Чили (1795). Также новые консуладо были созданы во многих городах Испании: в Коруньи (1785), Сантандере (1785), Аликанте (1786)⁴¹.

Особенно активно консуладо столицы боролось против создания новых торговых гильдий в других городах вице-королевства, поскольку их создание означало бы потерю для консуладо Мехико монопольного положения в торговле. В 1775 г. торговцы Веракруса Франсиско Ириате, Симон де Агреда, Хуан Антонио Эррера и Эстевае Хосе Морено написали вице-королю Мартину де Майорга с просьбой разрешить им создать собственную торговую корпорацию. Они описывали злоупотребления, которые были в консуладо столицы. В качестве одного из аргументов называлась плохая оборона порта Веракруса, на которую, несмотря на важное значение гавани, столичные торговцы не выделяли достаточно денег. Обращения торговцев Веракруса начались с 1780-х годов.

Стараясь усилить свое влияние, столичное консуладо в начале XIX в. создало депутации в других городах Новой Испании - Орисабе, Пуэбле, Вальядолиде, Оахаке, Керетаро, Гуанахуато, Акапулько, Толуке, многие из которые перестали действовать только во время Войны за независимость.

В 1781 г. 26 торговцев Веракруса через визитадора Гальвеса просили испанское правительство разрешить им учредить консуладо. Их послание основывалось на «Регламенте о свободной торговле 1778 г.» (*Reglamento para el comercio libre de España*), согласно которому признавалось важным создание торговых

⁴¹ Mantecón Souto M. Creación y disolución de los consulados de comercio de la Nueva España. P. 25.

консуладо в соответствии с Законами Индий. Торговцы Веракруса называли серьезные доводы в пользу создания новой торговой организации. Они отмечали: важность порта Веракрус для вице-королевства; указывали на его значение для транзитной торговли в Америке; неудобства, которые испытывали торговцы, в силу большого расстояния между Веракрусом и Мехико; невежество членов консуладо Мехико в вопросах морской торговли; невозможность для столичного консуладо оперативно реагировать на кораблекрушения и морские происшествия, которые происходили недалеко от порта. Стоит отметить, что несмотря на то, что торговцы Веракруса ссылались на Регламент о свободной торговле, говоря о важности создания консуладо, в самой статье 53 Регламента речь шла лишь о возможности организации новых торговых организаций в самой Испании⁴².

С похожей просьбой о создании торговой организации выступали купцы других городов и провинций вице-королевства Новая Испания. Так, в 1784 г. манильские торговцы просили разрешения создать в Маниле консуладо, и в 1785 г. была организована *Real compania de Filipines*. Позже торговцы Кампече также просили, чтобы им позволили создать независимую организацию от консуладо Веракруса. В 1791 г. 48 торговцев Гвадалахары также направили прошение в Испанию о создании в их городе торговой гильдии.

В 1787 г. в Веракрусе было создано «Экономическое общество друзей отечества», члены которого также активно поддерживали идею организации консуладо. В 1789 г. их просьбу поддержал интендант Веракруса, и, наконец, в этом же году вице-король Ревильяхихедо направил петицию торговцев Веракруса в Совет Индий. Но в силу ещё сохранившегося влияния консуладо Мехико, которое через своего представителя в Совете требовало защиты интересов столичных торговцев, создание нового консуладо было отложено. 28 апреля 1794 г. консуладо Мехико отправило в Испанию протест против создания новых торговых организаций⁴³.

Вице-король Ревильяхихедо в отчете за 1792 г. обвинил столичное консуладо в желании подчинить экономические интересы страны своей собственной выгоде. Он призывал если не к

⁴² Mantecón Souto M. Creación y disolución de los consulados de comercio de la Nueva España. P. 27.

⁴³ Hamnett B.R. Politics and trade in Southern Mexico 1750-1821. Cambridge, 1971, P. 100.

отмене этой организации, то по меньшей мере, к созданию похожих институтов, способных к активным действиям, в других городах вице-королевства.

Следует отметить, что отношение администрации вице-королевства к вопросу создания новых торговых организаций было неоднозначным. Если вице-король Ревильяхихедо поддерживал предложения торговцев Веракруса и критиковал консуладо Мехико за стремление препятствовать развитию транспортной инфраструктуры колонии, то его преемник вице-король Маркес де Брансифорте занял противоположную позицию, и он выступал против создания новых торговых организаций в колонии и даже просил ликвидировать созданные консуладо в Веракрусе и Гвадалахаре.

17 января 1795 г. и 6 июня 1795 г. были изданы королевские указы, разрешавшие создание консуладо в Веракрусе и Гвадалахаре⁴⁴. В 1821 году консуладо было создано в Пуэбле. Это означало потерю для столичного консуладо монопольного положения в торговле. Консуладо Мехико теряло юридическую власть как единственная судебная организация по торговым тяжбам и спорам. Юрисдикция консуладо Гвадалахары распространялась на Новую Галисию. Торговая гильдия Веракруса имела постоянную депутацию в Халапе. Полномочия консуладо Веракруса распространялись на сам город, на поселения Тлаликскойан, Тлакоталпан, Медельин, Альварадо и Бока дель Рио, а также на город Халапу⁴⁵.

Консуладо Веракруса удалось усилить свои позиции и влияние в вице-королевстве, что отчетливо видно по результатам спора из-за строительства в начале XIX в. новой дороги от Веракруса до Мехико. Крупные торговцы Мехико настаивали, чтобы дорога проходила через город Орисабу, члены же консуладо Веракруса хотели, чтобы дорога шла через Халапу, поскольку именно в этом районе были сильны их позиции, и они поддерживали отношения с местными торговцами. В результате долгих споров, вновь прибывший в Новую Испанию вице-король Хосе Итурригарай (1803-1808 гг.) поддержал консуладо Веракруса и одобрил строительство дороги через Халапу.

⁴⁴ Smith R.S. The institution of the Consulado in New Spain. // *HAHR*. 1944, Vol. 24. P. 77.

⁴⁵ Mantecón Souto M. Creación y disolución de los consulados. P. 27.

Члены консуладо Веракруса, также как и крупные торговцы Мехико, имели серьезное влияние в администрации города, нередко входили в кабильдо. Иногда до половины численности городского совета составляли члены консуладо. Так, в 1821 году в кабильдо входили крупные торговцы Веракруса Хосе Игнасио де Кос, Мартин Мария де Кос, Педро Мигель де Эчеверриа, Антонио Гонсалес де Эчеверриа. Среди членов консуладо Веракруса выделялись три секретаря этой организации - Висенте Басарде, Хосе Донато де Аустриа, Хосе Мария Кирос. Ими были написаны интересные источники по деятельности консуладо. Поскольку в обязанности секретаря входила подготовка ежемесячного баланса о торговой деятельности консуладо так называемые *Balanzas*. Позже эти отчеты начали публиковаться. Некоторые такие отчеты легли в основу работы Хосе Мари Кироса под названием «Статистические данные о Новой Испании в начале XIX в»⁴⁶.

Будучи членами кабильдо торговцы способствовали благоустройству города. К концу XVIII в. Веракрус превратился в благоустроенный город со школами, больницами и газетами. Основанная в Веракрусе частная школа, получала поддержку от торговцев. В ней обучали истории, испанскому и французскому языку, географии, музыке др. На средства консуладо была создана библиотека, кроме того сама торговая организация создавали собственную коллекцию книг в Консуладо⁴⁷. В 1768 г. был опубликован первый путеводитель по городу. В 1787 году открылась Практическая школа. В 1790 году было создано городское кладбище. Именно благодаря усилиям консуладо Веракруса в городе появилась периодическая печать. Первой газетой, выходившей не в столице Новой Испании стала «Газета королевского трибунала Консуладо Веракруса» в 1795 г.⁴⁸. В 1804 году вышла первая еженедельная газета «*Journal Económico Mercantil de Veracruz*», в 1807 появилась «*Diario Mercantil*»⁴⁹.

Сразу после создания консуладо Веракруса в 1795 г., оно стало стремиться приобрести привилегированное положение в торговле колонии. В зону торговой деятельности Веракруса попали города Пероте, Халапа, Санта Фе. Была создана региональная торговая

⁴⁶ Mantecón Souto M. El consulado de Veracruz y sus Fuentes documentales. P. 85.

⁴⁷ Booke J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 111.

⁴⁸ Montiel Celia del Palacio La prensa en el puerto de Veracruz, 1794-1855 / Sotavento. 2000 № 8. P. 9-36. P. 10.

⁴⁹ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 38.

сеть. Некоторые торговцы Веракруса имели давние торговые связи с Северной Америкой, а также купцами Кубы. Существовали и персональные связи между торговцами Веракруса и Мехико. Так, вдова купца донья Мануэла Ласкана Томаса де Альва потратила 4000 песо на открытие продуктовой лавки в Мехико⁵⁰. Также крупный мексиканский торговый дом Гордона и Мерфи (Murphy) имели торговые точки в Мехико и Веракрусе. Мерфи поддерживал дружеские отношения с чиновниками в Испании и торговцами на Ямайке, а также был советником вице-короля Ревильяхихедо и других колониальных чиновников.

К концу XVIII в Веракрусе было шесть крупных торговых домов, которые в 1807 году вывезли более 14000000 песо серебром, что составляло 97% всего колониального экспорта из Новой Испании между 1797 и 1807 гг.⁵¹.

Многие торговцы Веракруса совмещали занятие торговлей и другие занятия, например, текстильное производство, производство хлопка и были дилерами тканей, как братья Марса Франсиско, Августин и Хуан, которые приехали в Веракрус между 1772 и 1795 гг. Во время кошениливого бума в Веракрусе образовались торговые дома, среди которых можно назвать дом де Коссьо, дом де Муньоса, дом Гаспара Саенса Рико Сонса и компания. Торговцы финансировали производство кошенили в районе Оахаки. Среди них были крупные торговцы Педро де Кос, Хуан Мануэль Муньос, Педро Мигель де Эчевееррия и др. Участвуя в производстве кошенили торговцы Веракруса составляли конкуренцию Мехико.

Как и столичная торговая корпорация консуладо Веракруса издавало свои экономические журналы и газеты («Экономический журнал» и «Газету Веракруса»), составляло торговые балансы, в которых появились точные данные об импорте и экспорте Веракруса. Секретари веракрусского консуладо составляли ежегодные доклады, в которых находила отражение деятельность торговой гильдии и отмечались преимущества режима «свободной торговли» для развития внешней торговли.

Торговые реформы обострили и без того сложные отношения Мехико с Веракрусом. Обострилось противостояние двух торговых организаций консуладо Мехико и объединения Веракруса. Соперничество консуладо Мехико и Веракруса продолжалось до 1800 г., после чего они начали сотрудничать особенно во

⁵⁰ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 67.

⁵¹ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 70.

взаимовыгодных проектах. Так, торговые организации сотрудничали в осуществлении ремонта дороги от Веракруса до Мехико. Консуладо Мехико потратило 3347000 песо, а консуладо Веракруса 97000 песо. Деньги были потрачены на строительство новых дорог между столицей и портом, хотя проекты не были завершены до 1821 года. Огромные средства 6000000 были израсходованы торговцами Веракруса между 1756 и 1795 гг. на строительство акведука в Веракрусе от Антигуа Ривы⁵².

Реформы системы торговых отношений вызвали изменения устоявшихся внутрирегиональных экономических связей. В 1774 г. по королевскому указу была разрешена торговля между Перу, Новой Испанией, Новой Гранадой и Гватемалой, в результате чего через Акапулько налаживался торговый обмен национальными продуктами этих колоний. После нарушения монополии больше товаров поступало в руки купцов напрямую в Веракрусе по более низким ценам. Реформы 1765, 1778 и 1789 гг. способствовали либерализации торговли. Следующий декрет 1797 года разрешил нейтральную торговлю в Испанской Америке.

Новая Испания не выдержала конкуренции со стороны более дешевой муки США, и Кубы переориентировалась на торговлю с Соединенными Штатами. После разрешения в 1807 г. реэкспортировать европейские товары из Гаваны, активизировались торговые связи между ней и Веракрусом. С этого времени по 1820 г. из Гаваны в Веракрус было вывезено товаров на 16 млн. песо. Мексиканские купцы устанавливали связи с американскими торговцами, в Веракрусе торговцы из Соединенных Штатов имели своих представителей.

Произошли изменения в традиционных связях Новой Испании с Венесуэлой. Поставки в Мехико и Веракрус какао из Каракаса почти прекратились в это время, но существенно возросли поставки какао из Маракайбо и Гуаякиля, разрешенные в 1774 г. С 1784 до 1795 г. в Веракрус из Каракаса прибыло только 13 кораблей, а из Маракайбо 57 судов. За год с 1774 по 1775 гг. в Новую Испанию из Гуаякиля было ввезено 74075 фанег какао, из Маракайбо — 15832 фанег. При этом в Мехико поступала уже не столь значительная часть ввозимого в страну какао. Так, если с 1774 по 1775 гг. в Веракрус было ввезено 44497 фанег какао, то в Мехико только 13694.18

⁵² Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 55.

В начале XIX в. постепенно устанавливаются более прочные и стабильные торговые связи между портами атлантического океана Новым Орлеаном, Тампико, Веракрусом, Коацакоалькосом и Кампече. После издания в 1798 г. указа, формируются торговые отношения между портами Гватемалы и Сан Бласом на Тихоокеанском побережье Новой Испании. Торговые внутрирегиональные связи после реформ Карла III переориентируются таким образом, что Мехико начинает терять былую роль распределительного центра, уступая её новым портам вице-королевства.

Торговые реформы предоставили мексиканским купцам возможность прямого получения ввезенных в колонию европейских товаров непосредственно в Веракрусе, что изменило систему внутриторговых связей, сориентированных прежде на Мехико. Мехико постепенно теряет роль центра, связывающего и контролирующего торговлю севера и юга. Расстраивалась отлаженная система распространения европейских товаров и закупки местных изделий в северных и южных районах вице-королевства. Если раньше столичные торговцы через своих агентов и государственных чиновников осуществляли торговлю на окраинах вице-королевства, то теперь на их место пришли новые торговцы Веракруса. Кроме того местные купцы сами обеспечивали себя необходимыми товарами. В результате создания торговой гильдии в Веракрусе, порт превращается из простого перевалочного пункта между Мехико и Кадисом в крупный торговый центр колонии и начинает претендовать на монополию в районе атлантического побережья Новой Испании. Население Веракруса с 1791 до 1818 гг. удвоилось.

Однако после издания декрета от 9 ноября 1820 года, по которому порты Матагорда, Тлакоталпан и Сото Ла Марина, раньше действовавшие под управлением Веракруса, получили статусы международных портов, в результате чего, активность Веракруса значительно снизилась. Теперь уже члены консуладо Веракруса в свою очередь не замедлили высказаться против предоставления торговых свобод городам вице-королевства.

Торговцы Веракруса стремились не допустить прямой торговли между портами Кампече и Тампико, а также не допустить прямой торговли с европейскими странами. А. Гумбольдт во время посещения Новой Испании отмечал, что, несмотря на наличие у нее многих портов на атлантическом побережье, вся внешняя торговля вице-королевства практически сведена к одному порту

Веракрус⁵³. В 1816 г. Кампече удалось добиться возможности прямой торговли с Тампико без вмешательства Веракруса. В начале XIX в. торговцы порта Коацакоалькос пытались разрушить монопольную торговлю Веракруса, ссылаясь на неблагоприятный климат в городе и неспособность одного порта справиться со всей европейской торговлей. И только по указу испанских кортесов в 1820 г. на Мексиканском побережье для внешней торговли были открыты порты Тлакохаль-пан, Матаморос, Сото ла Марина, Тампико; на Тихоокеанском побережье — Сан-Блас и Масатлан.

Одинаково отрицательное отношение консуладо Мехико и Веракруса было вызвано разрешением нейтральной торговли для Новой Испании в 1797г. Протесты крупных торговцев Новой Испании, а также Испании были настолько многочисленны, что испанское правительство было вынуждено запретить нейтральную торговлю в 1799 г., хотя позднее она и была возобновлена.

Серьезный удар по торговцам Мехико и Веракруса испанского происхождения был нанесено указом 1827 года об изгнании из страны испанцев. Между 1827 по 1828 гг. 144 испанца выехали из мексиканских портов Гуайамас, Тампико, Кампече и Масатлан, 94 из которых были торговцы.

Изгнание испанских торговцев из Веракруса привело к тому, что иностранные торцы заняли многие ключевые места. Так, английские бизнесмены организовали торговые дома в Веракрусе, Халлапе и Мехико. Американские торговцы контролировали торговлю в Кампече и их было уже 10 человек в Веракрусе в 1827 г. В 1808 году только 29 из 193 кораблей, пришедших в Веракрус, из Испании было только 29 корабля.

Однако, следует отметить, что некоторым крупным испанским торговцам удавалось получить разрешение остаться в колонии, учитывая заслуги, которые они имели. Так, например, торговец Веракруса Франсиско Аррилльяга прибыл в город около 1790 г. и в период между 1810 и 1818 гг. он был членом консуладо и кабиљдо. В 1822 г. был избран членом конгресса Веракруса⁵⁴. За свои заслуги Франсиско Аррилльяге была предоставлена возможность остаться в стране. За особые заслуги и другие торговцы освобождались от обязанности покинуть страну — Педро и Алехандро Тронкосо сыновья Адриана Фелипе Тронкосо

⁵³ Humboldt A. Ensayo politico sobre el reino de la Nueva Espana. La Habana, 1980. P. 471.

⁵⁴ Booker J.R. Veracruz merchants 1770-1829. P. 143.

испанского торговца Веракруса или другой торговец Веракруса Хосе Прадо.

После завоевания независимости встал вопрос о передаче функций консулато Мехико, Веракруса и Гвадалахары к Генеральному казначейству. Первый декрет на этот счет был издан 26 января 1822 года, но не вступил в силу. 16 октября 1824 года был издан декрет, который отменял все консулато в Мексике. И все фонды этих организаций были переданы в государственную казну. После чего каждый провинциальный конгресс издавал свои декреты об отмене консулато: 6 ноября 1824 года конгресс Гвадалахары отменил консулато, 19 ноября 1824 года было ликвидировано консулато Веракруса, 19 января 1827 года конгресс Мехико принял решение об отмене консулато в столице государства⁵⁵.

Конституция Мексики, принятая в 1824 г., отменяла все консулато в стране. И уже в независимой стране создаются новые торговые организации (*juzgado mercantil* в Веракрусе в 1832 г. и *juntas* и *tribunales* в столицах штатов).

Библиография

- Booker J.R.* Veracruz merchants 1770-1829. Boulder etc. Westview press. 1993. -191 p. P. 143.
- Brading D.A.* Mineros y comerciantes en el México Bourbonico, 1763-1810. México. 1975. P. 159.
- Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamerica, 1493-1810. Madrid, 1953-1962.
- Documentos para la historia economica colonial. Viajes e informes. Por Arellano Moreno. Caracas, 1970.
- Hamnett B.R.* Politics and trade in Southern Mexico 1750-1821. Cambridge, 1971.
- Humboldt A.* Ensayo politico sobre el reino de la Nueva Espana. La Habana, 1980.
- Mantecón Souto M.* Creación y disolución de los consulados de comercio de la Nueva España // Revista Complutense de Historia de América 2006. vol. 32, P. 19-39.
- Palacio M.C.* La prensa en el puerto de Veracruz, 1794-1855 / Sotavento. 2000 № 8. P. 9-36.

⁵⁵ Mantecón Souto M. Creación y disolución de los consulados de comercio de la Nueva España. P. 35-36.

Ortiz de la Tabla D. Comercio exterior de Veracruz 1778-1821. Sevilla, 1978.

В.П. Казаков⁵⁶
V.P. Kazakov

ПАРАГВАЙ: ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К ЭГАЛИТАРИЗМУ

PARAGUAY: FROM LIBERALISM TO EGALITARISM

Аннотация: В статье рассматривается идеология и политика Верховного диктатора Парагвая Х.Г. де Франсии, которые позволили сохранить независимость страны и создать нацию. Особое внимание уделяется его попытке создания в Парагвае эгалитарного самодостаточного аграрного общества, наиболее «уровнительного» в Латинской Америке.

Ключевые слова: Парагвай, Франция, эгалитаризм, либерализм, верховный диктатор, самодостаточное общество, аграрная реформа.

Abstract: This article examines the ideology and policy of the Supreme Dictator of the Paraguayan Republic J.Y. de Francia. His clearly defined objectives allowed him to maintain Paraguayan independence and create a nation. Special attention is paid to his attempts to create in Paraguay a relatively egalitarian rural society, the most “level” society in Latin America.

Keywords: Paraguay, Francia, egalitarianism, liberalism, supreme

⁵⁶ Владимир Петрович Казаков – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Vladimir P. Kazakov – doctor in history, Institute of World History RAS)

Майская революция в Асунсьоне в 1811 г. покончила с колониальным гнетом Испании и провозгласила создание независимого парагвайского государства на принципах либерализма⁵⁷. Как и в других латиноамериканских странах у нее были свои идеологи – Хосе Гаспар де Франсия, Мариано Антонио Молас и Фернандо де ла Мора.

Уже в первом документе новой власти (триумvirата) – манифесте 17 мая 1811 г. провозглашалось: «поддержание и сохранение прав, свобод и достоинства этой провинции». Хотя и заявлять о верности «несчастному суверену (Фердинанду VII. – В.К.), под чьим покровительством мы живем», одновременно отвергалась возможность подчинения Буэнос-Айресу «и еще меньше любой другой иностранной власти». Триумvirат обещал всем жителям, включая выходцев из других стран, независимо от их положения «защиту, которую гражданам дают законы»⁵⁸, при условии их лояльности новой власти. Таким образом, был взят курс на создание правового государства, в котором защитой закона в равной степени пользовались бы все.

В приказе о выводе парагвайских войск из Коррьентеса от 30 мая 1811 г. говорилось, что ничего нельзя делать без разрешения закона «в особенности, если ему не предшествует общественный договор». В случай разрыва договора, суверенитет возвращается народу. Без его вмешательства ничего нельзя делать и решать. Поэтому триумvirат провозгласил, «что никто без присутствия, влияния и сотрудничества своих представителей и без точного и явного равенства прав [...] не может пытаться продлить его, распоряжаться его жизнью или сделаться судьей его счастья, заранее лишив его настоящей гражданской свободы»⁵⁹. В этом же документе провозглашались основные принципы межгосударственных отношений, которым собирался следовать

⁵⁷ Об особенностях либерализма в отдельных странах: Селиванова И.В. Формирование либерального политического течения в первые годы независимого развития мексиканского государства // Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16.; Щелчков А.А. Создание либеральной партии в Колумбии// Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16.; Иванов Н.С. Уругвайский либерализм в XIX веке // Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16.

⁵⁸ Francia. Vol. I–III – Asuncion: Tiempo de historia, 2010 ; Vol. I. P. 73.

⁵⁹ Francia. Vol. I. P. 76.

Парагвай: уважение свободны народов; их естественных прав и невмешательство во внутренние дела.

В воззвании к парагвайскому народу от 9 июня 1811 г. в связи с арестом бывшего губернатора Б. Веласко и роспуском кабильдо, революция оправдывалась необходимостью «свергнуть тяжкое иго, которое нас угнетало и терроризировало»⁶⁰. «Дать свободу нашей любимой родине и нашим гражданам, чтобы они могли принимать решения и свободно присоединяться к партии, которую считают более подходящей»⁶¹.

Вместе со свободой родины нужно было обеспечить свободу всех соотечественников. В приказе от 30 мая 1811 г. триумвират требовал, «чтобы уважалась их свобода, чтобы не узурпировались наиболее ценные и неизменные естественные права человека»⁶².

Наиболее развернутая характеристика революции, ее целей и задач содержалась в речи на открытии Генерального конгресса 17 июня 1811 г., с которой выступал Франсия от имени временного правительства (триумвирата). Революция имела, по мнению Франсии, глубокие корни. Она стала ответом на унижения, угнетения, деградацию и деспотизм, «в которых мы жили, пытаясь распоряжаться нашей свободой, нашим счастьем и нами самими как распоряжаются стадом скота, помещьем или движимым имуществом, не принимая во внимание достоинство и права великого народа [...] несчастные парагвайцы достаточно страдали почти три века, в течение которых они были возмутительно унижены и недооценены». Революция покончила с угнетением и тиранией. «Мрак, в котором мы пребывали, исчез, и сияющая утренняя заря появилась на нашем горизонте». Задачи революции выполнены. «Провинция Парагвай, пробудившись от глубокого рабства, осознала и отвоевала свои права и свободна заботиться о себе и располагать собой и своим счастьем»⁶³.

Франсия полон оптимизма и веры в светлое будущее. Для него произошедшая революция – «счастливая, удачная», «великий, знаменательный день», начало новой эпохи. Свет одолеет тьму. «Целебный ветер рассеет густые облака, которые угрожают бурей». Оптимизм Франсии не беспочвенен. Парагвай не одинок в своем стремлении к свободе. Закончились века невежества и рабства. «В

⁶⁰ Francia. Vol. I. P. 78.

⁶¹ Francia. Vol. I. P. 81.

⁶² Francia. Vol. I. P. 76.

⁶³ Francia. Vol. I. P. 82.

настоящее время мы живем в более благополучных условиях». В центре внимания ученых и общественного мнения «все, что связано с общественными интересами и все, что способствует сделать людей лучше и счастливее. Развиваются и проясняются фундаментальные принципы политического общества, талантливые люди анализируют все права, все обязанности, все интересы человеческого рода»⁶⁴.

Излагая принципы построения независимого парагвайского государства, Франсия прежде всего отметил необходимость воздвигнуть «неприступную стену против злоупотребления властью». Революция создала для этого все необходимые условия. «Почва расчищена, необходимо обрабатывать ее, посеяв семена нашего будущего процветания»⁶⁵. Задача облегчается самой человеческой природой. Все люди стремятся к счастью, и создание общества и государства не преследует иной цели, как только помочь им в этом. От природы все люди равны и свободны в своих правах. И если они подчиняются власти, то только для собственного счастья и безопасности. В противном случае власть должна быть возвращена народу или, точнее, она всегда ему принадлежала. Естественные права можно подавить вооруженной силой, но их нельзя уничтожить, потому что они являются неотъемлемыми. Все люди рождаются свободными, и история всех времен доказывает, что их принуждают подчиняться пока из слабость не позволяет им воспользоваться правами на независимое существование, данное им при сотворении Верховным существом.

Франсия не обошел вниманием и текущее политическое положение: обосновывая законность начавшейся войны за независимость Испанской Америки, он указал на отсутствие всеми признанного Верховного органа власти, что «вынудило многие провинции взять на себя организацию власти и самим управлять»⁶⁶. Вместе с тем, он не забыл подчеркнуть верность Фердинанду VII и «уважение его августейших прав».

В заключение Франсия вынес на обсуждение депутатов вопрос о форме правления и об отношениях с Буэнос-Айресом и провинциями, отметив, что конгресс должен обсудить их при полной свободе мнений и голосовании.

⁶⁴ Francia. Vol. I. P. 83.

⁶⁵ Francia. Vol. I. P. 89.

⁶⁶ Francia. Vol. I. P. 83.

Вслед за Франсией выступал Молас, который изложил конкретную программу действий. Он предложил депутатам утвердить смещение Веласко и роспуск кабильдо, запретить испанцам занимать любые административные должности, которые отныне предназначались лишь для уроженцев страны. Что касается отношений с Буэнос-Айресом, то Молас предложил их строить на основе равноправия, оговорив, что до созыва Генерального конгресса провинций, Парагвай сохраняет полную самостоятельность, без вмешательства Буэнос-Айреса в его внутренние дела. Он также выдвинул требование свободной торговли: отмены табачной монополии и пошлины на ввоз йербамате.

Депутаты подавляющим большинством голосов одобрили эти предложения и образовали правительственную хунту во главе с подполковником Фульхенсио Йегросом, который также стал главнокомандующим вооруженными силами. В состав хунты также вошли доктор Франсия, Капитан Педро Хуан Кабальеро, священник Франсиско Хавьер Богарин и адвокат де Ла Мора⁶⁷.

В историографии существует мнение, что решения конгресса по существу означали провозглашение независимости. «Во всяком случае, в этом направлении был сделан решительный шаг»⁶⁸.

В развитии решения Конгресса Правительственная хунта 20 июня 1811 г. направила правительству Буэнос-Айреса ноту, в которой проинформировала его о произошедшей революции и принятых решениях. Нота от 20 июня стала первым дипломатическим документом нового государства, которое тем самым вступило в систему суверенных наций.

Уже в первых строках документа была обозначена главная идея, та политическая линия, которой намеревалась следовать страна: с исчезновением верховной власти «она возвращается и находится во всей нации»⁶⁹. Дальнейшее развитие получила идея конфедерации, впервые высказанная в манифесте 17 мая. Ассоциация испано-американских стран должна была носить самый широкий характер и учитывать особенности каждой страны. Речь шла прежде всего о провинциях бывшего вице-королевства Рио-де-ла Платы. «Союз этой провинции (Парагвая. – *В.К.*) с другими провинциями нашей

⁶⁷ Francia. Vol. I. P. 85–87.

⁶⁸ Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае. 1810–1840. – М; Наука, 1975. С. 125.

⁶⁹ Francia. Vol. I. P. 120.

Америки и, прежде всего, с провинциями бывшего вице-королевства, должен представлять ближайший и наиболее достижимый интерес и именно поэтому наиболее естественный как народов не только одного происхождения, но и в силу взаимных связей и интересов, предназначенных самой природой, – жить и быть едиными»⁷⁰.

Конфедерация не должна была стать новой формой подчинения и угнетения [...] обманется всякий, кто вообразит, что ее ценою будут отдаться чужому судье и сделать свою судьбу зависимой от чужой воли. В этом случае ничего бы не изменилось, и результатом была бы лишь смена одних целей на другие и перемена хозяина. Ни вы, никакой другой беспристрастный и справедливый наблюдатель не удивятся, что в том положении, в каком находятся дела Нации, которая еще не в состоянии различить успех, который может иметь народ Парагвая, он проявляет ревность к появившейся свободе, после того как имел мужество отвоевать ее⁷¹.

Союз с Буэнос-Айресом должен быть не только «для сохранения взаимной дружбы, торговли и связи, но и для создания общества, основанного на принципах справедливости, беспристрастности и равенства»⁷².

Нота содержала также три декларации. В первой указывалось, что до созыва Генерального конгресса Парагвай будет иметь самоуправление, поскольку Буэнос-Айрес не может вмешиваться в его дела, касающиеся формы правления, режима, администрации. Во второй говорилось, что с восстановлением торговли, Парагвай не согласен платить серебряное песо за каждую треть йерба-мате, которое требует Буэнос-Айрес в качестве акциза, т.к. Парагвай должен готовиться к отражению угрозы со стороны Португалии. В третьей требовалось уничтожить табачную монополию для свободной торговли табаком «как и любым другим продуктом страны». Таким образом, Парагвай ясно выразил желание получить свободный доступ к атлантической торговле, чего он был лишен в колониальные времена⁷³.

На основе этой ноты, Франция вел переговоры с прибывшими в Буэнос-Айрес Марианом Бельграно и Висенте Анастасио Эчеваррией, увенчавшиеся подписанием 12 октября 1811 г.

⁷⁰ Francia.Vol. I. P. 121.

⁷¹ Francia.Vol. I. P. 121.

⁷² Francia.Vol. I. P. 122.

⁷³ Francia.Vol. I. P. 122.

договора, по которому Буэнос-Айрес признал независимость Парагвая, отменил табачную монополию, акциз на йерба-мате впредь должен был уплачиваться в Парагвае. Помимо этого, Парагвай получал право устанавливать небольшой налог на вывоз этих продуктов в Буэнос-Айрес, «когда этого требует срочная необходимость». Выразалось также желание обеих сторон укреплять связывающие их узы и «объединить обе провинции в нерушимый союз и федерацию»⁷⁴.

Власти Буэнос-Айреса не без внутренней борьбы одобрили заключенный договор. Создались благоприятные возможности для решения внутренних проблем Парагвая. Правительственная хунта, в которой за исключением Франции, были представители олигархии Асунсьона – крупные торговцы и землевладельцы – не торопилась с проведением преобразований. В этих условиях Франция выступил за созыв Генерального конгресса, мотивируя свое предложение необходимостью улучшить деятельность правительства в борьбе «с любыми злоупотреблениями, беспорядками и беззаконием, которые могут возникнуть»⁷⁵.

Правительственная хунта отвергла инициативу Франции, обвинив его в преследовании личных целей в ущерб интересам родины, в попытке внести раскол и изменения, которые «могут лишь поставить под удар общественное благополучие и спокойствие»⁷⁶.

В своем ответе Франция заявил, что его предложение созвать конгресс ведет не к расколу, а к свободному обмену идеями, что является естественным правом людей. И, если какая из них окажется полезней для общественного блага, правительство обязано принять ее. К расколу могут привести лишь действия «нерешительных и сомнительных властей», но не конгресс, который своими решениями рассеет все сомнения и «установит единство, к которому мы все должны стремиться. Отсутствие согласия в этом случае будет чистым произволом и более того, преступлением перед родиной»⁷⁷. 18 декабря 1811 г. Франция вышел из Правительственной хунты и уехал в свою усадьбу (чакру) Ибирай. Живя в сельской местности, он постарался заручиться поддержкой крестьян, мелких и средних землевладельцев.

⁷⁴ Francia.Vol. I. P. 147.

⁷⁵ Francia.Vol. I. P. 152.

⁷⁶ Francia.Vol. I. P. 157.

⁷⁷ Francia.Vol. I. P. 159.

После отставки Франции, Правительственная хунта 6 января 1812 г. обнародовала манифест, в котором изложила свою программу. Среди прочего, в нем говорилось, что она будет способствовать «наибольшему процветанию всех предприятий и их хозяев, а также других объектов, пользование которыми является имманентными и высокими правами человека»⁷⁸.

Помимо обеспечения прав и свобод граждан, провозглашалась независимость судей. Предусматривалось также «развитие сельского хозяйства, оживление промышленности и забота о других объектах», создание системы образования⁷⁹.

Политика Правительственной хунты очень скоро зашла в тупик. Она не смогла урегулировать вновь возникшие сложности в отношениях с Буэнос-Айресом, власти которого в нарушение договора 12 октября 1811 г. установили повышенный налог на табак. Новые проблемы появились в связи с начавшимся движением Х.Х. Артигаса на Восточном берегу. В самой Правительственной хунте не было единства. Ряд ее членов симпатизировали Буэнос-Айресу. В этих условиях Йегрос попросил Францию вернуться в Правительственную хунту.

Франция, учитывая сложное положение страны, согласился, но выдвинул ряд условий: создание батальона под своим командованием и созыв конгресса⁸⁰. После их принятия Правительственной хунтой, Франция 17 ноября 1812 г. вновь приступил к исполнению правительственных обязанностей и начал готовить созыв конгресса.

В отличие от конгресса 1811 г., депутаты которого фактически назначались, а не избирались, и представляли в основном олигархию Асунсьона, конгресс 1813 г. созывался на основе всеобщего избирательного права. В инструкции Правительственной хунты, разосланной местным властям, предписывалось, чтобы при выборе депутатов, число которых составляло тысячу «не ставилось никаких препятствий и ограничений». Выборы депутатов должны были пройти во всех деревнях, населенных пунктах, округах, департаментах в количестве, пропорциональном численности населения.

⁷⁸ Chaves J.C. Ideologia de la revolucion paraguayan de 14-15 de Mayo de 1811 // Historia paraguaya Anuario de la academia paraguaya de la historia. Vol. 8-9-10 – Asuncion, 1963–1965. P. 157.

⁷⁹ Cabanellas Y. El dictador del Paraguay Dr Francia. Buenos Aires, 1946. P. 159.

⁸⁰ Francia. Vol. I. P. 166.

Подчёркивалось, что избирательные права являются необъемлемыми правами всех граждан, какого бы класса и состояния они не были. За исключением врагов свободы⁸¹.

На конгресс возлагали особые надежды. Он должен был стать важным событием не только в силу причин, вызвавших его созыв, но и потому, что его избрали «на основе бесценного пользования неотъемлемыми правами»⁸².

Подавляющее большинство депутатов принадлежало к народным низам: крестьянам и ремесленникам. Таким образом, в представительном органе власти произошел социальный сдвиг в сторону народного представительства, которое стало опорой Франции сначала как консула, а затем диктатора.

Конгресс заседал в Асунсьоне 30.09 – 12.10.1813 г. На нем было принято решение не посылать депутатов на ассамблею в Буэнос-Айресе, что означало разрыв с ним отношений⁸³. Парагвай провозглашался республикой, Верховная власть в которой принадлежала двум консулам: Йегросу и Франции, которые по очереди председательствовали в правительстве в течение 4 месяцев каждый. Они же командовали вооружёнными силами: каждому из них передавалась половина войск, оружия и боеприпасов. Главной обязанностью консулов являлось «сохранение безопасности и защита республики»⁸⁴. Консулы были ответственными перед конгрессом, созыв которого предусматривался каждый год.

Консулат стал началом восхождения Франции к абсолютной власти. Йегрос скоро стал символической фигурой, передав наиболее важные обязанности Франции. Последний начал устанавливать контроль над страной, назначая новых чиновников и судей непосредственно ему подчиненных. Вместо «нотаблей» – верхов общества, ими становились представители народных низов. Для ликвидации влияния проживавших в стране испанцев, им было запрещено занимать общественные должности и под страхом смертной казни пройти регистрацию⁸⁵. Им также запрещались браки с испанскими женщинами, рожденными в Америке⁸⁶.

⁸¹ Francia. Vol. I. P. 242.

⁸² Francia. Vol. I. P. 254.

⁸³ Francia. Vol. I. P. 264.

⁸⁴ Francia. Vol. I. P. 261.

⁸⁵ Francia. Vol. I. P. 284.

⁸⁶ Francia. Vol. I. P. 481.

Выборы на конгрессе 1814 г. проходили по тем же правилам, что и на предыдущем и дали такие же результаты: решительное преобладание среди депутатов сельских жителей. Сторонники Франции развернули кампанию с целью убедить депутатов заменить консулат единоличным управлением Франции. Если последний имел поддержку в провинции, в селе, то столица стала центром оппозиции. Группа нотаблей во главе с Хуаном Мануэлем Гамаррой и Хосе Теодоро Фернандесом начала планировать свержение Франции. Однако военный переворот не состоялся. В решающий момент Йегрос отказался поддержать заговорщиков, ввиду решающего превосходства сил у сторонников Франции.

В такой обстановке 3 октября 1814 г. открылся конгресс. Как и предыдущий, он состоял более чем из тысячи депутатов. Во вступительной речи Франция охарактеризовал консулат как неэффективную и малопрактичную форму правления и предположил установить единовластие, способное оперативно реагировать на возникновение угрозы безопасности страны, а также эффективно решать социально-экономические проблемы.

Оппозиция пыталась сорвать принятие предложения Франции и предложила продлить полномочия консулов еще на три года. Однако подавляющее большинство депутатов высказалось за передачу всей полноты власти гражданину Хосе Гаспар де Франции в ранге Верховного диктатора республики сроком на пять лет⁸⁷.

Поскольку время работы конгресса совпадало с сельскохозяйственными работами, которыми было занято большинство депутатов, было решено сократить число депутатов до 250 и созвать следующий конгресс в мае 1816 г.

Оппозиция и после конгресса не прекратила нападки на Францию. Главной темой ее пропагандистской компании стало благожелательное отношение Верховного диктатора к народными низами и пренебрежительное к людям достойным, знатным. Выдержка из памфлета одного парагвайского священника, опубликованного в Буэнос-Айресе, дает представление об этом. «Вы, у кого перед глазами его экстравагантность, лучше меня знаете его неодинаковое поведение с сельскими жителями и благородными жителями столицы [...] Когда к его дверям подходит деревенский дурень или озорник, он тотчас же выказывал ему дружеское расположение, чтобы сблизиться с ним. Он

⁸⁷ Francia. Vol. I. P. 314.

восхищается внешностью этого закутанного в плащ молчаливого человека. С какой нежностью он принимает своего гостя! Он берет его за руку и вводит в свой кабинет. Он проявляет к нему нежность, льстит ему, аплодирует, внушает уверенность. Он садится с ним рядом, чтобы лучше влиять на его душу [...] И, наоборот, если его о встрече просит образованный и знатный гражданин, вы увидите его превращение совсем в другого человека, очень отличного от предыдущего, и столь же свирепого, как и его характер. После того, как вас задержит в дверях швейцар, он пригласит вас с напускным высокомерием и, нетерпеливо выслушав вас, он сухо, в нескольких словах, распрощается с вами»⁸⁸.

Франсия рассматривал созданный им режим как народный, а себя позиционировал как выразителя народных интересов. Народная диктатура избавила Парагвай от гражданских войн, охвативших практически все испано-американские страны. Их причину Франсия видел в отсутствии в этих странах народных правительств.

Очередная смена власти в Буэнос-Айресе дала Франции возможность высказаться по этому вопросу в письме делегату порта Пилар: «У меня в руках газета с известием, в котором Ваша Милость сообщила о новой революции в Буэнос-Айресе. Она есть конвульсия экзальтированного народа, который все еще колеблется в отношении своей судьбы и счастья из-за того, что все еще не организован и не имеет настоящей народной формы. Поэтому я организовал здесь периодически созываемые большие конгрессы с провозглашением независимой республики, чтобы народ проникся этим чувством и все находились бы в устойчивой системе. Этого не происходит в Буэнос-Айресе и поэтому каждая фракция, которая там преобладает, имеет различие идей, которые, в конце концов, вызывают волнения. Нынешняя фракция, вероятно, не будет последней, т.к. с самого начала, таким образом, здесь шли события»⁸⁹.

Для Франции демократия не сводилась к представительной форме правления. Вместе с тем, она не была самоцелью, а являлась средством выражения подлинных интересов парагвайцев. Национальные ассамблеи служили цели формирования национального сознания и институционализации самой народной

⁸⁸ White R.A. La primera revolucion popular en America. Paraguay (1810–1840) – Asunción, 1988. P. 86.

⁸⁹ Francia. Vol. I. P. 353–354.

диктатуры. После этого на первый план выдвигались социально-экономические проблемы, что требовала углубления равенства и продолжения диктатуры.

Накануне созыва конгресса 1816 г. депутат от Сонсенъона Хосе Мигель Ибаньес выдвинул предложение о предоставлении Франции диктаторских полномочий пожизненно. Сторонники Франции указывали на его честность, скромность, неиссякаемую энергию, способность управлять страной. Подчеркивались бесспорные успехи: сохранения независимости Парагвая, внутривполитическая стабильность, в то время как остальные части бывшего вице-королевства были охвачены гражданской войной. Большое значение имела также успешная борьба с коррупцией, ликвидации экономической основы господства испанцев, реорганизация вооружённых сил, укрепления границ против набегов индейцев и португальцев. К началу 1816 г. в стране значительно сократилась преступность.

На состоявшемся в первых числах июня 1816 г. конгрессе практически не было оппозиции, что позволило сторонникам Франции провести следующее решение: «Принимая во внимание полное доверие, которое справедливо заслуживает Гражданин Хосе Гаспар де Франсия, он провозглашается и утверждается постоянным диктатором республики в течение всей жизни, принимая во внимание его примерные качества»⁹⁰. Последняя фраза преследовала цель избежать прецедента установления постоянных диктатур.

Франсия отказался от зарплаты в 12 тыс. песо, которую конгресс собирался ему назначить, ограничившись 7 тысячами. Отныне и вплоть до своей смерти в 1840 г. он правил единолично. В стране не было представительных органов власти. Структура правительства отличалась простотой и прозрачностью. Помимо самого Франсии она включала начальника полиции, министра внутренних дел и главного налогового инспектора, «защитника бедных и малых», а также немногочисленный административный аппарат.

Для более эффективного управления Парагваем он был разделен на 20 департаментов. Во главе каждого из них стояли три должностных лица: начальник гарнизона или делегат; сборщик налогов и судья. Все они назначались правительством. На местном

⁹⁰ Francia. Vol. I. P. 424.

уровне члены муниципалитетов избирались, но все они были подчинены строгому контролю со стороны Франсия.

Верховный диктатор сместил всех чиновников, известных своими коррупционными связями со времени предыдущих администраций. Созданная Франсием система государственных тюрем напоминала им от неотвратимости наказания в случае злоупотребления властью или некомпетентности. С неменьшей суровостью наказывались и новые чиновники из народа. Не были исключением и ближайшие родственники самого диктатора. Когда брат Франсии Педро проявил некомпетентность в управлении эстансией, он был немедленно смещен.

Как и другие страны в период крутых революционных перемен, Парагвай столкнулся с острой нехваткой управленческих кадров. В одном из писем делегату Итапуа Франсия объяснял сложившееся положение следующим образом: «Я здесь задыхаюсь, не в состоянии передохнуть среди множества дел и обязанностей, которые возложены на меня одного из-за отсутствия подходящих людей. Правительство оказывается без работников и помощников, которых необходимо иметь во всех странах. Таким образом, я по необходимости несу дополнительную тяжесть обязанностей, которые должны выполнять компетентные специалисты»⁹¹.

Представление о принципах, которыми руководствовался Франсия при радикальной трансформации парагвайского общества, дает написанный им «Политический катехизис» для преподавания в школе:

«Вопрос: Каким является правительство твоей страны?

Ответ: Правительством реформирования родины.

Вопрос: Что понимается под реформированием родины?

Ответ: Когда она управляется на основе мудрых и справедливых принципов, основанных на природе и потребностях людей и условиях общества.

Вопрос: Кто те, кто выступает против этой системы?

Ответ: Прежние правители, которые хотели отдать нас Бонапарту и жаждущие власти.

Вопрос: Как доказать, что наша система хорошая?

Ответ: Положительными делами.

Вопрос: Какие это положительные дела?

⁹¹ Francia. Vol. II. P. 1830.

Ответ: Отмена рабства без ущерба для хозяев. Рассматривать, считать общественные обязанности как общую для всех нагрузку. Полная отмена налогов.

Вопрос: Может ли государство жить без налогов?

Ответ: Нет, но налоги можно сократить, чтобы никто не чувствовал их выплату.

Вопрос: Как это можно сделать в Парагвае?

Ответ: Работая все сообща, обрабатывая муниципальные земли для общего блага и сокращая наши потребности в соответствии с заветами нашего общего учителя Иисуса Христа.

Вопрос: Какими будут результаты этой системы?

Ответ: Быть счастливыми. Этого мы добиваемся, сохраняя бдительность в отношении происков дьявола»⁹².

В полном соответствии с «Политическим катехизисом» власти рассматривали проведение общественных работ как «общественную обязанность». С этой целью муниципалитет Асунсьона обязал владельцев кирпичных заводов предоставлять определенное количество кирпича для реконструкции города. Все фабриканты выполнили эти требования, за исключением самого состоятельного из них. Никакие увещания на него не действовали. Тогда муниципальные власти обратились за помощью к диктатору. Франсия, который в своей инициативе исходил из приоритета общественных интересов над частными, указал фабриканту, что он должен выполнить свой «общественный договор».

Наиболее полно и последовательно парагвайцы исполняли свой «общественный договор» на воинской службе. Армия была зеркалом создаваемого Франсией общества и выполняла важные функции в период диктатуры, являясь ядром государственного аппарата, который строили по ее образу и подобию. Но армия не играла политической роли. Избежав гражданской войны, Парагвай не знал такого явления как каудилизм, присущий другим латиноамериканским странам.

Армия являлась военным элементом национальной консолидации, мобилизуя народ вокруг Верховного диктатора, который одновременно являлся военным министром и главнокомандующим. Главной целью военной политики являлось создание профессиональной армии. Среди государственных приоритетов национальная оборона занимала первое место. Еще в

⁹² White R.A. Op. cit. P. 120.

период консульства Франсия начал закупать оружие за границей и создавать военную промышленность.

Вооруженные силы представляли собой наиболее важную и дорогостоящую часть национальной обороны, расходы на которую достигали 64% бюджета. Ее численность в среднем достигала 1200–1800 человек, увеличиваясь до 3000 человек в момент обострения внутреннего и международного положения. Помимо этого имелся резерв в несколько тысяч человек.

Набор в армию производился по социальному признаку. Не призывались молодежь из верхних слоев общества. Такая политика преследовала цель предотвратить возникновение в армии оппозиции Франции. В вооруженных силах не было званий выше капитана и проводилась регулярная смена службы офицеров. При продвижении по службе учитывались как способности военнослужащих, так и их преданность делу республики. К нарушителям воинской дисциплины применялись суровые наказания. Зарплата военных была самой высокой в государственном аппарате. Ее ценность увеличивалась путем распределения среди солдат, капралов и сержантов одежды по «справедливой и доступной цене». Запрещалась продажа оружия частным лицам, импорт вооружения не облагался таможенными пошлинами и осуществлялся за счет наличного золота и серебра.

Парагвайская армия не была преториальной гвардией, а служила национальным интересам и состояла из представителей народных низов. Ее главной целью была не агрессия против других стран, а защита национального суверенитета. В отличие от других латиноамериканских стран, офицерский корпус был не военной кастой, а слугой народа.

Но и народ, по мнению Франции, также должен был активно участвовать в защите страны, а не сидеть сложа руки, ожидая, когда армия его защитит. Так, в ответ на просьбу делегата Консепсьона прислать дополнительные войска для отражения набегов индейцев, Франсия напомнил ему, что в защите своей безопасности и интересов должны активно участвовать сами жители, а «не кричать, плакать, дрожать, пугаться и просить помощи лошадьми, деньгами, скотом, людьми, оружием, боеприпасами и всем, что есть»⁹³. В случае их бездействия, все это попадет в руки индейцев, и помощь будет бесполезна. И, заостряя вопрос, Франсия спрашивал: «Кто помогает индейцам или кого они

⁹³ Francia. Vol. I. P. 445.

просят о помощи? Ни у кого иного, как только у своей храбрости и решительности [...] Нужно, чтобы жители собрались с духом, покончили с бездействием, вышли из апатии [...] и приняли решение вести такую же войну, какую ведут индейцы, с такой же энергией и жертвенностью как они [...] В противном случае, они навлекут на себя проклятие и осуждение республики за свою ненужность и бездеятельность»⁹⁴. По убеждению Франции, только в единстве армии с народом, осознающим свои интересы, можно успешно бороться с врагами и защищать родину.

Важное место в политике Франция занимали отношения с церковью. В религиозных вопросах его взгляды отличались свободомыслием. С 1818 г. он перестал заходить к мессе. Вместе с тем, демонстрируя свое свободомыслие, он был убежден в необходимости религии для стабильного функционирования общественного порядка. Франция был терпим в отношении всех религий, только не атеизма. Широко известны его слова: «Веруйте во что хотите: будьте христианами, иудеями или мусульманами, только не будьте атеистами»⁹⁵. Он не выступал и против народных верований. В целом политика Франции носила антиклерикальный, но не антирелигиозный характер и преследовала цель подчинить церковь государству, поставить духовенство на службу светской власти и создать в Парагвае национальную церковь, независимо от Ватикана.

Первой мерой в этом отношении стал разрыв связей парагвайцев с зарубежными церквами. Специальными декретами, провозглашалась независимость религиозных общин от всякой иностранной власти и они переходили под юрисдикцию епископа Асунсьона. Отныне вся церковная корреспонденция могла вестись только с личного разрешения Франции⁹⁶.

В 1816 г. были запрещены все религиозные процессии и собрания, которые не имели специального разрешения Франции, за исключением тех, которые падали на отмеченные в календаре праздничные дни и не требовали специального разрешения Франции⁹⁷. Этой мерой ликвидировали один из наиболее эффективных механизмов влияния церкви на паству и возможное

⁹⁴ Francia. Vol. I. P. 340, 341.

⁹⁵ Альперович М.С. Указ. соч. С. 180.

⁹⁶ Francia. Vol. I. P. 360.

⁹⁷ Francia. Vol. I. P. 429.

место сбора оппозиции, а также значительно сократились расходы самой церкви.

В 1820 г. правительство обязало всех священников принять клятву верности, «проявив настоящий патриотизм, путем решительного присоединения к справедливому и священному делу суверенитета республики, полной и абсолютной независимости от Испании и любой другой иностранной власти, завися лишь от Бога Универсального Творца и Создателя»⁹⁸. Ликвидация церковного суда поставила священников под гражданскую юрисдикцию⁹⁹. В 1823 г. была закрыта королевская семинария Сан Карлос и конфисковано ее имущество.

В 1824 г., когда папа Лев XII в специальной энциклике обязал епископов и архиепископов Америки помочь Фердинанду VII восстановить свою власть над бывшими колониями. Франция нанес решительный удар по экономическим позициям парагвайской церкви. Декретом 20 сентября 1824 г. были закрыты монастыри, секуляризованы земли и прочее имущество духовных орденов и корпораций¹⁰⁰. В этом же году государство установило жесткий финансовый контроль над церковью. Регламентируя расходы местных приходов через муниципалитеты, правительство стало назначать зарплаты священниками, превратив их в разновидность государственных служащих.

В результате проведенной реформы, церковь утратила экономические и политические позиции, которые имела в колониальную эпоху, став частью государственного аппарата. Таким образом, в Парагвае за сравнительно короткое время практически безболезненно была решена проблема отношений церкви с национальным государством, которая в других латиноамериканских странах вызвала ожесточенную и продолжительную борьбу.

Реформа церкви лишила ее монополии на образование. Франция создал систему государственных школ. Официально она существовала еще в колониальный период, но действовала только в столице, где учителя получали зарплату от муниципалитета. В остальной стране родители должны были платить учителям за обучение каждого ребенка. При таком порядке дети бедняков не могли получить начальное образование. Франция решил эту

⁹⁸ Автором клятвы был Франция. Francia.Vol. II. P. 705.

⁹⁹ Francia.Vol. II. P. 707–708.

¹⁰⁰ Francia.Vol. II. P. 864.

проблему, обязав местные власти платить учителям и вменив судьям в обязанность открывать школы»¹⁰¹. Часть зарплаты учителям выплачивали одеждой и скотом¹⁰².

Принятые меры по развитию образования дали положительные результаты. По свидетельству современников, практически все мужское население страны умело читать и писать. Родители могли обратиться к Франции с просьбой учить своих детей за счет государства.

После закрытия семинарии Сан Карлос в стране отсутствовала система средних и высших учебных заведений. Правда, в 1836 г. Франции открыл в Асунсьоне первую публичную библиотеку, насчитывавшую 5 тыс. томов. Импорт книг наряду с вооружением, не облагался таможенными пошлинами.

Политика Франции не могла не вызвать противодействия со стороны олигархии. Потеря политической власти сопровождалась серьезным изменением ее экономических позиций. Конфликт усугублялся резким падением внешней торговли из-за враждебной позиции Буэнос-Айреса. Пострадали прежде всего те, кто был связан с экспортом йерба-мате и табака, которые, по свидетельству английских купцов братьев Робертсонов, понесли потери в размере 300 тыс фунтов стерлингов¹⁰³.

Долго зревший заговор был раскрыт в 1820 г. Среди прочих, в нем принимали участие видные в прошлом политические и военные деятели Ф.Йергос, П.Х. Кабальеро и др. Заговорщики обвинялись в намерении передать страну под власть Буэнос-Айреса. По этому делу было расстреляно 68 человек, в том числе Йергос и Кабальеро. Правительство провело не только основательную чистку государственного аппарата от заговорщиков и сочувствующим им, но и конфисковало их собственность, в том числе значительные земельные угодья. Тем самым была серьезно подорвана социально-экономическая база олигархии. Хотя и нет точной денежной оценки конфискованной собственности, о ее размере можно судить по следующему факту: в середине 1820-х годов половина земли наиболее богатого и хозяйственно освоенного восточного региона Парагвая принадлежала государству.

¹⁰¹ Francia. Vol. II. P. 635.

¹⁰² Francia. Vol. III. P. 1224–1225, 1475.

¹⁰³ Areces N.R., Bosio B.Y. El Paraguay durante los gobiernos de Francia y los López. – Asunción, 2009. P. 51.

В конце 1824 г. государство ликвидировало последний институт, где еще сохранялось влияние олигархии кабильдо-Франсии, обосновывая закрытие муниципалитета, указывал, что кабильдо Асунсьона «продолжает следовать прежней политике [...] не будучи народными институтами, а незаконным учреждением уже уничтоженного испанского режима». Поэтому оно «не может осуществлять законное общественное представительство»¹⁰⁴.

Однако ликвидация олигархии не была полной. Те ее группы, которые не принимали непосредственного участия в заговоре, не пострадали, а удалились в свои эстансии подальше от Асунсьона.

Наряду с внутренними проблемами, Парагвай столкнулся с не менее сложными внешними. Появление нового независимого государства было враждебно встречено соседними странами, прежде всего Аргентиной. Франция не обманывалась в отношении истинных намерений соседей. «Буэнос-Айрес, – считала Франция, – сделал свою революцию не из-за искреннего стремления и приверженности, а из-за нелепой и претенциозной идеи иметь подчиненные себе народы»¹⁰⁵. Его цель – господство над Парагваем, включение его в новое вице-королевство.

В связи с враждебной позицией Аргентины, Франция размышлял о характере революции в Латинской Америке. Для него, как и для большинства участников и очевидцев, бесспорной, являлась экономическая причина революции – торговая монополия Испании. «Эта монополия была разрушительной для американцев, т.к. они не могли приобретать все нужные им товары у других наций по меньшей цене или платить за них меньшей частью своей продукции. А запрет лишал их этих выгод»¹⁰⁶.

Неизбежным результатом революции стала свободная торговля. Но была ли она главной целью революции? Франция полагал, что нет: «[...] никогда не называется, не может называться общим делом торговля, которую все нации ведут как хотят, когда и как хотят, прекращают ее, когда не считают, что она выгодна. Исходя из этого, мы, американцы, в настоящее время называем и понимаем под нашим общим делом свободу и независимость наших стран от всякой иностранной и чужой власти»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Francia. Vol. II. P. 868.

¹⁰⁵ Francia. Vol. II. P. 599.

¹⁰⁶ Francia. Vol. I. P. 441.

¹⁰⁷ Francia. Vol. II. P. 627.

Вместе с тем, Франция понимал всю важность для Парагвая экономических связей с внешним миром. Он за торговлю с другими странами, «если это совместимо с честью, достоинством, благополучием и выгодой для нашей республики. Настоящая политика и благоразумие диктуют нам, чтобы мы сохраняли мир, согласие и какую угодно торговлю, которая нам важна, со всеми странами, нациями и провинциями всегда, когда это не посягает на нашу священную свободу, независимость и права, не причиняет нам ущерба»¹⁰⁸.

Другие государства не собирались строить свои отношения с Парагваем на равноправной основе. Когда Франция попытался установить торговые связи с Англией и добиться признания независимости Парагвая, британский консул в Буэнос-Айресе В. Пэриш в качестве предварительного условия поставил заключение Парагваем соглашения с Аргентиной; по чьей территории шла его внешняя торговля. Иными словами. Парагвай должен был подчиниться Буэнос-Айресу, что было неприемлемо для Франции, который даже не ответил Пэришу. Все это только усилило недоверие Франции к иностранцам и привело к закрытию границ и задержанию в стране группы иностранцев, в том числе известного ученого, французского ботаника Э. Бонплана.

Свое отношение к иностранцам, в частности к Бонплану, Франция объяснил в специальном письме к делегату Итануа для передачи французскому коммерсанту Ж.Б.Р. Грансиру, приехавшему в Парагвай, чтобы добиться освобождения Бонплана.

Франция имел серьезные основания не доверять французам. В его глазах Франция являлась не просто недружественной, но и прямо враждебной страной. «Во-первых, потому, – указывал Франция, – что Франция исповедует и следует идеям и правилам, противоположным республиканским принципам и системе представительного правительства. Помимо этого, она вместе с другими державами добивается уничтожения этих принципов и этого рода правительств. Их план приведен в исполнение с помощью войск, предоставленных королю Испании, чтобы вновь подчинить себе испанских конституционалистов.

Во-вторых, потому что герцог Ангулемский, родственник королей Франции и Испании и главнокомандующий этими войсками, в своей прокламации при вторжении в Испанию предложил ей помощь в подавлении и уничтожении новых

¹⁰⁸ Francia. Vol. I. P. 442.

республик или независимых республик, возникших в Америке»¹⁰⁹. Франсию также беспокоили планы установления монархии в Буэнос-Айресе во главе с одним из родственников королей Франции и Испании.

В этих условиях французы, жившие в Парагвае, могли быть совсем не теми, за кого себя выдавали, а «скорее шпионами или неучтивыми авантюристами». И хотя Бонплан и другие иностранцы впоследствии были освобождены, свое отношение к иностранцам Франсия не изменил.

Достижение независимости не изменило положение Парагвая в мировой экономике: он продолжал оставаться отсталой, экономически зависимой страной. С колониальных времен Парагвай имел моно экспортную экономику: продажа йерба-мате и табака, выращенных в латифундиях, на внешний рынок и импорт промышленных и сельскохозяйственных товаров. Такая структура экономики обеспечивала экономическое процветание олигархии, но обрекала большинство населения на нищету. Положение усугублялось политикой Буэнос-Айреса, власти которого препятствовали свободному доступу парагвайских продуктов на внешний рынок.

Первостепенной задачей правительства Франции было найти альтернативный Буэнос-Айресу торговый путь для экспорта парагвайской продукции. «Пока Парагвай, – считал Франсия, – не освободится от этой мерзкой зависимости и, по сути, позорного ига, освободив свою торговлю от столь несправедливых препятствий, прямо противоположных его судьбе, он никогда не сможет ни процветать, ни добиться прогресса, залогом которого являются многочисленные плоды его земли. Сохранение зависимости вызовет лишь его медленное разорение»¹¹⁰.

Альтернативой стала торговля с Бразилией, которая, хотя и не признала независимость Парагвая, но была заинтересована в торговле с ним. Торговля велась через расположенный на юго-востоке город Итапуа, откуда парагвайские товары через Мисьонес шли в бразильский город Сан-Борха, а оттуда в Порто-Алегро. Вместе с тем, сохранились, хотя и в скромных размерах, торговля с Корриентесом через речной порт Пилар.

Для достижения подлинной независимости необходимо было, прежде всего, освободиться от импорта сельскохозяйственных

¹⁰⁹ Francia. Vol. II. P. 858–859.

¹¹⁰ Francia. Vol. II. P. 770–771.

продуктов, которые Парагвай мог с успехом в достаточном количестве производить сам. Но для этого нужно было изменить формы землевладения, ликвидировать господствующие позиции латифундистов.

К середине 1820-х годов у государства оказалось значительное количество земли. Государственный земельный фонд складывался из земель, ранее принадлежавших испанской короне, конфискованных у противников диктатуры Франсии, а также бывших церковных и монастырских угодий.

В 1825 г. правительство аннулировало все бывшие королевские пожалования, государству вернулись также все земли, которые не обрабатывались и использовались в спекулятивных целях. Под угрозой потери земли все владельцы обязаны были предоставить документы на собственность. Однако, большинство землевладельцев их не имели. В результате этих мер, вся территория Мисьонес и Чако, а также половина наиболее богатого и хозяйственно освоенного центрального района перешла в собственность государству. По существу это была аграрная реформа, которая нанесла сильный удар по крупному землевладению, хотя и не ликвидировала его полностью.

Франсия не шел по пути других латиноамериканских стран, правительства которых продавали государственные земли в неограниченном количестве и по символической цене, а превратил их в главный источник национального производства и государственных доходов.

На части этих земель были организованы государственные хозяйства – эстансии родины. Помимо собственно скотоводческой продукции, они снабжали армию продуктами питания и одежды. Вскоре количество продукции превысило потребности военных, и она стала поступать гражданскому населению. Власти распределяли ее среди беднейших слоев населения или продавали на местных рынках по умеренным ценам.

Большая часть земли сдавалась в аренду безземельным парагвайцам, а также иммигрантам по умеренным ценам в бессрочное пользование при условии ее обработки или превращения в пастбище. Арендная плата варьировалась от 2 песо в год за небольшой участок – эхидос, до 20 песо – за крупный. Несмотря на отсутствие полной статистики хозяйств, имеющиеся документы позволяют определить их количество в 6000, а количество пользователей в 49000 или 13% населения. Иными

словами, каждый восьмой парагваец жил и работал на ферме, арендованной у государства¹¹¹.

Вместе с тем в Парагвае продолжало существовать рабство. Рабы составляли примерно 2% населения. Они использовались в государственном секторе и получали одинаковую со свободными зарплату за одинаковый труд. Франсия учредил специальную правительственную должность – «Защитник бедных и малых», в обязанность которого входило рассмотрение жалоб рабов на своих хозяев. Сам диктатор имел трех рабов. В 1834 г. он их освободил «за хорошую мне службу», заплатив за них в казну, поскольку официально они считались принадлежавшими государству. Однако вскоре один из них потерял свободу, обвиненный Франсием в краже денег¹¹². Но Франсия никогда не пытался отменить рабство как институт, и оно продолжало существовать в течение всей его диктатуры.

Изменения в системе землевладения и землепользования благотворно сказались на развитии сельского хозяйства, позволив преодолеть его монокультурный характер.

Прежде всего необходимо было изменить структуру национального хозяйства, снизив в нем удельный вес традиционных экспортных культур. Ведь из-за монокультурного характера экономики, страна, располагавшая значительным сельскохозяйственным потенциалом, была вынуждена импортировать мясо и зерно.

Диверсификация производства быстро принесла свои плоды. Уже в середине 1820-х годов Парагвай прекратил импорт мяса и начал его экспортировать. Но решив одну проблему, страна столкнулась с другой. Благоприятная рыночная конъюнктура, возникшая из-за падения скота на юге Бразилии, вызвала переориентацию экономики на скотоводство. Это нанесло ущерб земледелию и привело к истощению естественных пастбищ. Страна столкнулась с классическим кризисом перепроизводства. Создавшееся положение Франсия в письме делегату Итапуа резюмировал в следующих словах: «Ряд государственных эстансий переполнен и я не знаю, что делать с таким количеством скота и, что еще хуже, из-за этого он не откармливается»¹¹³.

¹¹¹ White R.A. Op. cit. P. 141.

¹¹² Francia. Vol. III. P. 1412, 1459.

¹¹³ Francia. Vol. II. P. 1085.

Экономика страны оказалась перед опасностью вновь стать монокультурной, на этот раз скотоводческой. Для ликвидации этой опасности, Франция, исходя из общенациональных интересов, принял ряд жесточайших, совсем не рыночных мер. Правительство обязало всех землепользователей засеивать часть земли. Те, кто не обрабатывал свою землю, подвергались суровым наказаниям. Так, земледельцы округа Пилар, которые постоянно переключались на разведение скота, были подвергнуты штрафу в размере одной коровы каждый за неисполнение правительственного распоряжения.

Власти стали регламентировать количество скота, который мог иметь каждый собственник под угрозой штрафа, заставляя их огораживать поля, чтобы не нанести ущерба соседним полям. В качестве заключительной меры стал запрет в 1831 г. экспорта скота¹¹⁴. Таким образом, животноводство было переориентировано на удовлетворение потребностей населения. Этому также способствовало снижение правительством в течение ряда лет цены на мясо.

Столь же целенаправленно Франция занимался развитием земледелия. В 1819 г., когда нашествие саранчи погубило весь урожай, он приказал провести вторично сев под угрозой наказания и к всеобщему удивлению был собран богатый урожай. С этого времени в Парагвае сеяли летом и зимой, собирая по два урожая в год. Помимо обязательной обработки земли Франция приказал в обязательном порядке в определённых, указанных им районах, возделывать определенные сельскохозяйственные культуры, такие как пшеница и хлопок.

Принятые меры позволили ликвидировать монокультурный характер парагвайской экономики. Значительно сократился экспорт йерба-мате, но было налажено производство зерновых, мяса, хлопка, овощей и фруктов¹¹⁵.

Аналогичные меры применялись в отношении промышленности. Государство взяло на себя основную роль в ее развитии. Для удовлетворения потребностей в промышленных товарах создавались мастерские и мануфактуры. Получили развитие текстильное производство, кузнечное, слесарное дело. Особое внимание уделялось военной промышленности. Были созданы государственные предприятия по производству

¹¹⁴ Francia. Vol. III. P. 1209.

¹¹⁵ Francia. Vol. II. P. 810.

вооружения и снаряжения, корабельные верфи, где строились речные суда. Проводилась большая программа общественных работ; строительство и ремонт дорог, каналов, реконструкция столицы.

С устранением олигархии с господствующих позиций Франция установил контроль над внутренней и внешней торговлей, в которой ранее господствовали местные и иностранные купцы, подчинив ее национальным интересам. Это хорошо видно на следующих примерах.

Правительство и местные власти получали значительную часть налогов в натуральной форме – в йерба-мате и табаке, но муниципалитеты не могли реализовать всю продукцию на местных рынках и у них не было средств для перевозки ее на экспорт в Итапуа. Тогда Франция обязал всех купцов, занятых в экспортной торговле, закупать йерба-мате в Асунсьоне, не менее трети всей стоимости груза. Поскольку ее цена в Асунсьоне и в Итапуа была одинаковой, власти фактически обложили купцов налогом в форме бесплатной перевозки государственной продукции на экспорт.

Парагвай был жизненно заинтересован в импорте вооружения и снаряжения. Но торговля ими представляла определенный риск для частных торговцев. Чтобы заинтересовать их, он начал давать разрешение на экспорт древесины, которая пользовалась большим спросом в Буэнос-Айресе, в обмен на импорт оружия. Таким образом, страна получала достаточное количество вооружения.

Вместе с тем, помимо купцов, права на торговлю имели производители, в том числе мелкие. Франция преследовал при этом несколько целей. В письме делегату Пилар он распорядился обязать иностранных купцов вести торговлю не в деньгах, а в обмен на скот и другие продукты страны, чтобы дать возможность «прийти сюда с немногим скотом многим бедным и получить таким образом дешевые товары. Не будет монополии европейцев и чужих, которые захватили всю торговлю, получая тысячи в звонкой монете без всякой выгоды и пользы для уроженцев страны, поскольку это обогащало лишь чужих»¹¹⁶.

Правительство регламентировало торговлю среди производителей вплоть до выдачи разрешения на экспорт в зависимости от округа, в котором они жили. Эти меры преследовали цель «дать место, чтобы жители внутренних провинций могли идти торговать немногими товарами, чтобы

¹¹⁶ Francia. Vol. II. P. 891.

удовлетворить собственные потребности. Несправедливо позволить немногим жителям этого района постоянно скупать столь значительную часть товаров, оставляя столь значительную часть жителей других мест без возможности приобрести полезные вещи, лишая их наиболее нужных и разыскиваемых товаров»¹¹⁷. Вместе с тем, принятые меры не только гарантировали всем жителям равную возможность получить выгоду от своей работы, но и препятствовали затовариванию рынка, регулируя экспорт.

Государство регламентировало весь импорт, начиная с товаров первой необходимости и кончая предметами роскоши. Франция выступал защитником интересов потребителей, запрещая ввоз в страну товаров низкого качества. «Скажите Косморе, – писал Франция делегату Итапуа, – что товары, которые он предлагает, здесь не нужны, и никто не хочет их покупать и казна не должна приобретать то, что не нужно и ничего не приносит»¹¹⁸. В то же время он старался учитывать вкусы потребителей и меняющуюся моду. Это следует из его приказа делегату Итапуа сообщить купцам, чтобы они не везли большие ленты зеленого и желтого цвета, поскольку «эти два цвета, как мне сказал продавец государственного магазина, не используются спросом»¹¹⁹.

Сокращение объема экспортно-импортных операций вызвало уменьшение частной торговли. В этих условиях государство сконцентрировало в своих руках основную массу товаров и использовало собственный речной флот для их экспорта, компенсировав, таким образом, упадок частного сектора.

Для понимания экономической стратегии Франции следует иметь в виду, что он рассматривал торговлю не только как источник дохода, а прежде всего как необходимое условие для нормального экономического развития страны. Он вновь и вновь повторял, что независимые нации «торгуют только с теми, с кем хотят, когда и как хотят и когда их это устраивает, прекращая ее, когда не считают ее подходящей по какой-либо причине». Он сурово отчитал делегата Консепсьона, года последний заявил бразильским купцам, что «общим делом американцев является неограниченная внешняя торговля. «Если кто-либо скажет подобное, зная смысл и значение, которое он хочет придать данному выражению, то без сомнения, он сделает подлость; если

¹¹⁷ Francia. Vol. III. P. 1299.

¹¹⁸ Francia. Vol. III. P. 1267.

¹¹⁹ Francia. Vol. III. P. 1203.

нет, то следует заметить, что это будет какой-то болван, который болтает нелепицы»¹²⁰.

Вместе с тем, Франция не отождествлял свободу торговли со свободой судоходства по рекам парагвайских судов. Последнее требование носило абсолютный характер и имело цель покончить с зависимостью от иностранных судов в экспортно-импортной торговле. Оно было центральным в отношениях с Буэнос-Айресом, который закрывал парагвайским судам свободный проход по рекам. Разъясняя свою позицию купцам Буэнос-Айреса, Франция писал: «Когда флаг республики будет свободно плавать до моря, тогда будут допущены те, кто пришел торговать и тогда будет урегулирована торговля в зависимости от выгоды для парагвайцев и способом, выгодным для них, а не только, как до сих пор, для выгоды других»¹²¹.

Парагвайская торговля страдала не только от высоких пошлин в Буэнос-Айресе, что вызывало падение экспортных и рост импортных цен, но и из-за постоянной утечки благородных металлов из страны, оставляя ее с хронической нехваткой капитала. Финансовая зависимость увеличивалась также из-за необходимости для парагвайских купцов в ходе торговых операций брать кредиты в Буэнос-Айресе.

Первым шагом на пути ликвидации финансовой зависимости стал декрет 1814 г., запретивший вывоз из страны золота и серебра. Этот запрет неоднократно повторялся и в последующие годы¹²². Мотивируя запрет на экспорт благородных металлов, Франция утверждал, что сами по себе они не являются необходимыми для поддержания внешней торговли при условии, если «экспортная продукция республики всегда превышает импорт, который требует потребитель. Поэтому, – заявлял он, – добыча драгоценных металлов является ненужной, так как этого не требует торговый баланс»¹²³.

В последующие годы Франция распорядился ликвидировать как частный, так и государственный долг, запретив парагвайским купцам брать кредит¹²⁴. Если же они влезали в долги, правительство запрещало им с ними расплачиваться, штрафуя их

¹²⁰ Francia. Vol. II. P. 627.

¹²¹ White R.A. Op. cit. P. 182.

¹²² Francia. Vol. I. P. 322–323; Vol. II. P. 887, 889.

¹²³ Francia. Vol. I. P. 322.

¹²⁴ Francia. Vol. II. P. 1006.

на сумму долго. Наряду с этим, государство регламентировало внешнюю торговлю путем выдачи лицензий, что требовало от всех парагвайцев получения для экспорта местной продукции, на которую назначалась минимальная цена¹²⁵. Эти меры позволили Парагваю преодолеть традиционную финансовую зависимость.

Контроль над внешней торговлей включал право и обязанность правительства устанавливать цены. Франция отвергал классическую модель рынка, где закон спроса и предложения определял цену на товары. Выступая против свободной торговли, он отказывался вести ее по ценам свободного рынка или, по его собственным словам, на «концепции определенной стоимости». Поэтому мировые цены лишь в минимальной степени влияли на торговлю Парагвая. Торговый обмен велся на основе стоимости производства или стоимости работы, поскольку Франция определял произведенную продукцию как «продукт труда» в ее отношении к полезности импортной продукции для страны. Механизм государственной торговли заключался в следующем: Франция декретом устанавливал количество товаров на экспорт и количество импортируемых после оценки их полезности для страны. Поскольку многие товары, прежде импортировавшиеся, уже производились в стране, Франция закрепил их импорт. Таким образом, Парагвай приобретал импорт в обмен на свой экспорт, не прибегая к расчетам в валюте и избегая дефицита торгового баланса.

Франция предписывал местным властям внимательно следить за вывозом иностранными купцами денег из страны. В целом, вывоз денег был запрещен, за исключением небольших сумм для уплаты налогов. Запрещалась торговля, которая выходила за рамки продуктового обмена¹²⁶. Объясняя причины запрета, Франция писал: «Не все деньги, которые купцы ввозят в страну, они тратят на покупку скота и других продуктов в стране [...] остальные деньги они вывозят [...] с недостатком металлических денег следует опасаться банкротство республики, которое проигрывает в случае их вывоза»¹²⁷.

Сложившаяся в Парагвае хозяйственная модель исключала свободный рынок и препятствовала проникновению в страну иностранного капитала. Вместе с тем, она стала основой для

¹²⁵ Francia. Vol. II. P. 1012.

¹²⁶ Francia. Vol. II. P. 887.

¹²⁷ Francia. Vol. II. P. 89.

проведения активной социальной политики в интересах большинства населения. При ее проведении Франция руководствовалась принципом: «Частное благо должно подчиняться общему». Результаты этой политики проявились, прежде всего, в области налогообложения.

Несмотря на значительные военные расходы Франция выполнил поставленную в «политическом катехизисе задачу: [...] налоги можно сократить, чтобы никто не чувствовал их выплату. В период его правления произошло их существенное сокращение в общей сумме государственных доходов. По подсчетам американского исследователя Р.А. Уайта, если в 1816 г. на них приходилось 84% всех доходов, то в 1840 г. всего лишь 16, 59%¹²⁸. Столь резкое сокращение объяснялось падением таможенных доходов в результате сокращения внешней торговли. Однако это не привело ни к увеличению существующих, ни к введению новых налогов.

В 1830 г. правительство уменьшило два главных налога: алькабалу и десятину. Первый представлял собой 4% налог со всех продаж, а второй 10% налог на всю сельскохозяйственную продукцию, который государство получало от имени церкви. Алькабала была сокращена на половину, а десятина заменена натуральным налогом 5% на летний и зимний урожай – с 5% до 4%¹²⁹. Чуть позже налог на зимний урожай был ликвидирован совсем¹³⁰. О том, какое значение имело сокращение этих налогов, можно судить по следующим цифрам. В 1829 г. они составляли 93% всех налоговых поступлений, а в 1840 г. – 22%¹³¹.

Несмотря на столь значительное сокращение налоговой нагрузки на население, государство не испытывало недостатка в средствах, поскольку создало новые источники доходов. Прежде всего, это касалось эстансий родины. Производство в этих хозяйствах очень скоро превысило потребности вооружённых сил и власти стали распределять излишки среди нуждающихся или продавать на местных рынках по умеренным ценам. Вскоре открылись государственные магазины, в которых продавался весь ассортимент товаров национального производства, а также импортные товары. Постепенно доля государственных продаж в правительственных доходах росла, превратившись к концу

¹²⁸ White R.A. Op. cit. P. 128.

¹²⁹ Francia. Vol. III. P. 1453–1454.

¹³⁰ Francia. Vol. III. P. 1520–1521.

¹³¹ White R.A. Op. cit. P. 128.

правления Франции в наиболее важный их источник. Два важнейших источника государственных средств – налоги и государственная торговля – поменялись местами в структуре государственных доходов. Если первоначальная их большая часть приходилась на налоги – 54, 9%, а государственная торговля давала лишь 12, 44%, то к концу 1830-х годов последняя приносила уже 50,2%, а налоги 19, 4%¹³².

Франция придавал исключительно большое значение государственным хозяйствам. Уже в конце жизни он писал, что «создал государственные эстансии, чтобы покрыть растущие расходы на содержание вооруженных сил «с целью не требовать налогов скотом, как это делалось в других странах, прекратить выплату десятины [...] чтобы не облагать народ Парагвая огромными расходами в 100 тыс. песо, которые ежегодно тратятся на содержание войск, военные приготовления, общественные работы, другие необходимые расходы». Франция признает, что все эти функции не являются обязательными для государства. Но необходимыми в Парагвае, где нет людей с необходимым образованием и способностями, чтобы осуществлять их. В тоже время Франция с гордостью отмечал, что «Парагвай усилиями и стремлениями правительства освобожден от всех налоговых взысканий и взносов, которые обременяют народы других государств. Из-за того, что они должны платить за все расходы, издержки и обязательства правительств»¹³³.

В дополнение к государственной торговле по льготным ценам, правительство стало практиковать бесплатную раздачу скота и одежды беднякам. Так в письме Франции делегату Консепсьона содержалась подробная инструкция о порядке раздачи. Во избежание путаницы и ошибок необходимо было составить список нуждающихся, прежде всего мужчин из числа 600 служивших в милиции. Каждому из них надлежало выдать пончо, штаны, рубашку, жилет, а также нож и три железных колеса. Затем каждому из 200 белых юношей, предпочтительно наиболее нуждающихся и из семей милиционеров, дать пончо, рубашку и жилет. Вслед за бедными мужчинами также вещи были розданы среди цветных.

После мужчин очередь дошла до женщин. 500 наиболее нуждающихся белых женщин получили накидки, голландское

¹³² White R.A. Op. cit. P. 134.

¹³³ Francia. Vol. III. P. 1614.

полотно, платки, 2 вары (1 vara 8359 мм) тесьмы, иголки и ножницы. Такие же вещи были распределены среди 200 белых девушек и 100 цветных женщин¹³⁴.

Раздача скота носила не столько благотворительный характер, сколько преследовала цель помочь беднякам обзавестись собственным хозяйством. Франсия следующим образом инструктировал делегата Итапуа: «нужно, чтобы делегат, если у него нет более срочных дел, посетил эти селения и не только собственными глазами убедился в положении дел, но и побудил управляющего и жителей заняться наиболее полезными промышленными и сельскохозяйственными делами, которые могут обеспечить из благополучие, а также информировать правительство об улучшениях и обо всем, что ему кажется целесообразным для их прогресса, чтобы вытащить из их того несчастного и жалкого положения, в котором они находятся»¹³⁵.

Усилия Франсия не прошли даром. За годы его диктатуры страна разительно изменилась. По свидетельству Грансира: «Во всем Парагвае не встретишь нищего; диктатор хочет, чтобы все работали, а его воля является законом. Не увидишь также нужды, как в других странах»¹³⁶.

В период диктатуры Франсия в Парагвае возникло общество с ярко выраженными чертами эгалитаризма, что отличало его от других латиноамериканских стран.

Библиография

Cabanellas Y. El dictador del Paraguay Dr Francia – Buenos Aires, 1946.

Chaevs J.C. Ideologia de la revolution paraguaya de 14-15 de Mayo de 1811 // Historia paraguaya Anuario de la academia paraguaya de la historia. Vol. 8–10 – Asuncion, 1963–1965.

Francia. Vol. I–III. – Asunción: Tiempo de historia, 2010.

White R.A. La primera revolucion popular en America. Paraguay (1810–1840) – Asunción, 1988.

¹³⁴ Francia. Vol. III. P. 1205.

¹³⁵ Francia. Vol. III. P. 1194.

¹³⁶ Цит. по: Альперович М.С. Революция и диктатура в Парагвае. 1810–1840. С. 242.

- Альперович М.С.* Революция и диктатура в Парагвае. 1810–1840. – М.: Наука, 1975.
- Иванов Н.С.* Уругвайский либерализм в XIX веке // Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16. С.365-375.
- Кораблева Л.Ю.* Парагвай: от политики «блестящей изоляции» к поиску новых путей национальной модернизации // Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. – М.: Наука, 2012.
- Мирошевский В.М.* Хосе Гаспар Франсия – вождь парагвайской революционной демократии (1814–1840) // Вопросы истории. 1946. №4.
- Селиванова И.В.* Формирование либерального политического течения в первые годы независимого развития мексиканского государства // Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16. С.314-323.
- Щелчков А.А.* Создание либеральной партии в Колумбии // Латиноамериканский исторических альманах. 2016. №16. С.324-333.

*Л.А.Ивкина*¹³⁷
L.A. Ivkina

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. ХОСЕ АНТОНИО САКО И ЕГО ВРЕМЯ

(2 часть)¹³⁸

¹³⁷ *Людмила Андреевна Ивкина*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivkina Liudmila A., Institute of World History of the Russian Academy of Science, lais07@mail.ru.).

¹³⁸ Первая часть статьи см: Ивкина Л.А. Хосе Антонио Сако и его время // Латиноамериканский исторический альманах. №16. 2016. С.81-110.

HISTORY IN FACES. JOSÉ ANTONIO SACO AND ITS TIME

(2 part)

Аннотация: В работе исследуются жизнь и деятельность известного кубинского политического и общественного деятеля, историка, либерала, просветителя Хосе Антонио Сако (1797-1879). Сако - представитель второго этапа кубинского либерализма 30-60-х гг. XIX в., сторонник эволюционного пути развития Кубы, всю свою жизнь посвятил борьбе за либерализацию колониального испанского режима, за прекращение работорговли, против аннексии (присоединения) Кубы к США, за социально-экономические преобразования экономики острова. Все работы Сако отражали конкретную реальную историю Кубы XIX в., вписанную в общее русло всемирно-исторического процесса.

Ключевые слова: Хосе Антонио Сако, Куба, США, работорговля, рабство, реформы, либерализм.

Abstract: The article explores the life and work of the famous well-known Cuban political and public figure, historian, liberal educator José Antonio Saco (1797-1879). Saco was a representative of the second phase of the Cuban reformism, of the 19th century, a supporter of the evolutionary path of development of Cuba, devoted all his life to the fight for the liberalization of the Spanish colonial regime, an end to the slave trade, against annexation of Cuba to the United States, for socio-economic transformation of the economy of the island. All his works should reflect the real history of Cuba, inscribed within the world-historical whom process.

Keywords: Jose Antonio Saco, Cuba, United States, the slave trade, liberalization of Spanish colonial policy, reformism, liberalism.

Находясь в эпицентре влияния ведущих капиталистических держав, Куба испытала на себе все политические, социальные и экономические изменения, происходившие в мире в 40-50-е гг. XIX в. В этот период ситуация на Кубе продолжала оставаться неспокойной. Нежелание Испании прислушаться к требованиям креольской плантаторской буржуазии, лишение их права посылать

своих представителей в испанские кортесы, сохранение на острове военного режима ещё больше усилило размежевание между креольским и испанским населением острова.

Резко ухудшились отношения между Испанией и Англией, которая в тот период стремилась ликвидировать работорговлю и рабство во всем мире, что отвечало ее экономическим интересам. Еще в 1817 г. Испания под давлением Англии вынуждена была подписать первый двухсторонний договор о запрещении работорговли, за ним последовали еще несколько договоров (1820, 1835). Однако все они по существу так и остались лишь декларациями, так как ревностные сторонники сохранения института рабства и работорговли на Кубе пытались всячески игнорировать исполнение нового договора (1835) и запретить энергичную деятельность английских консулов на Кубе, осуществлявших надзор за его соблюдением. В продолжении работорговли были заинтересованы не только крупные плантаторы, но и вся коррумпированная верхушка испанской колониальной администрации, испанские торговцы, монополизировавшие торговлю живым товаром, сам испанский двор. За каждого раба, нелегально доставленного на остров, генерал-капитаны получали по 10 песо. Чистый доход от одного груза (около 500 рабов), доставленного с Золотого Берега Африки, составлял 120-130 тыс. песо².

В то же время стихийные негритянские волнения первой половины 40-х гг., прокатившиеся на Кубе в районах развитого торгового земледелия, особенно на западе (Гавана, Матансас), вызванные поступающими с британских владений Вест-Индии вестями об отмене там рабства, вынуждали испанские власти

² Del Monte D. Escritos. T.1. La Habana, 1929. P.138,139. Отмена рабства в сахаропроизводящих английских колониях привела к существенному росту издержек производства. В то же время Куба, где численность африканских невольников продолжала увеличиваться ввиду несоблюдения Испанией договоров 1817, 1820 и 1835 гг., пользуясь сложившейся благоприятной конъюнктурой, все более увеличивала производство сахара. В ответ Англия усилила давление на Испанию и одновременно развернула широкую аболиционистскую кампанию на острове, которую осуществлял английский консул Д. Тэрнбулл. Последний, в частности, настаивал на проведении переписи несвободного населения с целью выяснения точного числа нелегально ввезенных на остров (т. е. после 1820 г.) рабов, которые подлежали освобождению. В 1842 г. по требованию испанских властей он был выдворен с Кубы.

всерьез задуматься о тех последствиях, которые могли бы произойти, если не приостановить неуправляемый рост несвободного населения. Испанские власти установили наблюдение за свободными неграми, посещавшими плантации; были запрещены совместные собрания свободных мулатов и рабов. Кубинским плантаторам было разрешено создавать за свой счет специальные отряды милиции для охраны своей собственности³.

И все же под давлением общественного мнения Испания была вынуждена издать в марте 1845 г. «Закон о запрещении и преследовании работорговли». Он состоял из 14 статей и предусматривал суровые меры наказания для всех должностных лиц и собственников, принимавших участие или потворствовавших продолжению контрабандной работорговли. Одновременно статья 9 этого декрета запрещала возбуждать преследования против плантаторов под предлогом установления сроков приобретения находившихся на территории его владения рабов. Тем самым сама система рабства фактически оказалась под защитой испанских властей⁴. Впоследствии, в 1855 г. эта статья декрета была подкреплена специальным законом, принятым испанскими кортесами, который гласил, что «рабство является специфической формой частной собственности и поэтому является

³ Сильная волна негритянских волнений началась в 40-е годы. В ночь с 27 на 28 марта 1843 г. в инхенио «Алькансия», расположенном недалеко от Карденаса (Матансас) подняли восстание свыше 250 рабов. К ним вскоре присоединились рабы с соседних плантаций - «Ла Луиза», «Ла Тринидад», «Лас Ньевес», «Ла Аурора», кофейной плантации «Моску», животноводческого хозяйства «Ранчуэло», а также негры, занятые на строительстве железной дороги Карденас -Хукаро. Восстание было жестоко подавлено. Такая же участь постигла и вспыхнувшее 5 ноября 1843 г. стихийное выступление рабов в инхенио «Триумвират», принадлежавшее семейству Альфонсо. Генерал - капитан Кубы Л. О'Доннель, которому поступали многочисленные донесения о якобы готовившихся заговорах рабов и стремясь пресечь их в самом зародыше, негритянские бунты, осуществил в начале 1844 г. серию репрессий, вошедших в историю под названием «Заговора эскалеры». По малейшему подозрению, чаще всего недоказанному, негры подверглись жестоким пыткам. Их привязывали к лестнице и избивали плетками до тех пор, пока не вырывали у жертвы признания. К подобного рода наказанию было приговорено свыше 4 тыс. человек. Впоследствии часть осужденных была приговорена к смертной казни, остальные - к тюремному заключению или ссылке. - Morales y Morales V. Iniciadores y primeros mártires de la revolución cubana. T.I. La Habana, 1931. T. I. P. 297, 298.

⁴ Documentos para la historia de Cuba: Época colonial.- La Habana, 1970. T. 1. P. 327-330.

неприкосновенным»⁵. По существу, этот закон все же оставлял лазейку как для сохранения института рабства, так и дальнейшего продолжения, хотя и в меньшей степени, работорговли.

Вызывала тревогу и общая международная обстановка. Мировой экономический кризис 1847 г. привел к резкому падению цен на экспортные товары, сокращению кофейного производства (конкуренция бразильского кофе на мировом рынке, ураганы 1844 и 1846 гг., а также таможенная война между США и Испанией привели к свертыванию этого производства на острове). Назревали либеральные революции в Европе. Во Франции в результате февральской буржуазной революции 1848 г. было ликвидировано рабство во французских колониях. На историческом горизонте возникла угроза скорой отмены рабства.

Многие кубинские плантаторы и политические деятели с нарастающим вниманием взирали на могущественного северного соседа, экономический и территориальный рост которого вызывал восхищение и восторг, а наличие демократических буржуазных государственных институтов вкупе с существованием рабства в южных штатах давал повод и надежду на сохранение института рабства. «Мы живем в эпоху великих событий, – писал Сако, – и никто может предсказать, как сложится ситуация, если Испания будет вовлечена в европейскую войну или будет раздираема изнутри анархией. Слово «аннексия» все чаще звучит на Кубе; чрезмерная экспансия Соединенных Штатов Америки и демократические свободы, существующие там, являются мощным притягательным магнитом для порабощенного народа. Если Испания не хочет, чтобы блистающие звезды американской конфедерации вспыхнули над Кубой, она должна предоставить требуемые кубинским народом права, чтобы над ней воссияло солнце свободы»⁶.

В эти годы, проводя откровенно экспансионистскую политику, США удалось существенно расширить свои территории. Идеология «Manifest Destiny» получила широкую поддержку среди правящей элиты США, как на Севере, так и в южных рабовладельческих штатах. В 1848 г. завершилась длившаяся два года война с

⁵ Del Monte D. Escritos.-Т.1.- P.222.

⁶ Saco J.A Papeles sobre Cuba. Colección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba ya publicados, ya ineditos. T. III. La Habana: Editorial Nacional de Cuba, 1963. P. 359.

Мексикой, которую Сако назвал войной «несправедливой». В результате по договору Гуадалупе — Идальго США приобрели 919 тыс. кв. миль земель (2,3 млн. кв. км.) — более половины территории Мексики (Техас, Калифорния, Аризона, Юта, Невада, Нью-Мексико, часть современных штатов Колорадо и Вайоминга), богатыми запасами нефти, золота, угля, меди и великолепными плодородными пахотными землями. Рабовладельцы южных штатов, окрыленные этими победами, вновь обратили свои взоры на Кубу. Присоединение острова рассматривалось ими как средство усиления своих позиций в американском конгрессе.

Под влиянием внутренних и внешних факторов на Кубе в конце 40-х гг. возродилось движение за присоединение к США, которое господствовало в общественной жизни острова целое десятилетие. Это движение не было новым течением в политической истории Кубы. Впервые оно возникло в 1810 г., но вскоре потерпело неудачу, затем вновь вспыхнуло в 1821 г. И в том и другом случае основной причиной его возникновения было стремление кубинских плантаторов сохранить рабство.

На этот раз возникновение на Кубе движения за присоединение к США было обусловлено различными причинами. Часть сторонников этого движения была заинтересована в расширении торговых контактов с США и ликвидации ограничительных барьеров, установленных метрополией на ввоз американских товаров, в частности, пшеницы. В этот период США, являясь одной из самых развитых стран мира, в которой еще продолжало существовать рабство, постепенно завоевывают рынок Кубы. Сторонники присоединения острова к США на правах нового штата считали, что этот шаг поможет не только освободиться от испанского колониального гнета, но и будет способствовать более ускоренному экономическому процветанию Кубы (при сохранении института рабства).

Другая часть кубинского общества, в основном, представители креольской интеллигенции, склонялись к идее аннексии острова по политическим мотивам. Демократические и республиканские основы буржуазной государственности США являлись для них тем притягательным фактором, который побуждал их включиться в аннексионистскую пропаганду. Многие состоятельные креольские собственники отправляли своих детей на учебу в США и страны Европы. Жизнь за границей оказывала на них огромное влияние. По возвращении домой многие из них активно включались в политическую борьбу против испанского колониализма, и в этом

случае движение за присоединение к США рассматривалось ими как один из способов освобождения от колониального гнета Испании. Как справедливо отмечал кубинский историк Р. Герра и Санчес, «слово «независимость» в 1842 г. означало не что иное, как отделение от Испании и вхождение в состав Американской конфедерации»⁷. Среди сторонников присоединения Кубы к США были долго жившие в США поэт и прозаик С. Вильяверде, поэт Рамон де Пальма, адвокат Х.А. Эчеверрия, писатель Гаспар Бетанкур Сиснерос.

Однако главной причиной возникновения аннексионизма была проблема рабства. Все остальные были второстепенными. На самой Кубе идеологами этого движения стали наиболее влиятельные кубинские плантаторы острова, которые в 30-е годы принимали активное участие в борьбе за реформы. Кубинские сторонники аннексии пытались следовать примеру Техаса. Революция, независимость и аннексия - таков был последовательный путь захвата Техаса американскими рабовладельцами. Так предполагалось поступить и в отношении Кубы.

В конце 40-х гг. XIX века на Кубе возникло три центра аннексионистской деятельности: в Гаване, Камагуэе и Тринидаде. В 1847 г. в Гаване был создан «Гаванский клуб», в состав которого вошли Мигель де Альдама, Хосе Луис Альфонсо, Кристобаль Мадан-и-Мадан и др. В Камагуэе движение в пользу присоединения Кубы к США возглавил Гаспар Бетанкур Сиснерос. Одновременно в Матансасе и Лас Вильяс готовил заговор «Кубинская роза» венесуэльский генерал Нарсисо Лопес⁸. В 1847 г. представители кубинской эмиграции в Нью-Йорке создали «Кубинский совет», а с января 1848 г. здесь стал издаваться печатный орган этой организации газета «Ла Вердад» (La Verdad),

⁷ Guerra y Sánchez R. Manual de historia de Cuba: Desde su descubrimiento hasta 1868. La Habana: Ed. Ciencias Sociales, 1971. P. 429.

⁸ Нарсисо Лопес (1797-1851) — венесуэлец по происхождению. Служил в испанской армии, принимая активное участие в борьбе против национально-освободительной борьбы 1810-1826 гг., в 1824-1827 гг. служил на Кубе; затем уехал в Испанию, где принял участие в политической борьбе против карлистского движения 1833-1840 гг., получив звание бригадного генерала. С 1841 г. обосновался на Кубе. При генерал-капитане Х. Вальдесе (1841-1843) занимал ряд ответственных военных постов. Впоследствии, оставив службу в армии, занялся бизнесом. Был женат на сестре известного кубинского собственника Фриаса де Жаккот (графа Пососа Дульсе) - Долорес де Фриас и Жаккот.

распространявшаяся бесплатно на английском и испанском языках в США и на Кубе.

В январе 1848 г. один из лидеров аннексионистского движения на Кубе Г. Бетанкур Сиснерос обратился к жившему тогда в Париже Х. А. Сако с предложением возглавить газету, обещав ему высокий по тому времени гонорар - 10 тыс. песо. Ответ видного политического деятеля привел всех в замешательство. Многие его соотечественники были знакомы с точкой зрения кубинского изгнанника, высказанной им еще в 1837 г. в одной из своих работ (Параллель между островом Куба и некоторыми английскими колониями..), где Х. А. Сако *гипотетически* (курсив мой — Л.И.) предполагал такой исход событий (вхождение Кубы в состав США), но только в крайнем случае, при неблагоприятных обстоятельствах, только как крайний шаг. Впоследствии, в 1847 г. в одной из своих работ (Реплика Х. А.Сако на ответ инспектора Королевского финансового ведомства Васкеса Кеипо..) Сако, опровергая доводы своих противников, приписавших ему аннексионистские устремления, твердо заявил, что не относится ни к фантазерам, ни к мечтателям: «Не пытаясь предсказать будущее США, должен сказать, что в настоящее время аннексия или вхождение Кубы в американскую республику вещь не только невозможная, но по крайней мере будет сопровождаться серьезными осложнениями. Остров Куба имеет такую важность, что ее владение дало бы США огромную власть, а это представляет угрозу существованию колониям Англии и Франции. Вооруженный захват острова неминуемо будет сопровождаться войной между США и Испанией, Англией и Францией. Еще неизвестно, кто из них победит. Но если победят США, какова будет участь Кубы, превращенной в театр военных действий?». Не надо забывать, справедливо отмечал он, что США озабочены не благосостоянием и счастьем кубинского народа, а прежде всего своим территориальным ростом и политическими амбициями⁹. Он обратил внимание на растущие экспансионистские устремления северного соседа еще в 1832 г., когда находился в Новом Орлеане (Луизиана), где в тот момент проходили выборы депутатов в местные органы власти от двух партий, одна из которых представляла интересы французских креолов, коренных жителей этого района, а вторая - англоязычное население. Там очень активно шел процесс утверждения англо- саксонской расы. С тех

⁹ Saco J.A. Papeles. - Т. III. - P. 290, 334-335.

пор, признавая либеральные традиции страны, Сако негативно относился к экспансионистским тенденциям во внешней политике США¹⁰. В дальнейшем он всегда открещивался от этой идеи, неоднократно подчеркивая, что его идеалом будущего «была Куба, входящая в состав Испании, но свободная, а не зависимая, как сейчас; ибо отделенная от неё, она потеряет не только свободу, но и политическое лицо, а это в свою очередь не позволило бы в будущем сохранить и обеспечить господство белой расы, населяющей её в настоящее время»¹¹.

В ответном письме Г. Бетанкуру от 19 марта 1848 г. Х. А. Сако не только отказался от столь лестного предложения, но и призвал кубинских сторонников аннексии Кубы прекратить свою деятельность. Он считал, что последствия такого шага могут быть настолько непредсказуемыми, что в итоге могут привести как раз к тому, чего так старались избежать аннекционисты: к потере своих рабов: «Можно ли быть уверенными в том, что война за присоединение к США не обернется для нас потерей рабов? - вопрошал он. - Нет, Гаспар, во имя бога, откажемся от этой пагубной идеи!... Не будем игрушкой в руках тех, кто ценой нашей гибели хотят завоевать наши земли не ради нашего процветания, а ради своих корыстных интересов. Никаких войн, никаких заговоров любого рода на Кубе! В нынешней критической ситуации то и другое означает потерю нашей родины. Лучше будем стоически выносить испанское иго, надеясь, что в будущем сможем оставить своим детям если не свободную страну, то по крайней мере спокойствие и надежду на лучшее будущее». А для этого он, как всегда, предлагал Испании осуществить ряд реформ, о которых неоднократно упоминал: постепенно сократить работорговлю, увеличить белую колонизацию, строить дороги и каналы, освещать улицы и проводить другие общественные работы в надежде на то, что когда-нибудь «Куба, наша возлюбленная Куба действительно станет Кубой»¹².

Так началась эпистолярная полемика между кубинскими сторонниками присоединения Кубы к США и Сако. Впоследствии она вылилась на страницы прессы и приобрела публичный

¹⁰ Saco J.A. Papeles. T. III. P.333.

¹¹ Saco J.A. Papeles. T. III. P.442.

¹² Saco J.A. Contra la anexión. Recopilación de sus papeles con prólogo y último de Fernando Ortíz. La Habana, 1874. P. 196-200.

характер. В эти годы Х. А. Сако, живя в Париже, продолжает внимательно следить за событиями, происходившими на его родине. За период с 1848 по 1858 гг. Сако написал ряд работ, статей, памфлетов, в которых изложил свою точку зрения и взгляды на эту сложную и противоречивую проблему, убедительно развенчал несостоятельность, деструктивность и опасность идеи вхождения присоединения (аннексии) Кубы к США. Именно в ходе развернувшейся дискуссии Сако выдвинул свою концепцию родины и кубинской национальности, которую он уже тогда считал существующей.

Огромный резонанс на Кубе имел памфлет Х. А. Сако «Идеи о вхождении Кубы в состав США», опубликованный в Париже 1 ноября 1848 г.¹³ Он быстро разошелся на острове и заставил многих кубинских сторонников аннексии Кубы США серьезно задуматься над словами и предостережениями кубинского изгоя. Исследователи жизни и деятельности Сако справедливо считают работы, посвященные этой проблеме, вершиной политического творчества, самыми блестящими трудами. В них выражен весь полемический талант, знание всемирной истории, логичность изложения и удивительная убежденность автора в правоте своих идей.

Эпиграфом к своей работе он выбрал фразу: «В тот день, когда я ринусь в революцию, я сделаю это не для того, чтобы обречь мою родину на гибель и покрыть себя бесчестьем, а для того, чтобы обеспечить ее процветание и счастье ее детей»¹⁴. В ней автор отмечал, что присоединение к США может осуществиться двумя способами: *мирным или силой оружия*. Присоединение Кубы к США, отмечал он, вряд ли может осуществиться мирным путем, слишком много сил противостоит этому. Но даже если только предположить такой вариант, то это, прежде всего, приведет к потере ее национальности. Население Кубы (свободное едва насчитывает 500 тыс. человек), отмечал он, живет на территории, которая могла бы вместить большее число жителей. В этом случае многие испанцы (*пенинсуларес*- Л.И.) покинут ее навсегда, а новый мощный поток иммиграции из США, учитывая тот факт, что там очень сильны экспансионистские тенденции, приведет к тому, что «англо-американская раса вскоре через некоторое время превзойдет нас по численности и единственным итогом аннексии

¹³ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 337-360.

¹⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 337.

станет поглощение Кубы США». Кубинцы же, превратившись в меньшинство, вынуждены будут подчиниться силе и потеряют свою национальность, которая «олицетворяет бессмертие народа и является источником самого чистого патриотизма». Вне сомнения, отмечал он, «Куба в географическом плане останется в группе Антильских островов», но «я всегда хотел, чтобы Куба, в случае ее отделения по какой-либо причине от матери-родины, была всегда для кубинцев, кубинской, а не для другой расы»¹⁵.

Сако уже говорит о кубинской национальности как о состоявшемся явлении, как о факте: «Национальность - это бессмертие народов и самый чистый пример патриотизма». Признавая кубинскую национальность, как уже реально существующую данность, он верно подметил, что в XIX в. стремление всех стран к самостоятельному существованию не разрушает понятие национальности, а ведет к созданию независимых наций. Он приводит примеры из мировой истории: после войны за независимость континентальные колонии Испании в Америке создали свои независимые национальные государства; подобный процесс происходил и в Европе: пример Бельгии, отделившейся от Голландии; Греции, ставшей независимой от османской Турции; события 1848-1849 гг. в Европе, пережившей почти 9 войн между 23 странами, говоривших на 16 различных языках, главным результатом которых было завоевание национальной независимости. Именно образование независимых национальных государств стало определяющим моментом, главным содержанием XIX века - века утверждения и становления новых национальностей. Подчеркивая, что аннексия приведет к поглощению Кубы США, Сако вновь отметил, что хотел бы, чтобы «Куба была не только богатой и процветающей, высоконравственной, морально и духовно развитой, но и кубинской, а не англо-американской»¹⁶.

Второй вариант - это военный, через вооруженный конфликт. Было бы огромным заблуждением, отмечал он, считать, что пенинсуларес (*испанцы*- Л.И.) поддержат кубинцев в их стремлении присоединить остров к США. Безусловно, большинство из них останется верны флагу Кастильи. Потому что испанцы в Америке — испанцы больше, чем в самой Испании. Потеряв свои богатства и собственность в континентальных

¹⁵ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 338-339.

¹⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 339.

владениях Испании, они будут с неистощимой энергией защищать свои материальные интересы на Кубе и непременно окажутся в лагере противников присоединения Кубы к США.

Было бы неверно даже предполагать, что все кубинцы без исключения желают вхождения в состав США, продолжал он. За общественное мнение всего общества принимается мнение небольшой группы людей, справедливо отмечал он. В Гаване, Матансасе и других городах, возможно, и есть сторонники этой идеи, но «большой части населения острова эта философия была чужда»¹⁷. Наивно утверждать и думать, что кубинский народ, изменив моментально свои привычные устои, обычаи, нравы, религию сразу бросится искать справедливость и свободу в объятиях чуждой иностранной нации.

Нельзя не учитывать и тот факт, продолжал он далее, что в самих США обостряется борьба между северными и южными штатами. Север, обеспокоенный растущим могуществом рабовладельческого Юга, вряд ли будет безразлично взирать на присоединение к конфедерации новых рабовладельческих штатов. Попытка присоединить Кубу к США неизбежно повлечет за собой войну между США и Испанией. В этой схватке крайней вновь останется Куба. С другой стороны, вопрошает он, в случае, если Куба сама решит начать восстание, повторив пример Техаса, и не будучи поддержана другими государствами и не принятая в лоно американской конфедерации в качестве равноправного члена, что в таком случае она должна делать — вновь одеть на себя ярмо испанского деспотизма или обречь себя на неизбежную гибель? Ошибочно полагать, справедливо отмечал он, что «США нам станут помогать. Вся их помощь ограничится лишь незначительными высказываниями, которые ни в коей мере не нарушат мир между ними и Испанией»¹⁸. С другой стороны, и сама Испания вряд ли останется равнодушной в случае, если США начнут вооруженный захват острова. В этой разрушительной и кровавой войне любая из воюющих сторон может призвать на помощь рабов, пообещав им свободу. И тогда на Кубе могут повториться ужасы Санто-Доминго.

Следует иметь в виду также и тот факт, что растущим экспансионистским устремлениям США противостоят амбиции европейских государств, прежде всего Англии, которая не

¹⁷ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 341.

¹⁸ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 343.

преминет вступить в войну на стороне Испании. И в этом случае кубинцев ждет кровавая гражданская война, в которую неизбежно будут вовлечены рабы. Обрисовав все возможные варианты событий, которые могут произойти, Сако настойчиво проводил главную мысль: *присоединение Кубы в любом случае приведет к развязыванию военных действий, а это было крайне опасно для будущего самой Кубы*¹⁹.

Анализируя возможные причины, побуждавшие самих кубинцев включиться в борьбу за присоединение Кубы к США, в качестве основной версии он выдвигал их опасения того, что Испания отменит в скором времени рабство. Очень убедительно звучат его контраргументы. Может быть, в ближайшем будущем общественное мнение Испании и будет в этом вопросе мыслить так же, как в Англии и Франции и других передовых стран. А сейчас «все испанские партии: прогрессисты и республиканцы, умеренные и абсолютисты - думают одинаково», справедливо подчеркивал он. Англичане, посетившие Мадрид, Барселону и другие города Испании, с целью пропаганды идеи аболиционизма повсюду встречали там «неподготовленное общественное мнение». И если бы не «энергичные и настойчивые действия английского правительства, до сих пор бы Испания посылала на Кубу корабли с рабами». В решении проблемы рабства вопросе Сако выделял два этапа: запрещение работорговли и отмена рабства; первый этап всегда предшествует второму. И если Испания только что «пошла на осуществление первого этапа, и то под давлением внешних сил, может ли она сразу приступить к решению второго этапа?». Но даже бы если она и начала это делать, то тот час же вступила в противоречие со своими собственными интересами, потому что прекрасно понимает, что «немедленная отмена рабства неминуемо нанесет огромный ущерб собственности и кубинцев, и европейцев». Напрасны страхи тех, кто думает, что Испания заинтересована в немедленной отмене рабства, ибо не в ее интересах одним взмахом резко и быстро «вырвать с корнем дерево, приносящее такие сочные плоды», размышлял он²⁰.

Еще нелепее было бы предположить, продолжал он далее, что некоторые кубинцы стремятся к аннексии Кубы для того, чтобы освободить своих рабов. Даже только думать об этом было «полнейшим вздором»; но даже если кто-то и думает так по

¹⁹ Saco J.A. Papeles T. III. P.344-345.

²⁰ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 346-347.

моральным и этическим соображениям, то они не должны толкать свою страну на ожесточенную войну, а начать переговоры с Испанией и постепенно, мирно решить этот вопрос²¹.

Одновременно развернув ожесточенную критику в адрес кубинских сторонников аннексии Кубы США, он немедленно обрушивается с упреками в адрес метрополии. Если Испания потеряет Кубу в результате восстания рабов или в результате присоединения ее к США, то это произойдет только по ее вине, отмечал Сако. На Кубе царит политический произвол, вызывающий недовольство и гнев протест всех кубинцев. Обманывают правительство те, кто говорят, что этот народ доволен своей участью. Если в мире и есть колония, которая не испытывает чувства благодарности к своей метрополии, то это — Куба. В свое время

Испания потеряла целый континент, подавляя свои колонии. Это должно было бы научить её проводить более мудрую политику в отношении оставшихся у неё владений, предоставив им все требуемые свободы²².

Сако не являлся в тот период сторонником крайних, революционных действий, неоднократно подчеркивая, насколько они опасны и к каким последствиям могут привести в сложившихся тогда условиях: «Нет ни одной страны, где бы революционное движение таило в себе такую опасность, как на Кубе... На Кубе, где нет никакой другой альтернативы, кроме как между жизнью и смертью, революцию можно начинать только тогда, когда её победа будет рассчитана с математической точностью. В современных условиях

политическая революция неизбежно будет сопровождаться революцией социальной, а социальная революция неизбежно приведет к уничтожению кубинской национальности. Вне всякого сомнения, дети этой страны, страдающей от деспотизма своей матери, имеют право предъявить ей свои многочисленные претензии; но как бы ни велики они были, предусмотрительные люди никогда не должны провоцировать выступления, которые, не улучшив положения, обрекут нас на еще большие ужасные бедствия. *Патриотизм, подлинный, просвещенный кубинский патриотизм не должен стремиться к несбыточным идеалам, ни толкать страну на преждевременные революции, а лишь достойно*

²¹ Saco J.A. Papeles T. III. P. 348.

²² Saco J.A. Papeles. T. III. P. 353,358,359.

*и покорно нести бремя своей фортуны, всегда стремясь изменить в лучшую сторону судьбу своей родины (курсив мой - Л.И.)»*²³.

Испания не должна опасаться стремления Кубы к независимости, считал он, так как это надуманная проблема. Даже находясь ближе к метрополии, она, тем не менее, не обладает достаточными ресурсами (ни человеческими, ни материальными) для своей защиты в случае борьбы за независимость. Но даже если в далеком будущем Куба и сможет отделиться от Испании, там всегда останется испанское население и испанский рынок. Главное зло он видит в африканской расе - рабах. Он обращал внимание Испании на то, что африканская раса также несовместима с европейской, как и с кубинской, и что она представляет опасность как для той, так и для другой расы. Представьте, обращался он к ним, что так же как испанское правительство опирается на рабство, чтобы избежать отделения Кубы от метрополии, точно также и другие силы могут воспользоваться рабами, чтобы добиться именно этой независимости. Ведь в случае возникновения какого-нибудь серьезного дипломатического конфликта и вступления Испании в войну с могущественной морской державой, рабы станут самыми главными врагами Кубы. Высказывая свое отрицательное отношение к институту рабства, он справедливо полагал, что рано или поздно настанет день, когда система рабства претерпит серьезные изменения; и если постепенно не подготавливать почву для этого, эта проблема может разрешиться внезапно, одним ударом, и Куба в таком случае будет потеряна по тем же причинам, по которым сейчас ее пытаются сохранить. В конечном итоге, предупреждал он, если Куба «будет потеряна из-за восстания рабов или революции, развязанной аннексионистами, испанское правительство станет главным виновником всех тех печальных последствий, которые могут произойти»²⁴.

Но эмоциональные призывы и обращения Сако к своим соотечественникам не смогли остановить деятельность кубинских аннексионистов. После неудачной попытки летом 1848 г. организовать заговор «Кубинская роза» Н. Лопес эмигрировал в США и, установив прямые контакты с членами «Кубинского совета», начал подготовку первой военной экспедиции²⁵. Основной

²³ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 346.

²⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 352-353.

²⁵ В рассматриваемый период правительство США стремилось избегать открытых международных конфликтов с Испанией и Англией и решать вопрос

её костяк составляли имевшие боевой опыт американские наемники, участники войны с Мексикой, хотя значительная часть средств на ее подготовку была предоставлена кубинской эмиграцией. Однако Н. Лопеса и его сторонников ждало разочарование. Правительство США, осведомленное о готовившейся на острове Раунд (у берегов Луизианы) экспедиции, предприняло все меры, чтобы сорвать вторжение. В сентябре 1849 г. снаряжение первой экспедиции Н. Лопеса было конфисковано американскими властями. Президент З. Тейлор, пришедший к власти в 1849 г., заявил, что подготовка военной экспедиции на территории США являлась нарушением закона о нейтралитете²⁶.

Неудачные попытки с подготовкой первой экспедиции и тактика американского правительства несколько охладили аннексионистские настроения большинства членов «Гаванского клуба». Несомненно также и то, что многие прислушались к мнению глубоко почитаемого на Кубе Сако, энергично выступавшего против идеи аннексии Кубы США, доказывая её бесперспективность. В результате на самой Кубе движение за присоединение острова заметно ослабло. Изменилась и международная обстановка. Либеральные революции в Европе были подавлены. Испания стала оказывать резкое противодействие Англии, настаивавшей на строгом соблюдении законов о преследовании работорговли. Исчезла угроза его скорой отмены. В такой обстановке среди кубинских эмигрантских кругов, сторонников аннексии Кубы США, произошел раскол. «Гаванский клуб» практически прекратил свою деятельность, а главным центром аннексионистской деятельности в США стал Новый Орлеан, куда перебрался Н. Лопес и его немногочисленные сторонники. Вторая и последующие военные экспедиции готовились исключительно на средства рабовладельцев южных штатов. В мае 1850 г. Н. Лопесу удалось во главе отряда, состоявшего

о приобретении Кубы мирным путем. При президенте Д. Полке (1845-1848) были предприняты переговоры с Испанией по поводу продажи острова, закончившиеся, правда, безуспешно. Правительство демократов, тем не менее, не осмелилось открыто поддержать готовившиеся на территории США аннексионистские экспедиции, и политические лидеры рабовладельческого Юга на свой страх и риск стали оказывать кубинским сторонникам аннексии острова материальную помощь. Merk F. La doctrina Monroe y el expansionismo norteamericano. 1843-1849. Buenos Aires, 1968. P. 221.

²⁶ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents (1789-1897) / Ed. by J. D. Richardson. Vols. I-10. Wash., 1896-1918. Vol.5.- P.98.

практически из наемников (в отряде было всего пять кубинцев) высадиться в районе Карденаса. Он рассчитывал, захватив город и пополнив свой отряд свежими силами, направиться по железной дороге сначала в Матансас, а затем в Гавану, и поднять восстание по всему острову. Однако его надежды не оправдались. На его сторону перешло только два испанских солдата, а значительная часть населения города поспешила скрыться в горах, оставшаяся же встретила Н. Лопеса почти враждебно. Карденасская экспедиция показала, как и предсказывал Сако, что идея присоединения острова к США не пользовалась популярностью и поддержкой среди креольского населения острова. А последняя экспедиция Н. Лопеса в августе 1851 г. стоила ему жизни. Испанские власти, осведомленные о готовившейся высадке отряда, арестовали всех ее участников. 1 сентября 1851 г. по приговору военного суда Н. Лопес был публично казнен на гарроте²⁷.

В апреле 1850 г. в Мадриде была опубликована работа Сако «Реплика дона Хосе Антонио Сако аннексионистам, которые опровергли его взгляды, изложенные им в работе «Идеи относительно вхождения Кубы в состав США», написанная в сентябре 1849 г. Этот труд Сако назвал своим политическим завещанием»²⁸. В этой работе он вновь возвращается к обоснованию своих взглядов на идею присоединения Кубы к США. Для него аннексия Кубы, прежде всего, означала потерю его родины и кубинской национальности²⁹. Он вновь отметил, что существующая на острове партия сторонников присоединения Кубы к США не является многочисленной, что она не представляет интересы всего кубинского населения. В ее состав входят «очень разнородные элементы: одни хотят аннексии из-за достойного желания и стремления воспользоваться теми же либеральными политическими институтами, которые существуют в США; другие же в надежде на то, что смогут приобрести там новые партии невольников и сохранить рабство на долгие годы; есть и такие, которые хотят и того, и другого»³⁰. Сако назвал сторонников аннексии и их наивных последователей «революционными

²⁷ Фонер Ф.С. История Кубы и ее отношений с США. 1845-1895. М., 1964. С. Р.83-88.

²⁸ José Antonio Saco: Documentos para su vida / Anot.por D.Figarola-Caneda. La Habana,1921. P. 83.

²⁹ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 362.

³⁰ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 363.

аннексионистами, подлыми презренными эгоистами, которые, прикрываясь лозунгами борьбы за свободу, пытаются решить, прежде всего, свои низменные корыстные интересы; те, кто за Кубу принимают свое инхенио, а за своих соотечественников — рабов»³¹.

Тема родины занимает одно из главных мест в его трудах этого периода. Можно сказать, что по-моему ни один политический деятель того периода не любил свою родину так как он. У Сако, вынужденного жить долгое время в изгнании, чувство принадлежности к стране было очень обостренным: «Куба — моя родина», «моя любимая Куба», «наша несчастная Антилья», «я — кубинец», «наша обожаемая Куба», «родина оскорбленная и униженная», «наш остров»... Во всех своих работах он неоднократно и постоянно говорит о Кубе как о своей любимой родине: «Благополучие Кубы всегда было моим единственным руководством к действию, и находясь в гармонии с моей совестью, спокойно встречаю аплодисменты одних и свистки и оскорбления других»³².

В этой работе он вновь возвращается к теме кубинской национальности и ее неминуемой гибели в случае аннексии (присоединения) Кубы к США. Он дает в ней определение понятию «национальность»: это «народ, который живет на одной территории, имеет одни корни, одну религию, обычаи и традиции, разговаривает на одном языке» - все эти приведенные характеристики говорят о наличии национальности. Именно эти черты были присущи кубинскому народу, поэтому «отрицать существование кубинской национальности», по его мнению, это все равно, что «не признавать солнечный свет над тропиками в полдень»³³.

Но в эту кубинскую национальность Сако включал только испано-говорящее белое население, объединенное общностью территории, языка, традициями, культурой, религией: «Национальность, о которой я говорю, которую я имею в виду, и которую я хочу видеть в будущем максимально улучшенной и совершенной, покоится на нашем древнем старом происхождении (*испанском- курсив мой-Л.И.*), нашем языке, укладе, наших обычаях и традициях. Все это представляет нашу

³¹ Saco J.A. Papeles. Т. III. P. 376.

³² Saco J.A. Papeles. Т. III. P. 429.

³³ Saco J.A. Papeles. Т. III. P. 442-443.

существующую национальность, которую я называю кубинской, потому что она сложилась и коренится на острове, который называется Куба; но если на Кубе утвердится новая, несравненно более мощная раса со своими обычаями, языком, культурой и традициями, она, хотя и будет называться кубинской, будет отличаться от испано-кубинской, которая сейчас существует на острове». «Кубинская национальность,- вновь повторяет он,- о которой я говорю,... — это та, которая сформирована из представителей белой расы, численность которой составляет более 400 тыс. человек»³⁴.

Его предубеждения против африканской расы, его опасения повторения на Кубе событий конца XVIII века в Санто-Доминго не покидали его до конца жизни. Куба — родина белой расы — так считал Сако. Он не смог понять (или не хотел) и принять реальную действительность, когда уже был запущен мощный, объективный, исторический механизм смешения разных рас, и метизация населения острова приобрела уже необратимый характер. Его Куба, населенная только белыми, была его мечтой, прекрасной иллюзией, существующей только в его воображении.

«Национальное процветание Кубы, — писал он, — основывается на ее плодороднейших землях, исключительности произрастающих на ней плодов, на высоких ценах на ее товары на международных рынках, на труде невольников — африканцев. Из четырех приведенных факторов три абсолютно независимы от правительства. И лишь только четвертый фактор (труд рабов — Л.И.)), входит в его компетенцию; может, было бы лучше, если бы этот фактор никогда не существовал вообще; может, без негров мы были не так богаты, зато были бы свободны от всяких потрясений в будущем»³⁵.

В работе «Политическая ситуация на Кубе и способы ее решения» опубликованной в 1851 г. Сако отмечает, что существуют две главные опасности существованию Кубы: внутренние и внешние. Внешние исходят из Северной Америки, внутренние — от деспотических институтов, существующих на острове³⁶. Вновь отметив главные причины, побуждавшие США к аннексии острова (расширение своих территориальных границ и стремление южных рабовладельческих штатов усилить свои

³⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 447,461.

³⁵ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 485.

³⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 473-499.

позиции в американском конгрессе), он призывал метрополию проявить политическую волю и осуществить административные, экономические и социальные реформы. Два главных аргумента выдвигала метрополия, чтобы отказать Кубе в праве пользоваться политическими свободами: 1) она имеет много рабов и 2) конституция 1812 г., распространенная на континентальные владения Испании в Южной Америке, явилась причиной вспыхнувшей там национально-освободительной борьбы 1810-1826 гг. Сако, опровергая утверждения испанской стороны, отмечал, что причиной освободительной борьбы на южноамериканском континенте послужили совершенно другие факторы, среди которых он называет войну за независимость английских колоний, французскую революцию и многочисленные внутренние причины: отдаленность колоний от матери-родины, французское вторжение в Испанию в 1808 г. и т.д.; да и началась она раньше, чем была принята конституция 1812 года.

Кубинцы, показавшие свое отношение к аннексионистскому движению (экспедиции Н. Лопеса), ждут от матери-родины шагов по либерализации существующего деспотического режима. «Я прекрасно знаю, — утверждал он, — поскольку сам кубинец, «точку зрения моих соотечественников по этому поводу. Сегодня я могу сказать это с ещё большей убежденностью. Меня преследовали на Кубе как революционера и считали меня сторонником аннексии, однако именно этот революционер и этот аннексионист дважды выступал против революции и против аннексии. Я писал уже об этом сейчас и завтра напишу еще, если будет надо. Должен сказать без обиняков, что являюсь не только противником всякой революции и аннексии, но так же и противником существующего деспотического режима на Кубе. И вы должны понять, что так, как я, думают почти все кубинцы, хотя многие из-за страха или по другим причинам или молчат об этом или действуют прямо противоположно»³⁶. Он настойчиво убеждал Испанию, что аннексия или независимость - это только способ, а не идея, к которому, отчаявшись, прибегали кубинцы для того, чтобы покончить с навязанным Испанией деспотическим режимом. «День, когда Испания предоставит Кубе требуемые свободы, станет последним днем всех революционных проектов. *«Сто тысяч штыков, которые правительство направляет на Кубу для упрочения своего могущества, не будут иметь такой силы, как*

³⁶ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 477-478.

предоставление ей требуемых политических свобод» (курсив мой — Л.И.), писал он³⁷.

В 1858 г. свою политическую полемику с кубинскими аннексионистами он завершает работой «Надежды Кубы». В ней Сако писал: « Подходит к концу 1858 г.: Куба живет спокойная, но недовольная. Недовольная, потому что народ, знающий свои права, до сих пор находится в тисках деспотизма. Как выйти из этой ситуации? Может ли и дальше продолжаться такое положение дел, которое может привести к печальным последствиям как для родины-матери, так и для ее дочери?»³⁸. Отметив, что перед Кубой существуют три альтернативы дальнейшего будущего существования: в качестве колонии Испании, независимой или аннексированной США, — он, не поддерживая последние две, ясно давал понять, что предпочитал первый вариант, когда Куба, получив, наконец, от метрополии требуемые либеральные институты, будет жить «довольная и процветающая, связанная тесными кровными узами и интересами с Испанией». «Куба имеет так много элементов величия, — писал он, — что, несмотря на все препятствия, процветает ее население, растет богатство, растет и стремление к просвещению и свободе. Её общение и соседство с самой свободной страной мира, её постоянные контакты с наиболее ведущими странами Европы, и даже революционные волнения в самой Испании — все это является стимулом для того, чтобы разорвать цепи рабства»³⁹.

Говоря о второй альтернативе — независимом существовании Кубы он вновь повторяет, что сейчас, «в настоящее время, — это иллюзия, потому что ей противостоят не столько небольшая численность населения, сколько разнородные гетерогенные элементы её населения, а также мощные военные сухопутные и военно-морские силы метрополии, расположенные на ней»⁴⁰.

Третью альтернативу — аннексия или присоединение Кубы к США — он считал наиболее опасным и самым существенным противником Испании, угрожающим ее господству на Кубе. Кубинцы в своем стремлении освободиться от колониального ига Испании и тирании обратили свои взоры на США и включились в борьбу за аннексию Кубы и создали партию кубинскую

³⁷ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 493.

³⁸ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 558-564.

³⁹ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 558.

⁴⁰ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 560.

сторонников этой идеологии. «И если бы (а я всегда был постоянным противником этой идеологии, о чем свидетельствуют мои работы и статьи, и поэтому имею полное право утверждать) Испания услышала и создала либеральные институты власти, никогда бы ни один кубинец не требовал аннексии Кубы»⁴¹. Он надеялся, что метрополия, осознав, что кубинское общество отвергло идею вхождения в состав США и проявило тем самым свою лояльность по отношению к своей матери-родине, предоставит Кубе требуемые политические и экономические свободы. «Политическое рабство» своей родины он воспринимал с болью и горечью. Это его угнетало и мучило больше всего.

В этом году завершилась его антианнексионистская пропаганда, само движение несколько поутихло как в США, находящихся в состоянии внутреннего разгорающегося конфликта, так и на самой Кубе. 19 июля 1856 г. в Лондоне в возрасте 59 лет он вступает в брак с вдовой генерала Н. Лопеса — сестрой крупного кубинского собственника и реформиста Фриас и Жакотт (граф Посос Дульсес) — Долорес де Фриас и Жакотт. Говорили, что ранее их связывали не только приятельские отношения. Вскоре он становится отцом двух детей: дочери Марии Кристины и сына Хосе Аурелио⁴². Теперь, казалось, наконец-то, кончилась его жизнь странника и он нашел свой кров и пристанище. По-прежнему его состоятельные друзья поддерживают его материально, по-прежнему он продолжает писать и думать о своей родине, не имея возможности жить на ней. В эти годы он решил вплотную подойти к написанию своего эпохального труда по истории рабства. В 1858-1859 г. в Париже вышел трехтомный труд его работ «Colección de papeles científicos, históricos, políticos y de otros ramos sobre la isla de Cuba, ya publicados, ya inéditos».

Сако и полная независимость Кубы

В своих трудах рассматриваемого периода Сако часто писал о несвоевременности революционных методов достижения независимости. Являясь сторонником либеральных преобразований колониального общества, смягчения испанского режима, введения новой системы управления и новых методов взаимоотношений с

⁴¹ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 561.

⁴² Soto Paz R. La falsa cubanidad de Saco, Luz y del Monte. La Habana, 1941. P.35.

родиной-матерью, он тем не менее не ставил никогда вопрос о несостоятельности или невозможности существования Кубы как независимого государства, считая это делом далекого будущего. Но это не означало, что Сако не признавал или не хотел видеть Кубу полностью свободной и независимой. Свои тайные сокровенные мысли и надежды он высказывал только в своих письмах близким друзьям и соотечественникам.

Бескорыстно и преданно любя свою родину, он считал Кубу одним из самых больших в мире и богатым по своим природным ресурсам островом, который мог бы иметь блестящее будущее: «Когда я вижу, какое достойное место на мировой арене занимают страны, менее значительные, чем Куба, вправе ли я не оставить в моем сердце какую-то надежду и превратиться в палача кубинской национальности? Уже пятнадцать лет я мечтаю о ней, примирился с мыслью никогда больше не увидеть её; но менее всего я хотел бы видеть над ее крепостями и башнями трепещущий американский флаг. Я думаю, что никогда бы не преклонил голову перед его блистающими звездами; и если я смог жить иностранцем за границей, то жить иностранцем на своей земле было бы для меня тяжелейшим испытанием»⁴³. Это был блестящий ответ кубинским аннексионистам.

Касаясь современного на тот момент положения своей родины, он верно подметил, что «остров Куба в настоящее время — это лишь всего лишь тень или подобие того, чем бы она могла и должна была бы быть. Взять хотя бы ее сельское хозяйство, главное ее богатство, столь высоко перевозносимое, разве не находится уровень его развития в стадии детства, ограниченное лишь узкой сферой, покоящееся на неустойчивом фундаменте рабства? Если даже предположить, что оно достигло высокой ступени развития, почему правительство считает, что все счастье кубинцев должно заключаться в том только, чтобы продавать сахар, кофе и табак, кататься по вечерам в экипажах и развлекаться на балах и в театрах? Народы по мере прогресса стремятся добиться новых вершин; те, которые раньше довольствовались лишь только своими физическими потребностями, сейчас стремятся удовлетворить и свои интеллектуальные, политические и моральные запросы. Мудрость хорошего правительства состоит как раз в том, чтобы привести политические институты в соответствие с требованиями социального прогресса. Куба, продолжал он, уже

⁴³ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 464.

приблизилась к такому критическому моменту, когда её дети, уставшие от несправедливости и обид, настоятельно требуют политических реформ⁴⁴.

Он был очень тонким политологом и предвидел настолько верно историческую ситуацию, что кубинские историки называют его провидцем. В письме к Х. А. Эчеверрия от 31 октября 1862 г. он с горечью пишет: «Вы думаете, мой дорогой тёзка, что я не знаю, что стремление к независимости живет в сердце каждого американца? Но это стремление в настоящее время для Кубы нереально. Можно ли говорить о независимости Кубы тогда, когда за сепаратиста принимают тех, кто борется всего лишь за политические реформы?»⁴⁵.

«Если бы меня заставили говорить о независимости, что я должен был говорить, вопрошал он в другом письме к Х.А. Эчеверрия от 4 января 1863 г. От имени кубинцев или имея в виду подлинные интересы Кубы? Должен ли я был говорить, что независимость, обвинение, которое предъявляет метрополия — причина нашего «политического рабства» сегодня — вещь не только нереальная в настоящее время, но и в ближайшем будущем? Мог ли я говорить о том, что хотя независимость Кубы сегодня — вещь нереальная, но через 20,30,40 лет вполне осуществимая? И если бы я так сказал, разве не навлек бы на себя подозрение и недоверие испанцев? Сказав это, не дал бы я им тогда повод для новых нападков и обвинения меня в индипендентизме, хотя в их глазах я всегда был корифеем этой идеи. *Я никогда не говорил, и тем более не думал, что Куба никогда не может стать независимой; но эту мысль я никогда не высказывал вслух, она всегда была и жила в тайниках моей души, моего сердца (курсив мой-Л.И.).* Вы считаете, что со временем Испания сама предоставит Кубе свободу или что она может стать свободной, войдя в состав конфедерацию братских народов. Первый случай или пример — не в моей компетенции. Я лишь говорил о достижении независимости вооруженным путем. Второй вариант я и сейчас принимаю как возможный, потому что, повторяю, я всегда считал, что *было бы полнейшим безрассудством и глупостью накладывать какое-либо вето на будущее Кубы.* Но мог ли я в настоящий момент

⁴⁴ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 353-354.

⁴⁵ Saco J.A. Obras. T. I-V. La Habana: Imagen Contemporanea, 2001. —Т.V. —P. 193-194.

рассматривать все возможные варианты, с помощью которых Куба могла бы стать или добиться независимости?»⁴⁶.

Независимость родины была для него высшим идеалом, которой он пытался добиться эволюционным, мирным путем. Он идеалистически верил, как и многие просветители XIX в. в силу разума, слова, убеждения, закона. Он полагал, что революция с целью достижения независимости на данный момент исторического развития, в 30- 60-е годы XIX века, была мечтой не только нереальной, но и неприемлемой и опасной. В качестве обоснования своих взглядов он приводил следующие доводы: кубинцы не обладают достаточными ресурсами для того, чтобы сохранить в случае войны с Испанией свою независимость; последствия разрушительной гражданской войны будут губительны для процветания острова и поставит под угрозу жизнь белого населения, учитывая существенное число рабов; к тому же сохранить Кубе свою независимость будет очень сложно в виду все растущих амбиций ее северного соседа — США: «Чрезмерные амбиции Соединенных Штатов представляют огромное препятствие для подлинной независимости Кубы. Даже если предположить, что это произойдет, и она станет независимой, тут же вскоре может потерять её и, не имея достаточных сил для самозащиты, и лишённая поддержки своей бывшей метрополии, станет жертвой американской жадности и алчности, в когтях которых погибнут и ее традиции, ее национальность, и даже последние остатки ее языка»⁴⁷.

Можно ли было в таких условиях, в той ситуации стремиться революционным путем добиваться независимости, заранее зная и предвидя возможный исход. Нет, утверждал он, более логично и рациональнее было бы добиваться осуществления необходимых либеральных реформ легальными, мирными средствами. Полемизируя с кубинскими сторонниками присоединения острова к США, Сако призывал их не отказываться от примера и опыта современных народов, которых само время направляет по пути прогресса и развития. Он полагал, что Куба несет в самой себе зародыш этой жизни и свободы, и что она сможет без волнений и революций развиваться до того момента, до тех пор, пока не сможет существовать как независимое государство... Я более верю, чем они (аннексионисты — Л.И.) в силу и дух свободы и уповаю на

⁴⁶ Saco J.A. Obras. T. V. P. 204-206.

⁴⁷ Saco J.A. Papeles. T. III. P. 496.

опыт веков»⁴⁸. «Есть ли необходимость- писал он,- братья за оружие, чтобы добиться того, что можно добиться силой убеждения? Избрав путь, который нам указывает осторожность и наше собственное самосохранение, мы тем самым сможем избежать всех потрясений и гражданских войн, укрепить и сохранить свою национальность»⁴⁹.

Он был прагматиком и очень реально смотрел на вещи. Горький опыт борьбы за независимость, развернувшейся на острове в первой трети XIX в., убедили его в невозможности в тот период исторического развития добиться подлинной независимости Кубы. Печальная участь его учителя Ф. Варелы, поэта Х.М. Эредии и многих других одиночек, не поддержанных своими соотечественниками, привела его к мысли о несвоевременности борьбы за независимость. Всю свою энергию, полемический талант и глубокий патриотизм он направил на борьбу за либерализацию колониального режима. В своем завещании он просил написать на загробной плите такую эпитафию: «Здесь покоится Хосе Антонио Сако, который не был аннексионистом, потому что был более кубинцем, чем все аннексионисты вместе взятые»⁵⁰.

Библиография

- Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе (1868-1878). -М., Наука, 2007.
- Ивкина Л.А.* Несостоявшийся диалог. Куба и Испания в 30-90-е гг. XIX в./ Латиноамериканский исторический альманах.- №10. 2010. С. 138–173.
- Ивкина Л.А.* Хосе Антонио Сако и его время // Латиноамериканский исторический альманах. №16. 2016. С.81-110.
- Ларин Е.А.* Куба конца XVIII — начала XIX века. - М., Наука, 1989.
- Agüero y Sánchez P.* Biografías de cubanos distinguidos. Don José Antonio Saco. Londres, 1858.
- Calcagno F.* Diccionario Biográfico Cubano. Nueva York, 1878; 1885-1886.

⁴⁸ Saco J.A .Papeles...-Т.III.-Р. 465.

⁴⁹ Saco J.A .Papeles...-Т.III.-Р. 469.

⁵⁰ José Antonio Saco. Contra la anexión. -Р.417.

- Cordoba F.* José Antonio Saco fue un Caracter. La Habana, Tip. Molina y Cía, 1931
- De Cádiz (1812) a la Habana (2012). Escritos con motivo de bicentenario de la Constitución de 1812.- La Habana, 2011.
- Guerra y Sánchez R.* Manual de historia de Cuba.- La Habana, Ciencias Sociales, 1971.
- Moreno Fraginalls M.* José Antonio Saco. Estudio y bibliografía.- La Habana: Univ. Central de las Villas.- Las Villas, 1960.
- Opatrny J.* José Antonio Saco y la búsqueda de la identidad cubana. Praga: Ed.Karolinum, 2010.
- Ortiz F.* José Antonio Saco y sus ideas cubanas. La Habana, El Universo, 1929.
- Pérez L.M.* Estudio sobre las ideas políticas de José Antonio Saco.- La Habana, Avisador Comercial, 1908.
- Saco J.A.* Contra la anexión. -La Habana,Ciencias Sociales, 1974.
- Saco J.A.* Obras. T. I-V. - La Habana, Imágen Contemporánea, 2001.
- Soto Paz R.* La falsa cubanidad de Saco, Luz y del Monte. La Habana, 1941.

*Н.С. Иванов*¹³⁹
N.S. Ivanov

ХОСЕ БАТЛЬЕ-И-ОРДОНЬЕС: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В УРУГВАЕ И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

¹³⁹ *Николай Серафимович Иванов*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivanov Nikolai S., Institute of World History of the Russian Academy of Science, nik3334@yandex.ru.).

(1903-1915)¹⁴⁰

JOSÉ BATLLE Y ORDÓÑEZ: LIBERAL REFORMS IN URUGUAY AND THE ATTITUDE OF GREAT POWERS (1903-1915)

Аннотация: Статья посвящена масштабным либеральным реформам выдающегося политического деятеля Латинской Америки, президента Уругвая (1903-1907, 1911-1915) Хосе Батлье-и-Ордоньеса. Благодаря его деятельности страна вышла из череды кризисов и кровавых гражданских конфликтов и превратилась в «первое государство всеобщего благосостояния на латиноамериканском континенте», по мнению большинства историков-латиноамериканистов. В статье анализируется характер преобразований, идеология батльизма, политическое наследие уругвайского президента, а также реакция на реформы со стороны правящих кругов Великобритании и США.

Ключевые слова: Хосе Батлье-и-Ордоньес, Уругвай, либерализм, батльизм, национал-реформизм, Великобритания, США.

Abstract: The article is devoted to the large-scale liberal reforms of the outstanding politician of Latin America, President of Uruguay (1903-1907, 1911-1915), José Batlle y Ordóñez. Thanks to his activities the country went out of the series of crises and bloody civil conflicts and turned into "the first welfare state in Latin America", according to most historians of the continent. The article examines the nature of reforms, ideology of «batllismo», political legacy of the Uruguayan President, and the reaction to his reforms from the political elite of Great Britain and the United States.

Keywords: José Batlle y Ordóñez, Uruguay, liberalism, batllismo, national-reformism, UK, USA

¹⁴⁰ При поддержке РФНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

Хосе Батлье-и-Ордоньес (1856-1929 гг.) по праву считается одним из выдающихся политических деятелей Латинской Америки XX века. Во время своего двукратного пребывания на посту президента Уругвая (1903-1907 и 1911-1915 гг.) он смог осуществить целую серию либеральных реформ, благодаря которым страна вышла из беспрерывной череды кризисов и кровавых “революций” предшествующего века и превратилась в “первое государство всеобщего благосостояния на территории Латинской Америки”, как восторженно писали о ней в свое время западные исследователи¹⁴¹.

Им был внесен значительный вклад в установление и упрочение в Уругвае парламентской демократии, которая продержалось в стране вплоть до военного переворота 1973 г. Кроме того, антиимпериалистическая направленность его реформистского курса, усилия по модернизации страны и всемерному развитию социального законодательства и социального обеспечения снискали ему славу одного из первопроходцев идеологии национал-реформизма, завоевавшей популярность не только в Латинской Америке, но и в освободившихся после второй мировой войны из под колониального гнета странах Азии и Африки¹⁴².

Хосе происходил из семьи потомственных уругвайских аристократов и политиков. Был сыном президента Уругвая (1868-1872) Лоренсо Батлье-и-Грау. Эта традиция продолжалась и в последующих поколениях. Сыновья Хосе – Сесар, Рафаэль и Лоренсо стали известными государственными деятелями страны. Племянник, Луис Батлье Беррес, занимал высший исполнительный пост в 1947-1951 гг., а внучатый племянник Хорхе Батлье был президентом в 2000-2005 гг.

Хосе получил хорошее образование на юридическом факультете университета Монтевидео и в Сорбонне. В 1886 г. он основал газету «El Día», которая стала его главным идеологическим и политическим органом в борьбе против оппонентов и постановке на повестку дня широкого круга либеральных реформ, коренных преобразований государственной власти и системы управления.

¹⁴¹ Pendle G. Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.

¹⁴² Panizza F. Uruguay: Batllismo y despues. – Montevideo: Banda Oriental, 1990; Conci G., Guidici G., Guidici C. Batlle y el batllismo.– Montevideo: Editorial Ateneo, 1957; Finch, H. Political Economy of Uruguay: 1870-1970. – Basingstoke: Macmillan, 1981.

Критика диктаторской власти президентов Латорре и Сантоса несколько раз приводила к его аресту и тюремному заключению. Он, вместе со своими соратниками, представлял небольшое, но сплоченное меньшинство «батльистов» в партии Колорадо. В 1893 г. Батлье был избран в палату депутатов уругвайского Конгресса, а в 1896 г. стал сенатором. В 1899 г. в течение короткого срока исполнял обязанности президента страны (между двумя президентскими сроками Х.Л. Куэстаса). Одержав победу на выборах, с марта 1903 г. занял пост президента.

Главным итогом его первого президентского срока стала победа в кровопролитной гражданской войне, которая опустошала страну в течение многих лет. В битве при Масольере 1 сентября 1904 г. был смертельно ранен предводитель второй крупнейшей политической партии страны, Национальной партии («Бланко») Апарисио Саравия. Его сподвижники перевезли его в Бразилию, где он умер через 10 дней¹⁴³. Лишившись предводителя противники Батлье не смогли консолидировать свои силы, и в стране наступил период затишья. «Революция» Саравиа стала последней гражданской войной в истории страны.

Еще одним итогом первого срока стали меры по секуляризации, лишению католической церкви социальных функций и освобождению общества от ее влияния. В 1906 г. в больницах и лечебницах было запрещено размещение крестов и иной религиозной символики, в публичных клятвах уже нельзя было ссылаться на Бога и священные тексты¹⁴⁴.

Политика секуляризация продолжалась и в течение второго срока президентства. А после Батлье, во время правления Ф. Виеры (1915-1919) пятая статья конституции 1919 г. гарантировала свободу вероисповедания и отделение церкви от государства (уругвайское общество прошло в отношении к данному вопросу довольно значительный путь: достаточно отметить, что за двадцать лет до этого, в конце XIX - начале XX века, когда президент Куэстас начал ограничивать привилегии католического духовенства, на него обрушился поток критики, приписывавший его мероприятия “проискам масонов”, и мероприятия по

¹⁴³ Burel H. Los inmortales: el encuentro Batlle – Saravia. – Montvideo: Alfaguara, 2003. – P. 37.

¹⁴⁴ Williams E.J. Secularización, integración, racionalización: algunas perspectivas del pensamiento latinoamericano. – Wash.: Centro de Información, Documentación y Análisis Latinoamericano, 1975. – P.13.

секуляризации закончились провалом).

К 1919 г. католическая церковь была полностью отделена от государства, хотя ей было оставлено все ее имущество и собственность. В официальном календаре исчезли религиозные праздники. Так например, 25 декабря стал “Семейным днем”, а рождественская неделя осталась праздничной, но также под другим названием - “Креольская неделя”, позже переименованная в “Туристическую неделю”¹⁴⁵.

Во время первого президентского срока большую известность снискали мирные инициативы Батлье. В 1907 г. он возглавил делегацию Уругвая на Второй Гаагской конференции, и его предложения по поддержанию мира заслужили высокую оценку большинства участников. Некоторые из мер, выдвинутых уругвайской делегацией, нашли отражение в итоговых документах конференции. В частности был введен запрет на использование химического оружия, который действует в международном праве до сих пор¹⁴⁶.

ИДЕОЛОГИЯ: ОПОРА НА «СРЕДНИЙ КЛАСС»?

По окончании своего первого президентского срока, когда много усилий было потрачено на подавление восстания Национальной партии (Бланко) во главе с генералом Саравиа, Батлье в течение последующих четырех лет много путешествовал по Европе, изучал системы государственного управления во Франции, Швейцарии, других странах. В этих поездках складывалась его политическая и идеологическая линия, нашедшая отражение во время второго срока правления.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в своем реформаторском рвении Батлье ратовал за интересы «среднего класса» и что к окончанию второго президентского срока Батлье, то есть в 1915 г., в стране прочно сложилось политическое превосходство средних слоев населения¹⁴⁷.

Но довольно трудно согласиться с их анализом социальной структуры тогдашнего общества. Базой для подобных выводов

¹⁴⁵ Ibid., P. 13-20.

¹⁴⁶ The Peace Movement: The Federation of the World. – N.Y.: World-federation League. 1910. – P.14.

¹⁴⁷ См. например: Johnson J. Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958, p.45.

была перепись населения 1908 г., из которой исследователи выбрали определенные категории (по занятиям, профессиональной принадлежности и уровню доходов) и произвольно причислили их либо к “рабочему классу”, либо к “среднему классу”. Одним из наиболее фундированных исследований была статья Г.Рамы в “Уругвайской Энциклопедии”¹⁴⁸, где автор, не выделяя в обществе “высший класс” (вошедший также в “среднюю” группу), рассматривает по уровню доходов группы занятости в промышленности, строительстве, торговле и сфере обслуживания и выделяет в качестве “среднего класса” 21,6 процента “самодельного населения”, а к “рабочему классу” (как к “низшему среднему классу”) относит в тех же отраслях экономики 50 процентов¹⁴⁹.

Те же попытки выделить “прогрессивные средние слои” в сельском населении (например в известной работе Х.Баррана и Б.Наума¹⁵⁰) и противопоставить их “высшему сельскому классу”, используя такие (во многом надуманные) расхождения, как опора первого на производство шерсти (т.е. овцеводство) в противовес выращиванию крупного рогатого скота вторыми, а также проводя разграничения по размерам земельных угодий; по отношению к так называемому “кризису тасахо” (tasajo - вяленое мясо), когда многие крупные землевладельцы в начале века потерпели колоссальные убытки по причине того, что на рынке стало котироваться свежемороженное мясо и т.п. – также страдают вышеуказанными по отношению к городскому населению пороками¹⁵¹.

Более того, в те годы вообще в политической риторике “средний класс” как таковой не существовал. Ни один политический деятель 1913-1914 гг. ни разу не упомянул этот класс в своих официальных речах и заявлениях. Использование данной терминологии характерно лишь для послевоенной (начиная с 1945 г.) политики. И отсутствие “среднеклассовой” риторики само по себе является мощным аргументом против тех, кто пытается определить “средний класс” в качестве массовой опоры политики Батлье.

¹⁴⁸ Rama G. El Ascenso de las Clases Medias. Enciclopedia Uruguayana. N.36. Montevideo, 1969.

¹⁴⁹ Ibidem.

¹⁵⁰ Barran J., Nahum B. Historia Rural de Uruguay Moderno. Montevideo, v.6, 1976, p.429.

¹⁵¹ Ponce de León N. B., Gomensoro J. Bolsa de Valores, Montevideo, 1867-2000. – Montevideo: Bolsa de Valores de Montevideo, 2000. – P.126.

Но могут возразить, что Батлье, сам не зная того, «объективно» в своей политике действовал в интересах этого “среднего класса”. Например, утвердил закон о бесплатном среднем и высшем образовании. Но если посмотреть аргументы самого «дона Пепе» в «El Día», то он говорил, что данный закон будет действовать «в интересах всех, без всякого подразделения на классы», и «талантливые бедняки станут выдающимися учеными, в то время как бесталанные богачи будут сажать и выращивать картофель»¹⁵². В этой фразе (кстати, классической для традиционного либерального стремления к меритократии) Батлье явно апеллирует к беднякам, а не к «среднему классу».

В целом пафос батльистских реформ был направлен на «гуманизацию капитализма», как об этом писал один из известных исследователей Батлье, М.Вангер¹⁵³. «Дон Пепе» либерализовал законодательство о браке – был принят закон о возможности развода не только по желанию мужа (как было раньше), но и жены. Был введен высокий налог на наследство, на землю; подготовлен план земельной реформы, исходящей из принципа, что только государство является единственным законным собственником земли.

«РАБОЧИЙ ВОПРОС»

В условиях развертывания профсоюзного движения, создания левых рабочих партий, главной задачей Батлье было сохранение социального равновесия в обществе. В отличие от большинства тогдашних олигархов, полагавшихся на средства политического насилия, Батлье считал возможным установление «социальной гармонии»¹⁵⁴.

Причем в рабочем вопросе явно прослеживается тенденция к популизму, выдвижению привлекательных для рабочего класса лозунгов. Это прослеживалось в ходе избирательной кампании 1911 г., когда Батлье значительную часть выступлений посвящал положению рабочего класса. Тем не менее, Федерация Труда (Federacion Obrera), руководимая анархистами, призвала всех

¹⁵² «El Dia», Montevideo, 4.12.1914.

¹⁵³ Vanger M. José Batlle y Ordóñez, 1915-1917: “Humanizando el capitalismo”. Uruguay y el Colegiado. – Montevideo: Banda Oriental, 2009.

¹⁵⁴ Alexander R.J., Parker E.M. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. – Westport, London: Praeger, 2005. – P.20.

рабочих голосовать на выборах против Батлье. И некоторое время после его прихода к власти рабочий класс вел себя явно антибатльистски: в 1911 г. волна забастовок достигла своего пика, кульминацией стала всеобщая забастовка. Однако благожелательному “нейтралитету” президента рабочие добились реализации многих из своих требований¹⁵⁵.

Затем отношения стали заметно улучшаться, тем более, что в рабочей среде значительно упало влияние анархистов, все время призывавших к стачкам, зачастую вопреки интересам рабочих. Безработица вследствие “золотого кризиса” и разразившейся мировой войны резко снизила политическую и экономическую активность рабочего класса. И соответственно, реформы Батлье завоевывали все большее число сторонников среди рабочих. Будучи приверженцем либерально-буржуазных реформ, «дон Пепе» в своих политических заявлениях стал все чаще использовать лозунг: «Реформы, к которым в других странах лишь призывают социалисты, в Уругвае воплощают в жизнь Колорадос!», и на следующих выборах успех партии Колорадо был обеспечен именно благодаря притоку новых голосов из рабочей среды¹⁵⁶.

Батлье нашел свою реформистскую линию - принятие мер, направленных на реальное улучшение положения всего рабочего класса (а не только профсоюзов, объединявших тогда лишь его незначительную часть), таких как введение 8-часового рабочего дня и пенсионное законодательство. Для него была характерна апелляция ко всем слоям населения (часто - к “низшим”, “беднякам” и т.п.) с осторожным использованием “рабочего” аспекта в качестве перспективы для привлечения новых голосов на будущих выборах. Данная позиция отвечала чаяниям тех деятелей политической элиты страны, которые верили в экономический национализм и “разумную” социальную справедливость.

Для Батлье, как и его ближайших сторонников, был характерен субъективистский, идеалистический подход к истории и политике (в русле традиций Просвещения), квинтэссенцией которого стала фраза “дона Пепе”: “Мы способны сделать все, что угодно” (или

¹⁵⁵ Pintos F.R. Batlle y el proceso histórico del Uruguay. – Montevideo: Claudia García, 1938. – P.85.

¹⁵⁶ Salazar Mora J.M. Crisis liberal y estado reformista: análisis político-electoral (1914-1949). – San José: Editorial de la Universidad de Costa Rica, 2003. – P. 241.

как он же писал в 1907 г., “мы можем совершать чудеса”)¹⁵⁷.

Именно поэтому основной реформистский пыл был направлен на изменения законодательства, конституционную реформу, так как “хорошие законы должны привести к хорошей жизни” (забывая в своем рвении по созданию “правового государства” известное изречение предшественника просвещенцев, Т.Гоббса, о том, что «сила создает право, а не право – силу»).

По возвращении в Уругвай Батлье был избран президентом на второй срок (1911-1915), и идеи, которые пропагандировались в его газете “Эль Диа” с 1886 г., начали воплощаться на практике. Была введена государственная монополия на страховое дело, электроэнергетику и электросеть. Президент выдвинул требование введения 8-часового рабочего дня, обязательного одного дня отдыха в рабочую неделю, состоящую из пяти рабочих дней, инспектирование условий труда, провел реформу образования и реорганизацию Государственного банка¹⁵⁸.

Он отменил смертную казнь, запретил корриду и бои быков. Президент способствовал созданию Государственного ипотечного банка, строительству государственных железных дорог в дополнение к существующим британским, и введению государственной монополии на производство алкогольных напитков и табачных изделий. Им было внесено предложение создать соответствующие научно-исследовательские институты и бюро для разработки проблем, стоящих перед отдельными отраслями экономики и установить протекционистские меры для защиты национальной промышленности. Батлье ратовал за введение пенсии по старости, выплат женщинам по уходу за детьми, возмещение для увольняемых служащих, всеобщее бесплатное начальное образование и принятие законов по защите незаконнорожденных детей¹⁵⁹.

Реформы президента Батлье, когда он был избран на второй срок в 1911 г. - перестройка и реконструкция столицы страны, Монтевидео, официально объявленная “свобода слова” и политического инакомыслия, прекращение преследований по

¹⁵⁷ Pelúas D. José Batlle y Ordóñez: el hombre. – Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2001. – P. 255.

¹⁵⁸ José Batlle y Ordóñez: documentos para el estudio de su vida y de su obra. – Montevideo: Poder Legislativo, Cámara de Representantes, 1988. – P. 32-35.

¹⁵⁹ Lago J. José Batlle y Ordóñez: ensayos sobre el período crítico de la República Oriental, 1903-1916. – Montevideo: Vanguardia, 1982. – P. 70-72.

политическим мотивам, выдвижение программ, направленных на улучшение социального положения населения - пользовались широкой поддержкой в уругвайском обществе¹⁶⁰.

Для решения национальных экономических и социальных проблем были приглашены иностранные эксперты. Впервые стали проводиться статистические исследования заработной платы, уровня жизни, спроса и предложения на рабочую силу. Были отменены импортные пошлины на семена и сельскохозяйственные культуры. Введен налог на покупку драгоценностей. В июне 1914 г. конгресс начал рассмотрение возможности предоставления женщинам равных прав с мужчинами.

Типичным для Батлье было высказывание: «Существует огромная несправедливость в том колоссальном разрыве, который мы наблюдаем между богатыми и бедными». Игнорируя в русле либерализма классовые противоречия, он писал: «Истинный источник неравенства состоит в сложности создания справедливой системы распределения благ, а разрыв между богатством и бедностью должен неизменно сокращаться, и это является главной задачей государства»¹⁶¹

Власть имущие в Уругвае с возрастающим напряжением наблюдали за правотворчеством их выдающегося современника. Даже некоторые из его сторонников не были готовы к фейерверку предложенных проектов. П. Манини предупреждал, что надо двигаться “медленно, но верно”; Х.Э. Родо выступил против закона о 8-часовом рабочем дне; Х. Рамиреса охватил ужас, когда он узнал о готовящемся установлении государственной монополии в области страхования¹⁶².

Ассоциация землевладельцев бойкотировала аграрное законодательство и добилась того, что один из его пунктов, проект по увеличению вдвое налога на необрабатываемые земельные владения, (так называемый “проект Вильимана”) даже не был допущен к обсуждению в законодательном органе власти¹⁶³.

Те же силы, которые создали в 1910 г. “Лигу мира” для отпора

¹⁶⁰ Batlle y Ordóñez, el reformador. – Montevideo: Edit. Clarida, 1942 – P. 227-230

¹⁶¹ Цит. по Hanson S.G., Utopia in Uruguay: Chapters in the Economic History of Uruguay. N.Y. ., p.15-22.

¹⁶² Vanger M. The Model Country: José Batlle Y Ordoñez of Uruguay, 1907-1915. – Lebanon (N.H.): University Press of New England, 1980. – P. 76.

¹⁶³ García A. Reforma agraria y dominación social en América Latina. – Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1973. – P. 45-47.

“националистической революции” (восстанию “бланкистов”) под лозунгом «Батлье лучше, чем война» - Ассоциация землевладельцев, биржевики, Торговая палата и Центр розничных торговцев - к 1915 г. заняли откровенно враждебную позицию по отношению к Батлье (показательно, что ни одна из крупных фирм не сочла необходимым соблюсти обычную формальность при уходе президента со своего поста - подписать памятный альбом с выражением “наипочтительных уверений в своем уважении”).

Таким образом правление Батлье характеризовалось наличием явно выраженных противоречий: с одной стороны, слабое рабочее движение, приверженность большей части политической элиты лозунгу “медленно, но верно”, высокий уровень организации сил крупных городских предпринимателей и землевладельцев; с другой же – динамичная государственная политика экономической модернизации и трансформации, стремление к освобождению из под гнета зарубежного экономического засилья, расширению функций и роли государства, обеспечению достойных условий жизни для всех граждан.

На фоне невысокой массовой поддержки и противодействия со стороны значительной части политической элиты успехи политики Батлье в создании “образцового государства” выдают в нем выдающегося политика, сумевшего добиться максимума возможного в существовавших условиях.

Некоторые исследователи критикуют Батлье за то, что он не создал новую партию, основанную на классовом принципе¹⁶⁴. Однако этот шаг даже не приходил (и не мог прийти) в голову Батлье, который всеми своими корнями был привязан к господствующей экономической и политической элите, сложившейся партийной системе, к партии Колорадо, которая была партией его отца, тестя и других родственников.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА

Батлье считал, что реформы неосуществимы без глубоких преобразований в конституции страны и основной законодательной базе. Во время своего визита в Европу Батлье хотел найти некое “универсальное” средство против бунтов и восстаний, которые потрясали Уругвай в течение всего XIX века. Он пришел к выводу, что данные пороки являются следствием чрезмерной

¹⁶⁴ Frugoni E. El libro de los Elogios. Montevideo, 1953.

централизации исполнительной власти страны.

«Дон Пеппе» призывал к реформе существующей конституции по трем направлениям: введение коллегиального органа исполнительной власти; опора на референдумы как средство мирного разрешения политических противоречий; узаконение местного самоуправления с широкими полномочиями (по примеру швейцарских кантонов). Центральная идея состояла в том, что исполнительная власть должна осуществляться коллегией (“collegio”), состоящей из 9 лиц.

Однако предложения Батлье о введении “плюралистической” или “коллегиальной” исполнительной власти оставили большинство уругвайцев равнодушными. Некоторые деятели, (например, Балтасар Брум), поддержали его, но противников было так много, что они создали даже свою партию под названием “антиколлегиалисты”.

В итоге бурных дискуссий была принята новая Конституция, вступившая в силу с 1 марта 1919 г., (дня провозглашения новым президентом страны Балтасара Брума). Среди изменений можно отметить пункт, по которому президент избирался в ходе всеобщих выборов (ранее он избирался конгрессом). Был введен Национальный совет. Он состоял из 9 членов, избираемых в ходе всеобщих выборов сроком на 6 лет и должен был готовить к обсуждению в конгрессе бюджет, контролировать и наблюдать за ходом и законностью избирательных кампаний и выборов.

Президент по-прежнему остался главой исполнительной власти, представлявшим нацию внутри страны и за рубежом. Ему непосредственно подчинялись “силовики” - министры внутренних дел, армии и ВМФ, а также министр иностранных дел. Однако контроль над всеми вопросами, которые не были прямо предписаны конституцией для президента, перешли в ведение Национального совета. К ним относились министерство образования, торговли и промышленности, общественных работ.

Хотя двухчленная система исполнительной власти (президент - Национальный совет) вызвала шквал критики, но она на практике не привела к каким-либо серьезным конфликтам внутри властных структур общества.

БАТЛЬЕ И БАТЛЬИЗМ

Влияние Батлье, который умер в 1929 г., сохранялось в Уругвае в течение всего XX века. Деятели партии Колорадо неизменно

подчеркивали преемственность их политики от великого уругвайского реформатора. Любопытно, что смена правящего двухпартийного режима (Национальной партии и Колорадо) была также вызвана борьбой за «чистоту» батльизма. Президенты Т. Васкес и Х. Мухика, пришедшие к власти от Широкого Фронта утверждают, что именно политика их партии является неискаженным и безукоризненным продолжением реформизма Батлье в новых исторических условиях¹⁶⁵.

Политика Батлье в области социального и трудового законодательства была продолжена его сторонниками. 19 ноября 1920 г. был введен один выходной день после 6-дневной рабочей недели для водителей и государственных служащих. В 30е годы служащим коммерческих предприятий была предоставлена так называемая “английская неделя” (*semana inglesa*), когда в дополнение к воскресному дню работники могли отдыхать и вторую половину дня в субботу.

18 ноября 1926 г. был установлен минимум заработной платы для портовых рабочих. Затем были приняты соответствующие законы и для других отраслей экономики. Принимались законы о выплате “семейных пособий” для работников, имевших детей, о выделении служащим ежегодной премии в размере месячной оплаты труда за каждый проработанный на предприятии год, о безопасности труда на предприятиях, об ответственности предпринимателей перед гражданским судом за любой несчастный случай на производстве. Государственные предприятия, департаменты и муниципалитеты были обязаны застраховать своих работников в Государственном страховом банке; был создан Фонд компенсаций по безработице для работников мясоупаковочной промышленности.

Пенсии по старости были предусмотрены впервые в законе от 11 февраля 1919 г. Пенсии должны были выплачиваться для лиц, достигших 60 лет, а также “для всех нетрудоспособных и находящихся в бедности” (вне зависимости от возраста). Для создания пенсионного фонда использовались налоги на предпринимателей и землевладельцев, а также доходы от налогов на азартные игры и алкогольные напитки¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Gilio M.E. Pepe Mujica: De tupamaro a Presedente. – Buenos Aires: Le Monde Diplomatique, 2005. – P.42.

¹⁶⁶ Sinha T. Pension Reform in Latin America and Its Lessons for International Policymakers. – México: Instituto Tecnológico Autónomo de México, 2000. – P. 39.

Комиссия по тарифам США следующим образом описывала отличия Уругвая от других стран Латинской Америки: “Государственные монополии использовались в других латиноамериканских странах в основном как фискальные агентства и источники государственного дохода. В Уругвае, однако, коренным образом отличаются мотивы существования подобных предприятий; система государственных предприятий была создана для обеспечения определенных экономических и социальных выгод для уругвайского народа; таких выгод, например, как дешевое страхование, расширение занятости, невысокие ставки банковского процента, относительно дешевые и прошедшие жесткий санитарный контроль поставки мяса в Монтевидео. Кроме того, данные предприятия использовались для сокращения степени воздействия иностранного капитала на индустриальную жизнь страны и обеспечения достаточной независимости от иностранных источников сырья и готовой продукции”¹⁶⁷.

Батльизм поощрял развитие государственного сектора экономики. Государство стало монополистом в сфере страхования. Оно, посредством своих предприятий, являлось одним из крупнейших производителей алкоголя и продуктов нефтепереработки, было собственником мясоперерабатывающего завода и рыболовецких траулеров, производило рыбные продукты и химикаты, контролировало основные банковские учреждения, телефонную систему и порты страны.

Некоторые из государственных предприятий были убыточными и существовали только за счет дотаций. Другие же были достаточно прибыльными, и в итоге чистый доход государственных предприятий за период 1937-1940 гг. составлял в среднем ежегодно более 10 млн. песо.¹⁶⁸

ОТНОШЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США К БАТЛЬИСТСКИМ РЕФОРМАМ

С момента образования страны доминирующую роль в экономике и политике играла Великобритания. Именно она и сыграла решающую роль в создании самого государства Уругвай в 1828 г., как «буферной зоны» и «своего посредника» между

¹⁶⁷ U.S. Tariff Commission. Economic Controls and Commercial Policy in Uruguay. USGPO, 1945, p.11.

¹⁶⁸ Ibid, p. 13.

гигантами – Аргентиной и Бразилией. Уругвай стал одним из главных источников шерсти для текстильной промышленности Англии. Кроме того, англичане высоко ценили говядину, поступавшую из этой страны. Пастбищное животноводство, развивавшееся с колониальных времен, получило новый мощный импульс с конца XIX века. Для того, чтобы быстро доставлять крупный рогатый скот в порт Монтевидео были необходимы железные дороги, строительство которых взяли на себя британские инвесторы.

Крупнейшие сектора экономики находились под контролем иностранных (прежде всего британских) банкиров и финансистов. Процветание страны зависело от мировых цен на шерсть и мясо. Их резкие колебания приводили то к экономическому буму, то к пучине кризиса¹⁶⁹.

На рубеже веков дряхлеющий британский лев стал все чаще уступать позиции агрессивным хищникам из США. На этих межимпериалистических противоречиях и пытался строить свою политику национал-реформизма президент Батлье. Более того, ему «повезло» в том отношении, что главные империалистические державы активно готовились к первой мировой войне, и им было не до локальных событий в маленькой латиноамериканской стране.

Батлье с неодобрением относился к существованию иностранных собственников и компаний в сфере услуг и промышленности и был уверен в способности государства успешно вытеснить из этих отраслей иностранный капитал. В своей экономической политике Батлье стал пионером в использовании государства для поощрения диверсификации национальной экономики и развития промышленности (то, что впоследствии назвали «экспорзамещением»).

При этом он руководствовался отнюдь не социалистическими идеалами, а традиционным либеральным национализмом. Батлье понимал, что единственным источником для развития экономики и укрепления позиций страны может быть только государство. И его примеру последовали в годы Великой Депрессии не только страны Латинской Америки. Некоторые исследователи полагают, что этот опыт использовал и президент США Ф. Рузвельт в разработке

¹⁶⁹ Nahum B. Uruguay-Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. – Montevideo: Universidad de la República (Uruguay), Area de Historia Económica, Departamento de Publicaciones, 2003. – P. 55.

своего «Нового Курса»¹⁷⁰. А после второй мировой войны этот пример вмешательства государства в экономику подхватили развивающиеся страны всего мира.

Став во главе правительства, Батлье-и-Ордоньес после некоторых колебаний развернул компанию против британского доминирования на уругвайском рынке, что усилило позиции национальной буржуазии (хотя в то же время объективно способствовало укреплению позиций североамериканского капитала).

Возможности маневра между интересами ведущих держав мира были достаточно ограниченными, учитывая те колоссальные возможности, которыми обладали в Уругвае западные предприниматели и банкиры для сворачивания опасного для них курса “экономического национализма” батльистов. Позиция Батлье, направленная на полную компенсацию (включая даже потери от неполучения будущих доходов) западным предприятиям при их национализации, которую он считал самой справедливой, некоим образом не устраивала империалистов – как оказалось, деньги для них имели второстепенное значение по сравнению с контролем, расширением сферы влияния и господства. Продать предприятия означало для них прежде всего – создать тревожный прецедент выхода из под их власти. Именно поэтому батльистскую схему в наши дни вспоминают порой с иронией лишь в аристократических лондонских клубах как древний музейный экспонат, не выдержавший испытания временем.

Более того, даже попытки какой-то «игры», направленной на противопоставление интересов империалистических держав, также имели свои четкие границы, и в случае угрозы самой сложившейся системе империалистического господства сразу же забывались все прежние расхождения, и империалисты были готовы действовать сообща. Так например, Батлье заключил соглашение с *американцами* о строительстве государственных железных дорог, которые должны были конкурировать с господствующими в этой сфере *британскими* предприятиями и создать некий противовес всевластию англичан. Но *французский* посол в Уругвае написал письмо *американским* акционерам, в котором предостерегал их: «Уругвай враждебно настроен по отношению к любым иностранным интересам; в намерения его руководства входит

¹⁷⁰ Patel K. K. The New Deal: A Global History. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – P. 318.

удаление иностранного влияния из экономики; оно собирается с помощью вашей компании создать параллельную структуру британским железнодорожным линиям, чтобы лишить их доходов и добиться сворачивания бизнеса»¹⁷¹.

Таким образом, «правила игры» были против уругвайского руководства, и даже если бы британское господство подошло к полному закату в 1915 г., новые хищники сразу заняли бы освободившееся место, и условия их существования в стране не могли измениться в лучшую для уругвайцев сторону.

БАТЛЬИЗМ И НАЦИОНАЛ-РЕФОРМИЗМ

Политика Батлье являлась преддверием взлета национал-реформизма – идеологии, особенно популярной в странах Латинской Америки, в которой сочетались антиимпериализм (“опора на собственные силы”, выросшая из экономического национализма и протекционизма, характерные для батльизма) и положительное решение “рабочего вопроса” (в батльистском социальном законодательстве и его сближении с рабочим классом были заложены основы национал-реформистского подхода).

Уругвай после первой мировой войны стал для многих стран лабораторией социального и политического экспериментирования, что было в первую очередь с деятельностью Батлье. Однако его реформистская деятельность была сочтена слишком радикальной даже внутри партии Колорадо. Видный деятель этой партии Фелисиано Виера, ставший президентом страны поспешил встать на путь уступок антиреформистским силам под победный аккомпанемент “свободной” прессы. Через несколько дней после объявления результатов выборов Ф.Виера опубликовал манифест, в котором, в частности, говорилось: «Передовые экономические и социальные законы, принятые в течение последних законодательных периодов, растревожили многих наших единомышленников, и они отказали нам в поддержке на выборах. Хорошо же, господа, мы не будем больше продвигаться в области экономического и социального законодательства и примирим капитал с трудом. Мы шли достаточно быстро. Сделаем передышку в проведении дальнейших мероприятий в области заработной платы, не будем больше покровительствовать законам такого рода

¹⁷¹ Finch, H. Political Economy of Uruguay: 1870-1970. – Basingstoke: Macmillan, 1981.– P. 201-215.

и приостановим принятие тех, которые находятся на рассмотрении законодательных органов»¹⁷².

Причем съезд батльистской партии Колорадо одобрил без всяких колебаний декларацию президента. Это было новым значительным показателем отката партии, руководимой Батлье-и-Ордоньесом, перед объединенными антиреформистскими силами.

20 октября 1929 года Хосе Батлье-и-Ордоньес умер, и не оказалось никого, кто, обладая необходимыми качествами, мог бы возглавить партию, созданную Батлье. Батлье ушел в тот момент, когда стали особенно нарастать противоречия в стане батльизма. Эти противоречия были вызваны возникновением новых отношений в уругвайской экономической и политической жизни, резким усилением конфликтов между империалистическими державами, что ощущалось также и в Уругвае. Наряду с относительно ускоренным развитием в стране различных отраслей промышленности в Уругвае появилась новая буржуазия, которая все более и более отличалась от буржуазии тех лет, когда она делала свои первые шаги.

Закончилась эра сильного однопартийного правления, и начался период сложных межпартийных перипетий и комбинаций для обеспечения консенсуса. Будучи центральной фигурой в политической жизни страны, он продолжал бороться за осуществление своей главной задачи - превращения Уругвая в "образцовую страну" вплоть до своей смерти. Но и после ухода из жизни "дона Пепе" батльистская партия и ее идеология оставались "спинным хребтом" уругвайской политики и уругвайского образа жизни.

СУДЬБЫ НАСЛЕДИЯ «ДОНА ПЕПЕ»

В "добрые" для Уругвая демократические времена по окончании второй мировой войны (обиходным стало тогда словосочетание "Uruguay feliz" - "счастливый Уругвай"), когда уровень безработицы был минимальным, когда в стране отсутствовали межнациональные и межэтнические трения ("процветание космополитизма"), когда там не было и обычных для эпохи "холодной войны" гонений против левых сил,

¹⁷² Lindahl G.G. Uruguay's New Path: A Study in Politics During the First Colegiado, 1919-1933. - Berlin: Library and Institute of Ibero-American Studies, 1962. - P.46.

утвердилось прочное представление о том, что Уругвай это “произведение Батлье” (“obra de Batlle”). Однако эти времена быстро закончились, когда на мировом рынке после войны в Корее резко снизились цены на шерсть, которая составляла основу послевоенного экономического благополучия страны, и Уругвай не смог приспособиться к новым неблагоприятным условиям.

Тогда появился новый, критический подход к наследию “дона Пепе”. Его суть была в наиболее острой форме изложена в книге К.Асуа «Импульс и его крах»¹⁷³. На Батлье возлагалась ответственность за то, что благодаря его реформам уругвайцы привыкли к «легкой жизни» за спиной у государства, что они потребляют гораздо больше, чем могут производить. Батлье, в его изложении отражал «имманентные тенденции уругвайского общества», в особенности его среднего класса.

Уругвайские экономические беды не прекращались, и экономическая стагнация вкупе с гиперинфляцией произвели на свет политических уродцев: с одной стороны откровенный цинизм и разложение “верхов”, с другой - городскую партизанскую герилью “тупамарос”. Эти процессы завершились военным переворотом 1973 г., который смел с лица страны всю политику, но не остановил экономический кризис. В данных условиях вновь некоторые из историков возложили “историческую ответственность” за эти беды на плечи Батлье. Логика упоминавшихся выше Х.Баррана и Б.Наума состоит в том, что Батлье не учел “консерватизма и реакционности” среднего класса (заметим, что до переворота 1973 г. практически все исследователи отмечали, напротив, “прогрессивность” этого же класса), а также “умеренности и робости” рабочего класса (опять же до переворота все писали о “боевитости” рабочих). Дескать, “подспудный” консерватизм среднего класса нашел выражение в лозунге “закона и порядка”, с которым в конце концов одержала победу военная хунта.

Итак, за каждым крупным переломом в политической жизни Уругвая XX-XXI вв. незримой тенью присутствует фигура Батлье, к наследию которого обращались и будут обращаться историки и политологи.

Трудно сказать, что было бы, если у Батлье была бы возможность полной реализации его экономических проектов. Многим кажется, что они в те отдаленные времена были

¹⁷³ Azua C. El Impulso y Su Freno. Montevideo, 1964.

выполнимы. В самом деле, почему бы Уругваю не стать “образцом для подражания” в глазах всего мира, не проводить свои научные разработки и развивать свою собственную технологическую базу, не поставлять на мировой рынок “ноу-хау” и наукоемкую продукцию, как мечтали уругвайские реформаторы? Но видимо эта сладкая мечта преувеличивает реальные потенции батльистского реформизма. Его границы очерчены прежде всего теми обычными буржуазными принципами частного предпринимательства, индивидуального эгоизма, социального паразитизма, внутри которых этот либеральный реформизм развивался.

Для полномасштабной реализации всех батльистских проектов требовалась концентрация усилий большинства граждан страны, их единый волевой порыв, что уже изначально противоречило мотивации эмигрантов, приехавших в Уругвай для улучшения своих условий существования, а не для осуществления каких-то идеалистических планов по созданию “образцового общества”. Условия политической демократии и откровенная оппозиция со стороны “вненационального” бизнеса способствовали бы росту напряженности во внутренней политике с каждым новым этапом реформирования. Более того, по мере продвижения вперед требовалось все больше средств для реализации различных проектов, а эти дополнительные средства могли быть почерпнуты только за счет роста налогового бремени, и следовательно должны были вызвать рост недовольства и сократить без того небольшую массовую базу поддержки реформистского курса.

Таким образом Батлье для полного осуществления своей программы было необходимо отказаться от условий представительной демократии, чего он не мог сделать по причине своей искренней приверженности политической доктрине либерализма, и (или) воплести свои реформы в ткань иной идеологии, способной мобилизовать энергию “низов” и заставить их пройти необходимый этап лишений для выхода на путь экономической и политической независимости. Но “дон Пепе”, всеми своими корнями прочно связанный со своим классом, никогда не смог бы совершить этот переход.

Конечно можно предположить, что Батлье и его сподвижникам все же удалось бы каким-то чудом убедить большинство избирателей в необходимости временных лишений для осуществления планов модернизации общества в рамках сложившейся общественно-политической системы. Ведь большинство уругвайцев задним числом осознали же правильность

батльистского курса, и многие из них с радостью согласились бы на временные трудности, зная, что впереди страну ждут такие суровые испытания, как мировой кризис 1929-1933 гг., череда непрерывных кризисов 50-60х годов и жестокости военной хунты 1973-1985 гг., которых можно было избежать, имея мощную и неуязвимую перед лицом мирового рынка экономику.

Но чтобы вырваться из железного кольца вышеизложенных внутренних и внешних обстоятельств требовались (и требуются по сию пору) некие героические усилия, на которые не оказался способен уругвайский электорат. Батлье в своих попытках вывести страну из исторического тупика, добился многого, хотя и не обладал яркой “харизмой”, присущей ряду известных деятелей XX века. Он не был “природным политиком”: чувствовал себя неловко в людской толпе, никогда не наслаждался своей популярностью, с отвращением относился к популистским жестам - пожиманию рук, похлопыванию по плечам, не любил произносить торжественные речи. Он вообще чувствовал себя “не в своей тарелке”, общаясь с незнакомыми людьми, особенно иностранцами, и скрывал свою неловкость под личиной формальных манер и старомодности в привычках и одежде.

Но за этим фасадом несколько мешковатого, тучного, не любящего пышные общественные мероприятия и обожающего свою семью “дона Пепе” скрывался острый, пронизательный ум политика, просчитывающего свои действия на много ходов вперед. Данью обуревавшему его желанию реформировать и модернизировать Уругвай, было и отношение к друзьям, отличавшееся от принятого среди политиков цинизма и лицемерия. Батлье ставил дружбу в зависимость не от «интересов», а от «идей»: «В политике у меня нет друзей, за исключением тех, кто разделяет те же идеи, что и я»¹⁷⁴.

Сжигавшей его страстью была идея превратить Уругвай в “образец для подражания”, в свободную, независимую страну, где каждый гражданин мог бы получить максимум возможного в соответствии со своими заслугами. Он стал одним из первых либеральных политиков в Латинской Америке, открывших в XX веке полосу борьбы с международным империализмом с позиций национал-реформизма, борьбу, в которой он в условиях, ограниченных внутривнутриполитическими и внешними условиями, а

¹⁷⁴ Abadie W.R., Romero A.V. Crónica general del Uruguay. V.6 – Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2000. – P.558.

также его собственным социальным статусом и классовой принадлежностью, добился максимума возможного.

Его положительной чертой было необыкновенное упорство в достижении поставленных целей, а также стремление в любых, даже безнадежных ситуациях, добиваться пусть небольшого, но продвижения вперед во благо своей страны. Как говорил он сам: «Для сеньора Батлье политическое действие означает постоянные усилия по продвижению от одного политического состоянию к другому, более благоприятному. В любой момент, даже тогда, когда казалось бы не остается ничего, кроме крайнего отчаяния, что-то можно предпринять. Иногда воздержаться от каких-либо действий, иногда поднять революцию, иногда принять участие в деятельности режима, который способен к эволюционированию, и всегда оказывать открытую, решительную и энергичную поддержку тому правительству, которое основывает свою политику на учете общественного мнения, которое выражает решимость добиться осуществления национальных интересов и чаяний»¹⁷⁵

Одну из лучших оценок деятельности Батлье дал Э. Галеано в своей знаменитой книге «Вскрытые вены Латинской Америки»: «Уругвайский президент Хосе Батлье-и-Ордоньес выступал глашатаем буржуазной революции в Латинской Америке. Восьмичасовой рабочий день был введен в законодательном порядке в Уругвае раньше, чем в Соединенных Штатах. В своем опыте «welfare state» Батлье не только не ограничился претворением в жизнь самого передового для своего времени социального законодательства, но и изо всех сил способствовал культурному развитию и просвещению масс; он национализировал сферу общественных услуг и некоторые существенно важные с экономической точки зрения сферы производства. Однако он не затронул власти землевладельцев, не национализировал ни банковское дело, ни внешнюю торговлю. В настоящее время Уругвай страдает от последствий этих упущений Батлье (возможно, неизбежных) и от предательства его преемников»¹⁷⁶.

Библиография

¹⁷⁵ El Dia, Montevideo, 25.03.1912.

¹⁷⁶ Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 391.

- Abadie W.R., Romero A.V.* Crónica general del Uruguay. V.6 – Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2000.
- Alexander R.J., Parker E.M.* A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. – Westport, London: Praeger, 2005.
- Azua C.* El Impulso y Su Freno. Montevideo, 1964.
- Barran J., Nahum B.* Historia Rural de Uruguay Moderno. Montevideo, v.6, 1976.
- Batlle y Ordóñez, el reformador. – Montevideo: Edit. Clarida, 1942.
- Burel H.* Los inmortales: el encuentro Batlle – Saravia. – Montevideo: Alfaguara, 2003.
- Conci G., Guidici G., Guidici C.* Batlle y el batllismo.– Montevideo: Editorial Ateneo, 1957.
- Finch H.* Political Economy of Uruguay: 1870-1970. – Basingstoke: Macmillan, 1981.
- Frugoni E.* El libro de los Elogios. Montevideo, 1953.
- García A.* Reforma agraria y dominación social en América Latina. – Buenos Aires: Ediciones Nueva Visión, 1973.
- Gilio M.E.* Pepe Mujica: De tupamaro a Presedente. – Buenos Aires: Le Monde Diplomatique, 2005.
- Johnson J.* Political Change in Latin America: The Emergence of the Middle Sectors. Stanford, 1958.
- Lago J.* José Batlle y Ordóñez: ensayos sobre el período crítico de la República Oriental, 1903-1916. – Montevideo: Vanguardia, 1982.
- Lindahl G.G.* Uruguay's New Path: A Study in Politics During the First Colegiado, 1919-1933. – Berlin: Institute of Ibero-American Studies, 1962.
- Nahum B.* Uruguay-Inglaterra: sus relaciones financieras hasta mediados del siglo XX. – Montevideo: Universidad de la República, 2003.
- Panizza F.* Uruguay: Batllismo y despues. – Montevideo: Banda Oriental, 1990.
- Patel K.K.* The New Deal: A Global History. – Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Pelúas D.* José Batlle y Ordóñez: el hombre. – Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2001.
- Pendle G.* Uruguay. South America's First Welfare State. Oxford, 1952.
- Pintos F.R.* Batlle y el proceso histórico del Uruguay. – Montevideo: Claudia García, 1938.
- Ponce de León N.B., Gomensoro J.* Bolsa de Valores, Montevideo, 1867-2000. – Montevideo: Bolsa de Valores de Montevideo, 2000.

- Salazar Mora J.M.* Crisis liberal y estado reformista: análisis político-electoral (1914-1949). – San José: Editorial de la Universidad de Costa Rica, 2003.
- Sinha T.* Pension Reform in Latin America and Its Lessons for International Policymakers. – México: Instituto Tecnológico Autónomo de México, 2000.
- Vanger M.* José Batlle y Ordóñez, 1915-1917: “Humanizando el capitalismo”. Uruguay y el Colegiado. – Montevideo: Banda Oriental, 2009.
- Vanger M.* The Model Country: José Batlle Y Ordoñez of Uruguay, 1907-1915. – Lebanon (N.H.): University Press of New England, 1980.
- Williams E.J.* Secularización, integración, racionalización: algunas perspectivas del pensamiento latinoamericano. – Wash.: Centro de Información, Documentación y Análisis Latinoamericano, 1975.
- Галеано Э.* Вскрытые вены Латинской Америки. – М.: Прогресс, 1986.

Дайнис Кареповс¹⁷⁷
Dainis Karepovs

СЫНЫ БОГА ОГУМА¹⁷⁸:

¹⁷⁷ Доктор исторических наук, Университет Сан-Паулу, Бразилия; Dr, in history, University of Sao Paulo, Brazil. dakar@uol.com.br

¹⁷⁸ Огум – мужское божество у йоруба, символ воина, в синкретических верованиях бразильских рабов-негров ассоциировалась с христианским Святым Антонио, который был покровителем Сальвадора-де-Баия. Бразильские последователи Троцкого в 30-е годы в своей внутренней переписке именовали его Огумом, что свидетельствовало о адаптации коммунистической культурой бразильских синкретических символов, инициатором чего был исследователь негритянской субкультуры, троцкист и известный французский сюрреалист Бержамин Перет (1899-1959). В те годы Перет жил в Бразилии, публиковал свои тексты в бразильской прессе, особенно известными были его статьи под общим названием «Macumba e candomblé» в «Diário da Noite» в период с 25 ноября 1930 г. по 30 января 1931 г. Ещё в революционной России традиционные религиозные символы использовались в коммунистической пропаганде, как известный плакат, изображавший Троцкого в образе Святого Георгия, разящего «змея контрреволюции».

ТРОЦКИЗМ В БРАЗИЛИИ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА, 1930-1940.

THE OGUM'S SONS:

TROTSKYISM IN BRAZIL, 1930-1940

Аннотация: Троцкистское движение в Бразилии, вышедшее из официальной компартии, повторило траекторию международного движения левой оппозиции в Коминтерне. Бразильский троцкизм пережил несколько этапов и организационных форм, предлагая неординарные политические решения. История бразильских троцкистов в 30-е годы тесно связана с внутренней борьбой внутри коммунистического движения, во многом определялась именно противостоянием со «сталинистским руководством» компартии и Коминтерна.

Ключевые слова: Троцкизм, Мариу Педроза, Бразилия, коммунистическое движение, IV Интернационал.

Abstract: The Trotskyist movement in Brazil, which left the official communist party, repeated the trajectory of the international left opposition movement in the Comintern. Brazilian Trotskyism has gone through several stages and organizational forms, offering extraordinary political decisions. The history of the Brazilian Trotskyites in the 1930s is closely linked to the internal struggle within the communist movement, largely determined by the confrontation with the "Stalinist leadership" of the Communist Party and the Comintern.

Keywords: Trotskyism, Mario Pedroso, Brazil, communist movement, IV International.

23-30 мая 1943 г. основные бразильские газеты опубликовали резолюцию ИККИ от 15 мая о роспуске Коминтерна¹⁷⁹ и интервью Сталина корреспонденту Рейтер Харольду Кингу от 28 мая¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Correio da Manhã. Rio de Janeiro, 23/05/1943; O Jornal. Rio de Janeiro, 23/05/1943; Jornal do Brasil. Rio de Janeiro, 23/05/1943; O Estado de S. Paulo. São Paulo, 23/05/1943.

¹⁸⁰ Correio da Manhã. 30/05/1943; O Jornal. 30/05/1943; Jornal do Brasil. 30/05/1943, p. 80 Estado de S. Paulo. 30/05/1943.

Таким образом было объявлено о роспуске Коминтерна и представлена точка зрения советского правительства об этом решении.

Бразильская пресса также изложила позиции США и Англии по этому решению Москвы. Бразильские газеты писали, что это решение направлено на то, чтобы «создать атмосферу большего взаимного доверия между Объединёнными нациями и выбить важный козырь в пропаганде нацистов». «Эти действия советской стороны направлены на упрочение союза во имя разгрома стран Оси, и что это действия будут иметь глубокие последствия во всем мире»¹⁸¹. Это был момент, когда, хотя Бразилия в августе предыдущего года присоединилась к союзникам, объявив войну Германии и Италии, страна жила с ноября 1937 г. в условиях диктатуры «Нового государства», оппозиция правлению Жетулио Варгаса была подавлена и молчала. Марксистские организации, Компартия Бразилии (КПБ), секция Коминтерна, и Социалистическая революционная партия (Partido Socialista Revolucionário – ПРС), состоящая в IV Интернационале, действовали к глубокому подполью, а большая часть их членов были либо в тюрьмах, либо в эмиграции. Именно в этот момент, несмотря на противоречивость ситуации после вступления Бразилии в войну на стороне антигитлеровской коалиции, происходит возрождение марксистских левых на бразильской политической сцене.

Даже после роспуска Коминтерна исторические различия этих политических групп не были забыты. В сентябре 1943 г. молодой троцкист Эдмундо Монис опубликовал критику перевода биографии Сталина немецкого журналиста Эмиля Людвиг¹⁸². В своей рецензии Монис утверждал и доказывал, что издательство «Кальвину», являясь собственностью коммуниста Жузе Кальвину Филью и будучи связанной с КПБ, вырезала значительные куски в оригинале, особенно те, в которых в нейтральном или положительном тоне упоминался Л.Д. Троцкий. В ярости от рецензии Кальвину Филью ответил, что Монис обожествлял врага Сталина, вел «вредную пропаганду Троцкого и его идей о международном коммунизме»¹⁸³.

Предпосылки возникновения троцкистского движения в

¹⁸¹ O Jornal. 25/05/1943.

¹⁸² Carioca. Rio de Janeiro, nº 413, 04/09/1943.

¹⁸³ Diário da Noite. Rio de Janeiro, 08/09/1943.

Бразилии лежали за её пределами, в спорах слевой оппозицией в СССР, в борьбе Троцкого и Сталина. С 1923 г., когда начался процесс подчинения советского партийного и государственного аппарата сталинистам, расхождения в позициях нарастали, что закончилось полной победой Сталина и завершилось показательной высылкой из СССР Троцкого в 1929 г. Как указывал Пьер Бруе, эта высылка отразилась на положении в Коминтерне, где всякая критика и оппозиция были поставлены вне закона, а дискуссии и политические решения были заменены полицейщиной ГПУ¹⁸⁴. Компартии включили в свой идеал государственную логику, когда несогласные члены партии превращались во врагов, к которым следовало применять различные санкции, от исключения из партии до смертных приговоров¹⁸⁵.

В тот период последствия этих дебатов и борьбы в мировом коммунистическом движении достигли всех партий, они имели целью переориентировать работу Коминтерна. Эта позиция была элементом сплочивания сторонников для формирования Международной левой оппозиции, сформулировавшая свой особенный взгляд по трем пунктам: политика Англо-русского комитета, Китайская революция, и самое главное – экономическая политика СССР в связи с теорией «построения социализма в одной стране». Последняя была сформулирована Сталиным и ей была подчинена деятельность Коминтерна и Советского государства, страны, обещавшей решить противоречия между пролетариатом и крестьянством своими силами и гарантировать полноценное социалистическое общество при поддержке и симпатиях пролетариата в других странах, не надеясь на победу пролетарской революции в этих странах¹⁸⁶. До сего момента эти вопросы не вызывали противоречий в рядах международного и русского коммунизма. Спор, начатый в рядах ВКП(б), распространился по значительному числу компартий во всем мире, став основой организационного оформления троцкистских групп как самостоятельных партий и группировок. Этот процесс закончился в Париже в 1930 г. организациейлевой международной оппозиции.

¹⁸⁴ Broué P. História da Internacional Comunista, 1919-1943, Volume I (A ascensão e a queda). São Paulo: Sundermann, 2007. P. 585-586.

¹⁸⁵ Эта логика в Бразилии была применена к Тобиясу Варшавскому и Эльзе Фернандес.

¹⁸⁶ Stalin J. Cuestiones del leninismo. Moscou: Ediciones en Lenguas Extranjeras, 1941, p. 170. См. также Marques Neto J.C. Solidão revolucionária: Mário Pedrosa e as origens do trotskismo no Brasil. São Paulo: Paz e Terra, 1993; Broué, P. Op. cit.

Компартия Бразилии

Компартия Бразилии была создана в 1922 г. в результате, с одной стороны, провала опыта рабочего движения под руководством анархистов во время забастовочного подъёма в 1917-1919 гг., и с другой, под впечатлением от побед Российской революции 1917 г. Новая партия в первый же год своего существования предприняла действия по своей легитимации в глазах Коминтерна. Делегат КПБ на IV конгрессе Коминтерна Антониу Бернарду Канеллас столь странно вел себя, что КПБ была принята в Интернационал только в 1924 г. на V конгрессе. Это был конгресс «большевизации» компартий, то есть были установлены новые организационные формы для компартий. Небольшой интерес к колониальным странам, особенно к Латинской Америке, привел к тому, что все эти изменения в Коминтерне не вызвали непосредственных последствий для бразильских коммунистов, которые смогли ещё в течение нескольких лет действовать относительно автономно. Так продолжалось до VI Конгресса в 1928 г.

По словам члена бразильской делегации на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. Паулу де Ласерды, тогда впервые Латинская Америка стала центром внимания Интернационала. Этот конгресс, констатирующий одновременно «радикализацию масс» и углубление капиталистических противоречий, которые приведут его к полному краху, и отметивший процесс нарастания левого сектантства в политике Коминтерна, положил начало политике известной как «класс против класса»¹⁸⁷ или «третьего периода».

Когда эти директивы были применены на Первой конференции компартий Латинской Америки в 1929 г. в сочетании с поездками советников Южноамериканского бюро, отстаивавших позиции Сталина, с реализацией линии пролетаризации компартий произошла смена всего руководящего ядра компартии Бразилии. Существовавшая ещё некоторая автономия партии в определении национальной стратегии была сведена на нет. Так, например,

¹⁸⁷ Это предполагало, что национальная буржуазия уже не является революционной антиимпериалистической силой, означало разрыв политических союзов коммунистов с этими силами, в том числе с социал-демократией, которую с того момента называли не иначе как «социал-фашисты».

движение (революция) 1930 г. объяснялось только конфронтацией между двумя империализмами, американского и английского. Рабоче-крестьянский блок (БОК), который создавался как единый пролетарский фронт, и ставший более широкой коалицией, был распущен решением Коминтерна. В этом контексте в партии возникла внутренняя оппозиция в поддержку Троцкого, одним из лозунгов которой было сохранение внутривнутрипартийной демократии¹⁸⁸.

С этого момента, что касается руководства КПБ, произошел процесс пролетаризации, или как называли в Бразилии «обрейризма» (от слова рабочий), что означало исключительное выдвижение на руководящие посты рабочих, получавших преимущество по сравнению с членами партии, имевшими буржуазное происхождение. В то же самое время в рамках установок «третьего периода» КПБ приступила к созданию «красных профсоюзов» под руководством коммунистов.

Это было время, когда происходил неясный процесс сближения с силами «радикализированных средних слоёв», объединённых в рамках тенентистского движения¹⁸⁹, особенно с Луисом Карлосом Престесом. Отношения КПБ и Престеса, начало которых восходило к 1927 г., были неясными и путанными. Даже после его поездки в Москву в 1931 г. они оставались двусмысленными, создавая определённую напряжённость со стороны КПБ, которая называла «престижизм» не иначе как «мелкобуржуазным уклоном», в то время как Южноамериканское бюро с большим энтузиазмом смотрело на эти отношения. Эта проблема была решена только в 1934-1935 гг. после реорганизации партии. Была проведена смена руководства, перешедшее в руки людей, связанных с тенентизмом, прежде всего с престижизмом и готовых реализовывать политику Народного фронта.

Возникновение бразильской левой оппозиции

Создание левой оппозиции в партии было процессом

¹⁸⁸ Marques Neto J. C. Op. cit.

¹⁸⁹ Военно-политическое движение в 1920-1935 гг. под руководством лейтенантов (tenentes), давших название этому движению революционных военных, хотя большинство участников принадлежало к более низким чинам военных. Это движение привело к коллапсу агро-экспортной модели общества и олигархического государства в Бразилии, что составило содержание «революции 1930 г.».

накопления несогласных в рядах партии в период с 1927-1929 гг. В середине 1927 г. лидер КПБ Отавиу Брандау опубликовал ряд статей с газете «A Manhã» в Рио-де-Жанейро, в которой защищал политику союзов пролетариата и КПБ с тенентистами. Эта статья спровоцировала бурную дискуссию о создании якобы «бразильского Гоминьдана».

Решение было принято в октябре 1927 г. О. Брандау считал, что «Колонна Престеса» не была побеждена, условия её породившие сохранялись, а «состояние революционного духа», вызванное действиями Колонны, продолжало существовать. Руководство КПБ считало, что революционная борьба каждый раз «левела». Ей благоприятствовала политическая конъюнктура, сочетавшая экономический кризис, развивавшийся к сторону катастрофы, углублявшийся кризис производства кофе, и политический кризис, начавшийся с подготовкой к президентским выборам в Бразилии в 1930 г. КПБ рассчитывала занять руководящие позиции в так называемом «третьем восстании». Делался вывод о необходимости союза КПБ с мелкобуржуазными революционерами, которые поддерживали антиимпериалистическую борьбу партии. Тогда же было решено поручить ведение переговоров Астрожилду Перейре. В конце года Перейра встретился с Л.К. Престесом в боливийском городе Пуэрто-Суарес, предложив ему союз и передав целый чемодан с марксистской литературой, чтобы тот изучил её.

На совещании руководства партии в октябре 1927 г. обсуждалась проблема союза с Престесом, и в Центральной исполнительной комиссии партии выявилась позиция меньшинства. Один из основателей партии Родольфо Коутиньо, только что вернувшийся из поездки в Европу и в Москву, где представлял партию на V Конгрессе Коминтерна, а затем был членом компартии Германии, и генеральный секретарь Жоакин Барбоза, оба под впечатлением чудовищных результатов политики союза компартии Китая с Гоминьданом, заявили, что союз с мелкобуржуазным движением тенентизмом будет предательством пролетариата. Коутиньо голосовал против союза, а Барбоза воздержался. Оба объясняли, что союз с мелкобуржуазной Колонной Престеса будет предательством пролетариата и указаний Маркса и Энгельса, которых они обильно цитировали¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Brandão O. Combates e batalhas. Memórias. 1º Volume. São Paulo: Alfa-Omega, 1978. P. 338; Basbaum L. Uma vida em seis tempo (memórias). São Paulo: Alfa-Omega, 1976. P. 50.

Доктринерская позиция Коутинью оправдывалась китайским опытом и предательством Гоминьдана, а также нежелательностью союзов с мелкой буржуазией, что он почерпнул во время пребывания в Москве.

Китайский опыт присутствовал в предложениях союза с Престесом и его силам, которые укрывались в соседней Боливии, несмотря на то, что в октябре китайские коммунисты были полностью разгромлены после «предательства» Чан Кай-ши. Когда обсуждалось сближение с тенентистами, что создавало возможность получить в союзники военных, в коммунистической международной прессе активно обсуждался китайский опыт особенно среди тех, кто критиковали политику Коминтерна в Китае. Мало вероятно, что Коутинью не учитывал это в дискуссии, которая должна была определить характер революции в Бразилии, а руководствовался только «чистотой» теории. Позиция Коутинью была первым проявлением раскола в партии, завершившемся созданиемлевой оппозиции в Бразилии в 1930 г.

Вскоре произошла история с Профсоюзной оппозицией. В феврале 1928 г. основные руководители от КПБ в профсоюзах Ж. Барбоза и Ж. Да Коста Пимента (один из основателей партии) были раскритикованы на Конференции региона Рио-де-Жанейро за «корпоративистские» позиции, которые давали преимущество «отдельным профсоюзам вне связи с федеральными объединениями профсоюзов и всего рабочего класса». Их критерий был следующий: «не должно быть федераций без низовых профсоюзов, сначала нужно создавать первичные профорганизации, а федерация возникнет потом»¹⁹¹. В ответ на критику Пимента предпочел уйти из руководства Профсоюзной федерации региона Рио-де-Жанейро, а Барбоза вышел из ЦИК КПБ, чтобы свободно спорить с руководством партии.

Ж. Барбоза опубликовал открытое письмо к партии, изложив свои расхождения с руководством. Эту дискуссию он начал со спора по отношению к закону об отпусках трудящихся в промышленности и торговле. Барбоза отстаивал независимое рабочее движение, способное оказывать прямое давление на правительство. Он утверждал, что с участием коммунистических профсоюзов в обсуждении вопросов о регламентации отпусков

¹⁹¹ Resolução da Conferência Regional de Organização do Rio de Janeiro // Del Roio M. T. A classe operária na revolução burguesa. A política de alianças do PCB: 1928-1935. Belo Horizonte: Oficina de Livros, 1990. P. 48.

партия становится соучастником решения, которое на практике может не исполняться.

В процессе дискуссии о законе об отпусках возник вопрос о создании Всеобщей конфедерации труда для выработки предполагаемого единства позиции рабочего класса и его представительства. Для Барбозы речь шла о маневре, который игнорировал реальное положение и мог привести к вытеснению партии из профсоюзного движения, и кроме того это противоречило решениям II съезда КПБ (1925). Он призвал обратить внимание на сектантский характер профсоюзной политики КПБ, которая, с одной стороны, боролась за объединение профсоюзного движения, а с другой, вела жёсткую идеологическую борьбу против так называемых «желтых» профсоюзов и анархо-синдикалистов, что проводило к тому, что не было разницы между партией и красными профсоюзами.

ЦИК партии запретил распространение письма Барбозы. Однако региональный комитет партии Рио-де-Жанейро проигнорировал запрет и начал дискуссию в партийных организациях, что привело к смещению регионального руководства в апреле. Протестуя против решения ЦИК, Родольфо Коутинью вышел из руководства партии. В данной ситуации 2 мая полсотни членов партии, среди которых были несколько будущих членовлевой оппозиции, отправили письмо руководству партии. В нём они критиковали её действия, возмущались событиями вокруг Профсоюзной оппозиции, игнорированием внутрипартийной демократии и злоупотреблениями руководства. Они делали вывод, что руководство неспособно оставаться во главе партии, и требовали проведения национальной конференции. Были поставлены жёсткие сроки для ответа на эти требования. Так как ЦИК отмалчивался, 46 членов вышли из партии. Часть их основала ядролевой оппозиции, которая стала защищать позиции Троцкого.

Некоторые вышедшие из партии затем в неё вернулись, но проблемы, поднятые в этот момент, вылились в широкие дебаты внутри КПБ, которые длились вплоть до III съезда партии, состоявшегося 29 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. На съезде была принята резолюция об оппозиции, которая называлась «мелкобуржуазным уклоном», а те, кто её поддерживал, могли индивидуально через самокритику вернуться в ряды коммунистов. На этом съезде чётко обозначилось включение партии в сектантскую линию VI конгресса Коминтерна. Особенно в профсоюзной сфере политика «третьего периода» сводилась к

защите «красных профсоюзов», но дефекты, выявленные Барбозой, остались не решёнными.

Два других эпизода в профсоюзном движении также способствовали формированию левой оппозиции. Во-первых, это 72 часовая забастовка печатников Сан-Паулу в марте-мае 1929 г., которые требовали выполнения законов об отпусках, о труде малолетних и аварийности на производстве, а также установления минимальной оплаты труда и признания профсоюзов¹⁹². КПБ попыталась расширить движение, привлечь к забастовке другие сектора, и в результате удалось продлить забастовку, радикализировать движение, но рабочие ничего от неё не получили. Даже сами коммунисты, понимая, что их политическая линия не смогла привлечь к забастовке других горожан, признавали изоляцию забастовки: «Положение напряжённо. Забастовка печатников ещё продолжается. Власти объявили её незаконной, но несмотря на наши указания пропагандировать её среди рабочих масс Сан-Паулу, не стала популярной среди рабочих города»¹⁹³.

Коммунисты ориентировались на установки о «третьем периоде», но как и в случае с забастовкой печатников теряли из виду те непосредственные экономические или корпоративные требования трудящихся, которые играли большую роль в их мобилизации. Коммунисты настаивали на том, что пока мало интересовало рабочих, а именно на политических мотивациях, о чем говорили в III Интернационале¹⁹⁴.

Ещё одним этапом формирования левой оппозиции в профсоюзной сфере был вопрос о ячейке 4-R¹⁹⁵. Члены этой ячейки в начале июля 1929 г. стали критиковать установки VI Конгресса Коминтерна в отношении профсоюзного движения, что предполагало разрыв коммунистов с социал-демократами и предписывало создание собственных «красных профсоюзов».

¹⁹² Об этой забастовке см. Blass L.M. *Imprimindo a própria história. O movimento dos trabalhadores gráficos de São Paulo, no final dos anos 20*. São Paulo: Loyola, 1986. P. 63-91.

¹⁹³ Carta de Saulo [Paulo de Lacerda] a Caro Américo [Astrojildo Pereira]. Rio de Janeiro, 23/05/1929 – РГАСПИ. Confederação Geral do Trabalho – C.G.T.

¹⁹⁴ В письме ИККИ в адрес КПБ указывалось, что забастовки в Бразилии приобретают политический характер, а сами забастовки были «явным признаком радикализации масс рабочих и крестьян» – Carta do ECCI para The CC of the CP of Brazil. Moscou, 19/06/1929, p. 5 – РГАСПИ.

¹⁹⁵ R означает “residencial” (внутренняя ячейка), речь идёт о ячейке, состоявшей исключительно из печатников, работавших в газете “O Paiz”.

Члены ячейки 4-R считали, что, опираясь на текст генерального секретаря Профинтерна С.А. Лозовского, в повестке дня в латиноамериканских странах не стоит вопрос о социальной революции, и что руководство КПБ в своих указаниях переоценивает силу партии, стоит на позициях «революционного эксгибиционизма», лишь усиливая «буржуазную реакцию» против коммунистов. В результате резолюции КПБ имели своими последствиями только запрет профсоюзных организацией и ещё большую дезорганизацию рабочих масс. Точка зрения этой ячейки была поддержана и в других организациях¹⁹⁶. В действительности, отдавая должное мнению членов 4-R, коммунисты с начала «третьего периода» утратили влияние в ряде профсоюзов, как например, среди портовых рабочих, текстильщиков, портных, Космополитического центра. Также на III пленуме в конце октября 1929 г. ЦК КПБ принял решение бороться с «ликвидаторством», стремиться всеми средствами «проводить уличные демонстрации, требуя права трудящихся на массовые шествия», но главное постановил исключить из партии членов ячейки 4-R, подтверждая ориентацию «третьего периода». Большинство членов 4-R, к которым присоединился Жуау Жорже да Коста Пимента, затем вошли в бразильскую секцию Международной левой оппозиции во главе с Л. Троцким¹⁹⁷, протестуя против не критического восприятия установок «третьего периода».

Марио Педроза и «Коммунистическая группа Ленин»

Вышеупомянутые эпизоды покажутся незначительными с организационной точки зрения по сравнению с деятельностью Марио Педрозы. Этот журналист и юрист вместе со своим товарищем Ливиу Шавьером вступил в компартию в 1925 г. Накануне этого Педроза и Шавьер через французскую прессу включились в дискуссию, которая шла в Коминтерне. Период,

¹⁹⁶ 4-R. A todos os membros do Partido Comunista do Brasil. A expulsão da Célula 4-R é uma resultante da intolerância nefasta de alguns intelectuais do C.C.. O que de fato ocorreu entre o Presidium e a 4-R. Rio de Janeiro, s.c.p., 1929, p. 2; 4-R. O caso da 4-R, à luz dos documentos. // Auto-Crítica. Rio de Janeiro, nº 7, [1929], p. 19-23; J. A. S. A teoria e a prática no Partido Comunista do Brasil. // Auto-Crítica. Rio de Janeiro, nº 7, [1929], p. 23-24; Ata da Reunião do C.C. Restrito realizada em 24/11/1929 (РГАСПИ).

¹⁹⁷ Marques Neto J. C. Op. cit., p. 123-126. О Пименте см Acta nº 5. Reunión del Secretariado Sudamericano realizada em 6 de noviembre de 1929, p. 4 (РГАСПИ).

когда Педроза вступил в ряды бразильских коммунистов, был временем больших перемен в партии. КПБ пыталась размежеваться с ядром основателей партии, с анархистскими пережитками, стремясь при этом адаптироваться к некоторыми трудностями к установкам Коминтерна, являвшимися последствием установлением полного контроля группы Сталина над советским государством и Коминтерном, одновременно находясь в поиске новых сегментов и областей действия партии, что позволило бы ей увеличить свое влияние. Первоначально, в 1923-1924 гг. коммунисты шли на союз с более консервативным синдикализмом в лице Бразильской профсоюзно-кооперативистской конфедерации (CSCB). Затем был взят курс на союз с мелкой буржуазией, что отразилось на решениях II съезда КПБ, состоявшегося с 15 по 18 мая 1925 г. в Рио-де-Жанейро, изложенных в работе лидера партии Отавиу Брандау «Аграризм и империализм», опубликованной в 1926 г. Эта политика продолжалась и в 1927 г., провозглашая союз с «восставшим средним классом», то есть с Луисом Карлосом Престесом и «тенентистами». Этим союзом со средними слоями объясняется вступление в КПБ Педрозы¹⁹⁸, а также решение отправить его в Москву в ноябре 1927 г. для учебы в Международной Ленинской Школе.

По дороге в Москву Педроза был вынужден из-за проблем со здоровьем остаться в Берлине. Там он узнал, что лидеры Объединенной оппозиции Троцкий, Зиновьев и Каменев были исключены на съезде из партии. После этого он решил не ехать в СССР и остался в Германии. Он вступил в компартию Германии, ходил на курсы философии и социологии в Берлинском университете, установил отношения с немецкими товарищами и с французским сюрреалистом Пьерром Навилем, который был близок коммунистам и в тот момент руководил «Clarté», и с которым Педроза переписывался ещё до отъезда из Бразилии. Через них он более подробно познакомился с документамилевой оппозиции и принял решение присоединиться к ней. Во время этой поездки Педроза познакомился с работами Розы Люксембург.

¹⁹⁸ Есть замечание Педрозы, что его пригласил вступить в партию рабочий печатник Мариу Грацини именно потому, что тот был «интеллигентом и адвокатом» – Carta de Mario Pedrosa a Livio Xavier. São Paulo, 28/07/1925, p. 2. (Fundo Livio Xavier do Centro de Documentação do Movimento Operário Mario Pedrosa – CEMAP-INTERLUDIUM, no Centro de Documentação e Memória da Universidade Estadual Paulista – CEDEM-UNESP).

Тем не менее его присоединение клевой оппозиции не было случайным решением. Он пришел к этому после длительных размышлений над документами и раздумий о политике Коминтерна. Через них Педроза получает информацию о действиях Коминтерна, особенно о тех, которые сторонники Троцкого считали проявлением того, что Интернационал перестал быть инструментом мировой революции и стал, по выражению Троцкого, защитником границ СССР, превратив компартии в простое орудие советской внешней политики.

Мариу Педроза, прожив 1928 год в Германии, в апреле 1929 г. переехал во Францию, где вступил в рядылевой оппозиции, затем вернулся в Бразилию в июле 1929 г. Во время своего пребывания в Европе он переписывался с Ливиу Шавьером, которому отсылал документы и другие материалы. С ним он обсуждал свои сомнения и мнения о событиях в СССР и в международном коммунистическом движении, и конечно, в КПБ.

Только после возвращения в страну он решается активно действовать. С опытом своего участия в жизни самых крупных европейских компартий, сознавая, что бразильское коммунистическое движение страдает от тех же проблем, что и в других странах, Педроза принимает решение начать борьбу в рядахлевой оппозиции: создать фракцию в КПБ, чтобы попытаться вернуть Коминтерн на «подлинный путь Маркса и Ленина»¹⁹⁹. В случае с Бразилией создание фракции натолкнулось на практические сложности, так как абсолютное большинство тех, кто мог бы войти влевую оппозицию, уже были исключены из партии. Поэтому Педроза вместо создания фракции решил создать дискуссионную группу, из которой могла бы вырасти собственная организация²⁰⁰.

В результате этой деятельности Педрозе удалось создать группу единомышленников. В неё вошли не только полсотни человек, объединившихся в мае 1928 г., но и к ней примкнули несколько членов комсомола и рабочих ячеек, в основном печатников, а также члены партии из Сан-Паулу, как например, Аристидес Лобу и Плиниу Гомес дж Мелу. Так возникла «Коммунистическая группа Ленин» (GCL), во главе которой помимо Педрозы состояли Ливиу Шавьер, Родолфу Коутиню, Жуау Далла Деа и Венсеслау Эскобар

¹⁹⁹ Oposição de Esquerda Internacional. Ao proletariado do mundo inteiro! // Boletim da Oposição.[São Paulo], jan. 1931, p. 4.

²⁰⁰ Carta de Mario Pedrosa a Livio Xavier. Rio de Janeiro, [1929], p. 1, 2, 4.

Азамбужа.

GCL в мае 1930 г. стала издавать свой официальный орган «A Luta de Classe» в Рио-де-Жанейро. Эта газета ставила своей основной задачей распространение среди членов КПБ основных положений программы GCL и Международной левой оппозиции, с которой группа поддерживала связи с момента своего основания. Дискуссия развивалась по национальным и международным вопросам: предполагаемая радикализация масс согласно установкам «третьего периода», профсоюзный вопрос, президентские выборы 1930 г., споры о падении цен на кофе и другие²⁰¹. Позиция этой фракции, как и других секций Международной левой оппозиции, состояла в сохранении членства в КПБ. Так продолжалось до 1933 г.

Действия GCL произвели большое впечатление на коммунистов, но не отразилось на дискуссии. КПБ предпочитала оскорбления и клевету в адрес оппозиционеров. Обвиняла GCL в том, что она использует «старый багаж контрреволюционного троцкизма», называла газету «A Luta de Classe» «лживым листком» и намекала в своей критике на дела М. Педрозы: «Хотя некоторые из этой группы провели несколько лет в Германии, изучая Статистику, они так и не поняли, что революция не делается за столиком кафе на бульваре»²⁰². Когда коммунисты были готовы спорить с позициями бразильских троцкистов, им не удавалось избежать тавтологии, повторяя свои официальные установки об антиимпериалистической борьбе, радикализации масс и прочее²⁰³. Отношения КПБ с оппозиционерами приняли более серьезные и опасные формы.

Эйтор Феррейра Лима, который был отправлен в Международную ленинскую школу вместе с Педрозой, вернулся в Бразилию в декабре 1930 г. В своих воспоминаниях он рассказывал, что до своего избрания генеральным секретарём партии в середине 1931 г. он принял одно решение, как минимум спорное: «Одной из первых мер, принятых нами, было публикация в «A Classe Operária» списка исключённых из КПБ членов, как например, Педру Мота Лиму, являвшегося тогда кандидатом в депутаты от Либерального альянса, Жозияса Леау, связанного с

²⁰¹ См. Marques Neto. Op. cit., p. 135-157.

²⁰² Документы Политбюро КПБ: Classe Operária. Rio de Janeiro, ano VI, nº 93, 19/07/1930, p. 2; A Classe Operária. ano VI, nº 92, 03/07/1930, p. 3.

²⁰³ A Classe Operária. Rio de Janeiro, ano VI, nº 110, 05/03/1931, p. 2-3.

Жуау Алберту из Сан-Паулу и его брата Луиса де Барруса, который потом стал дипломатом, Реиса Пердигау, который был интервентором в Маранбау, и других, не считая некоторых видных троцкистов, которые обрушились на нас с жестокой критикой»²⁰⁴.

Ранее Мариу Педроза побывал в Буэнос-Айресе с целью добиться присоединения к КПБ Л.К. Престеса, который только что опубликовал манифест, в котором высказывал симпатии к коммунистическому движению. Эта инициатива Педрозы может быть понята как действия члена партии, все ещё не разорвавшего свои связи с КПБ. Педроза предложил Престесу создать газету, редакцию которой возглавил бы Ливиу Шавьер. Престес согласился с этой идеей и предоставил Педрозе средства для издания газеты и других материалов (брошюры Маркса, Энгельса, Ленина и другие). Однако с началом так называемой «революции 1930 г.» это проект был забыт, а Ливиу Шавьер так и не поехал в Буэнос-Айрес.

В этот период Мариу Педроза и Ливиу Шавьер написали важный документ «Аналитический очерк социально-экономического положения в Бразилии»²⁰⁵. Это первый текст о Бразилии, который опирался на теоретические постулаты Лево́й оппозиции. Многие годы он был основным теоретическим документом для левой оппозиции в Бразилии. В нем впервые были определены главные расхождения между оппозицией и официальной компартией. Прежде всего он касался важнейших вопросов тогдашней конъюнктуры, а именно: революции 1930 г. Это редкий документ той эпохи, содержащий ясный марксистский анализ положения в Бразилии. Это была первая серьёзная попытка понять особенности социально-экономической формации в Бразилии с марксистской точки зрения, в нем были проанализированы характеристики бразильского капитализма, попытки централизации власти в рамках бразильского федерализма

²⁰⁴ Lima Ferreira H. Caminhos percorridos: Memórias de militância. São Paulo: Brasiliense, 1982, p. 140. Ирония состояла в том, что Эйтор Феррейра Лима затем стал жертвой такого же процесса, когда он оказался замешан в расколе в КПБ во второй половине 1930 г.

²⁰⁵ Abramo F., Karepovs D. (Orgs.). Na contracorrente da história: Documentos do trotskismo brasileiro, 1930-1940. 2ª ed. São Paulo: Sundermann, 2015, p. 62-74. Документ датирован 12 октября 1930 г., а был опубликован в 1931 г. во Франции и в Бразилии Международной левой оппозицией – A Luta de Classe. ano II, nº 6, fev.-mar. 1931, p. 3-4; La Lutte de Classes. Paris, 4.e année, nº 28-29, fev.-mar. 1931. P. 149-158.

и действия различных политических сил в тот период. В частности, эта работа отвергала упрощенческий подход КПБ, опиравшейся на коминтерновскую модель «колониальных и полуколониальных стран». Коммунисты видели в Бразилии лишь столкновение интересов города и деревни, борьбу консерваторов и прогрессистов, соперничество английского и американского империализмов. Текст Педроза и Шавьера делает упор, с одной стороны, на развитие производительных сил в стране, который определяет уровень централизации государственного аппарата, и с другой, на компромиссы и соглашения борющихся политических фракций региональной буржуазии.

Коммунистическая лига Бразилии

После событий так называемой «революции 1930 г.» Педроза заболел и далее не смог сохранять активность в политике, что отразилось на его группе GCL, чрезвычайно зависимой от его деятельности. Группа оказалась фактически парализованной. Педроза настоял, чтобы Ливиу Шавьер, Аристидес Лобу и другие товарищи из Сан-Пауло возглавили оппозицию. Так GCL прекратило свое существование, её место заняла Коммунистическая лига Бразилии, которая была основана на двух собраниях оппозиционеров 21 и 22 января 1931 г. в Сан-Пауло²⁰⁶. Новая организация заявила о вхождении в Международную левую оппозицию. Была одобрена деятельность GCL и был принят манифест «К трудящимся Бразилии»²⁰⁷, в котором был выдвинут уже ранее озвученный в «Аналитическом очерке социально-экономического положения в Бразилии» лозунг созыва

²⁰⁶ На этих собраниях, прошедших в помещении Ассоциации торговых служащих Сан-Пауло в годовщину смерти Ленина, участвовали Аристидес Лобу, Жуау да Коста Пимента, Ливиу Шавьер, рабочий печатник Жуау Матеус и Плиниу Меллу, (они вошли в Исполнительную комиссию новой организации), а также французский поэт сюрреалист Бенжамин Перет, Мариу Педроза, печатник Мануэл Медейрус, журналист Виктор де Азеведу и издатель Сальвадор Пинтауде (хозяин издательства Unitas). Кроме них присутствовал некто под именем Педру, которого мы не можем идентифицировать.

²⁰⁷ Abramo F., Karepovs D. (Orgs.). Op. cit., p. 54-61. Первоначально он был опубликован в – Boletim da Oposição”. [São Paulo], nº 1, janeiro de 1931. Подробный анализ см Pedro Roberto Ferreira. Op. cit; Marques Neto. Op. cit.; Ângelo José da Silva. Op. cit., а также ответ на него КПБ, написанный Ж. Баррету (псевдоним Эйтора Ферейры Лимы, который тогда был генеральным секретарем партии): A Classe Operária. nº 110, 5 de março de 1931.

Учредительного собрания.

Новая организация, исходя из того, что противоречия между фракциями местной буржуазии пока ещё не разрешены и не выработан компромисс, что вело к политической нестабильности, с одной стороны, а слабость рабочего класса Бразилии, расколотого по различным политическим течениям, что затрудняло его борьбу за власть, с другой, предлагала КПБ новый путь: борьбу за созыв Учредительного собрания и борьбу за профсоюзное единство. Коммунисты же, придерживаясь левацких позиций «третьего периода», отказались от этих предложений и назвали их «контрреволюционными».

В профсоюзной сфере Коммунистическая лига сделала ставку на профсоюзное единство, на восстановление и реорганизацию профсоюзов, разогнанных после «революции 1930 г.». В марте 1931 г. был проведен Рабочий конгресс штата, организованный анархистской Рабочей федерацией, объединившей самые крупные профсоюзы Сан-Пауло. На нем оппозиционеры выступали рядом с коммунистами и рассчитывали завоевать руководство в федерации, вытеснив анархистов. Коммунисты под лозунгом создания «красных профсоюзов» предпочли отмежеваться от оппозиционеров и создать собственную федерацию профсоюзов²⁰⁸.

В статистических данных, предъявленных на первой национальной конференции Лиги в мае 1933 г., мы видим состав членов организации в два первые года её существования. Насчитывалось 51 член Лиги, 16 в Рио-де-Жанейро и 35 в Сан-Пауло. Что касается профессионального состава членов Лиги, что они были связаны в основном с профсоюзами печатников и журналистов, торговцев, шофёров, железнодорожников, портных, строителей, сапожников, учителей²⁰⁹.

Правительство, созданное после революции 1930 г., не изменило своей политики репрессий в отношении рабочего движения. Под этот удар попала и «левая оппозиция»: «В течение

²⁰⁸ Мариу Редроза (под псевдонимом Мигел) - Relatório apresentado pela Comissão Executiva à Primeira Conferência Nacional da Liga Comunista, São Paulo, 1933, manuscrito, p. 1-2 (Fundo Livio Xavier do CEMAP-INTERLUDIUM // CEDEM-UNESP).

²⁰⁹ С января 1931 г. по май 1933 г. через Лигу прошли в Сан-Пауло 14 печатников, 4 продавцов, 6 водителей, три железнодорожников, один портной, один каменщик, и один сапожник; в Рио-де-Жанейро – 2 адвоката, 5 печатников, 2 журналиста, один сапожник и 2 учителя. – Fundo Livio Xavier do CEMAP-INTERLUDIUM // CEDEM-UNESP

года после установления так называемой «Новой республики», также коррумпированной и реакционной, как и старая, её «либерализм» вылился в самую чёрную реакцию... Вместе с партией, с товарищами по партии мы заплатили нашу дань буржуазной реакции. Несколько наших товарищей пострадали и страдают от преследований, запретов, депортаций (Мануэль Медейрус, Виктор Азеведу, Жуау Матеус, Бенжамин Перет), не говоря о бесчисленных арестах»²¹⁰.

Отношения КПБ и «оппозиции» становились все более конфликтными. «Оппозиционеры» Сан-Пауло не ожидали опубликования и распространения коммунистами имен профсоюзных деятелей: «Коммунисты выдали полиции имена «левых оппозиционеров», состоявших в Региональной профсоюзной федерации. Очевидно, что они попытались скрыть свое предательство тем, что хотели указать пролетариату на «троцкистов-контрреволюционеров». Для полиции не существовало разницы между коммунистами и «левыми оппозиционерами», которых благодаря сталинистам полиции удалось схватить... Товарищ Мариу Педроза оказался в тюрьме благодаря этим лидерам-бюрократам. Так они, прямо заявив на него полиции, избавились от него в политической борьбе»²¹¹.

Этот манифест был опубликован в начале августа 1932 г., вскоре после попытки переворота олигархии Сан-Пауло. Полиция штата в период после этой попытки и сентябрём 1932 г. арестовала «36 агитаторов, бразильцев и иностранцев, в том числе 4 женщин».

После провала путча в октябре 1932 г. была создана откровенно фашистская партия Бразильское интегралистское действие (АИБ - Ação Integralista Brasileira – АИБ). Коммунистическая лига отреагировала на это новой тактикой: созданием единого фронта левых организаций, чтобы воспрепятствовать фашизму в Бразилии. В январе 1933 г. на совещании Исполкома Лиги в Сан-Пауло было принято решение о выдвижении лозунга Единого антифашистского фронта (ФУА)²¹². Этот лозунг приобрел ещё большее значение после прихода Гитлера к власти.

Не менее важным было предложение итальянского эмигранта

²¹⁰ О “liberalismo” da “República Nova”. // Boletim da Oposição. [São Paulo], nº 3, jan. 1932, p. 2.

²¹¹ A Luta de Classe. São Paulo, nº 8, 05/10/1932.

²¹² Abramo F. A revoadada dos galinhas verdes: Uma história da luta contra o fascismo no Brasil. 2ª ed. São Paulo: Veneta, 2014. p. 28-29.

Гоффредо Росини, товарища Антонио Грамши, и члена Лиги создать антифашистскую газету. Члены Лиги создали газету «O Homem Livre», открытую всем антифашистам, которая вышла в свет 27 мая 1933 г. Газета объявляла своей целью формирование Единого антифашистского фронта. Её главный редактор журналист Жералду Форраж и директор адвокат Жузе Исаак Перез симпатизировали целям Лиги, а секретарь газеты Фулвиу Абраму был её членом. На страницах газеты на протяжении 22 номеров, выходящих с 1933 по 1934 гг., говорилось не только о борьбе с фашизмом. Там были колонки, посвященные культуре, музыке, литературе, науке, перепечатывались антифашистские статьи из мировой прессы. Заявленной целью газеты и редакции было противостояние фашистскому обскурантизму и защита демократии.

ФУА был основан 10 июня 1933 г. в девятую годовщину убийства итальянского депутата социалиста Дж. Маттеотти. Это произошло в помещении Союза печатников Сан-Пауло. Там Аристидес Лобу от имени Коммунистической Лиги предложил создать ФУА, и присутствовавшие 500 человек поддержали его и сформировали с этой целью комиссию. Неделю спустя, 25 июня в помещении «Гражданского союза им. 5 июля» на собрании под председательством итальянского социалиста Франческо Фрола формально был создан ФУА. К этой антифашистской организации присоединились Коммунистическая Лига, Бразильская социалистическая партия Сан-Пауло, Социалистический профсоюз университета, Итальянская социалистическая партия, Союз печатников сан-Пауло, Рабочая федерация Сан-Пауло, Гражданский легион 5 июля, «Знамя 18-ти», Социалистическая группа Джакомо Маттеотти, Группа Свободная Италия и газеты «O Homem Livre», «A Rua», «O Socialismo», «A Lanterna», «A Plebe», «O Brasil Novo»²¹³. На собрание были приглашены коммунисты, но они не стали участвовать, а почти все остальные левые силы были представлены.

«Левые оппозиционеры» приложили усилия, чтобы коммунисты вошли в ФУА, и это произошло на традиционном митинге 14 июля 1933 г. в помещении «Ломбардской лиги». Был зачитан манифест ФУА, который был принят всеми организациями. Затем выступили разные ораторы, начиная с членов вошедших во фронт организаций и заканчивая представителями КПБ, комсомола и МОПРа. Когда

²¹³ Abramo F. Op. cit., p. 36-37.

выступал оратор КПБ, он был прерван анархистами. Председатель собрания Аристидес Лобу предоставил слово и им, и собрание прошло без эксцессов. В финале собрания полиция арестовала Аристидеса Лобу и нескольких коммунистов, а на следующий день был арестован Мариу Педрозу. Газета «A Luta de Classe» саркастически описывала закрытие собрания: «Не понятно, что здесь демократия или фашизм. Полиция сначала разрешает проведение антифашистского митинга, а затем его закрывает, так как в нем принимают участие рабочие»²¹⁴.

Международная коммунистическая лига

1933 год был важным рубежом в жизни Международной левой оппозиции и её бразильской секции. Приход к власти Гитлера показал, что расчёт «третьего периода» на начало пролетарской революции не оправдался. Для Троцкого и его последователей победа нацистов означала поражение Коминтерна и необходимость создания новых коммунистических партий и нового, IV Интернационала.

В это время произошли важные изменения в Коммунистической лиге Бразилии. ФУА согласился на то, чтобы Лига выступила с серией инициатив, которые позволили бы расширить влияние троцкистских идей в Бразилии. Этому успеху в увеличении влияния способствовали национальные политические события, в именно процесс подготовки новой конституции, плюс международная конъюнктура 1933-1934 гг., а именно события в Австрии, на Кубе, в Испании, во Франции, которые показывали, что международное рабочее движение решительно выступило против возможности повторения немецких событий. Эта обстановка усиливала дилемму, всегда присутствовавшую в деятельности Лиги: быть фракцией в партии или стать самостоятельной партией. Пока Коминтерн продолжал отстаивать линию, которая только помогла Гитлеру прийти к власти, Троцкий пришел к выводу, что уже невозможно рассчитывать на преобразование Коминтерна. Было необходимо подготовить создание нового Интернационала.

После проведения Второй (чрезвычайной) национальной

²¹⁴ A Luta de Classe. ano IV, nº 14, 29/07/1933, p. 1. Манифест ФУА был опубликован в O Homem Livre. São Paulo, ano I, nº 8, 17/07/1933, p. 6. Его также приводит – Abramo A. Op. cit., p. 113-117.

конференции Лиги в Сан-Пауло 1 октября 1933 г. были подтверждены решения, принятые в сентябре Международной левой оппозиций в пользу создания новых партий и IV Интернационала. Новая Международная коммунистическая лига (большевистско-ленинская) (LCI) стала самостоятельной партией, а не фракцией в рамках КПБ, а деятельность троцкистов в рамках ФУА стала рассматриваться как их отдельная партийная политика. Эта же позиция повторялась и в профсоюзной сфере с созданием Коалиции профсоюзов, которая была профсоюзным аналогом ФУА.

Продолжали проводить демонстрации ФУА. Интеграллисты пытались разогнать собрание в Зале Селсу Гарсия 14 ноября 1933 г., но безуспешно. В конце собрания полиция арестовала анархистов и троцкистов, а также стреляла в людей, покидавших митинг. Через месяц, 15 декабря в новой и массовой манифестация ФУА в Ломбардской лиге коммунисты приняли участие в её организации.

Однако союз с коммунистами был коротким. ФУА решил созвать митинг 25 января 1934 г. на улице Конкордия. Он не был формально запрещён властями, но улица была полностью занята войсками и полицией. Организаторы митинга попытались вступить в переговоры с полицией, но без успеха. После первых речей перед собравшимися Кармелу Кристимы от Соцпартии, тенентистского лидера Жуау Кабанаса и Мариу Педрозу митинг был атакован кавалерией и полностью разогнан. Коммунисты заявили, что их все покинули перед лицом репрессий, и вышли из ФУА²¹⁵. Педроза так прокомментировал уход коммунистов: «Теоретики социал-фашизме вернулись в тёмное болото, из которого они боятся выйти, где всегда тухнет революционный огонь. В борьбе с фашизмом, в защиту демократических свобод, за которые борются сегодня только угнетённые классы, нет места тем, кто пассивно верит в данные им откровения, в жёсткие догмы, охраняемые ложью и фальсификациями. Упорствовать в своих ошибках, которые привели к германской катастрофе, есть не только капитуляция, но и предательство дела трудящихся классов, которые несут ответственность перед историей и судьбой всего человечества»²¹⁶.

То что произошло с кризисом в ФУА, помогло увидеть, что

²¹⁵ Abramo F. Op. cit., p. 49-51.

²¹⁶ O Homem Livre. ano I, nº 22, 24/02/1934, p. 1.

простые члены КПБ были мобилизованы предложениями антифашистского фронта и продолжали сотрудничать с ним в рамках своих профсоюзов. Это стало очевидным во время празднования 1 мая 1934 г., когда после нескольких отказов властей разрешить проведение митинга во дворе Дворца промышленности в парке Педру II собралось более трёх тысяч человек. Такого числа не удавалось собрать на 1 мая в Сан-Пауло уже давно. Вновь без участия компартии. На этом митинге вновь говорил лидер LCI Мариу Педрозу. Газета «A Luta de Classe» напечатала речь Педрозы, который, напомнив о печальном опыте Германии и Австрии, указал, что необходимо «проведение политики единого пролетарского фронта против фашизма, особенно, против его местной разновидности интегрализма». Затем он предложил создавать рабочее ополчение, «чтобы антифашистская борьба утратила свой платонический характер». «Развернём же знамя Четвёртого Интернационала, нашей организации, Международной коммунистической лиги (большевистской-ленинской)! Он занял место, покинутое Вторым и Третьим Интернационалами, вождя мирового пролетариата, который поведет его к окончательной победе и к расширению границ родины социализма на весь мир»²¹⁷.

Без сомнения самым заметным действием ФУА была контрманифестация 7 октября 1934 г. на кафедральной площади. Зная заранее, что интегралисты также намеревались там провести митинг, посвящённый второй годовщине основания своей партии, троцкисты, собравшиеся в помещении Союза печатников Сан-Пауло, решили, что ни при каких обстоятельствах они не позволят фашистам провести эту акцию. Сразу же ФУА стала действовать так, чтобы мнение всех организации, в том числе и коммунистов, были учтены. Придя к согласию, они приняли «военные» меры. Эти меры каждый принял самостоятельно, социалисты, коммунисты, троцкисты.

Когда интегралисты стали собираться на Кафедральной площади, стали происходить стычки, а Фулвиу Абраму, как договорились до того, открыл митинг ФУА. В ответ началась страшная стрельба, которая продолжалась 4 часа. В итоге сражения десятки раненных, в том числе и Мариу Педроза, как минимум 4 убитых, трое полицейских и один член комсомола студент Десиу Пинту де Оливейра.

²¹⁷ A Luta de Classe. Rio de Janeiro, ano IV, nº 20, maio 1935.

На следующих и все более частых собраниях ФУА манифестация 1 мая 1934 г. (в которой интеграллисты не участвовали) и контрманифестация против интеграллистов 7 октября 1934 г., а также создание электоральных фронтов в Сан-Паулу с Пролетарской коалицией – ПСБ (ставшая третьей силой на выборах, поведя одного депутата, и это без участия КПБ) и в Рио-де-Жанейро Единый фронт на выборах 14 октября 1934 г. показали силу LCI.

В итоге число членов Лиги росло (LCI создало ячейку в штате Сеара на северо-востоке страны – там в центре организации встала писательница Рашель де Кейрос), также удалось расширить свое влияние в профсоюзах: троцкисты расширили свое присутствие среди металлургов и банковских служащих. В профсоюзном движении рост LCI происходил после решений Третьей национальной конференции LCI в январе 1934 г., которые позволяли членам партии действовать в официальных профсоюзах в целях сохранения профсоюзного единства, которое оказалось под угрозой после принятия пункта «профсоюзного плюрализма» в конституции 1934 г.²¹⁸

В процессе роста наступил кризис в организации. В конце 1934 г. LCI раскололась по вопросу отношения к «энтризму» (тактика вхождения троцкистов в непролетарские партии для влияния на них изнутри). Для Троцкого заявление о смерти Коминтерна не означало моментальное создание нового интернационала. Он понимал, что силы его сторонников недостаточны, чтобы создать сильный Интернационал. Для этого предварительно следовало завоевать влияние в других сферах и партиях, чтобы привлечь их к этому процессу. Сторонники Троцкого стали вступать в социалистические партии в надежде завоевать передовых членов этих партий на свою сторону. Эта тактика впервые была применена во Франции, а затем распространилась на другие страны, что вызвало большую полемику, так как кто-то классифицировал энтризм как «капитуляцию перед лицом реформистов». В Бразилии «энтризм» вызвал такую же реакцию как и в других странах. Возникла группа Аристидеса Лобу и Виктора Азеведу, которая порвала с LCI, хотя сохранили за собой такое же название и название газеты. Международное руководство троцкизма встало на сторону группы Мариу Педрозы. В последствии многие вернулись с основную LCI.

²¹⁸ A Luta de Classe. n° 21, agosto de 1934.

Этот раскол практически покончил с LCI. Одновременно с этим, после VII конгресса произошло изменение линии Коминтерна. Новая линия «народного фронта» была призвана изменить тактику исключительно рабочего единого фронта на более широкий союз, включая отдельные сектора национальной буржуазии, готовой к сотрудничеству в противостоянии фашизму. Политика народного фронта, для которого главным противником стал фашизм, а не капитализм в целом, была направлена на создание союза коммунистов с более широким спектром политиков, понимаемых гораздо шире рабочих и социалистических партий. Эта тактика была ориентирована не на революцию, а была продиктована военной опасностью²¹⁹. Создание в Бразилии Национального освободительного альянса (АНЛ - Aliança Nacional Libertadora) привлекло в его ряды значительную часть политических и профсоюзных организаций, в том числе и лидеров LCI. Однако в ряде статей, опубликованных в газетах АЛН, Альянс представал как попытка создать в Бразилии «посредническое движение между революционным движением пролетариата ... и либеральствующими буржуазными партиями»²²⁰, и LCI оказалось практически разоруженной перед сочетанием обстоятельств внутреннего партийного кризиса и коммунистическим восстание в ноябре 1935 г.

Перед лицом ноябрьского 1935 г. Лига ясно заявила, что путчистская тактика КПБ, после нескольких попыток создать партийные союзы, не задумываясь о реальном участии в них масс, привела партию к тупик: «Сегодняшняя КПБ не может считаться партией пролетарского авангарда. Её судьба теперь навсегда связана с престижем, а значит с путанной политикой соглашательства и авантюры. Нет никаких перспектив добиться легального положения, даже с принятием откровенно буржуазной и национал-буржуазной программы, у партии нет иного пути как деградировать до путчистско-заговорщической политики. Её ждет утрата пролетарской базы и поворот вправо с сторону мелкой

²¹⁹ Broué P. História da Internacional Comunista, 1919-1943, Volume II (Da atividade política à atividade policial e Anexos). São Paulo: Sundermann, 2007. P. 830-831.

²²⁰ A Lucta de Classe. Juiz de Fora, nº 25, 25 de junho de 1935; A Lucta de Classe. S.l., nº 23, 1º de maio de 1935; A Luta de Classe. Niterói, nº 25 [sic], 1º de junho de 1935; A Luta de Classe. S.l., nº 26, agosto de 1935; A Luta de Classe. Niterói, nº 28, 1º de abril de 1936.

буржуазии и военных»²²¹.

После объявления военного положения и развертывания репрессий правительством Жетулио Варгаса после вооруженных восстаний в Натале, Ресифи и Рио-де-Жанейро левые организации пытались защититься и сохраниться. Как и большинство левых партий, LCI попала под репрессии, которые привели к разрыву связей между партийцами в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Деятельность Лиги свелась к распространению публикаций и работе в профсоюзах.

Ленинская рабочая партия

LCI в конце 1936 г. стала называться Большевистской-ленинской группой, что позволило начать процесс сближения с Классовой оппозицией в КПБ, в которую входили профсоюзные руководители КПБ, в частности профсоюза банковских служащих Аугусту Бесушет, врач Фебиус Жиковате и журналист Баррету Лейте Фильу, вышедшие из рядов коммунистов ещё до ноября 1935 г. из-за разногласий о заговорщических методах и по подготовке восстания. В результате сближения и слияния этих групп в январе 1937 г. была создана Ленинская рабочая партия (Partido Operário Leninista – POL)²²².

Помимо объявления о своём создании нет никакой информации о публичных акциях POL вплоть до июня 1937 г., когда вышла в свет небольшая брошюра «О положении в стране», подписанная Временным Центральным комитетом. Помимо репрессий, которые ослабили после освобождения в конце мая политических заключенных, находившихся в тюрьмах без предъявления формальных обвинений, что позволило восстановить связи между партийными организациями Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло, было необходимо обратить внимание на объединение с бывшими коммунистами, в спорах с которыми родился текст этой брошюры. Опираясь на «Аналитический очерк социально-экономического положения в Бразилии» 1930 г., анализ политической ситуации был обновлен в связи с новым положением в стране²²³. Например,

²²¹ A Luta de Classe. Niterói, ano VI, nº 28, 01/04/1936, p. 4.

²²² Comitê Provisório de Organização do POL. “As tarefas revolucionárias do proletariado e o novo reagrupamento da vanguarda”. [Rio de Janeiro], janeiro 1937.

²²³ По идее Илкара Дейте, POL сделала некоторые уступки в формулах, чтобы не отпугнуть новых членов партии, вышедших из рядов КПБ.

использовалась формула «класс против класса», однако с иным содержанием. Это не был процесс простого создания единого взгляда, а было приглашение к дебатам об участии в выборах, и какую позицию следовало занять в отношении кандидатуры на пост президента. POЛ раскололась, когда было решено поддержать Луиса Карлоса Престеса.

Предвыборная кампания была прервана переворотом и установлением диктатуры так называемого «Нового государства» Жетулио Варгаса 10 ноября 1937 г. Этот переворот был назван POЛ бонапартистским переворотом (это был, скорее всего, последний выход в политику Мариу Педрозы)²²⁴. Для развертывания репрессий по поводу предполагаемого коммунистического захвата власти был распропагандирован якобы их тайный план («План Коэна», интегралистская фальшивка, напоминавшая гротесковый фарс), который стал поводом для объявления «военного положения».

Во время предвыборной президентской кампании происходила интенсивная мобилизация масс, вместе с тем интегралисты также принимавшие участие в выборах перешли к тактике провокаций. При поддержке политиков консерваторов, военных и интегралистов Варгас пошёл на переворот. Затем сразу же были запрещены все политические партии, а лидеру интегралистов был предложен второстепенный министерский пост. Затем Варгас отошёл от интегралистов. Так как переворот Варгаса не получил открытой поддержки со стороны буржуазии и опирался на массы, несмотря на принятие ряда социально-экономических мер, направленных на сближение интересов буржуазии и трудящихся, для POЛ это было признаком бонапартистского правительства, как лавирующего между интересами различных классов.

POЛ в отличие от LCI уже имела более серьёзную структуру, которая позволяла проворить в первые месяцы диктатуры акции до апреля 1938 г., когда тяжелая рука репрессий опустилась на партию. Это видно из партийной прессы, в которой обсуждались новшества «Нового государства», прежде всего в политической и социальной сфере.

Внутри КПБ развивался серьёзный кризис и раскол, который можно рассматривать как последний уход левых. Он начался в середине 1937 г., и его причиной был спор о «буржуазии как

²²⁴ A Luta de Classe. Belo Horizonte [Rio de Janeiro], ano VII, nº 34, 10/12/1937, p. 1-6.

ведущей силе бразильской революции». Дискуссия была начата в региональном комитете Сан-Пауло КПБ, который возглавляли члены Политбюро партии Эрминиу Саккетта и Эйтор Феррейра Лима. Первоначально к ним присоединилось большинство региональных комитетов. На региональный комитет и их членов стало оказываться давление со стороны генерального секретаря КПБ Лауру Режиналду да Роши (Бангу), но когда на его сторону встало руководство Коминтерна, партия выступила против диссидентов. Группа Саккетты и Феррейры Лимы в самом начале внутри партийного кризиса создала свой Временный центральный комитет, позиции которого не выходили за рамки установок сталинизма, но внутри него возник другой кризис, когда часть членов Временного ЦК стали вести полемику о международной политике Коминтерна, защищая позиции близкие Троцкому и его сторонникам. Их группа во главе с Саккеттой, адвокатом Альберту Монис да Роша Баррусом и журналистом Жузе Стаккини стала называться Региональный комитет КПБ (за создание Революционного авангарда)²²⁵.

С конца 1937 г., когда стало известно о расколе в партии, троцкисты обратили своё внимание на эту группу в Сан-Пауло, которую они считали центристской. В длинной статье Фебуса Жиковате²²⁶, POЛ отмечал, что критические выступления Временного ЦК страдали от одного недостатка – они критиковали политическую линию КПБ в отрыве от политики Коминтерна, а между тем доведенные до своего логического конца они были бы убийственны для Коминтерна. Например, Жиковате упоминал критику вопроса о национальной буржуазии как ведущей силы бразильской революции и указывал, что ещё до восстания 1935 г. КПБ уже занимало такую позицию, «впустую говоря о гегемонии пролетариата, а главным был лозунг «Вперед за Престсом!». Вопрос о «лучшем империализме» был унаследован также из предыдущего 1935 году периода. Жилковате утверждал, что существовало явное противоречие между критикой Временного ЦК в отношении Политбюро и лозунгами, которые повторяли те же тезисы Политбюро. Он настаивал на продолжении борьбы и углублении критики, в том числе и политики Коминтерна для

²²⁵ История раскола, возглавленного Эрминиу Саккеттой, стал основой трёхтомного романа Жоржи Амаду «Подполье свободы», создавшего мистифицированную и придуманную историю.

²²⁶ A Luta de Classe. Belo Horizonte [Rio de Janeiro], n° 37 (II), 25-01-1938.

оправдания вступления в новый IV Интернационал, так как Коминтерн все равно исключит их из своих рядов, даже если за ними пойдёт большинство партии. Для Жиковате Коминтерн безнадежно сбился с правильного пути: «Правый уклон, наступивший после «третьего периода», установленного на VI Конгрессе Коминтерна, - это окончательный выбор. Этот уклон – столь радикален, что привел к предательству. Сталинская бюрократия связана с империализмом (английским, американским и французским), а потому не может более маневрировать или делать уступки. Секции Коминтерна стали обязаны защищать в своих странах не интересы трудящихся, а сталинскую бюрократию и её союзников «хороших империалистов». В Бразилии Бангу и Андре выполняют эту роль за счет постоянных поражений трудящихся масс»²²⁷.

Было необходимо, говорили троцкисты в другом документе, чтобы диссиденты в КПБ определились в самые короткие сроки, с кем они перед лицом дегенерации смысла, и чтобы выбирали между «сталинистским бандитизмом и верностью пролетарской революции»: «Прогрессивный характер, которым обладала дискуссия с диссидентами, вырождается в борьбу вокруг второстепенных вопросов. Политически есть две фракции – одна оппортунистическая и вторая авантюристская, причём обе одинаково неверно оценивают характер революции в Бразилии. Обе группы характеризуются взаимной агрессивностью. В остальном они согласны друг с другом. Оба клянутся в верности кремлёвскому Папе, верят в непогрешимость его слов, солидаризируются с его преступлениями, ведут соревнование в клевете друг на друга и на сторонников IV Интернационала, и на тех, кто отказывается называть социализмом бандитизм, господствующий в СССР»²²⁸.

Перед открывавшейся возможностью оказать влияние на этот внутрипартийный кризис POI, которая тогда стала сотрудничать с писательницей и журналистской Патрисией Галвау (Пагу) из Рио-де-Жанейро, приняла решение послать в феврале 1938 г. в Сан-Пауло Фебуса Жиковате и старого ветерана партии Плиниу Меллу, чтобы убедить Временный ЦК перейти на сторону троцкизма. Как утверждает американский историк Дж. Фостер Даллес, Жиковате утверждал, что месяц спустя после своей поездки в Сан-Пауло он

²²⁷ Idem. p. 5.

²²⁸ A Luta de Classe. Belo Horizonte [Rio de Janeiro], n° 39 (5), 23-04-1938.

сообщил своим товарищам по партии позитивные новости о переговорах с Временным ЦК²²⁹.

8 декабря 1937 г. руководство POI решило направить Педрозу за границу, так как его преследовали по закону о Национальной безопасности²³⁰. Резолюция²³¹ поручала Педрозе ряд задач: добиться сближения POI «с революционным движением IV Интернационала», «изучить проблемы бразильской революции и сотрудничать с постоянными органами печати POI в Бразилии», создать за границей теоретический журнал POI. Педроза прибыл в Париж 16 февраля 1938 г.²³², где связался с Пьером Навилем, который входил в Международный секретариат движения за IV Интернационал и в его французскую секцию, то есть Рабочую интернационалистскую партию (Parti Ouvrier Internationaliste – POI).

Навиль поручил Педрозе заниматься вопросами Латинской Америки, сообщил о приезде Педрозы Троцкому, который тогда уже находился в Мехико. В июне Педроза как кооптированный член Международного секретариата готовился отправиться в Нью-Йорк, когда 12 июля 1938 г. советские секретные службы, убившие в феврале сына Троцкого Льва Седова, похитили и убили немца Рудольфа Клемента, который был административным секретарём Движения к IV Интернационалу и главным организатором учредительного конгресса IV Интернационала. Мариу Педроза, который работал с Клементом, должен был разделить ответственность административного секретариата с другим членом секретариата греком Георгисом Вицорисом в деле подготовки учредительной конференции.

Конгресс состоялся 3 сентября 1938 г. в Периньи вблизи Парижа. Из 30 организаций членов или поддерживавших контакт с Международным секретариатом, которые насчитывали 6 тысяч членов, на конгрессе были представлены 24 делегата от 11 национальных секций. Мариу Педроза под псевдонимом Лебрун

²²⁹ Dulles Foster J.W. O comunismo no Brasil, 1935-1945; Repressão em meio ao cataclismo mundial. Rio de Janeiro, Nova Fronteira, 1985, p. 149.

²³⁰ М. Педрозу предстал перед судом, но был оправдан в 1938 г.

²³¹ Resolução do Comitê Central Provisório do Partido Operário Leninista. Assunto: Emigração do cam. Gonzaga. Rio de Janeiro, 8/XII/37.

²³² «Лев Седов... был убит в день приезда во Францию. Его хоронили на следующий день», – писал Педроза по приезду. – Tempo. São Paulo, n° 94, 13-19/12/1979, p. 12. См. также Broué P. Léon Sedov, fils de Trotsky, victime de Staline. Paris: Les Éditions Ouvrières, 1993.

был единственным представителем десяти латиноамериканских секций-членов (Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Куба, Мексика, Пуэрто-Рико, Санто-Доминго, Уругвай и Венесуэла). Его выбрали представителем Латинской Америки, членом Международного исполкома (МИК) IV Интернационала и Международного секретариата. На конференции было решено, что МИК должен располагаться в Нью-Йорке в виду приближавшей большой европейской и мировой войны. Педроза должен был перебраться туда, что он и сделал вскоре после заключения Мюнхенских соглашений по Чехословакии в сентябре 1938 г.

По прибытию в Нью-Йорк Педроза стал участвовать в деятельности Панамериканского комитета, который занимался поддержанием связи с всеми секциями в Южной Америке и издавал бюллетень на испанском языке, где публиковались самые важные материалы международной троцкистской прессы. С началом Второй мировой войны в Социалистической рабочей партии США (SWP) и в IV Интернационале началась дискуссия о характере государства в СССР и роли Советского Союза в мировом конфликте.

Педроза участвовал в этой дискуссии в SWP, издав текст «Защита СССР в этой войне» 9 ноября 1939 г.²³³ В нем он утверждал, что для троцкизма защита СССР означала защиту национализации средств производства и плановой экономики. Задавался вопросом, смогут ли эти институты выдержать испытания войны, и возможно ли доверять советской бюрократии в случае войны. Эти вопросы не имели быстрого и лёгкого ответа, необходимо было обсуждать эти проблемы, не как руководство SWP просто закрывшее дискуссию, заявив, что хотя СССР – это разложившееся рабочее государство, его безусловно необходимо защищать. Для Педрозы, именно потому, что речь шла о разложившемся рабочем государстве, его защита должна была соотносываться с политической конъюнктурой. И в случае продолжающейся дегенерации советского государства IV Интернационал столкнётся с дилеммой защищать СССР или пожертвовать революцией в другой стране. Педроза утверждал, что

²³³ Lebrun. “The defense of the U.S.S.R. in the present war”. // Internal Bulletin (publicado pelo Socialist Workers Party). Nova Iorque, vol. II, nº 10: 1A-17A, fev. 1940. Этот текст бы переведен Фулвиу Абраму и опубликован в Abramo F., Karepovs D. (Orgs.). Na contracorrente da história: Documentos do trotskismo brasileiro, 1930-1940. 2ª ed. São Paulo: Sundermann, 2015, p. 434-464.

формула «разложившегося рабочего государства» отражает лишь происходящее в СССР. Он заключал, что формула безусловной защиты была неудовлетворительной. Перед лицом войны позиция защиты СССР может быть принята или нет в зависимости от конъюнктуры, от происходившего в данный момент, от того вступает ли она в противоречие или нет с интересами мировой революции. Эти дебаты спровоцировали раскол в SWP, и Педроза и трое других членов МИК присоединились к меньшинству, к Рабочей партии (Workers Party – WP), что привело к кризису в IV Интернационале.

В результате этих событий Педроза был удален из МИКа. Окончательно на «Срочной конференции» в Нью-Йорке 19-26 мая 1940 г. был создан новый МИК, а его четверо исключённые члены были публично осуждены за их поведение во время дискуссии об СССР в SWP. Вскоре, в августе 1940 г. в Мехико был убит Троцкий.

Педроза выехал из США в Бразилию 24 октября, но выбрал страннй маршрут через Тихий океан, имея целью проехать по ряду стран региона, чтобы там напрямую связаться с группами IV Интернационала, чтобы продолжить с ними дискуссию об СССР. Так он проехал через Перу, Боливию, Чили, Аргентину и Уругвай, въехав в Бразилию через её южные пределы.

Прибыл в Рио-де-Жанейро 26 февраля 1941 г. и 3 марта уже был арестован. Его задержание было незаконным, ибо не было никаких легальных причин для ареста, так как по предыдущим обвинениям он был оправдан по суду²³⁴. Сама полиция признавала, что за Педрозой «нет никаких подрывных действий»²³⁵. Несмотря на это полиция посчитала, что Педрозу следует преследовать в рамках Указа № 431 от 18 мая 1938 г., который предусматривал преступления против международных устоев, структуры и безопасности государства и против общественного порядка. Его удалось освободить после вмешательства его отца, обратившегося к шефу полиции, «Главному шефу полиции Федерального округа» Филиниу Мюллеру. 28 марта Филиниу Мюллер распорядился

²³⁴ Pedrosa P. Memorial sobre a vida de Mario Pedrosa. Rio de Janeiro, mecanografado, 20/03/1941, p. 3.

²³⁵ Informação nº 377/S-2, de Seraphim Braga, Chefe da Seção de Segurança Social. Rio de Janeiro, 12/03/1941, p. 2 (Fls. 16 do Prontuário 10.600, de Mario Pedrosa, da Delegacia Especial de Segurança Pública e Social da Polícia Civil do Distrito Federal, Caixa 1643).

прекратить дело против Педрозы. Его освободили, но дали десятидневный срок для выезда из страны²³⁶. Его отец добился освобождения при условии отъезда с семьёй в США по приглашению Панамериканского союза, где тот должен был работать. По приезду в Вашингтон Педроза отошел от самой «предосудительной» деятельности, но следил за жизнью партии, особенно в Бразилии, куда смог вернуться в 1945 г. Таким был конец пути М. Педрозы в IV Интернационале, который был начат ещё в конце 20-х годов.

Революционная социалистическая партия

Переговоры между POL и Диссидентской группой в КПБ «Революционный авангард» привели к организации в апреле 1939 г. конференции, на которой был создан Комитет Революционного авангарда Бразилии. И наконец, в августе 1939 г. на собрании в небольшом поместье в Гуарульус (Сан-Пауло) была создана Революционная социалистическая партия (PSR).

Во время дебатов, приведших к исключению Педрозы из IV Интернационала, возникли трудности связи между руководством Интернационала и PSR, так как Педроза заявлял, что у него нет контактов с новым руководством этой бразильской группы, а его враги утверждали, что он не хочет давать свои связи из фракционных соображений²³⁷. Из-за того, что у PSR не было контактов с IV Интернационалом, а были лишь спорадические и через посредничество латиноамериканских организаций, прежде всего аргентинских, в частности через Революционную рабочую партию под руководством Науэля Морено, что в значительной степени определило их общую позицию в отношении националистических движений в обеих странах в конце 40-х годов²³⁸.

Другим вопросом была проблема раскола, в котором участвовал Педроза, позиции которого только многие годы спустя стали известны его товарищам в Бразилии, которые вместе с ним входили

²³⁶ Fls. 22 do Prontuário 10.600, de Mario Pedrosa, da Delegacia Especial de Segurança Pública e Social da Polícia Civil do Distrito Federal, Caixa 1643.

²³⁷ Prager R. (Org.). Les congrès de la IV Internationale. 1. Naissance de la IV Internationale (1930-1940). Paris: La Brèche, 1978, p. 401.

²³⁸ Coggiola O. Historia del trotskismo argentino (1929-1960). Buenos Aires: Centro Editor de América Latina, 1985, p. 126.

в POL и составлявшие так называемое первое поколение бразильских троцкистов. С окончанием Второй мировой войны и возвращением Педроза в Бразилию большинство тех, кто входил ещё в GCL и в POL, объединились вокруг предложений, защищаемых газетой «Vanguarda Socialista», которой руководил М. Педроза, а не вокруг PSR. Поколение, следовавшее за этим, можно сказать, что чувствовало преемственность с 30-ми годами и троцкистами того поколения, но при этом стали отличаться большим уровнем догматизма. Причиной этого были долгие годы подполья и репрессий в период «Нового государства», а с другой стороны, этот догматизм проистекал от того, что большинство троцкистов сформировались в рядах КПБ, выходцы из которых составили лидерство в PSR и были сформированы как политики под сильным влиянием сталинизма Коминтерна в 30-е годы. Это привело к тому, что позиции IV Интернационала принимались в Бразилии ими без какого-либо критического анализа. PSR в условиях изоляции из-за отсутствия связей с троцкистским миром в обстоятельствах мировой войны и репрессий против всех левых со стороны «Нового государства» в это время смогла проводить мало акций: только несколько памфлетов, а вместо газеты «A Luta de Classe» стали издавать газету «Luta Proletária». После паления диктатуры Варгаса в 1945 г. «Л. Родригес» писал: «Семь лет спустя жесточайших репрессий движение в Бразилии, как и во всем мире, было полностью обезглавлено, а те кто возвращался из ссылки и тюрем едва приходили в себя. Мы были полностью дезорганизованы, при том, что победа русских над Гитлером возродила доверие многих к сталинизму»²³⁹.

Только в 1943 г. при посредничестве американских троцкистов SWP бразильская PSR восстановила свои связи с IV Интернационалом²⁴⁰. В следующем году партия защищала позицию

²³⁹ Justo L. Estrategia revolucionaria. Lucha por la unidad y por la liberación nacional y social de la América Latina. Buenos Aires: Fragua, 1956, p. 123.

²⁴⁰ В феврале 1947 г. при подготовке Второго конгресса IV Интернационала эти связи были очень непрочными. В докладе на совещании Международного секретариата 22 февраля 1947 г. «Патрис» информировал, что две недели назад он установил «прямые контакты с бразильскими товарищами, которые вышли из подполья». – “Rapport sur l’Amérique latine présenté par Patrice”, p. 1. Только в 1951 г. PSR смогла послать своего делегата («Филипе») на Третий Конгресс IV Интернационала. – Pereira Neto M. L. Outras histórias. Contribuição à história do trotskismo no Brasil – 1952/1966: O caso do POR (Partido Operário

требования созыва Учредительного собрания, чтобы положить конец существованию «Нового государства». С окончанием Второй мировой войны и крахом диктатуры Варгаса PSR после назначения президентских выборов защищала создание «Единого фронта со всеми демократическими и социалистическими силами в мелко-буржуазной среде как посредством конкретных действий совместно с либеральной оппозицией против «Нового государства», которое и было на данном этапе главным врагом пролетарской демократии, за которую борются марксисты против буржуазного общества. Этот единый фронт «динамичных действий» не предполагал компромисса и отказа от революционных социалистических целей и своей автономии, от критики своих временных союзников, с кем объединялись во имя самых срочных требований народных масс. В электоральном плане это могло принять форму объединения социалистических и радикальных сил под единой формулой. Революционные социалисты готовы бороться плечом к плечу вместе с теми, кто эффективно противостоит манёврам диктатуры, стремящейся воспрепятствовать выборам, возвращаясь к террористическим практикам периода до 1945 г.»²⁴¹

Ещё в 1945 г. PSR вышла с предложением создать избирательный блок «Демократическая радикальная коалиция» и выдвинула «Предпроект технико-электоральной программы», под которой подписались профессор Флорестан Фернандес, журналисты Виктор де Азеведу Пиньеру, Сиру Т. Де Падуа, Луиз Вашингтон Вита, Одила да Силва Жардин, Клаудиу Абраму, Жиссеу да Кунья Батиста, государственный служащий Антониу Де Элиа, студенты Жузе Адералду Кастелу, Берта Ланжи де Морретес и адвокат Жузе Гонсалвес де Андраде Фигейра и другие. В ней к защите идеи Учредительного собрания добавлялись политические, экономические и социальные требования, в том числе амнистия, повышение зарплат, отмена чрезвычайного репрессивного законодательства «Нового государства». Однако инициатива осталась изолированной, так как основные группы левых выдвинули свои собственные кандидатуры, как например, КПБ – Йеду Фуиза, а Левые демократы, «Социалистический Авангард» и Социалистическая партия – Эдуарду Гомеса. Члены PSR, число

Revolucionário). São Paulo, 1997, mimeogr. (Dissertação de mestrado, Departamento de História da FFLCH-USP), p. 31.

²⁴¹ Diário Carioca. Rio de Janeiro, 12 de agosto de 1945, p. 12.

которых не превышало 400, к концу концов выдвинули Луиса Карлоса Престеса²⁴².

«Малое политическое и социальное присутствие», - вот типичное замечание тех, кто исключает бразильских троцкистов из истории левых в Бразилии. Нельзя отрицать, что эти организации с момента своего возникновения в конце 20-х годов всегда были малочисленны. Вместе с тем эти небольшие группы, которые редко могли завоевать внимание масс, как то было в середине 1930-х, обладали большими возможностями интерпретации классовой борьбы в условиях бразильской реальности, отмечая те стороны реальности, которые ускользали от внимания других политических организаций, что безусловно оставило свой след в истории рабочего движения.

Тот факт, что движение не смогло трансформироваться в партию или в историю рабочего класса, лишь указывает, что оно не является только историей или партией, что нам надо изучать и стараться понять эту историю, особенно сегодня, когда левые в Бразилии и во всем мире переживают период отката, ибо их «проект» не смог добиться успеха. История десятка бразильских троцкистских организаций проходила в условиях жестокого давления и репрессий, однако и само движение не смогло найти «нить», связующую последовательно возникавшие организации.

КПБ всегда была целью критического взгляда троцкистов. Однако часто троцкисты были не просто контрапунктом в отношении компартии, что в бразильском случае было немало. Они предлагали свой анализ классовой борьбы в стране, который фокусировал внимание на проблемах, отсутствовавших у других партий, предлагали иной взгляд на рабочее движение, что так или иначе стало частью истории бразильского рабочего движения.

Библиография

Abramo F. A revoada dos galinhas verdes: Uma história da luta contra o fascismo no Brasil. 2ª ed. São Paulo: Veneta, 2014.

Abramo F., Karepovs D. (Orgs.). Na contracorrente da história: Documentos do trotskismo brasileiro, 1930-1940. São Paulo: Sundermann, 2015.

²⁴² Alem S.F. O P.C.B. e as outras esquerdas – Da anistia de 1945 à posse de Dutra. // Nova Escrita Ensaio. São Paulo, nº 10, 1982, p. 159.

- Basbaum L.* Uma vida em seis tempo (memórias). São Paulo: Alfa-Omega, 1976.
- Blass L.M.* Imprimindo a própria história. O movimento dos trabalhadores gráficos de São Paulo, no final dos anos 20. São Paulo: Loyola, 1986.
- Brandão O.* Combates e batalhas. Memórias. 1º Volume. São Paulo: Alfa-Omega, 1978.
- Broué P.* História da Internacional Comunista, 1919-1943,. São Paulo: Sundermann, 2007.
- Broué P.* Léon Sedov, fils de Trotsky, victime de Staline. Paris: Les Éditions Ouvrières, 1993.
- Coggiola O.* Historia del trotskismo argentino (1929-1960). Buenos Aires: Centro Editor de América Latina, 1985.
- Del Roio M.T.* A classe operária na revolução burguesa. A política de alianças do PCB: 1928-1935. Belo Horizonte: Oficina de Livros, 1990.
- Dulles Foster J.W.* O comunismo no Brasil, 1935-1945; Repressão em meio ao cataclismo mundial. Rio de Janeiro, Nova Fronteira, 1985.
- Justo L.* Estrategia revolucionaria. Lucha por la unidad y por la liberación nacional y social de la América Latina. Buenos Aires: Fragua, 1956.
- Lima Ferreira H.* Caminhos percorridos: Memórias de militância. São Paulo: Brasiliense, 1982.
- Marques Neto J.C.* Solidão revolucionária: Mário Pedrosa e as origens do trotskismo no Brasil. São Paulo: Paz e Terra, 1993.
- Prager R.* (Org.). Les congrès de la IV Internationale. 1. Naissance da la IV Internationale (1930-1940). Paris: La Brèche, 1978.

*A.A. Щелчков*²⁴³
A.A. Schelchkov

²⁴³ *Андрей Аркадьевич Щелчков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Andrey A. Schelchkov* — Insitutte of World History) sch2000@mail.ru.

ТРОЦКИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБЕ²⁴⁴

TROTSKYIST'S MOVEMENT IN CUBA

Аннотация: 30-е годы XX века на Кубе ознаменовались революционным подъемом, ростом популярности социалистических и коммунистических идей. Коминтерн делал ставку на кубинскую революцию для развития общеконтинентального революционного процесса. Одновременно в мировом и латиноамериканском коммунистическом движении происходит раскол на сторонников троцкизма и официальной позиции Москвы. Эти процессы в конкретных обстоятельствах кубинской революции привели к ожесточенной борьбе компартии и их бывших соратников, диссидентов, примкнувших к международному троцкизму. Данная работа посвящена становлению и развитию кубинского троцкистского движения в период революционных событий 30-х годов.

Ключевые слова: Троцкизм, сталинизм, Куба, Коминтерн, революция, диссидентские движения в коммунизме, Сандалио Хунко, Хуан Рамон Бреа.

Abstract: The 30th years of the XXth century in Cuba were marked by a revolutionary upsurge, the growing popularity of socialist and communist ideas. The Comintern relied on the Cuban revolution for the development of the continental revolutionary process. At the same time, in the International and Latinamerican communist movement there is a split on the supporters of Trotskyism and Moscow's official position. These processes, in the specific circumstances of the Cuban revolution, led to a fierce struggle between the Communist Party and their former comrades-in-arms, dissidents who had joined the international Trotskyism. This work is devoted to the formation and development of the Cuban Trotskyist movement during the revolutionary events of the 1930s.

Keywords: Trotskyism, Stalinism, Cuba, Comintern, revolution,

²⁴⁴ Статья написана при поддержке РФФИ, грант № 16-01-00138, «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

В первые годы существования организованного под эгидой московского Интернационала движения в Латинской Америке расколы, распри и диссидентские группы возникали в редкой регулярностью. До ужесточения контроля со стороны руководящих органов Коминтерна за местными партиями в конце 20-х годов многоликие группы, входившие в только что образованные компартии, в числе которых были и бывшие анархисты, и анархо-синдикалисты, и левые социалисты, и даже левые либералы-реформисты, были основой возникновения внутренних кризисных ситуаций. Все эти группы в случае возникновения таких кризисных ситуаций неизменно обращались к Москве как «третьейскому судье» в их, как правило, организационным, и редко идеологическим спорам, хотя все эти конфликты «рядились» в одежды идеологической конфронтации. Чаще всего эти конфликты стихали, не так часты были исключения из партии и другие санкции. Многие лидеры диссидентов вместе со своими сторонниками со временем возвращались в лоно материнской партии. До VI Конгресса Коминтерна латиноамериканские партии находились на периферии внимания Москвы, но затем внимание к ситуации на континенте резко возрастает²⁴⁵. Внутренние расколы в компартиях в 30-е годы были в центре внимания Коминтерна.

В 30-е годы в Коминтерне стали непримиримо относиться к проявлениям свободомыслия и отклонения от генеральной линии, также как и в СССР, где было решительно искоренена всякая внутрипартийная оппозиция. Тогда же берет начало раскол в мировой коммунистическом движении, связанный с именем Л.Д.Троцкого, высланного из СССР в 1929 г. Появление на мировой арене такой гигантской и привлекательной фигуры оппозиционера привлекло под знамёна Троцкизма практически всех диссидентов в компартиях. Это, в свою очередь, сделало непримиримой к ним отношение коминтерновского центра и руководства официальных компартий. Ожесточенная борьба с оппозиционерами в коммунистическом движении стала одной из

²⁴⁵ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением // Латиноамериканский исторический альманах. №16. 2016. С. 232-261.

главных отличительных черт политики Коминтерна в 30-е годы. Вне этой борьбы история коммунизма будет неполной.

Как отмечал Исая Берлин, «непримиримое отношение Коминтерна к зарубежным коммунистам и ещё большей степени к социалистам, безжалостная охота на еретиков – всё это объяснялось, по-видимому, искренней верой, что и те и другие могут пойти на компромиссы, поставив под удар истину, то есть учение, на котором зиждился фундамент нового общества, или могут избрать (если уже не избрали) путь, уводящий – пусть сначала незаметный – от сакральных целей, не подлежащих обсуждению»²⁴⁶. Речь шла не только о борьбе за чистоту идеалов в рядах самих партий, но и о постоянном самоубеждении в собственной правоте и историческом призвании самих большевиков.

Диссидентские движения в компартиях региона в 30-е годы не могли не принять сторону троцкизма, порой не разделяя в полной мере его идейных установок, что в свою очередь приводило к многочисленным расколам внутри оппозиции. В большинстве случаев принципиальные расхождения Троцкого со сталинским руководством, в частности его несогласие с установкой на построение социализма в одной стране и защита тезисов о перманентной революции, разногласия по поводу «альянса» между красными профсоюзами и английскими трейдьюнионистами, осуждение тактики союза с Гоминданом в Китае и трактовка Единого фронта, часто были вторичными для латиноамериканских диссидентских движений, которые, переходя под знамёна троцкизма *post factum* принимали тезисы Троцкого, поддерживая его в споре с Коминтерном и Сталиным. Для большинства из оппозиционеров первостепенное значение имели местные, локальные расхождения часто конъюнктурного характера, но что было единодушно сразу же поддержано латиноамериканскими диссидентами, так это критика растущей бюрократизации не только советского партаппарата и партии, но и коммунистического движения в целом.

Во время кубинской революции 30-х годов в коммунистическом движении на острове, повторяя тенденции и образцы международного коммунистического движения, сформировалось влиятельное диссидентское течение, тесно связанное с троцкизмом.

²⁴⁶ Берлин И. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. Р. 345.

Как внутренняя эволюция этого течения в мировом коммунизме, так и политическая активность троцкизма на Кубе в 30-е годы являлись запретной темой в странах «реального социализма», и только после крушения СССР как на Кубе, так и в научных кругах вне острова история троцкизма стала привлекать интерес исследователей. Данная работа предполагает осветить некоторые страницы истории революционного движения на Кубе в 30-е годы XX века, проследить судьбу и эволюцию троцкизма и связанных с ним деятелей.

В конце 1930 г. Коминтерн через своё Карибское бюро смог настоять на изменениях в линии Кубинской компартии в соответствии с установками «третьего периода». Меньшинство в партии не приняло новой тактики. Большие проблемы у партии наблюдались в её дочерней организации «Международной рабочей защите» (*Defensa Obrera Internacional – DOI*) – кубинской секции МОПР, и в студенческом движении – «Левом студенческом крыле» (*Ala Izquierda Estudiante – AIE*). Кубинская секция МОПР была создана в 1930 г., её как и Антиимпериалистическую лигу возглавляли коммунисты²⁴⁷. Члены «Международной рабочей защиты» и «Левого студенческого крыла» составили основу будущей троцкистской партии²⁴⁸. Оппозиция генеральной линии КПК наметилась также и в Рабочей федерации Гаваны²⁴⁹.

Эти оппозиционные настроения получили своих ярких лидеров в 1931-1932 гг. с прибытием на остров побывавших в СССР и в Европе Сандалио Хунко и Хуана Рамона Бреа, которые смогли установить связи с международным троцкизмом. В августе 1932 г. они образовали внутри КП Левую коммунистическую оппозицию (ОСИ – ОСИ)²⁵⁰. «Левые» создали свой ЦК во главе с Маркосом Гарсией Вильярреалем из АИЕ. В 1932 г. руководство Рабочей федерации Гаваны, являвшейся основой профсоюзной конфедерации КНОК, перешло на сторону «левой оппозиции», что сильно ударило по позициям коммунистов в рабочем движении. Многие члены ОСИ были бывшими анархо-синдикалистами,

²⁴⁷ Слѣзкин Л.Ю. История Кубинской республики. М.: Наука, 1966. С. 202.

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 32.

²⁴⁹ Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 7.

²⁵⁰ Эта группа также называла себя Коммунистической Оппозицией Кубы (*Oposición Comunista de Cuba – OCC*)

вступившими в своё время в компартию.

Сандалио Хунко был сподвижником Мелья, вместе с ним эмигрировал в Мексику, где вступил в КП Мексики. Он участвовал в первой конференции компартии в Буэнос-Айресе в 1929 г. и в профсоюзной конференции в Монтевидео. По признанию ЦК компартии Хунко был очень популярен в массах²⁵¹. Руководители Коминтерна в Буэнос-Айресе В. Кодовилья и Рикардо Мартинес уже тогда считали его, как и Мелью, «троцкистом». Они воспротивились избранию Мельи латиноамериканским представителем в Профинтерне²⁵². Подозрения в симпатиях Мельи Троцкому опираются на тот факт, что он писал о нем в своих работах и никогда о Сталине. Также он никак не проявил себя в официальной антитроцкистской кампании, организованной Коминтерном. Иных данных и аргументов нет.

В начале 30-х Хунко находился в Москве. Он был слушателем в Международной ленинской школе, куда попал через компартию Мексики. После окончания курсов в МШЛ он был направлен на работу в Профинтерн. Участвовал как представитель Рабочей конфедерации (КНОК-СНОС) в августе 1930 г. в конгрессе Профинтерна, а в октябре того же года в конференция компартий Латинской Америке в Москве. По возвращении на Кубу в 1932 г. он возглавил оппозицию.

В троцкистскую группу входили Сандалио Хунко, Хуан Рамон Бреа, Маркос Гарсия Вильярреаль и другие видные деятели партии. Педро Варела ранее исключённый из партии и руководивший Рабочей федерацией Гаваны примкнул к оппозиции. Именно Варела смог завоевать для троцкистов большинство в Рабочей федерации²⁵³. Помимо критики профсоюзной политики партии как сектантской группа Хунко расходилась с ЦК по следующим вопросам: о характере революции на Кубе, о роли буржуазно-помещичьей оппозиции в борьбе с диктатурой Мачадо, об участии партии в выборах²⁵⁴. ОСИ создала свои комитеты в Гаване, Сантьяго, Тунас, Матансас и других провинциях. ЦК компартии указывал, что в оппозицию входили в основном члены МОПРА,

²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 19.

²⁵² Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

²⁵³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 1.

²⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 19.

студенты и комсомольцы²⁵⁵. Компартия обвинила троцкистов в захвате секции МОПР и передаче ее архива полиции²⁵⁶.

Помимо Хунко ярким вождем оппозиции был поэт-сюрреалист Хуан Рамон Бреа, входивший в группу поэтов авангардистов «El Grupo N». С 1927 г. он участвовал в студенческом движении против продления полномочий Мачадо, а в начале 30-х годов был вовлечен его другом и молодым писателем Рамоном Мартинесом Вильеной в Антиимпериалистическую лигу и компартию. Правительственные репрессии заставили его покинуть Кубу, он уехал в Европу. В январе 1931 г. в Барселоне через лидера испанских троцкистов Андреса Нина он познакомился с идеями «левой оппозиции»²⁵⁷. Благодаря Бреа на Кубу попали публикации европейской «левой оппозиции». Именно он посылал на остров испанский троцкистский журнал «Comunismo».

Первый серьёзный конфликт между руководством партии и оппозицией произошёл в сентябре 1932 г., когда из партии были исключены Маркос Гарсия Вильярреаль, возглавлявший коммунистическую фракцию в Левом студенческом крыле (АИЕ), и Сандалио Хунко. В ответ в октябре 1932 г. часть членов партии и АИЕ направило в ЦК письмо протеста²⁵⁸. ЦК компартии называла центральным пунктом своих расхождений с оппозицией вопрос о характере революции на Кубе. ЦК обвинял Хунко в том, что он заявлял о невозможности пролетарской революции без прихода пролетариата к власти в США²⁵⁹.

Официальная компартия сообщала в Москву, что Хунко критикует партию в том, что она рассматривает Кубу как страну со средним уровнем развития, в то время как это полуколониальная зависимая от империализма аграрная страна. Коммунисты сетовали, что эти обвинения безосновательны, и что сам Хунко не смог назвать ни одного документа, в котором утверждался бы этот тезис²⁶⁰. Однако они лукавили. Хунко был в Москве, когда

²⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 34.

²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 6. Л. 8.

²⁵⁷ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

²⁵⁸ Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 9.

²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 20-21.

²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 21-22.

Коминтерн проводил Вторую конференцию латиноамериканских партий в 1930 г. На этой конференции кубинский представитель обрушился с резкой критикой на позицию Коминтерна, характеризовавшего Кубу как сельскохозяйственную полуколониальную страну, в то время как по уровню развития Куба занимала второе место в регионе после Мексики. Из этого положения исходил тезис о том, что на Кубе на повестке дня стоит не буржуазно-демократическая, а социалистическая революция²⁶¹. Оппозиция критиковала взгляд партии на социальную структуру страны, подчёркивая слабость промышленного пролетариата, а революционной силой должны были стать гигантские массы аграрного пролетариата.

Оппозиция осуждала смену линии партии, происшедшей в октябре 1930 г.²⁶², называя её путчистской, политикой государственного переворота и отказа от активной профсоюзной борьбы. В свою очередь, ЦК заявлял, что оппозиция сама занимает сектантские, путчистские позиции, которые партия осудила в 1930 г.²⁶³ На пленуме партии Хунко заявил: «Я всегда был против линии партии после 1929 г.»²⁶⁴ Осуждая оппозицию по всем пунктам, компартия, что сама признавала в своих отчётах в Коминтерн, не вела споров, открыто не дискутировала по программе и тактике партии²⁶⁵.

С нарастанием оппозиции к диктатуре Мачадо, националистами и радикальными студентами организовывались вооружённые выступления как с высадкой военных экспедиций с территории США, так и внутри страны. Компартия заняла позицию невмешательства, считая, что коммунисты и рабочее движение не должны принимать участие в борьбе за стороне буржуазных партий и групп, в том числе радикальных революционеров-националистов. ОСИ критиковала эту официальную позицию партии, считая необходимым принять участие в борьбе с диктатурой, не принимая

²⁶¹ Янчук И.И. Вторая конференция коммунистических партий Латинской Америки, Москва, 2-10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. No.6. 2005. С. 93-94.

²⁶² Речь шла о принятии линии Коминтерна «третьего периода» и «класс против класса» - Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 6.

²⁶³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 25-30.

²⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 33.

²⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 2.

на себя никаких политических обязательств.

В воззвании к трудящимся ОСИ призывала: «Превратим буржуазный мятеж в антиимпериалистическую и аграрную революцию. Так примем участие в буржуазном восстании. Но ни одного выстрела без клича – Да здравствует антиимпериалистическая и аграрная революция!» Эту критическую по отношению к решению руководства компартии ОСИ занимала вплоть до своего исключения из партии²⁶⁶. Карибское бюро Коминтерна в письме от 22 апреля 1931 г. потребовало от партии осудить оппозицию и не принимать участия в восстаниях буржуазии²⁶⁷. Более того, ОСИ предлагала компартии работать с членами националистической партии АВС, которую официальная КПК квалифицировала как террористическую и фашистскую.

24 сентября 1932 г. все члены ОСИ были исключены из партии. Надо заметить, что ни в одном из документов компартии оппозиция, которую клеймили как оппортунистическую и путчистскую, не называли троцкистской. Как писали в апреле 1933 г. из Гаваны бывшему генеральному секретарю партии Симховичу (Чико): в столице в партии больше нет оппозиционеров – всех исключили, но в провинции они по-прежнему ведут «свою разрушительную работу» в рядах партии. В Гаване, писал корреспондент Симховича, в оппозицию входили всего лишь 35 человек, из них только 6 рабочие, а остальные интеллигенты и студенты. При этом тут же признавал, что всё Левое студенческое крыло и DOI под контролем ОСИ²⁶⁸.

Несмотря на репрессии диктатуры и «войну» со стороны сталинской части компартии ОСИ на этом этапе удалось добиться больших успехов. Помимо Рабочей федерации Гаваны большинство Левого студенческого крыла пошло за троцкистами. Рабочая федерация Гаваны поддерживала тесный контакт с созданным троцкистами на востоке страны Рабочим союзом Востока. Обе профсоюзные организации были оплотом троцкистской партии, через которые она проводила свою политику и реализовывала пропаганду своих решений. По сообщениям компартии, Хунко и Бреа написали и опубликовали на Востоке

²⁶⁶ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) – обращение 27 декабря 2016 г.

²⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 52. Л. 25.

²⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 1.

страны «Программу коммунистической оппозиции»²⁶⁹.

В 1932 г. троцкисты смогли вытеснить коммунистов из многих федераций, в частности, из влиятельного союза рабочих-строителей. Когда же в сентябре 1933 г. коммунисты пытались восстановить свой контроль над профсоюзом строителей Гаваны дело дошло до вооружённых столкновений с убитыми и ранеными²⁷⁰. Троцкисты, также как и компартия, претендовали на монопольное положение авангарда пролетариата. В уставе ОСИ говорилось: «Коммунистическая Оппозиция Кубы является единственным революционным авангардом пролетариата, единственной организацией, способной идти до конца по революционному пути в борьбе трудящихся классов Кубы против их местных и иностранных эксплуататоров»²⁷¹. В утверждении своей исключительности троцкисты были истинными сынами коммунистического движения.

В процессе нарастания кризиса диктатуры Мачадо троцкисты занимали все более видные позиции в лево-радикальном движении против диктатуры. 28 июня 1933 г. был опубликован исторический манифест Левого студенческого крыла «К народу Кубы! Ко всем студентам!» Авторство манифеста принадлежало троцкистам²⁷². Вклад троцкистов в дело свержения диктатуры не следует недооценивать. Голос троцкистов через подконтрольную им Рабочую федерацию Гаваны присоединился к хору оппозиции в период июльской 1933 г. забастовки, приведшей к революции.

В программе Левой оппозиции речь идёт об антиимпериалистической, аграрной и народной революции, а главным врагом назывался американский империализм и его верный союзник местная буржуазия. Программа завершалась характерным призывом: «Теперь ваше слово, товарищ Маузер!»²⁷³.

²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 1.

²⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 6. Л. 7.

²⁷¹ Цит по - Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 14.

²⁷² Этот манифест был переиздан в Гаване в 1970 г. в Pensamiento Crítico n. 39, abril 1970. – Eric Toussaint Los trotskistas cubanos de los años 1930 a 1959. Revolucionarios "olvidados" de la historia // Rebelión. 25.07.2013. (<http://www.rebellion.org/noticia.php?id=171671>)

²⁷³ Цит по - Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 6.

Тем же призывом к оружию – «Ваше слово, товарищ Маузер» – завершалось воззвание 10 июля 1931 г., опубликованном в органе Левого студенческого крыла «Linea», авторство которого принадлежало ортодоксальному коммунисту Раулю Роа²⁷⁴. По большому счету, позиции компартии илевой оппозиции в отношении диктатуры не отличались, и пользовались они одними и теми же символами и лозунгами.

Однако в мае 1933 г. позиция ОСИ меняется: теперь речь не идет о том, что на повестке дня стоит аграрная и антиимпериалистическая революция, для которой пока нет условий, а следует лишь готовить к ней рабочие массы. В 1933-1934 гг. ОСИ пыталась создать прочные позиции в реформистском профсоюзном движении, действуя против синдикалистской бюрократии. Их орудием была Рабочая федерация Гаваны. Затем троцкисты создали Рабочий союз Востока в восточных провинциях и Рабочую федерацию Матансас. Как признавали лидеры коммунистов, оппозиция действовала внутри коммунистической КНОК, где «у неё есть союзники»²⁷⁵.

В борьбе с диктатурой Мачадо троцкисты выступали в поддержку движения революционной мелкой буржуазии и студенчества в виду слабости пролетарской партии и неготовности рабочего класса к борьбе за социализма и за диктатуру пролетариата. Они объявляли большой ошибкой считать все некоммунистические политические силы, даже выступавшие против диктатуры Мачадо «социал-фашистскими». Осуждая политику «класс против класса» компартии и Коминтерна, троцкисты признавали за революционной мелкой буржуазией лишь некоторую прогрессивность и подчеркивали, что она не способна пойти «до конца» вместе с пролетариатом²⁷⁶. Троцкисты выступали лишь за временный союз с мелкобуржуазными попутчиками.

Во время августовской всеобщей забастовки 1933 г., приведшей в конечном итоге к свержению Мачадо, Компартия считала, что забастовка есть шаг в направлении революции, но не её начало и призвала принять уступки, предложенные Мачадо, в том числе и легализацию компартии, и постепенно свернуть забастовку. Об

²⁷⁴ Roa R. Retorno a la alborada. T.1. Las Villas, 1964. P. 18.

²⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 1.

²⁷⁶ Цит по - Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 13.

этом делегация партии договорилась с Мачадо в его дворце, что было воспринято многими и прежде всего анархистами и троцкистами как предательство. Троцкисты не преминули воспользоваться этим шагом руководства компартии, обвинив его в том, что они пожимали руку главному палачу диктатора, «убийце Эррере». Как признавал представитель Карибского бюро на Кубе «Джонни», «к сожалению это правда», и эти действия нанесли большой вред репутации компартии, чем и воспользовалась «рenegатская группа Хунко-Вильярреала»²⁷⁷.

Впоследствии оправдываясь, руководство партии утверждало, что не призывало всех рабочих прекратить забастовку, а только транспортников²⁷⁸. Надо сказать, что представитель Коминтерна на острове был не согласен с этими решениями партии и называл их соглашательскими²⁷⁹.

Троцкисты воспользовались ошибкой компартии в период забастовки для своей пропаганды и агитации против «сталинистов». В своем манифесте от 12 августа троцкисты вновь подтвердили свою позицию продолжать всеобщую забастовку вплоть до победы революции и обрушились с критикой на компартию²⁸⁰. Коммунисты платили троцкистам из ОСИ той же монетой, называя призывы троцкистов и Рабочей федерации к восстанию «оппортунистическими»²⁸¹.

В период августовской забастовки ОСИ особую активность проявляла на Востоке, в Гуантанамо, где руководила забастовкой работников сахарной отрасли. Там в ОСИ массово вступали рабочие, сотни забастовщиков записывались в партию. 12 августа, уже после бегства Мачадо рабочие захватили сахарный центральный в Камагуэе. Там впервые ОСИ предстала как Большевикско-ленинская партия (PVL – ПБЛ), противостоящая официальной компартии. Троцкисты создали самостоятельную партию, следуя рекомендациям международного троцкистского движения

²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 68. Л. 10.

²⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 71. Л. 19а.

²⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 69. Л. 14.

²⁸⁰ Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 15.

²⁸¹ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

(Международной левой оппозиции), принятого в августе 1933 г. на пленуме движения в Париже, формировать самостоятельные партии, противостоящие официальным, сталинистским компартиям²⁸².

Формально об образовании ПБЛ как секции Международной коммунистической лиги было объявлено на съезде ОСИ 14 сентября 1933 г. 27-28 сентября 1933 г. прошёл пленум ПБЛ, который принял программу партии. ПБЛ издавала газету «Rayo» (Луч), первый и последний номер которой вышел 4 февраля 1934 г. На 1934 г. было назначено проведение общенационального съезда новой партии, но этого так и не произошло.

В программе ПБЛ Куба характеризовалась как страна, входящая в группу колониальных и полуколониальных стран Латинской Америки, экономика и политика которой полностью подчинены США. Из этого делался вывод, что национальный вопрос является ключевым для кубинской революции. Характер же возможной революции определялся как исключительно пролетарский, в то время как ОСИ ещё несколько месяцев до этого утверждала, что революция будет народной, аграрной и антиимпериалистической. Теперь роль революционных классов отводилась только пролетариату и крестьянству, а мелкой буржуазии было отказано в участии в революционном блоке, хотя делалась оговорка: «Речь идет о мелкой буржуазии в целом, в то время как отдельные сектора мелкой буржуазии могут стать союзниками и пойти на революцию под руководством пролетариата»²⁸³.

В манифесте партии говорилось: «Поскольку рабочий класс в колониях слаборазвит, национальная буржуазия является рахитичным и бесхребетным классом, неспособным бороться с империализмом, пролетарская революция в Америке не может осуществиться и поэтому следует ограничить борьбу, направленную на изгнание империализма, чтобы впоследствии развивать свою национальную экономику... Окончательная победа аграрной революции будет достигнута только с победой мировой пролетарской революции, поэтому Большевицкая ленинская

²⁸² Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. Madrid. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 271.

²⁸³ Цит по. – Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 17.

партия признает необходимость тесной связи нашего движения с рабочими и крестьянскими массами всего мира и Латинской Америки в частности»²⁸⁴.

Троцкизм считал невозможным этап «революционной демократической диктатуры рабочих и крестьян» как переходный к диктатуре пролетариата. Победа же была возможна только на путях социалистической революции, которая должна была быть мировым процессом: «между буржуазией и социалистической революцией устанавливается непрерывность (перманентность)». Эти мысли Троцкого были высказаны им в отношении противоречий и поражений коммунистов в китайской революции²⁸⁵. Сам Троцкий в ноябре 1933 г. писал о событиях на Кубе, считая невозможной там борьбу за власть без поддержки мелкой буржуазии, но вместе с тем поддержал практику создания советов²⁸⁶.

Ряды партии быстро ширились. В Гуантанамо за оппозицию выступила половина партийного комитета компартии, за которым пошло большинство провинциальной организации и решило перейти в новую партию²⁸⁷. Сильные партийные организации ПЛБ сформировались в Сантьяго-де-Куба, Лас-Тунас, Ольгине и Пуэрто-Падре, также в Гаване, Санта-Кларе и Матансас. Хотя партия провозглашала принципом своего функционирования демократический централизм, в Гуантанамо не были согласны с этой линией жёсткого следования доктрине и предпочитали рассматривать партию как более социально и политически широкое движение. Партийная организация в Гуантамано, будучи самой сильной и многочисленной в ПБЛ, представляла серьёзные дисциплинарные проблемы для руководства партии²⁸⁸.

Троцкисты критиковали как беспринципный зигзаг КПК от позиции неготовности страны к революции в августе к лозунгу создания советов в сентябре. ПБЛ заявляла, что не поддерживает

²⁸⁴ Цит. по Беловолов Ю.Г. Рабочее движение на Кубе (1933-1952 гг.). Донецк: Кассиопея, 1999. С. 24-25.

²⁸⁵ Троцкий против Сталина. Эмигрантский архив Троцкого, 1933-1936. Ред. Ю. Фельштинскийю М.: Центрполиграф, 2015. С.255.

²⁸⁶ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. Madrid. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 280.

²⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 84. Л. 1.

²⁸⁸ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. Madrid. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 273.

правительство Грау Сан-Мартина и придерживается политики классовой независимости пролетариата, а политика КПК препятствовала самостоятельности рабочего класса и его гегемонии в революции, что было чистой воды доктринёрством. 15 сентября ПБЛ приняла решение о создании отрядов вооружённой самообороны. Такое было вполне возможно на востоке страны, где ПБЛ и Рабочая федерация контролировали некоторые сахарные централи. По существу, если судить по декларациям, позиция ПБЛ практически не отличалась от компартии и линии Коминтерна²⁸⁹. В свою очередь в сентябре 1933 г. на заседаниях ЦК компартии отмечали, что партию обвиняют в том, что она «продалась правительству Грау Сан-Мартина, а рабочие массово покидают КНОК, в то время как Хунко (ПБЛ) организовывал железнодорожников и другие профсоюзы²⁹⁰.

В воззвании 15 сентября ПБЛ осудила позицию КП в расовом вопросе. На тот момент кубинские коммунисты с подачи Коминтерна выдвигали лозунг национального самоопределения негров востока страны, вплоть до отделения²⁹¹. ПБЛ резко осудила эти лозунги, и опираясь на идейное наследие Мариатеги по индейскому вопросу, говорила об угнетённых расовых группах, являвшихся частью общенациональных социальных классов, рабочих и крестьян: нет расовой борьбы, а есть классовая борьба. За эту позицию коммунисты стали называть ПБЛ реформистской партией, отрицавшей наличие расовой и национальной проблемы на Кубе и покинувшей позиции «пролетарского интернационализма». После 3-ей конференции компартий региона в Москве в октябре 1934 г. коммунисты сами раскритиковали этот подход и признали ошибочными эти лозунги.

Если КПК выдвинула лозунг создания советов²⁹², и в Мабае коммунисты захватили сахарный центральный и учредили там совет, то ПБЛ никак не осудила эти действия, ни поддержала, а призвала рабочих, профсоюзные организации устанавливать рабочий контроль и захватывать управление предприятий²⁹³. Между тем,

²⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 65. Л. 2.

²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 71. Л. 21а.

²⁹¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 113. Л. 1.

²⁹² РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 71. Л. 19а.

²⁹³ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

компартия не выдвигала лозунгов занятия сахарных централей, к чему призывали троцкисты, но при этом выдвигала лозунг создания там советов, что было противоречивым²⁹⁴. В этих обстоятельствах позиция ПБЛ выглядела более последовательной и радикальной, что соответствовало настроениям особенно на востоке страны.

Представитель Карибского бюро Коминтерна на Кубе «Джонни» писал, что в партии существует недооценка силы ПБЛ. На заседаниях Политбюро компартии видный руководитель партии Фабио (Абрам Симхович) утверждал, что Рабочая федерация «никого не представляет, и только контролирует профсоюз пекарей, за ней ещё идёт профсоюз шляпников и работников торговли». Коммунисты не оставляли своей цели вытеснить троцкистов из Рабочей федерации²⁹⁵. «Джонни» же писал, что в компартии утверждали, что троцкистская Рабочая федерация Гаваны существует лишь на бумаге, но это не так – троцкисты руководят забастовками и умело пользуются ошибками партии, в том числе её двусмысленной позицией в отношении правительства Грау Сан-Мартина, поддерживая его антиинтервенционистскую позицию, таким образом троцкисты завоёвывали на свою сторону студентов и рабочих, недовольных правительством²⁹⁶.

29 сентября 1933 г. во время переноса праха Мельи в Гавану военные и фашиствующие отряды студентов устроили расправу над собравшимися людьми: 6 человек были убиты и 27 ранены²⁹⁷. Троцкисты решительно осудили эту резню. Критикуя КНОК, троцкистская Рабочая федерация выступила с предложением создания единого рабочего фронта. ПБЛ предлагала создавать «Рабочие альянсы» как форму единого рабочего фронта. Эту тактику кубинцы заимствовали у испанских троцкистов²⁹⁸. Суть это политики состояла в проникновении в контролируемые реформистами, коммунистами и анархистами профсоюзы, в целях получения гегемонии в них. Это привело лишь к усилению враждебности с коммунистической КНОК. Что же касается борьбы за наследие Мельи, Сандалио Хунко крайне резко выступил против

²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 71. Л. 21б.

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 124. Л. 4.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 68. Л. 10.

²⁹⁷ Слёзкин Л.Ю. История Кубинской республики. С. 229.

²⁹⁸ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 280.

компартии, указав, что третируя и нападая на Мелью в Мексике и изгнав его из партии на Кубе, теперь коммунисты пытаются обожествить его, воспользовавшись тем огромным авторитетом, который тот имел среди народных масс²⁹⁹.

В период стодневного революционного правительства Грау Сан-Мартина ПБЛ занимала двусмысленную позицию. На съезде сентября 1933 г. ПБЛ правительство «ста дней» было объявлено мелко-буржуазным и враждебным пролетарским целям партии, а союз или сотрудничество с этим правительством было бы предательством интересов рабочего класса и крестьянства³⁰⁰. Рабочая федерация и ПБЛ атаковали правительство Грау Сан-Мартина, оставаясь в радикальной оппозиции к революционной коалиции «ста дней». В декабре 1933 г. партия приступила к подготовке всеобщей забастовки как преддверие вооружённого восстания против правительства Грау³⁰¹. Тогда же, в декабре 1933 г. правительство приняло закон о «национализации труда», направленный против рабочих-иммигрантов: об обязательной 50% квоте кубинцев на рабочих местах в промышленности и торговле³⁰². Троцкисты в рамках подготовки масс к восстанию провели демонстрацию протеста рабочих иностранцев, вылившуюся в побоище и столкновения с военными с многочисленными убитыми и ранеными³⁰³. Для троцкистов такие акции представляли интерес в целью мобилизации масс против правительства Грау. Позднее генеральный секретарь ПБЛ назвал это правительство революционным, а его свержение было началом спада революции³⁰⁴. С другой стороны, в реальной политике троцкисты установили связи с левым крылом в правительстве, именно тогда они стали сотрудничать со сторонниками Антонио

²⁹⁹ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

³⁰⁰ Méndez Miossen S. El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015. (<http://www.pacarinadelsur.com>) - обращение 27 декабря 2016 г.

³⁰¹ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 284.

³⁰² Слёзкин Л.Ю. История Кубинской республики. С. 236.

³⁰³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 6. Л. 8.

³⁰⁴ Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 18.

Гитереса.

После свержения правительства Грау Сан-Мартина Батистой и Мендиетой в 1934 г. троцкисты призвали к единому профсоюзному фронту для противостояния реакции. По примеру испанских троцкистов они предлагали создать единый профцентр «Рабочий Альянс», который они рассматривали как первый шаг к рабочему единству. Однако КНОК исходила из установок «класс против класса», а иные профобъединения объявлялись реформистскими и мелкобуржуазными. На Кубе печатались статьи Троцкого об ошибочности этой политики, приведшей к победе фашизма в Германии. Также широко распространялись на Кубе работы испанского лидера «левых коммунистов» Андреса Нина.

Важнейшей составляющей революционного спектра Кубы в 1934 г. была основанная А. Гитерасом «Молодая Куба». ПБЛ пошла на тесное сотрудничество в Гитерасом, в то время как КП видела от этого сотрудничества больше ущерба, чем пользы, так как оно привело бы, по мнению партии, к укреплению «Молодой Кубы», а не связей коммунистов с массами. Между тем гитеристы объявляли своей целью построение социалистического общества³⁰⁵ и были самыми близкими идейными союзниками марксистов.

В октябре 1934 г. ПБЛ приняла «Резолюцию о текущей ситуации и наших задачах», в которой предложила союз с «Молодой Кубой», которую троцкисты считали радикальным крылом националистической мелкой буржуазии, выступавшем с программой антиимпериалистической и революционной программой³⁰⁶. ПБЛ пошла на союз с «Молодой Кубой», радикализм которой очень импонировал троцкистам. Это обстоятельство, то есть союз с троцкистами, стало препятствием для союза компартии и «Молодой Кубы». Лидер компартии Блас Рока писал в Карибское бюро Коминтерна: «Мы должны усилить нашу борьбу с Гитерасом и гитеризмом, более чем мы это делали до этого. Мы знаем о союзе между троцкистами и Гитерасом, и что Гитерас заявил, что «подлинные коммунисты на Кубе – это троцкисты». Наше политбюро решило, разоблачая этот союз, использовать всю профсоюзную прессу и открыть идеологический

³⁰⁵ История Латинской Америки. 1918-1945. М.: Наука, 1999. С. 108-109.

³⁰⁶ Soler Martínez R. Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000. P. 19.

огонь против гитеризма»³⁰⁷.

Часть членов ПБЛ выбирала тактику энтризма, то есть вхождения в мелкобуржуазные революционные партии для влияния на них изнутри. Наиболее логичной целью энтризма представлялась «Молодая Куба». К гитеристам присоединялись не только рядовые члены, но и руководители партии, как например, Сандалио Хунко. При этом связи с ПБЛ они не прерывали, но лишь способствовали разрушению дисциплины и демократического централизма партии. ЦК ПБЛ признавал: «Организационная концепция партии всегда оставалась нечеткой для руководства, несмотря на принципы, заявленные в уставе партии»³⁰⁸. Все эти проблемы создавали предпосылки ослабления, а затем и исчезновения самой партии.

Предполагалось совместно с гитеристами создавать Революционные хунты на местах, в небольших посёлках и в сахарных центрах, как прообраз советов. Эти Хунты по идее троцкистов будут зародышем органов завоевания народной власти, то есть советов рабочих, крестьян и солдат³⁰⁹. Но ещё до этого решения партийные организации по всей стране уже сотрудничали с «Молодой Кубой». ПБЛ предполагала со временем превратить «Молодую Кубу» в часть своей партии, завоевав идеологически и политически её членов. На деле произошло ровно наоборот.

Американский троцкист А. Маст, являвшийся делегатом при ПБЛ на Кубе, предупреждал об опасностях слишком тесного сотрудничества с гитеристами и ставки на их путчистские планы, что могло привести к потере влияния среди рабочих³¹⁰. Коммунисты обвиняли троцкистов, что они, пользуясь своим влиянием в рабочих массах, пытаются поставить все профсоюзы страны под контроль «Молодой Кубы», то есть мелкой буржуазии³¹¹. В феврале 1935 г. был проведён чрезвычайный пленум ЦК партии, на котором был смещён генеральный секретарь ПБЛ Маркос Гарсия Вильярреаль, а его место занял рабочий лидер

³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 106. Л. 31.

³⁰⁸ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 274.

³⁰⁹ Soler Martínez R. El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. No. 15. Julio-diciembre, 1997. P. 285.

³¹⁰ Coggiola O. Historia del trotskismo en Argentina y América Latina. Buenos Aires: Ryr, 2006. P. 410.

³¹¹ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 17, д. 6. Л. 8.

Гастон Медина.

В начале 1935 г. Хунко совместно с другими оппозиционными политиками создали Комитет пролетарской защиты (Comité de Defensa Proletaria – CDP) для мобилизации всех сил в защиту арестованных рабочих порта, которым грозила смертная казнь. Первоначально коммунисты враждебно восприняли эту инициативу, но затем признали свою ошибку, и на заседании Политбюро от 18 февраля 1935 г. решили совместно работать с CDP. Блас Рока на этом заседании заявил: мы знаем, что Хунко работает против нас, но мы не будем настаивать на его уходе из CDP, с Хунко ушла бы и Рабочая федерация Гаваны³¹².

Инициаторы CDP стали говорить о том, чтобы превратить его в общенациональный профцентр. Компартия воспротивилась этому, так как опасалась за влияние КНОК. Коммунисты боялись, что троцкисты смогут либо вытеснить их из CDP, либо довести до запрета этих комитетов правительством, и тогда им будет легче работать с массами помимо коммунистов³¹³.

В марте 1935 г. троцкисты и «Молодая Куба» организовали всеобщую забастовку против диктатуры Батисты. Троцкисты рассчитывали, что она перерастёт в вооружённое восстание, которое приведёт к власти их союз с гитеристами. Компартия также призвала к забастовке, но отказалась войти в единый забастовочный комитет. В воззвании, подписанном Бласом Рокой, компартия заявляла, что не готовит восстание, но забастовка может привести к мобилизации масс, к разоружению полиции и военных, а правительство может быть свергнуто военными. Коммунисты утверждали, что забастовка не может привести к свержению диктатуры Батисты, но может создать условия для нового военного переворота. Компартия призвала этим воспользоваться, создавая народные органы власти на местах, в чем был отблеск бывшего лозунга создания советов³¹⁴. Коммунисты опасались в случае успеха забастовки оказаться вне круга победителей.

12 марта 1935 г. забастовка стала всеобщей, в ней участвовали до 700 тысяч человек. Правительство объявило осадное положение, мобилизовало вооруженные силы. Забастовка была подавлена, хотя это был момент, когда смогли действовать вместе КП, ПБЛ, «Молодая Куба», сторонники Грау Сан-Мартина.

³¹² РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 124. Л. 1-3.

³¹³ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 124. Л. 5.

³¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495, оп. 105, д. 128. Л. 16.

Начался период жестоких репрессий. 8 мая 1935 г. военные убили Антонио Гитераса³¹⁵.

После поражений и наступления реакции из-за репрессий правительства ПБЛ вступила в полосу затяжного внутреннего кризиса и упадка. Помимо правительства коммунисты из сталинской компартии также прибегали к насилию против ПБЛ. 27 августа 1934 г. вооружённые коммунисты напали на помещение одного из отделений троцкистской Рабочей федерации. В результате один человек был убит и двое ранены.

Внутри троцкистского движения определились два течения, которые олицетворялись двумя главными лидерами, Сандалио Хунко и Хуаном Р. Бреа. Первый вёл своих сторонников к союзу и даже к слиянию с революционерами из «Молодой Кубы». Сандалио Хунко и рабочий руководитель из Гуантанамо Густаво Фрага вступили в «Молодую Кубу»³¹⁶. По сути, они выразили те настроения, которые преобладали в ОСИ в первый период ее существования, особенно ярко проявлявшееся в Гуантанамо, где члены ПБЛ предпочитали видеть в партии более широкое объединение, нежели могли предложить троцкистские доктринеры. Второе направление в троцкизме, к которому примыкал Бреа, выступало за укрепление самостоятельной партии.

Один из главных лидеров ПБЛ Сандалио Хунко эмигрировал в Мексику, где тогда уже находился Троцкий. Принял тактику «энтризма», вступил в АПРА, а по возвращении на Кубу в партию аутентиков Грау Сан-Мартина, возглавив рабочее крыло этой партии. Часть ПБЛ поддержало эту линию и в 1940 г. даже охарактеризовало партию аутентиков как «подлинное движение народных масс». Сандалио Хунко был застрелен коммунистом 9 мая 1942 г. во время поминального митинга в годовщину убийства А. Гитераса. Один из руководителей ПБЛ, также вступивший в своё время в «Молодую Кубу», в 1940 г. из ее остатков сформировал так называемый студенческий Международный революционный союз, в котором начал свою политическую деятельность молодой Фидель Кастро³¹⁷.

³¹⁵ Слэзкин Л.Ю. История Кубинской республики. С. 250-251.

³¹⁶ Тогда же в «Молодую Кубу» вступил рабочий лидер из ПБЛ Эусебио Мухаль, печально знаменитый тем, что был главным профсоюзным бюрократом и символом антирабочей политики в период диктатуры Батисты в 50-е годы.

³¹⁷ Coggiola O. Historia del trotskismo en Argentina y América Latina. P. 411.

Другой выдающийся деятель ПБЛ Хуан Рамон Бреа покинул Кубу в 1936 г., отправившись воевать в Испанию, где он вступил в отряды троцкистской ПОУМ. После возвращения на Кубу он присоединился к тем товарищам ПБЛ, которые 19 сентября 1940 г. преобразовали её в Рабочую революционную партию (Partido Obrero Revolucionario – POR, ПОР), секцию IV Интернационала. Эта партия имела сильные позиции на востоке страны, в Сантьяго-де-Куба и в Гуантанамо. Бреа умер в 1941 г. Помимо Бреа во главе новой ПОР стоял Пабло Диас, в будущем один из участников экспедиции Гранмы во главе с Фиделем Кастро. Пабло Диас в период с 1941-1945 гг. руководил троцкистской газетой, органом ПОР «La revolución proletaria». Многие его члены (Идальберто Феррера Акоста, Хуан Акоста, Лусиано Гарсия, Гуарина Рамирес, Хуан Леон Феррера, Рикардо и Идальберто Феррера) в 50-е годы влились в «Движение 26 июля»³¹⁸.

Кубинцы повторили тот же сценарий развития первого поколения троцкистского движения победный другим странам Латинской Америки, когда с рамкахлевой оппозиции объединились различные нонконформистские течения в коммунизме и социализме. Так, в Чили идальгисты перешли в ряды Социалистической партии Чили, а троцкистские доктринёры создали свою микропартию. В Боливии, где менее твердые марксисты-ленинцы создали «поликлассовую» и по сути реформистскую Социалистическую рабочую партию во главе с Тристаном Марофом, а обреристы создали новую троцкистскую Рабочую революционную партию во главе с Гильермо Лорой.

Библиография

- Беловолов Ю.Г.* Рабочее движение на Кубе (1933-1952 гг.). Донецк: Кассиопея, 1999.
- Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- История Латинской Америки. 1918-1945. М.: Наука, 1999.
- Слэзкин Л.Ю.* История Кубинской республики. М.: Наука, 1966.
- Троцкий против Сталина. Эмигрантский архив Троцкого, 1933-1936. Ред. Ю. Фельштинскийю М.: Центрполиграф, 2015.

³¹⁸ Eric Toussaint Los trotskystas cubanos de los años 1930 a 1959. Revolucionarios “olvidados” de la historia // Rebelión. 25.07.2013. (<http://www.rebellion.org/noticia.php?id=171671>)

- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением // Латиноамериканский исторический альманах. №16. 2016. С. 232-261.
- Янчук И.И.* Вторая конференция коммунистических партий Латинской Америки, Москва, 2-10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. No.6. 2005.
- Coggiola O.* Historia del trotskismo en Argentina y América Latina. Buenos Aires: Ryr, 2006.
- Toussaint E.* Los trotskistas cubanos de los años 1930 a 1959. Revolucionarios "olvidados" de la historia // Rebelión. 25.07.2013.
- Méndez Miossen S.* El trotskismo cubano en la revolución de 1933 // Pacarina del Sur. No. 23. Abril-junio. 2015.
- Roa R.* Retorno a la alborada. T.1. Las Villas, 1964.
- Soler Martínez R.* Cuba: comunismo y trotskismo en la revolución del 30 // LASA 2000, XXII Congreso Internacional de la Asociación de Estudios Latinoamericanos, Miami, 16-18 de marzo, 2000.
- Soler Martínez R.* El Partido Bolchevique Leninista cubano // Estudios de Historia Social y Económica de América. Madrid. No. 15. Julio-diciembre, 19

*Л.С. Окунева*³¹⁹
L.S. Okuneva

БЫЛ ЛИ ФАШИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

**О НЕКОТОРЫХ МАЛОИССЛЕДОВАННЫХ И СПОРНЫХ ГРАНЯХ
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ 1930-1940-Х ГГ.**

³¹⁹ Людмила Семеновна Окунева – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. (Liudmila Okuneva – Dr. In history, profesor of the MGIMO, investigator of the Institute of Latin America RAS)

WAS THERE FASCISM IN LATIN AMERICA?

ON SOME CONTROVERSIAL FACETS OF THE LATIN AMERICAN HISTORY OF THE 1930-1940-IES

Аннотация: В статье дана характеристика международного исследовательского проекта «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность», ч. I и II; «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность», ч. III. Особое внимание уделено анализу постановки вопроса в латиноамериканской историографии о возможности/невозможности выделять латиноамериканские разновидности фашизма (на примере Бразилии и Мексики).

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, Мексика, фашизм, правый радикализм, Варгас, интегрализм, Карденас.

Abstract: The article deals with the description of the international research project “Fascism and Right-Wing Radicalism in Europe and America: Past and Present”, Pts. I-II; “Fascism and Right-Wing Radicalism in the West and in the East: Past and Present”, Pt. III. Particular attention is paid to analysis of the positions of the Latin American historiography about the possibility/impossibility to distinguish Latin American varieties of fascism (Brazil and Mexico case studies).

Keywords: Latin America, Brazil, Mexico, fascism, right-wing radicalism, Vargas, integralism, Cárdenas.

ЧТО ЭТО ЗА ПРОЕКТ?

Хотелось бы привлечь внимание историков-латиноамериканистов к появившемуся в недавнее время интересному и необычному изданию, которое, по мере своего «проникновения» в ряды специалистов, может стать событием, обогащающим отечественную историческую науку. Речь идет о международном исследовательском проекте «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность» и «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и

современность». Статьи, составляющие его суть, были опубликованы в трех выпусках московско-воронежского журнала «Берегиня. 777. Сова» в 2014-2016 гг.³²⁰

Организаторы издания во главе с руководителем редколлегии, крупнейшим российским исследователем данной тематики А.А. Галкиным, сумели соединить на страницах проекта наиболее крупных российских и зарубежных ученых – историков, специалистов по широкому спектру вопросов, связанных с изучением как истории фашизма и правого радикализма в различных странах, так и современного состояния этой проблематики. Даже одни только «количественные данные» говорят о многом. В общей сложности удалось привлечь 15 российских ученых и 64 иностранных исследователя из 17 стран. Над переводом трудились 11 переводчиков, некоторые из них, будучи специалистами по соответствующим странам, стали и авторами ряда статей. В публикации представлены 12 статей по общим, основополагающим проблемам фашизма и правого радикализма, а также рассмотрена данная проблематика на материале 33 стран, в том числе двух регионов (Восточная Европа и Латинская Америка). Основные «болевые точки» многочисленных дискуссий, идущих в современной историографии фашизма, обрисованы во Введении и Заключение, в основополагающей статье А.А.Галкина, в историографических обзорах А.А.Богдашкина, Л.С.Окуновой, Е.Д.Строгановой.

В силу этого не будет преувеличением сказать, что представленный вниманию специалистов исследовательский проект и по географическому охвату, и по широте рассматриваемой проблематики, является подлинной *энциклопедией* фашизма и правого радикализма – как концептуальных основ этих феноменов, так и политических практик режимов данной направленности в соответствующих странах и регионах. Издание подобного рода предпринято в России впервые, и в этом смысле его публикация представляется чрезвычайно полезной: в данном проекте собрались

³²⁰ Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Части I-II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунова (зам. отв. ред.) и др. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014, №4 (23); 2015, № 3(26); Часть III. Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность. Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунова. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016, №4(31).

не только отечественные историки, политологи, специалисты по данной проблематике, представившие свои разработки, но и ведущие зарубежные авторы; в силу этого издание позволяет обогатить наши знания, знакомит специалистов и всех интересующихся данной проблематикой с новейшей зарубежной историографией – ее новыми подходами, течениями, направлениями и идеями.

Неоспорима, как представляется, научная и политическая своевременность данного проекта. Конечно, всем нам хотелось бы обсуждать предлагаемую тематику в чисто историческом ключе – как явление, давно отошедшее в прошлое. Но, к сожалению, проблематика фашизма не только не принадлежит прошлым временам, но и обладает острой актуальностью. Нет необходимости перечислять все те феномены, которые способствуют реанимации фашизма и которые формируются на наших глазах, – феномены, связанные с переформатированием международных отношений и тех традиционных форматов, которые сложились за последние десятилетия. Но об одной из причин «второго пришествия» фашизма (в виде неофашизма, в виде печально знакомых лозунгов и призывов, в виде поднимающих голову правых) хотелось бы сказать подробнее. Речь идет об охватившем мир системном и многостороннем кризисе, грозящем ревизией или даже распадом основополагающих основ современной цивилизации.

Современный мир переживает критическую фазу своей истории: на наших глазах многочисленные и множась локальные конфликты перерастают в крупномасштабные войны, миграционные волны грозят переформатировать политический ландшафт и «цивилизационное лицо» Европы. Налицо кризис всего и вся: экономики, политики, международных отношений, сложившегося мироустройства, ценностей, культуры. На мировой арене наблюдается явно нарастающее поправение политической жизни, прежде всего в плане роста и увеличения влияния правых партий в Европе, усиления правого популизма. Подобного рода состояние всеобъемлющего кризиса таит в себе немалую опасность: ведь именно обстановка всеобщего кризиса, перелома, слома прежних и пока не просматривающихся ростков новых социальных и политических установлений, отсутствие ясного видения путей выхода из сложившейся ситуации, сил, способных приблизить этот выход, – именно эти феномены, как хорошо известно из истории фашизма и как четко показано в статьях

проекта, и являются питательной средой для возрождения «фантомов прошлого», казалось бы, похороненных самой историей.

В начале января 2016 г. мюнхенский Институт современной истории, который занимается изучением нацизма, выпустил – в связи с истечением в 2015 г. 70-летнего срока действия авторских прав, принадлежавших правительству Баварии после смерти Гитлера, – первое в Германии со времен окончания Второй мировой войны издание «Майн кампф». И хотя оно снабжено многотысячными научными комментариями, призванными развенчать расистскую и нацистскую идеологию, сам факт его публикации вызывает немалую и весьма оправданную тревогу и озабоченность возможными объективными последствиями «вброса» этого, пусть и научно «препарированного», «произведения» в сотрясаемую под наплывом мигрантов Европу, в порожденную этим наплывом атмосферу возрождения ксенофобии, неонацизма и правого радикализма. Стало известно о готовящихся переводах этой книги на английский и французский языки, а также о переиздании этой книги в Турции еще в 2005 г. Подобные попытки предложить миру «перечитывание пройденного» далеко не случайны. Более того, оно может пасть на весьма благоприятную для этого политическую и идеологическую почву.

Таковы лишь некоторые обстоятельства явной актуальности и необходимости нового осмысления старых проблем. И в этом смысле проект также имеет большое научное значение. Его ценность заключается, на наш взгляд, в том числе и в том, что опубликованные в его рамках статьи не дают готовых и окончательных ответов на сложнейшие вопросы, а побуждают ко многим размышлениям и концептуальным поискам, способствуют научным дискуссиям.

Можно ли говорить о латиноамериканских разновидностях фашизма?

Еще один из важных в научном, да и политическом отношении вопросов, на котором заострено внимание в работах российских и зарубежных авторов, – различия между фашизмом и другими правыми движениями, а также различия между многообразными типами/видами самого фашизма. Особенно выпукло этот водораздел показан в статьях нашего проекта, посвященных Восточной Европе и Латинской Америке. Здесь в 1930-е–1940-е годы не было режимов, которые напрямую «дублировали» бы

«классические» образцы в виде итальянского фашизма или германского нацизма. Будучи по своей природе правоавторитарными диктатурами, они были «прото»- или «квази»-фашистскими, тяготели – в большей или меньшей степени – к воспроизведению символики, фразеологии, других внешних атрибутов фашизма, симпатизировали ему, могли даже (как в случае Варгаса в Бразилии) строить по «образу и подобию» фашизма свой репрессивный или пропагандистский аппарат, но не превращались в фашистов, как указывает известный бразильский историк и политолог Жоау Фабиу Бертонья, лишь только по *этой* причине³²¹, не были наполнены четко выраженным фашистским содержанием.

Обратимся к латиноамериканскому случаю, подробно рассмотренному Бертоньей. Он справедливо указывает, что «сам термин «фашистский» стал очень широким и нечетким – до такой степени, что им можно окрестить почти все». А в случае Латинской Америки его употребление стало неоправданно расширительным, когда в него подчас включают «и различные военные режимы 1960-1970-х гг., и перонизм в Аргентине, и режим Варгаса в Бразилии, и перуанскую АПРА, и многое другое. Это не только было бы ошибочно с точки зрения терминологии, но и сделало бы любой сравнительный анализ неправомерным и, в конечном счёте, невозможным». Поэтому более правомерно, говоря о собственно фашизме, рассматривать именно межвоенный период, поскольку «в послевоенный период правые, фашистские движения (и далеко не только в Латинской Америке) оказались вынуждены во многом модифицироваться, став неофашизмом, или *постфашизмом*»³²².

Бертонья предлагает интересный подход к теоретическому обоснованию самого понятия «фашизм». Традиционно фашизм определяли как консервативное (в целях борьбы с прогрессом в лице социалистической революции) или реакционное движение (при этом «реакционный» понимался как синоним консерватизма). Важной чертой фашизма является воспевание традиций и

³²¹ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Бергиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 212-213.

³²² Там же. С. 211.

национальных корней: ностальгию по прошлому испытывали все разновидности фашизма, воспевавшие «великую славу прошедших веков» и выступавшие против либерализма и его следствия в виде «аморальной городской жизни, потери гордости за свою расу». Но на деле фашизм использовал «традицию» иначе: для определения границ «своих» и «чужих», для мобилизации масс во имя воплощения модерности как политического проекта, но не для призывов к возврату в прошлое. Вместо этого он «предлагает революцию, “движение вперед” к такому обществу, в котором важные для правых ценности были бы сохранены и даже приумножены, и были бы в еще большей степени привязаны к модерности и особенно к новому современному массовому обществу. Т.е. фашизм выступает не как исключительно реакционный или исключительно консервативный, а как связанный с обеими этими характеристиками и идеологическим родством, и политическим сосуществованием. Особенно это проявилось в эпоху крупных социально-политических выступлений межвоенного периода»³²³.

Таким образом, налицо крайняя сложность и даже запутанность связей между различными праворадикальными группировками и движениями, которые могли заимствовать друг у друга различные концепции или элементы идеологии, но при этом не становиться «чисто фашистскими». «Иногда солидарность перед лицом общего врага становилась выше имевшихся различий, а в других случаях, наоборот, соперничество в борьбе за власть разводило прежних союзников по разные стороны. В этом смысле хорошим примером служит случай Испании: это были одновременно и близость, и расхождения. Таким образом, данный вариант не является исключительно латиноамериканским, но он во многом объясняет содержание политической борьбы именно в Латинской Америке в тот период»³²⁴.

Во всех странах Латинской Америки были слышны отголоски европейского фашизма, который получил особые каналы для своего распространения в лице крупных общин немецких, итальянских, португальских и испанских иммигрантов, связанных с фашистскими партиями стран их происхождения. «Этому процессу способствовали и культурные и языковые связи прежде всего со странами Пиренейского полуострова, с Францией и Италией;

³²³ Там же. С. 211-212.

³²⁴ Там же. С. 213.

данная культурно-лингвистическая близость создавала ситуацию, при которой на латиноамериканский континент идеи фашизма проникали легче, чем, например, на Ближний Восток или в Китай»³²⁵. В латиноамериканских странах активно распространялись итальянские фашистские организации, «заграничные отделения НСДАП» (особенно на юге Бразилии и в регионе Ла-Платы, но и в целом по континенту), через печатные издания и информацию усиливалась пропаганда, нарастали стремления склонить на свою сторону иммигрантские общины, установить связи с местными фашистскими группировками; шла и финансовая помощь. Активную пропаганду, основанную на идеалах испанизма и идеях союза испаноязычных народов, вела испанская Фаланга; активно действовала обращённая к огромной португальской общине Бразилии пропаганда салазаровской Португалии. «Одновременно с этим большинству латиноамериканских фашистских движений не нравились обостренный германский расизм и агрессивный империализм»³²⁶.

Но главная причина известного отторжения фашистской идеологии (при всех имевшихся симпатиях) заключалась в разном понимании такого ключевого для фашизма концепта, как национализм. Для пояснения этого вопроса необходимо сделать отступление.

В латиноамериканском политическом дискурсе под «национализмом» понимается идеология либо политический курс, направленный на достижение общенациональных целей, на реализацию центральных задач национального развития. Такое значение это понятие получило в силу особенностей исторического развития латиноамериканских стран, которые, освободившись от колониальной зависимости и став самостоятельными государствами в первой трети XIX в., на рубеже XIX-XX вв. попали в сильную экономическую зависимость от иностранного (конкретно – британского, а затем американского) капитала и на протяжении почти целого столетия развивались по модели так называемого «зависимого капитализма». Появившиеся в 1930-е гг. националистические, а на этой базе в 1950-е–1960-е гг. – национал-реформистские модели развития были призваны обосновать возможность противостояния внешним влияниям и были направлены на выработку собственного национального проекта.

³²⁵ Там же. С. 223.

³²⁶ Там же. С. 213-215.

Термины «национализм» или «националистический» в данном контексте не являлись синонимами шовинизма, характерного для германского нацизма расизма и идей превосходства одной нации над другой. Национализм в его латиноамериканском прочтении не имел и не имеет ничего общего с политикой межнациональной розни, в целом с проблемами межнациональных отношений.

Другое дело – противоречивые последствия противостояния местной буржуазии и иностранного капитала – ее главного врага того времени. Стремление складывавшейся в 1930-е–1940-е гг. латиноамериканской национальной буржуазии воспротивиться проникновению британского, а затем и американского капитала, вырабатывавшиеся ею национализм реформистской ориентации и антиимпериализм парадоксальным образом могли сочетаться с профашистскими настроениями, когда в нацистской Германии она подчас усматривала «противовес империализму США и Великобритании», а в фашистской идеологии видела «сплывающее нацию начало в борьбе с западным империализмом и раскалывающим нацию классовым антагонизмом»³²⁷. Вместе с тем Бертонья справедливо указывает, что латиноамериканские страны «лишь в отдельных случаях нацистскую гегемонию предпочитали американской»³²⁸.

Бертонья формулирует важнейшее, на наш взгляд, положение, задающее определенный угол зрения, оптику, с позиций которой следует рассматривать политические аспекты межвоенного периода в Латинской Америке: на континенте в 1930-е гг. имел место «*период диктатур, режимов «жесткой руки», но не эпоха фашизма, как в Европе* (курсив наш.– Л.О.). Латиноамериканская политическая панорама того периода была весьма пестрой, и диапазон режимов различных оттенков и политических ориентаций был достаточно широк. В наименее развитых странах континента (Центральная Америка, карибские страны, Боливия, Венесуэла) господствовали традиционалистские диктатуры олигархического толка либо обычные военные диктатуры (и даже их открыто террористический характер или симпатии к Муссолини не делали их автоматически фашистскими). В Уругвае, Аргентине (до Перона), Перу у власти находились разномастные диктаторы, опиравшиеся на местные элиты и на армию, но не собиравшиеся

³²⁷ Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 2008. С. 116.

³²⁸ Бертонья Ж.Ф. Указ. соч. С. 213.

делить власть с правыми радикалами. В Колумбии, Коста-Рике вообще не было диктатур – там правили демократические режимы (хотя и при сильном влиянии армии). Латиноамериканские политические элиты не собирались уступать власть «радикальным правым или каким-то иным альтернативным группам, которые, впрочем, не сумели захватить власть даже в тех странах, где у них имелись обширная опора в народных слоях и политическое представительство. Тем самым выбор в пользу фашизма так и остался «в резерве» и не пригодился ни в одной стране»³²⁹.

Важным моментом, объясняющим слабость латиноамериканского фашизма, является, по Бертонье, и то, что здесь не было такого сугубо европейского феномена, как «ветераны Первой мировой войны», а мировой экономический кризис 1929 г. ударил по странам континента с меньшей силой, чем по Европе. Затрудняли распространение фашистских идей на континенте и такие аспекты его идеологии, как расизм и антисемитизм: ведь латиноамериканское общество носит метисный характер, в нем мало евреев. Это, в частности, также объясняет тот факт, почему нацистский вариант фашизма был гораздо менее популярен в Латинской Америке, чем итальянский, испанский или португальский³³⁰.

Бертонья дает интересный ретроспективный обзор латиноамериканского «политического пейзажа» того времени. Так, диктаторы, подобные Трухильо в Доминиканской Республике, клан Дювалье на Гаити, Сомоса в Никарагуа или Батиста на Кубе, могли создавать кровавые режимы, восхищаться Муссолини, Франко, но все это еще не делало их фашистами и не превращало их в безусловных союзников фашизма. А генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес в Сальвадоре (1931-1944 гг.), хотя и симпатизировал странам «оси», но под давлением США присоединился к антигитлеровской коалиции и прекратил деятельность немецких и итальянских организаций. Весьма немногочисленными были фашистские организации в Венесуэле и Эквадоре, слабы они были в Боливии; в Колумбии фашистское движение возникло на базе Консервативной партии, симпатизировало, помимо Гитлера и Муссолини, идеологу французского праворадикального профашистского движения «Аксьон франсез» Ш.Моррасу, испанской Фаланге, но затем ушло

³²⁹ Там же. С. 219.

³³⁰ Там же. С. 219.

в недра консерваторов. Небольшие фашистские группировки имелись в Перу (два их главных идеолога – Хосе Рива Агерро и Рауль Ферреро Рибальяти); в Мексике синархизм был скорее формой католической реакции, а не фашизмом. Если же говорить о численности всех этих движений, то она не превышала нескольких сотен членов³³¹.

Если же обратиться к ситуации в странах Южного конуса, то она была особой. В Уругвае и Парагвае имелись ограниченные отголоски итальянского и немецкого фашизма. Чилийское «Национал-социалистическое движение» было более активным, приобретя «определенное политическое представительство в обществе» (хотя и не смогло установить связи с другими праворадикальными группировками), но и здесь «они не сумели завоевать власть, а после предпринятой ими попытки государственного переворота в 1938 г. партия была официально запрещена»³³².

На этом фоне ближе всего к итало-германской модели фашизма подошли режимы наиболее развитых латиноамериканских стран – Х.Д. Перона в Аргентине и Ж. Варгаса в Бразилии.

Аргентина, по мысли Бертоны, являет собой яркий пример не собственно фашизма, а как раз *размытости* границы между фашизмом и авторитаризмом. Сильные профашистские симпатии Перона, убежище, которое нашли именно в Аргентине многие нацистские военные преступники, – все это создало обманчивое впечатление «фашистского характера» перонистского правления. Однако для того чтобы «дотянуть» до фашизма, Перону «не хватало основополагающего идеала, традиционных для правых ценностей и использования партии для мобилизации народных масс во имя идеологии, а не как обычного подручного инструмента лидера». Аргентинские военные, церковь, олигархия находились «под сильнейшим влиянием фашизма», однако «сами фашистские движения были относительно немногочисленными». А местные «националистические лиги», испытывавшие симпатии к французской, итальянской или самой германской разновидностям фашизма, были в большей степени движениями реакционными или праворадикальными, чем фашистскими». Самого Перона «можно классифицировать скорее как популиста, чем как фашиста, хотя

³³¹ Там же. С. 215-216.

³³² Там же. С. 216.

по этому вопросу продолжают идти острые споры»³³³ (курсив наш. – Л.О.).

И все же случай Аргентины не столь однозначен. Как видно даже из приведенного выше перечисления различных факторов, он полон всяческих полутонов, многочисленных «за» и «против» существования здесь фашизма. Бертонья подчеркивает, что, «хотя в Аргентине в те годы организованного фашизма не было, представляется, что здесь культура фашизма была значительно более популярной и распространённой, чем в других странах. Фашистский идеал, быть может, не институционализировался здесь в весомых фашистских партиях и движениях, но он был распространен среди других правых группировок и в обществе в целом»; «его влияние могло быть рассеянным, не прямым, но по-своему значимым» (хотя и недостаточным «для определения Аргентины как фашистской страны в полном смысле слова»)³³⁴.

Но ближе всего к «организованному», по выражению Бертоньи, типу фашизма подошла Бразилия. На этом вопросе мы остановимся особо.

А что же было в Бразилии?

Бразилия, вне всякого сомнения, представляет собой уникальный (даже на фоне необычности всей Латинской Америки) случай переплетения полутонов, всевозможных *pro* и *contra*, переходных типов и вариаций. Здесь, как ни в каком другом случае, более чем уместны выражения типа «с одной стороны...», «с другой стороны...». Здесь нет ничего однозначного и определенного, и вместе с тем отделить «зерна от плевел» вполне возможно. Тем и интересен анализ «бразильского случая».

Бертонья вполне правомерно, на наш взгляд, определяет «Новое государство» Ж.Варгаса (1937-1945 гг.) не как фашистское, а как консервативную диктатуру с модернизационной проекцией³³⁵. Вместе с тем он указывает на острые споры в бразильской историографии по этим вопросам. И главное: говоря о наличии либо отсутствии здесь фашизма, первым делом обращаются не к фактору симпатий тогдашней бразильской политической элиты к Гитлеру, Муссолини или Салазару (они, несомненно, были, но

³³³ Там же. С. 216-217.

³³⁴ Там же. С. 217.

³³⁵ Там же. С. 217.

здесь Бразилия не привносит ничего нового по сравнению с общелатиноамериканской картиной), а к характеру и *типажу* партии (или движения) «Бразильское интегралистское действие» (БИД).

Преобладающая точка зрения среди бразильских историков, пишет Бертонья, – характеристика БИД как «фашистского», как «крупнейшей внеевропейской фашистской партии»; это и является их главным аргументом «в пользу утверждения о близости Бразилии к фашизму»³³⁶.

На чем же основаны подобные оценки? И был ли фашистским, задается вопросом Бертонья, сам режим Варгаса? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть БИД – партию, созданную Плиниу Салгаду в 1932 г., как уникальное для Латинской Америки политическое образование и идеологическое течение, несомненно, выходящее за рамки имеющихся «образцов», о чем свидетельствовали его общие характеристики, а также идеология, социальная база, международные связи.

Интегрализм, как и подобные ему течения и движения, имел связи и с нацизмом, и – в большей степени – с итальянским фашизмом, и с фашистскими и правыми движениями Португалии (лузитанский интегрализм), и с французской «Action Française», испытывая их идеологическое влияние, но по целому ряду бразильских проблем (республика или монархия, консервативный католицизм или его отрицание) их позиции не совпадали³³⁷. Однако главное состояло в том, что «БИД ни в коей мере не был ни подражанием им, ни “продуктом импорта”». Массовую базу БИД составляли как выходцы из семей иммигрантов, так и часть городского среднего класса, интеллектуалов, а также определенная часть рабочих и негров; их число приближалось к сотням тысяч³³⁸.

Помимо этого, БИД был близок к завоеванию власти в Бразилии: он участвовал в государственном перевороте Варгаса, приведшем к образованию в 1937 г. «Нового государства». И хотя

³³⁶ Там же. С. 217.

³³⁷ Там же. С. 217. См. также: Бертонья Ж.Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 247.

³³⁸ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 217; его же. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке. С. 247.

эта попытка оказалась неудачной – впоследствии движение было исключено из состава правящего блока, а после предпринятой им в 1938 г. попытки государственного переворота было официально запрещено Варгасом, при этом лидер движения Плиниу Салгаду был отправлен в изгнание в Португалию; после 1945 г. его последователи перегруппировали свои силы, но уже не играли никакой значительной роли³³⁹, – сам факт стремления «прорваться к власти» был весьма показательным и свидетельствовал об определенной силе движения.

Каковы же были концептуальные основы БИД, все же позволяющие отнести его к фашистским организациям? На эти вопросы отвечает в своей статье другой бразильский автор проекта – Маркус Сезар ди Фрейтас.

С одной стороны, отмечает он, это были неизбежные в тот период заимствования из общей платформы европейского фашизма – превознесение силы, расовые предрассудки, преклонение перед военной дисциплиной, установление абсолютного политического контроля над обществом со стороны единственной партии путем создания сложных бюрократических структур и самое главное – авторитет и культ «верховного лидера». Ввиду подобного пристрастия к иерархии интегрализм, подобно всем фашистским партиям, создал вокруг себя многочисленные формирования резервистов и ополченцев, у некоторых из которых была даже собственная военная форма. Как и подобные течения во многих других странах, интегрализм был массовым движением. Поэтому и в Бразилии были разработаны стратегии и символика народной мобилизации. Для обращения к массам использовались различные пропагандистские ресурсы, которые делали упор на роли каждого отдельного человека в создании сильного государства³⁴⁰. «Интегрализм воспроизводил на бразильской почве представления о необходимости сильного государства и борьбы с “врагами нации”. “Вождь”, “великий лидер” бросал в толпу идеи о том, что нацию разрушает как либеральный индивидуализм, так и

³³⁹ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 217.

³⁴⁰ Фрейтас М.С. ди. Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932-1938 гг.) // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 229.

вызванное социальными кризисами распространение среди трудящихся идей социализма; таким образом, либералы и коммунисты рассматривались как два «врага государства». Но вождь нации действовал не сам по себе: он воплощал в себе Государство, символизировавшее, в свою очередь, всеобщую волю. Отсюда любое решение вождя подлежало не осмыслению, а немедленному исполнению: это была «реализация общих устремлений нации», а отказ от подчинения означал немедленное превращение во «врага нации и государства»³⁴¹.

Подобно многим другим формам фашизма, считает Фрейтас, интегрализм не отрицал свойственный капитализму социально-экономический уклад, но одновременно парадоксальным образом позиционировал себя как антикапиталистическую силу. Политическая платформа интегралистов – и в этом просматривались подспудные ссылки на режим Муссолини в Италии – восхваляла высокую мораль бедняков и критиковала расточительную аморальность богачей³⁴².

И даже к центральному для «классического фашизма» понятию национализма интегрализм подошел ближе, чем остальные его разновидности. «Национальная реконструкция» в понимании интегралистов «зиждилась на мифической идее унификации, апелляции к сглаживанию различий между разными интересами, приведению их к единому общему знаменателю; они встали в неприкрытую оппозицию к идее классовой борьбы. Нация в их понимании представала в качестве некоей сущности, возвышающейся над частными интересами и не допускающей даже мысли о существовании социальных классов. Речь можно было вести только о существовании «тела нации»». Нация представала как символ того, чего жаждали фашистские государства: всеохватное, тотальное государство, где все было бы унифицировано и развивалось бы в едином направлении. Таким образом, они стремились именно к созданию тоталитарного государства, в котором господствовал бы абсолютному контролю над личностью, при этом людей убеждали, что они должны почувствовать себя составной частью общей для всех властной силы, защищать общее дело, противостоять общим врагам³⁴³.

Как и многие иные виды фашизма, бразильский фашизм

³⁴¹ Там же. С. 229.

³⁴² Там же. С. 229.

³⁴³ Там же. С. 229.

отстаивал принцип профессиональных корпораций – основы корпоративного государства, в котором трудящиеся были бы организованы в соответствии со своей профессией, что, по мысли интегралистов, должно было бы избавить общество от классовой борьбы, т.к. каждая социальная группа будет заботиться исключительно о собственных интересах. Помимо этого, корпоративизм облегчал контроль над людьми, обеспечивал внутреннее сплочение нации с целью противостояния внешним врагам, а уровень политизации рабочих организаций при этом серьезно снижался, т.к. каждая социальная группа требовала удовлетворения только тех интересов, которые относились к ее сфере деятельности. Политическая деятельность перестала быть борьбой за интересы всего народа, политика мыслилась теперь лишь как механизм регулирования вопросов оплаты труда³⁴⁴.

Таким образом, полагает Фрейтас, в Бразилии 1930-х гг. циркулировал тот же набор концепций, который был распространен практически во всех праворадикальных и фашистских движениях того периода³⁴⁵.

И вместе с тем необходимо помнить о важнейшем положении: были или нет *национальные корни* у фашизма в Бразилии, не оставался ли он привнесенной и чуждой национальной специфике теорией? Фрейтас абсолютно верно, как нам представляется, отвечает на это вопрос: «процессы циркуляции и укоренения фашистских идей в Бразилии все же следует анализировать, отталкиваясь от собственных противоречий самого бразильского общества». «Необходимо подчеркнуть со всей определенностью», – продолжает он, – «что даже в случае, если фашизм заимствует некоторые свои черты откуда-то извне, главную роль в формировании “лица” каждого фашистского движения играет та форма, посредством которой каждое общество усваивает, приветствует либо отбрасывает определенные идеи, предписания и модели развития. Иными словами, правый радикализм в Бразилии может быть в полной мере осмыслен лишь в том случае, если уяснены противоречия бразильского общества. Появление фашизма в Бразилии не стало результатом простого распространения подобной идеологии в мире»³⁴⁶.

Поэтому для понимания особенностей бразильского фашизма

³⁴⁴ Там же. С. 230.

³⁴⁵ Там же. С. 230.

³⁴⁶ Там же. С. 228.

необходимо применить оборот «с другой стороны».

Действительно, *с другой стороны*, «в Бразилии фашистские концепции подверглись известному переформулированию», поэтому необходимо разъяснить «особенности бразильского процесса фашизации», а это, в свою очередь, позволит понять и место этих идей в рамках режима Варгаса, уяснить, почему в недрах этого режима «стало возможным и даже престижным отстаивать фашистское видение решения национальных проблем»³⁴⁷.

«Бразильский фашизм, который в некоторых регионах страны приобрел явные черты нацизма, обладал присущей ему *спецификой*. Это означало, что, в известном смысле, у него оказалось *собственное лицо: собственные противники и собственные политические постулаты* (курсив наш. – Л.О.), посредством которых он и пытался реагировать на вызовы внутривластной борьбы, связанные с модернизацией преимущественно аграрной страны»³⁴⁸.

В 1920-е гг. бразильское общество вступило в полосу крупных катаклизмов, вытекавших из нерешенных экономических, социальных и политических проблем. Оно «достаточно бурно отреагировало на возможность быстрого восхождения бедных социальных слоев и на вероятность слома ими системы привилегий, до того считавшихся неприкосновенными». «В обществе набирали силу дискуссии и формировались движения, которые были призваны положить конец данной ситуации. Интегрализм возник как одно из течений, которые отстаивали идею обновления Бразилии на основе собственных концепций. В то же время возникновение данного течения, как и появление на политической арене его главных лидеров, явилось по сути продолжением основных черт той системы власти, которая была основана на господстве сельских олигархий»³⁴⁹.

Итак, снова интегрализм. Выше речь шла о его близости к разным вариантам европейского фашизма. Теперь рассмотрим те его грани, которые доказывают, что именно в нем, по Фрейтасу и Бертолье, с наибольшей силой воплотился «*национальный*» бразильский фашизм³⁵⁰.

³⁴⁷ Там же. С. 230.

³⁴⁸ Там же. С. 228.

³⁴⁹ Там же. С. 228, 230.

³⁵⁰ Там же. С. 228.

Прежде всего снова отметим обстоятельства его «происхождения» – ситуацию кризиса: это был не европейский кризис, во многом связанный с итогами Первой мировой войны, а собственно бразильский, проистекавший из подтачивания экономических и как следствие – политических основ «олигархической республики», из «отсутствия разделения между государственными и частными интересами»³⁵¹.

Наряду с общим кризисом имелось еще и такое явление, как т.н. модернность (или «современность» – терминология в данном случае связана с особенностями звучания данных терминов в русском языке). Здесь идет своя теоретическая дискуссия: требуется ли для развития фашизма хотя бы минимальный уровень развития капитализма (т.е. городского среднего класса, средств массовой коммуникации, мало-мальски функционирующей политической системы) или он может взрасти даже в условиях архаики и традиционализма? С другой стороны, фактом является то, что в обществах с высоким уровнем развития и модернизации, и политического либерализма (приводят примеры Канады, Англии) фашизм не получил импульсов для своего восхождения. Не мог бы он возникнуть и в слаборазвитых и отсталых обществах (Боливия или Гватемала). «А вот общества со слабым политическим либерализмом, но достаточно модернизированные в экономическом отношении имели бы широкие перспективы для его развития. Олицетворением последней модели могла бы стать, например, Бразилия»³⁵².

Обратимся теперь к идеологической специфике интегрализма. Будучи по своей направленности антиреволюционным движением, интегрализм стал тем феноменом политической и культурной истории Бразилии, который сформировался в контексте развернувшихся в 1930-е гг. дебатов о будущем страны³⁵³. И здесь важно отметить те «чисто бразильские» идеологические обстоятельства, которые придали интегрализму *местный колорит*. Прежде всего это восхождение *бразильского национализма*, начавшееся еще в 1910-е гг. Т.н. «новый национализм» говорил о «защите и почитании национальных интересов», о «бразильской культуре», об «ощущении бразильской идентичности». В борьбе и столкновениях мнений появились попытки определить «личность,

³⁵¹ Там же. С. 230.

³⁵² Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке... С. 218-219.

³⁵³ Фрейтас М.С. ди. С. 228.

способную выразить интересы всей нации». Данная идея обсуждалась многочисленными интеллектуалами, политиками и журналистами; она означала осознание необходимости поиска национализма такого типа, который способствовал бы «возрождению страны», раскрытию ее экономического потенциала и приданию значимости так называемым «подлинным ценностям бразильской идентичности»³⁵⁴.

«Возродить страну» для многих означало «организовать нацию». А для этого представлялось необходимым отстаивать идеи авторитаризма. Были весьма популярны представления о воспитательной роли армии (а точнее – обязательной военной службы) в деле формирования граждан, о необходимости подавлять борьбу трудящихся за повышение зарплаты, удерживать их от выхода на улицы³⁵⁵.

Другая идеологическая составляющая интегрализма связана со столь сложным и многоплановым политическим и культурным движением, каким в 1920-е гг. был модернизм. В Бразилии он означал весьма насыщенное направление культурного и эстетического обновления. Многие интеллектуалы провозглашали для Бразилии «новую модерность». Они заявляли о том, что литература, живопись, поэзия, музыка нуждаются в новых формах, стремились положить конец заимствованиям в искусстве и в любых культурных проявлениях. Такими заимствованиями считались иностранные модели, литературные теории, стили, копировавшие образцы европейской эстетики³⁵⁶. Самым крупным явлением в этой области стала состоявшаяся в 1922 г. в Сан-Паулу Неделя современного искусства. Даже будучи весьма космополитичным, это мероприятие несло в себе мощный националистический заряд, потому что протест против иностранных заимствований и свойственного прошлому художественного творчества сочетался с отстаиванием новых и достаточно смелых форм развития национальной культуры. В 1930-е гг. ряд модернистов примкнул к интегралистам. Они выступали за модернизм, обладавший преувеличенно патриотическими чертами, что и подтолкнуло их к использованию такой типично национальной символики, как желто-зеленые цвета бразильского флага и образ тапира –

³⁵⁴ Там же. С. 231.

³⁵⁵ Там же. С. 231.

³⁵⁶ Там же. С. 231.

типичного представителя бразильской фауны³⁵⁷. Главный лидер интегралистов – Плиниу Салгаду – вышел именно из этой группы.

В своем националистическом дискурсе БИД использовал образ «автохтонной бразильской культуры», который подчас служил для обоснования тезиса о «автохтонной бразильской расе». Идея «автохтонности» возвеличивала различные черты индейской культуры, обитателей сертанов, людей, живущих в глубинке страны³⁵⁸.

Помимо БИД, на политической арене действовали и другие силы: радикально настроенные военные – «тенентисты», многие идеи которых были близки европейскому либерализму (критика разрыва между государством и народом, борьба против олигархии), коммунисты, сделавшие свою партию (основанную в 1922 г. Компартию Бразилии – КПБ, которая впоследствии стала называться Бразильской компартией – БКП) моделью революционной организации. Все это стало поводом к тому, чтобы в 1930-е гг. интегралисты заявили о себе как о силе, необходимой в деле борьбы с так называемыми «внутренними и внешними врагами» Бразилии³⁵⁹.

Создание БИД положило начало одному из наиболее крупных массовых движений первой половины XX в. в Бразилии (более 1 млн. чел. в 1932 г.). БИД имел большую поддержку в обществе, он расширялся, интегралистские организации возникали во многих городах в глубинке штатов Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Гуанабара, Минас-Жерайс, Эспириту-Санту, Паранá, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул, Параиба, Сеарá, Алагоас, Баия, Мату-Гроссу и Мараньян. Через три года после появления Манифеста, провозгласившего создание БИД, интегралистское движение стало реальностью политической жизни Бразилии (в августе 1935 г. оно имело представительство в лице одного депутата парламента и четырех депутатов законодательных собраний штатов, в более чем пятистах муниципий действовали более 1100 его отделений, число официальных членов БИД составляло 400 тыс. чел.). В разных регионах страны тысячи человек участвовали в манифестациях и военных парадах, вскидывая руку в нацистском приветствии; немалой была и роль молодежи и женщин. В 1937 г. БИД основал газету «Атака» («А

³⁵⁷ Там же. С. 231.

³⁵⁸ Там же. С. 236.

³⁵⁹ Там же. С. 232.

Offensiva»)³⁶⁰, целью которой стало распространение интегралистских идей³⁶¹. Бразильской же спецификой стала форма зеленого цвета с черным галстуком и нашивка символа БИД – греческая буква сигма, обозначающая сумму или соединение, при приветствии интегралисты выкрикивали «Апауê» – слово из словаря индейцев тупи³⁶².

Фашистские устремления БИД выявляла и его структура: построение на основе строгой иерархии, фактически вариант «интегрального государства» в миниатюре. БИД полагал, что нация, организованная в форме военного ополчения (милиции), может развиваться на базе единой и единственной властной модели, которая в свою очередь, зиждилась бы на едином Интегральном Государстве. Интегралисты заявляли: «Мы намерены создать верховную власть Нации. <...> Создать, в едином лице, Экономическое Государство, Финансовое Государство, Представительное Государство и Культурное Государство». Понятия государства и нации были для них чем-то единым: именно государство способно установить новый социальный строй, устранить угрозы обществу и предписать единую для всех мораль. Под контролем государства должна была произойти и «интегральная революция». Единство интересов нации, с одной стороны, и деятельности государства – с другой, должно было осуществляться единственной партией – Интегралистским Действием. Во главе же БИД должен находиться «вождь нации», который рассматривался как постоянный и несменяемый. В силу влияния, которое эта фигура должна была оказывать на всю организацию, члены БИД должны были взять на себя ответственность по созданию перманентного культа личности вождя³⁶³.

На вершине властной пирамиды должен был находиться Вождь, затем следовал Интегралистский Национальный совет, а ниже – Интегралистские Национальные департаменты. В распоряжении Вождя должны были быть Гражданская и Военная канцелярии.

³⁶⁰ Подобное название было отнюдь не случайным: оно было дано по аналогии с названием газеты германских нацистов «Der Angriff» (нем. *атака, наступление*). См. об этом: Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. – М., 1975. – С. 100.

³⁶¹ Фрейтас М.С. ди. С. 238.

³⁶² Там же. С. 234-236, 238.

³⁶³ Там же. С. 235-236.

Национальный совет – не более чем консультативный орган, а органами, реально ответственными за распространение интегралистских идей в обществе, должны были стать Национальные департаменты, которые имели бы следующие подразделения: политическое, идеологическое, пропагандистское, культурное, по вопросам военного ополчения и финансовое³⁶⁴.

Интересно, что, как показывает Фрейтас, «интегралистский» национализм был противником мирового капитализма, но не отвергал его внутри страны. Интегралисты критиковали экспансию индустриальных капиталистических держав и одновременно выступали в защиту такой модели капитализма, которая развивалась бы под контролем интегралистского проекта социальной организации³⁶⁵.

Интегралисты были непримиримыми противниками либерализма, считая его не только откровенно материалистическим, но призывавшим к индивидуализму, осознанию своей принадлежности к элите, к «миру без Бога, без солидарности, миру, основанному на недуховных ценностях и на борьбе классов», и к самому большому злу – к революции³⁶⁶.

Интегралисты, были, естественно, антикоммунистами, но их антикоммунизм имел отличительную черту: они не понимали, что коммунистическое движение находилось в оппозиции к либерализму, и полагали, что коммунизм «вытекал» из либерализма³⁶⁷.

Какое же «противоядие» интегралисты предлагали бразильскому обществу ради предотвращения подобных опасностей? Это прежде всего пропагандированная Салгаду идея «семейно-корпоративного государства», способного уберечь страну от зла, идущего из-за границы (себя же он видел в образе «великого вождя» – а от него недалеко и до образа «великого отца»)³⁶⁸. За корпоративное государство на базе профсоюзов (синдикатов), выступал и другой теоретик интегрализма – юрист Мигел Реали. По его мысли, нация должна была представлять собой федерацию синдикатов, а люди, принадлежавшие к одной профессии, должны были образовать профсоюз (пекари с пекарями,

³⁶⁴ Там же. С. 235.

³⁶⁵ Там же. С. 236.

³⁶⁶ Там же. С. 236.

³⁶⁷ Там же. С. 236.

³⁶⁸ Там же. С. 236-237.

инженеры с инженерами и т.п.); интегралистское правительство давало бы разрешение на деятельность каждой профсоюзной организации, избравшей бы своего представителя в Муниципальный совет, который, в свою очередь, организовывал бы непрямые выборы главы муниципального правительства (мэра). БИД разделил всю Бразилию на провинции. Каждая из них создавала бы объединение из нескольких городов, которые посылали бы представителей своих профессиональных корпораций в «Федерации Профсоюзов». Каждая профсоюзная федерация, в свою очередь, направляла бы собственного представителя в Совет Провинции, который избирал бы Губернатора Провинции. Корпорации должны были в целом соответствовать «Федерациям Профсоюзов» и в итоге образовывать Корпоративное государство³⁶⁹.

Причина поддержки интегрализма в самых разных регионах Бразилии коренилась в симпатиях части населения по отношению к таким идеологиям, как антикоммунизм, европейский фашизм, национализм, антилиберализм, авторитаризм. Одобряя интегрализм, общество все более и более соглашалось с необходимостью подчиниться авторитарному государству. Как представляется, Фрейтас совершенно правильно вписывает популярность этих идей в общий контекст 1930-х годов.

Процесс, приведший к власти в 1930 г. Ж. Варгаса, имел своим результатом диктатуру – т.н. «Новое государство», установленное после ноября 1937 г. «Дружба» же Варгаса с интегрализмом продлилась с 1932 по 1937 гг. Это был период наивысшего расцвета тех, кто искал в фашизме вдохновение для осмысления бразильских проблем. В феврале 1936 г. БИД принял решение участвовать в приближавшихся выборах и начал продвигать кандидатуру Салгаду как претендента на пост президента страны. Выборы должны были пройти в 1938 г., а уже в 1937 г. на президентский пост был выдвинут ряд кандидатур, среди которых был и Салгаду. Но эти выборы не состоялись. Уже начиная с сентября 1937 г. Варгас обсуждал со своим военным министром Эурику Гаспаром Дутрой вопрос о государственном перевороте. Вместе с тем было необходимо иметь какой-то предлог, чтобы продолжать держать страну в режиме военного положения. И здесь-то свои услуги предложил интегрализм. В начале ноября 1937 г. интегралисты провели парад в присутствии Варгаса, который уже

³⁶⁹ Там же. С. 237.

имел достаточно четкий план переворота. 10 ноября 1937 г. было провозглашено «Новое государство». Интеграллисты поддержали переворот. Хотя Варгас все больше дистанцировался от интегрализма, вплоть до издания декрета о роспуске БИД 3 декабря 1937 г., интеграллисты возлагали большие ожидания на активное участие Салгаду в иерархии диктаторского режима в качестве министра образования³⁷⁰.

Однако после неудачной попытки «интегралистской революции» в 1938 г. (активисты БИД попытались взять штурмом резиденцию правительства – Дворец Гуанабара) интеграллисты, как пишет Фрейтас, утратили прежнее единство и в поиске собственного пути стали действовать каждый сам по себе; Салгаду же в 1939 г. отправился в изгнание в Португалию. Так закончился самый значительный из имевшихся опыт по адаптации Бразилии к фашистскому мировосприятию³⁷¹.

Вернемся к поставленному выше вопросу о том, был ли фашистским режим Варгаса. По этому вопросу в мировой историографии идут острые споры. Есть мнения, что раз он опирался на фашистскую (профашистскую, фашизировавшуюся, прото-фашистскую) партию БИД, использовал ее идеологию, некоторые политические методы, то он и сам был фашистским. Однако оба цитируемых нами бразильских автора утверждают, что взаимосвязь здесь гораздо сложнее и тоньше. Выше мы уже говорили о позиции Бертоны, отрицающего «фашистский» характер жетулистского режима. С ним солидарен и Фрейтас, утверждающий: да, «фашистские практики в политической культуре, определявшей курс государственной политики», были, но «если рассматривать правление Варгаса комплексно, то мы увидим, что оно отнюдь не было фашистским»³⁷².

Фрейтас настаивает: Варгас не реализовывал политическую программу крайне правых сил. Вместе с тем его правление было противоречиво: оно гарантировало некоторые права трудящимся, но одновременно, стремясь противостоять вовлечению рабочих масс в политические партии социалистической направленности, использовало типично фашистские методы. Посредством разработанного им рабочего законодательства, которое во многом меняло форму взаимоотношений между хозяевами предприятий и

³⁷⁰ Там же. С. 238-239.

³⁷¹ Там же. С. 239.

³⁷² Там же. С. 228.

наемными трудящимися, Варгас напрямую обращался к самым бедным слоям населения. В то же время он укреплял силовой режим, поощрявший реализацию такой модели модернизации, которая сумела бы избежать «угроз от вхождения в современный мир», в трактовке фашистских идеологов³⁷³.

В политических лозунгах интегралистского движения речь не шла о «расширении жизненного пространства», проявлялась известная расовая толерантность (симпатии к индейцам)³⁷⁴, не была столь ярко выражена идея преследования цыган, гомосексуалистов, лиц с физическими отклонениями (хотя антисемитизм присутствовал: в эпоху Варгаса сторонники бразильского фашизма поддерживали гонения на евреев)³⁷⁵.

Таким образом, мы видим, насколько тонка и подчас призрачна грань, отделявшая (в Бразилии 1930-х годов) «фашизм» от «не-фашизма».

Бразильский вариант сложен, неоднозначен, но в конечном счете – понятен. В его лабиринтах можно провести «тонкую грань» между фашизмом и не-фашизмом, можно обсуждать, до какой степени фашистским был характер интегрализма и самого Варгаса и т.д. Но в последнее время появились новые работы, с совершенно неожиданных позиций трактующие случай такой, казалось бы, «спокойной» в этом отношении страны, как... Мексика. В свете этих трактовок «случай Мексики» представляется абсолютно уникальным (и во многом парадоксальным). И эти новые интерпретации заставляют задуматься (переосмыслить?) мексиканский опыт развития в XX в., а также вновь, в который раз, обратиться к феномену фашизма и задаться вопросом теперь уже не только о «тонкой грани», но и о правомерности (или, напротив, недопустимости) его расширительных трактовок.

Парадоксальный случай Мексики: неужели и там фашизм?
Мнение мексиканского историка и размышления вокруг самого
феномена...

Поводом к нашим размышлениям о «мексиканском случае»

³⁷³ Там же. С. 228.

³⁷⁴ См.: Соловьев Н.М. Бразильский опыт авторитарного развития в 1930-е годы // <http://mgimo.ru/science/essays/>

³⁷⁵ Фрейтас М.С. ди. С. 229.

послужила статья еще одного автора нашего проекта – мексиканского историка Франко Саварино³⁷⁶.

Можно согласиться с автором, что «Мексика (возможно, наряду с Бразилией) представляет собой репрезентативный случай распространения фашизма за пределами Европы, и, конечно же, являет собой пример абсолютной особости фашизма даже по сравнению с другими его латиноамериканскими образцами»³⁷⁷. Вот на этой «особости» мы и остановимся.

Давая свое понимание сущности фашизма как глобального феномена, Саварино подчеркивает, что он «повсюду был призван дать ответ на один и тот же вызов: добиться консолидации нации и модернизации страны, предоставить пространство для развития и обретения собственного голоса нарождавшемуся среднему классу в союзе с сильным государством, призванным осуществить социальные реформы, и поставить заслон на пути продвижения коммунизма, одновременно сформулировав экономическую альтернативу либеральному капитализму, которая мыслилась им в виде государственного интервенционизма и корпоративизма»; «фашизм был ответом на кризис либерализма XIX в. и на вызовы модернизации». Но главной чертой этого «глобального фашизма» он считает следующее: *«фашизм в своих основных чертах по существу явился «возрожденческой формой» некоего комбинированного симбиоза социализма и национализма, но симбиоза, обладавшего многими вариациями как в различных странах, так и подчас внутри одной и той же страны»* (курсив наш. – Л.О.).

Давая характеристику латиноамериканским воплощениям фашизма, Саварино говорит о «возможных наложениях друг на друга фашизма и других режимов, ...речь всегда идёт об эклектичной комбинации социализма и национализма», при этом он делает важное методологическое замечание, которое имеет прямое отношение к его анализу мексиканского случая: «национал-социализм» не есть синоним фашизма; «если фашизм был национал-социализмом, то не все виды национального социализма носили фашистский характер. То же можно сказать и о

³⁷⁶ Саварино Ф. Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Березиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016, №4(31), с. 235-245.

³⁷⁷ Там же. С. 236.

“популизме”, который не является синонимом ни национал-социализма, ни фашизма». Кроме того, Саварино основывает свой анализ на теоретических работах по фашизму Р. Гриффина, С. Пейна, З. Стернхелла, Р. Итвела, Дж. Грегора и др., которые говорили о «модернистской культурной революции фашизма» и о том, что его нельзя отнести к чисто правым движениям, т.к. он «соединяет в себе разнородные элементы всего политического спектра, со всей очевидностью включая в этот синтез черты *социализма, революционности и модерности*» (курсив наш. – Л.О.): «Неверно приписывать фашизм просто к “правым”. Следует понимать, что он является *одним из направлений революционной модерности, которая стремится выковать облик нового человека и новый тип общества, а не реставрировать идеализированное прошлое или законсервировать настоящее*» (курсив наш. – Л.О.).

Именно эти моменты являются для Саварино ключевыми для понимания им сущности феномена «фашизма в Мексике» (если вообще можно говорить о таковом). Он специально оговаривает эту сложность: «В Мексике мы сталкиваемся с целым спектром условий, которые могли бы как способствовать развитию фашистского движения, так и стать факторами его сдерживания». Он призывает к *осторожности* в отношении «мексиканского фашизма»: «Следует отличать фашистское *влияние* от *тенденции развития* в направлении фашизма. В случае Мексики можно признать связанную с той эпохой, “зарождающуюся” тенденцию развития в данном направлении». Более того, он назвал свою статью «Фашизм в Мексике: *ускользающее присутствие*» (курсив наш. – Л.О.), подчеркивая тем самым, что речь не идет о Мексике как о «фашистской стране», что присутствие фашизма там было скрытым, латентным, неявным, подчас *неуловимым* и действительно *ускользающим*. Он согласен с британским исследователем А.Найтом, что на примере Мексики надо исследовать не «сходство с итальянским фашизмом или германским национал-социализмом», не поддержку стран Оси или антисемитизм (эти черты, как пишет Найт, и с ним согласен Саварино, не обязательно являются неотъемлемыми компонентами фашизма), а «*другие черты фашизма: его идеологические установки, способы действия, источники социальной поддержки и социально-исторические функции*» (курсив наш. – Л.О.)³⁷⁸. Подобная оптика переворачивает всю «наработанную» и, казалось бы, устоявшуюся

³⁷⁸ Там же. С. 236.

традицию подхода к вычленению «фашизма».

Саварино вслед за Найтом считает, что основанием для создания благоприятных условий для фашизма в Мексике было «вторжение масс в политику» на гребне революции. Он трактует мексиканскую революцию 1910-1917 гг. как аналог Первой мировой войны. Если бразильский историк Ф.Бертонья говорит о том, что присутствие ветеранов Первой мировой войны как важная часть массовой базы европейского фашизма было чертой именно *европейского* фашизма, *отсутствовавшей* в Латинской Америке, то Саварино и Найт, напротив, считают, что мексиканская революция явилась аналогом мирового конфликта именно в том плане, что она «приучила целое поколение к использованию насилия, к преклонению перед харизматическими лидерами и к восхвалению национализма»³⁷⁹.

В центре анализа Саварино – т.н. «постреволюционное государство» в Мексике, т.е., на языке мексиканских историков, – государство, сформировавшееся после революции 1910-1917 гг. Почему здесь с такой силой звучат понятия «национализм», «социализм», «революционность», но также и – «авторитаризм», «популизм», «харизматический лидер», от которых «рукой подать» до фашизма?

Для того чтобы разобраться в этих сложных и крайне противоречивых вопросах, обратимся для начала к традиционным, устоявшимся и в мексиканской, и в отечественной историографии трактовкам мексиканской истории первой трети XX в.

Мексиканская революция 1910-1917 гг. стала уникальным явлением мировой истории: принятая по ее окончании Конституция 1917 г. *не завершила* собой, как это «принято» в революциях, драматическую борьбу за основные поставленные самой мексиканской историей цели (аграрная реформа с наделением крестьян землей; право государства на верховную собственность на национальную территорию, ее недра и природные ресурсы, предполагавшее национализацию собственности иностранного капитала; широкое рабочее законодательство, устанавливавшее 8-часовой рабочий день, отпуск, минимальную зарплату, право на забастовки и на создание профсоюзов; отделение церкви от государства, лишение ее собственности и права участвовать в политической жизни, влиять на народное образование), а лишь стала программой, которую *еще только*

³⁷⁹ Там же. С. 236.

следовало выполнить. Именно поэтому последовавший за окончанием революции период был назван *постреволюционным*: именно *будущим* правительствам предстояло реализовать на практике «завещанные» конституцией статьи. И также не случайно постреволюционный период получил название «*непрерывной* (или перманентной, продолжающейся) революции», которая «длилась» с 1910 г. (начало революции) по 1940 г. (окончание президентства Л.Карденаса). В ходе этого длительного процесса должны были – с большей или меньшей интенсивностью – реализоваться провозглашенные конституцией ключевые реформы.

В 1920-е годы в Мексике один за другим сменяли друг друга правительства, возглавлявшиеся генералами, вождями революции – В.Каррансой, А.Обрегеном, П.Э.Кальесом (и в силу этого получившие название «режим революционного каудильизма»; в основном это определение относится к правлениям Обрегона и Кальеса). В основе данного режима лежала концепция надклассового единства нации во имя продолжения революции; «революционные каудильо» использовали политику бонапартизма, лавируя между разными слоями населения и играя на их противоречиях. Режим «революционного каудильизма» зиждился на сильной президентской власти и был призван осуществить реформы в обстановке политической стабильности.

Кратко рассмотрим, как этот режим реализовывал реформы, утвержденные в статьях Конституции.

Правительство Обрегона приступило к осуществлению обещанной конституцией 1917 г. аграрной реформы, хотя и в недостаточном для страны объеме, рабочим была повышена зарплата, принимались меры по выполнению положений конституции о 8-часовом рабочем дне, признании профсоюзов, о коллективных трудовых договорах, о компенсации за производственные травмы. Гибкая реформистская политика и умелая пропаганда позволили режиму укрепить свою социальную базу.

Во время президентства преемника Обрегона, генерала Кальеса (1924-1928 гг.), режим укрепился. Апеллируя к тезису о «продолжающейся революции», правительство Кальеса заявило, что целью ее нового, «конструктивного» этапа станет строительство развитой экономики и общества социальной справедливости на основе сотрудничества рабочих, крестьян и национальных предпринимателей. По сути это была реформистская программа с революционными лозунгами. Правительство

использовало рычаги государственного регулирования экономики с целью ускорить ее развитие и поддержать национальный капитал. Среди крестьян было распределено земли в три с лишним раза больше, чем в предыдущие годы. Главной целью аграрной политики правительства являлось создание социальной прослойки зажиточного крестьянства и ускорение капиталистического развития деревни. Но массы сельского населения так и не получили доступа к земле. В рабочей политике имели место реальные уступки трудящимся. Были ограничены позиции иностранного капитала, прежде всего в нефтяной промышленности, что вызвало конфликт мексиканского правительства с компаниями и правительством США. Кальес широко использовал антиимпериалистические лозунги, осуждал интервенционистскую политику США в Центральной Америке, однако существенно затронуть позиции иностранного капитала он не решился. Стремясь отвлечь население от нерешенных проблем и укрепить революционный престиж правительства, Кальес начал гонения на католическую церковь, конфликт с которой в 1926-1927 гг. перерос в вооруженную борьбу.

Экономический кризис способствовал обострению социальных противоречий и дальнейшему нарушению баланса сил, составлявших опору режима «революционного каудильизма». Коррупцированная группировка Кальеса все более тяготела вслед за крупной буржуазией к сотрудничеству с латифундистами и иностранным капиталом. Широкие слои населения были недовольны политикой режима и все настойчивее требовали радикальных преобразований. Кальесу и его сторонникам все труднее было сохранять свое влияние. После истечения срока президентских полномочий он сохранил положение «верховного вождя революции» и контроль над часто менявшимися правительствами. С целью предупредить распад режима «революционного каудильизма» он выступил инициатором создания в 1929 г. неоднородной по составу Национально-революционной партии (НРП). В нее вошли большинство буржуазных политических группировок, военные, мелкобуржуазные течения, крестьянские организации, часть рабочих. Вскоре в рядах партии усилилось левое крыло, представитель которого генерал Л.Карденас, участник революции, включивший в свою избирательную обещания решить в пользу крестьян аграрный вопрос, принять меры против иностранных монополий, улучшить положение рабочих, был выдвинут

кандидатом в президенты и победил на выборах 1934 г., став президентом на шестилетний срок³⁸⁰.

Годы правления Карденаса (1934-1940 гг.) как раз и явились апофеозом реализации заложенных в конституции статей. Реформы Карденаса рассматривались в Мексике как конструктивное, идущее мирным путем продолжение революционных преобразований, начатых после принятия Конституции 1917 г.³⁸¹ В области социальной политики была установлена 40-часовая рабочая неделя, существенно увеличена зарплата, принята система коллективных договоров, узаконены кооперативы на месте тех предприятий, хозяева которых не шли на уступки. В 1936 г. был создан единый национальный профцентр — Конфедерация трудящихся Мексики. Был решен аграрный вопрос: земли местных латифундистов и иностранных компаний были экспроприированы и укреплены крестьянские общины эхидо (кооперативные и парцеллированные хозяйства), хотя имела место и раздача земли в индивидуальное пользование; все это нанесло сильный удар по латифундизму. Борьба с иностранным капиталом воплотилась в революционных по своему значению национализации в 1937 г. железных дорог, а в 1938 г. — нефти. Росло число школ, было введено бесплатное начальное образование, создан Рабочий университет. Была укреплена роль государства, а на основе НРП была создана новая массовая Партия мексиканской революции (ПМР), в которую вошли Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ), Национальная крестьянская конфедерация (НКК) и др. и которая к 1940 г. насчитывала до 4 млн чел.³⁸²

Как трактовался данный период в традиционной мексиканской и отечественной историографии? В академической историографии Мексики наличие «про-» либо «прото-» фашистских тенденций отрицалось либо не упоминалось. Что же касается отечественных авторов, то если одни рассматривали «карденизм» как «обычный» (быть может, лишь чуть более радикальный) вариант латиноамериканского национал-реформизма (И.К. Шереметьев, Е.Г. Лапшев)³⁸³, то другие, отталкиваясь, от таких его черт, как

³⁸⁰ Строганов А.И. Указ. соч. С. 75-76, 101.

³⁸¹ Окунева Л.С. Двухсотлетие начала Войны за независимость и столетие Революции 1910 г. в Мексике // Новая и новейшая история. — 2011. — № 1. — С. 48.

³⁸² Строганов А.И. Указ. соч. С. 102-105.

³⁸³ Мексика: капитализм и общество. М., 1990. С. 43, 51-55.

создание возможностей для проведения глубоких антиимпериалистических, антиолигархических реформ, стремление к удовлетворению требований народа, ярко выраженная социальность, стремление вовлечь массы в трансформационную политику, заявления о «социализме» (впрочем, под социализмом Карденас понимал, конечно, не его «советскую модель», а стремление к равенству и социальной справедливости), поощрение левого модернистского искусства мурализма, поддержка испанских республиканцев, видели в нем воплощение *революционно-демократического* (и даже в перспективе *социалистического*) эксперимента (А.Ф. Шульговский, А.И. Строганов)³⁸⁴. Следует подчеркнуть, что подобный исследовательский ракурс ученых, стремившихся «подтянуть» Карденаса к «социализму», складывался, по словам известного российского историка-латиноамериканиста А.А.Щелчкова, под несомненным влиянием установок VII Конгресса Коминтерна в отношении национал-реформизма, когда большое внимание уделялось революционным, революционно-демократическим, даже социалистическим течениям в его лоне и замалчивались проявлявшиеся уже тогда корпоративистские, авторитаристские, основанные на харизматическом политическом лидерстве тенденции, напрямую ведущие к фашизму.

А Саварино как раз и делает акцент именно на *этих* чертах. О влиянии фашизма, в представлении Саварино, свидетельствуют и НРП со своей разнородной социальной базой, ставшая «институциональным выражением всей мексиканской Революции» (эту партию он идентифицирует напрямую с Национальной фашистской партией Италии), «и корпоративная структура государства, и характер экономической политики в годы Великой депрессии»³⁸⁵. Именно период «революционного каудильизма» в лице Обрегона и Кальеса, когда необходимо было решить такие задачи, как «объединение разноликих и раздробленных революционных сил» в рамках единой НРП, «обеспечение верховного лидерства Революции, формирование государства, которое могло бы сыграть более активную роль в социальной сфере, в проведении экономической политики, в определении национальной идентичности и в защите страны от иностранного

³⁸⁴ Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967; Строганов А.И. Указ. соч. С. 102-105.

³⁸⁵ Ф.Саварино. Указ. соч. С. 237.

империализма», и стал временем, считает Саварино, когда правящие круги Мексики обратились к поиску за рубежом «полезных механизмов», необходимых для воплощения вышеназванных целей. (Это были именно механизмы, а не «внешние модели», т.к. мексиканская парадигма была, как пишет Саварино, в высшей степени своеобразной, развивавшейся по собственным лекалам и не нуждавшейся в примитивных «заимствованиях»). Саварино считает, что такие механизмы мексиканцы усмотрели в итальянском фашизме³⁸⁶.

Черты фашизма Саварино видит и в кальесовском режиме «максимата», который, на его взгляд, напоминал муссолиниевскую модель; единственное отличие он усмотрел в том, что Кальес, хотя и провозгласил себя «верховным вождем», не мог «тягаться» с Муссолини по степени харизматичности своей личности³⁸⁷.

Харизматическим же лидером был именно Карденас. И вот здесь кроется главная интеллектуально-историческая «бомба». Саварино, конечно, не называет Карденаса «фашистом», но говорит о «склонности к фашизму» мексиканских политиков, интеллектуалов и среднего класса, о «притягательности» для них фашизма, о том, что «мексиканское правительство скрытно, но активно собирало и накапливало информацию о фашизме», а Кальес и Карденас «открыто продвигались в направлении фашистской модели» (курсив наш. – Л.О.)³⁸⁸. «Тот вес, которым обладали фашиствующие элементы на протяжении постреволюционного периода, проявился в повороте вправо самого Карденаса начиная с 1938 г.»³⁸⁹.

В чем же Саварино усматривается «склонность» Карденаса (в частности) к фашизму? «...тяготение, или склонность, к фашизму ...реализовывались в Мексике в сильном государстве, радикальном национализме, антиамериканизме, корпоративизме (который Мексика взяла на вооружение сама, но при этом с оглядкой на Италию), единственной партии, в авторитарном правлении Обрегона, Кальеса и Карденаса, в поддержке государством авангарда в культуре, в продвижении им в искусстве, архитектуре и литературе модернистских течений и в склонности к евгенике и расизму, выразившимся в идеализации “мексиканской расы” и в неприятии

³⁸⁶ Там же. С. 237.

³⁸⁷ Там же. С. 237.

³⁸⁸ Там же. С. 240.

³⁸⁹ Там же. С. 238.

иммигрантов из Азии»³⁹⁰.

Иными словами, в мексиканском «постреволюционном режиме» он находит такие черты фашизма, как «единственная партия, сильный лидер, корпоративизм, национализм»³⁹¹.

И далее: исходя из такой неотъемлемой характеристики фашизма, как опора режима на массы, стремление тотально вовлечь их в дело поддержки верховного вождя, формирование массовой партии, Саварино примеряет эти лекала на карденистскую Мексику и находит в них еще одно подтверждение наличия там «фашизма». И действительно, трудно отрицать такие черты карденизма, как радикальные реформы, сплотившие вокруг Карденаса широкие социальные слои, создание им в 1938 г. на основе НРП массовой (и контролируемой сверху) Партии мексиканской революции (ПМР), в которую вошли КТМ и НКФ, несомненный патернализм (и смыкавшийся с ним популизм) Карденаса как верховного лидера нации, «втягивавшего» в политику пассивные, зачастую необразованные массы и выступавшего как «поводырь», ведущий за собой «паству». Популизм и патернализм Карденаса не подлежат сомнению, но вопрос в другом: дает ли это основания причислить данного лидера и его режим к разряду «фашистских»? Не противоречит ли здесь Саварино сам себе – вспомним его же упомянутую выше абсолютно верную максиму о том, что популизм *может быть* чертой фашизма, но при этом не является в обязательном порядке его «синонимом». (Ведь сам же Саварино говорит о Карденасе: «его тяготение к «левому» популизму... отдаляло его от итальянского фашизма»³⁹²).

Серьезные предпосылки для фашизма Саварино усматривает и в идеологическом состоянии мексиканского общества. Основываясь на «уникальности мексиканского опыта того времени для Латинской Америки», на том, что «Мексика в те времена была подлинной лабораторией, где проходили испытание весьма передовые для своей эпохи реформы в социальной области (эхидо), экономике (национализация железных дорог и нефти), политической сфере (социальное государство) и культуре (национализм в искусстве, образование, феминистское движение)», он трактует такие элементы мексиканской модели (не встречавшиеся ни в одной

³⁹⁰ Там же. С. 237-238.

³⁹¹ Там же. С. 239.

³⁹² Там же. С. 237.

стране), как «революционный импульс модернистского искусства, мобилизация масс, объединительный радикальный национализм с его антиимпериалистической направленностью», а также «модернистско-революционные программы» в отдельных штатах³⁹³, как почву для фашизма. Ведь это то, что питало идеологию мексиканских интеллектуалов, которые «сближались с фашизмом через социализм» (курсив наш. – Л.О.).

Саварино пишет о «притягательности фашизма» для мексиканских интеллектуалов, о профашистских настроениях общественности Мексики³⁹⁴. Фашизм, по мнению Саварино, был неотъемлемой частью тех европейских по своему происхождению представлений о модернизме, которые завораживали некоторые круги мексиканских интеллектуалов. В среде художественного авангарда «причудливо переплетались самые различные политические идеологии от фашизма до коммунизма»³⁹⁵. Но особо он выделяет двух представителей мира интеллектуалов, «которые выделялись своим открытым сближением с фашизмом»: писатель и политик Хосе Васконселос и художник Херардо Мурильо (псевдоним «доктор Атл»). Отметим, что Васконселос – такая же идеализированная фигура советского мексикановедения, как и Карденас; вот аргументы Саварино: «фашизм Васконселоса был обусловлен его приверженностью культурному авангардизму, противостоявшему космополитичному и материалистичному миру англосаксов»³⁹⁶. Если вначале он скептически отзывался о Муссолини, то вскоре демонстрировал восхищение «культурным проектом» итальянского фашизма, а в годы войны «превратился в активного сторонника держав “оси” и возглавил редколлегию журнала “У штурвала” (“Timón”) – влиятельного прогерманского издания. Его решение поддержать Гитлера не должно удивлять. Еще в 1925 г., в своем самом известном произведении “Космическая раса” он уже обращался к расовой тематике и перспективам создания нового сверхчеловека. Этот подход идейно подготовили его к тому, чтобы впоследствии заговорить в унисон с германскими национал-социалистами. Идеализированный Васконселосом метис, “наделенный высшими качествами” и “призванный господствовать над другими”, был в какой-то степени латиноамериканским

³⁹³ Там же. С. 238.

³⁹⁴ Там же. С. 240.

³⁹⁵ Там же. С. 239.

³⁹⁶ Там же. С. 239.

эквивалентом «арийца», воспетого Альфредом Розенбергом. Ко всему прочему, Васконселос верил, что могущественная Германия поможет Латинской Америке нанести решающий удар по «англосаксонским палачам»³⁹⁷.

Фашистские тенденции Саварино видит и в мексиканских регионах. Он пишет: «Наиболее очевидные проявления тяготения к фашизму можно было обнаружить, главным образом, в приграничных зонах страны – на севере и в районе Мексиканского залива. Губернатор штата Сонора Родольфо Элиас Кальес (1931-1935 гг.), старший сын генерала Плутарко Элиаса Кальеса, в тридцатые годы проводил в жизнь программу евгеники с целью «отмывания» государства от китайских иммигрантов и «сохранения чистоты мексиканской расы». ...Преследования китайцев в рамках расистской риторики напоминали ситуацию в Германии после прихода к власти гитлеровского национал-социализма. Губернатор штата Табаско Томас Гарридо Канабаль (1923-1926 гг. и 1930-1934 гг.) в еще большей степени приблизился к фашистскому формату, создав отряды «красных рубашек» (имитировавших итальянские «черные рубахи») и выдвинув программу, заостренную на национализме и антиклерикализме, ...а после своего назначения в 1934 г. министром сельского хозяйства привел отряды «красных рубашек» в столицу. Ещё до этого склонность к фашистскому подходу проявилась в штате Юкатан в период правления там губернатора Фелипе Карильо Пуэрто (1922-1923 гг.). Проводя социальные эксперименты и стремясь при этом усилить гордость жителей штата за свою историю и культуру, он всячески акцентировал внимание на великом наследии цивилизации майя. ...С его смертью закончился ранний этап сочетания социальных изысков и национализма, которое, не будучи фашистским, все же могло бы во многих своих аспектах развиваться в нечто схожее с фашизмом. ...Даже при Карденасе оставалось заметным наличие губернаторов с «фашистскими чертами», таких как Роман Йокуписио из штата Сонора (1937-1939 гг.), которого иногда именовали «мексиканским Муссолини», – харизматического националиста антиамериканской и антисемитской направленности, располагавшего поддержкой антикоммунистического Национального союза ветеранов революции. На политической арене действовали также и другие влиятельные политические фигуры, со всей очевидностью дрейфовавшие в направлении к фашизму, – генералы Хоакин Амаро,

³⁹⁷ Там же. С. 239.

Сатурнино Седильо и Хуан Эндрю Альмасан, возглавлявшие армию, большая часть которой открыто симпатизировала державам «оси»³⁹⁸.

Саварино (вслед за Р.Грифффином) усматривает фашистские проявления и в «возрожденческих практиках». На основании того, что упомянутый выше губернатор Фелипе Карильо Пуэрто возвеличивал цивилизацию майя, Саварино считает, что «подобное использование древнего прошлого майя, поставленное на службу революционному возрождению, было идентично тому, как Муссолини в Италии воскрешал образ древнего Рима (такowymi были и воспоминания о великих каудильо прошлого: Начи Коком на Юкатане и Октавиана Августа в Италии)». Но не просматривается ли в подходе Саварино весьма расширительное толкование фашизма, основанное на трактовке Грифффина, который во главу угла ставил «миф национального возрождения», рассматривал фашизм как «возрожденческую форму ультранационализма», – в противовес другим исследователям, указывавшим на то, что воспевание героев прошлого, призыв к «возрождению нации» могут присутствовать и присутствуют и в других, далеких от фашизма, режимах? И здесь опять отсылаем к подходу самого же Саварино: подобно тому, как не всякий «национальный социализм» или популизм являются фашизмом, так и не всякое стремление прославлять героев прошлых веков идентично возрождению фашистских практик³⁹⁹.

Конечно, *влияние* фашизма в Мексике нельзя отрицать. Важным каналом проникновения фашистских идей были немецкая,

³⁹⁸ Там же. С. 238.

³⁹⁹ Приведу здесь то примечание, которое наша редколлегия предпослала статье другого нашего автора, рассматривавшего на примере «раннего нацизма» вопрос о «культе павшего воина» как важной составляющей фашистских идеустановок. Редколлегия сочла необходимым подчеркнуть следующее: «...почитание, поминовение, увековечивание павших героев не является чертой именно фашистского мировосприятия – это общепринятый канон, характерный для идеологического воздействия на массы в самых разных странах: павший солдат с его жертвенностью, самопожертвованием стал во всех европейских странах (и особенно, как подчеркивает автор, во всех воюющих державах Первой мировой войны) своего рода иконой, принесшей домой «смысл войны». Но именно в фашистской идеологии и политических ритуалах фашистских режимов этот символ в политической культуре поклонения предкам выступил в качестве важнейшей основы формирования идеологии национализма» – Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность, с.140.

итальянская и испанская диаспоры⁴⁰⁰. Имелись партии и группировки фашистской направленности, которые, впрочем, как пишет сам Саварино, с бóльшим основанием можно было бы причислить к правым или праворадикальным (Мексиканская фашистская партия, Конфедерация среднего класса, Мексиканская националистическая молодежь, Комитет в защиту расы, Мексиканское гражданское действие, Антикоммунистический фронт, Мексиканская социал-демократическая партия; особенно выделялось «Мексиканистское революционное действие», или «золотые рубашки»). Наряду с ними действовал и «скрыто фашистский» Национальный синархистский союз⁴⁰¹. Но эти группировки не были широко распространены; делать на основании их наличия выводы о «фашизме» было бы сильным преувеличением, т.к. подобного типа организации и группы действовали в 1930-е годы почти во всех странах Запада и Востока.

Проблема, поднятая Саварино, чрезвычайно сложна и неоднозначна, не имеет легкого и простого ответа – как не имеет такого ответа сам сложнейший, многофакторный и, как показывают статьи нашего проекта, во многом неизученный до конца феномен фашизма.

В данном конкретном случае размышления приводят нас к мысли о том, *как* относиться к расширительной трактовке фашизма. Ведь перечисленные выше черты, рассматриваемые Саварино как *черты мексиканского фашизма*, можно найти и во многих других режимах, существенно отличавшихся от фашизма. Получается, что расширительная трактовка может стать своего рода «ловушкой», когда на основании формальных черт, свойственных разнородным политическим устройствам, выстраивается общая закономерность, и уже под нее подстраивают характеристику заданной политической системы.

Расширительная трактовка имеет и еще одну оборотную сторону. Не получается ли так, что то, что некоторые историки считают революционным демократизмом, Саварино расценивается как «черты фашизма»? А ведь выходит именно так. Рассматривая «фашистские форматы», «явно проявлявшиеся фашистские элементы на федеральном и региональном уровнях», в мексиканской «глубинке» – в штатах, он считает проводившиеся там «радикальные реформы, содержавшие в себе социалистические и

⁴⁰⁰ Ф.Саварино. Указ. соч. С. 242-243.

⁴⁰¹ Там же. С. 241-242.

националистические элементы», признаком «раннего этапа сочетания социализма и национализма, который, не будучи «фашистским», все же во многих своих аспектах мог бы развиваться в фашизм или нечто схожее». Он формулирует одну из главных своих оценок: еще в 1920-е гг. в Мексике наметилась *«ранняя стадия комбинации социализма и национализма, которая, не будучи «фашистской», все же продвигалась в направлении, во многих моментах походившем на фашизм»* (курсив наш. – Л.О.).

Конечно, на таком основании любой «прогрессивный», не говоря уже о социалистическом, режим может трактоваться как «фашистский». Размышления об этом – особая тема (впервые поставленная «ребром» в знаменитом романе В.Гроссмана «Жизнь и судьба»). Как представляется, вряд ли подобная трактовка (весьма популярная в современном зарубежном праворадикальном политическом спектре), при всем имеющемся сходстве отдельных элементов, может претендовать на историзм.

Тема, избранная Саварино, настолько неоднозначна, что подчас и он сам, даже в пределах собственной статьи, колеблется. Особенно это проявилось в Заключение. Задаваясь вопросом, «можно ли обнаружить в Мексике феномен фашизма?», он пишет: «Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный», поскольку «в Мексике фашизм имел место прежде всего в период постреволюционного государства, которое, находясь под явным европейским (особенно итальянским) влиянием, развивалось самостоятельно как авторитарный, корпоративный, националистический, модернизационный режим с опорой на “массы” (если выделить здесь черты, характерные для исследуемой эпохи и ставшие причиной возникновения различных видов европейского фашизма)». И тут же опровергает себя: «Конечно, этих элементов недостаточно для включения мексиканского политического эксперимента в разряд “фашистских”»⁴⁰².

И снова вполне обоснованное сомнение: «Гипотетическая «фашистская Мексика» не смогла бы возникнуть по разным причинам: это и относительно отсталая социально-экономическая структура с еще малочисленным средним классом и лишь зарождавшейся индустриализацией, и находившееся в зачаточном состоянии модерное государство, на которое давило традиционное общество в лице крестьянских общин»⁴⁰³.

⁴⁰² Там же. С. 243.

⁴⁰³ Там же. С. 243.

И, наконец, попытка «примирить» «фашизм» и «не-фашизм»: «Даже не будучи “фашистскими”, постреволюционные режимы Мексики фактически соответствовали многим достижениям фашистских режимов. Неудовлетворенность и опасения среднего класса по поводу возможного дрейфа государства в направлении “коммунизма” не были достаточными условиями для формирования открыто фашистской альтернативы, они лишь послужили сдерживающим началом, корректировкой того радикального пути к “левизне”, который предпринял Карденас в интересах рабочих и крестьянских масс»⁴⁰⁴.

Цель данной статьи – познакомить отечественных латиноамериканистов с новыми зарубежными исследованиями, новыми ракурсами и точками зрения по вопросам, либо вообще не исследовавшимся в нашей латиноамериканистике, либо изученным, но «застывшим» в 1960-х–1970-х годах. Мы видим, что споры в историографии и политологии по этим вопросам далеко не закончены. И это в очередной раз говорит о важности предпринятой публикации, позволяющей ознакомить читателей с дискуссиями в зарубежной политологии и состоянием современной политической и исторической науки в вопросах изучения фашизма.

Библиография

Введение // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Ред.кол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23).

Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 209-226.

Бертонья Ж.Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв.

⁴⁰⁴ Там же. С. 243-244.

- ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 242-255.
- Богдашкин А.А.* Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23). – С. 41-69.
- Галкин А.А.* Фашизм как общественный недуг // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть I. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – №4 (23). – С. 11-21.
- Коваль Б.И.* Бразилия вчера и сегодня. М. – 1975.
- Мексика: капитализм и общество. М. – 1990.
- Окунева Л.С.* Двухсотлетие начала Войны за независимость и столетие Революции 1910 г. в Мексике // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 42-51.
- Окунева Л.С.* Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии (к 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016. – №4(31). – С. 41-71.
- Саварино Ф.* Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие // Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. – Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2016. – №4(31). – С. 235-245.
- Фрейтас М.С. ди.* Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932-1938 гг.) // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 227-241.
- Строганов А.И.* Новейшая история стран Латинской Америки. М. –

2008.

Строганова Е.Д. Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. (Редкол.: А.А. Галкин (отв. ред.), А.А. Богдашкин (отв. ред.), Л.С. Окунева (зам. отв. ред.) и др.) / Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 284-298.

Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории. М. – 1967.

Кристиан Медина Вальверде,⁴⁰⁵ Густаво Гахардо Павес⁴⁰⁶
Cristián Medina Valverde, Gustavo Gajardo Pavez

ТРЕЩИНЫ В «ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ»: ЧИЛИ – ПОЛЬША, 1956

THE FISSURES OF THE "CURTAIN OF STEEL" FROM CHILE POLAND, 1956.

Аннотация: Статья анализирует влияние так называемого «польского октября» 1956 г. на чилийское общество, позицию общественных и политических сил в

⁴⁰⁵ Преподаватель Университета Сан-Себастьян г. Концепсьон (Чили).
Universidad San Sebastián (Chile) cristian.medinav@docente.uss.cl

⁴⁰⁶ Преподаватель Университета Сан-Себастьян г. Концепсьон (Чили).
Universidad San Sebastián (Chile) g.gajarpavez@gmail.com

стране. На основе чилийских архивных документов, публикаций сессий парламента и прессы авторы определяют степень влияния этих событий в Польше на различные страты чилийского общества. Данное исследование дополняется работами польского историка, исследовавшего эту тему с опорой на польские источники.

Ключевые слова: Польша, Чили, холодная война, международное сообщество, общественные силы.

Abstract: The article analyzes the impact of the so-called Polish October (1956) on Chilean society and its political and social forces. The effect of the Polish events on the Chilean society of the time can be observed through the analysis of primary sources available in Chile: documentation of the Historical Archives of the Chilean Ministry of Foreign Affairs, minutes of the sessions of the Chilean Parliament, and the press of the time as well as the revision of an extensive variety of secondary literature. The research was complemented by the stay of one of the researchers in Poland, May 2010, which allowed him to review documents and Polish literature.

Keywords: Poland, Chile, Cold War, International Society, Social Forces.

Если вам нужен образ будущего,
представьте себе сапог,
наступающий на человеческое лицо
Дж. Оруэлл

Социалистическое обновление, начавшееся после смерти Сталина 5 марта 1953 г., привело к развитию революционного процесса в некоторых странах Восточной Европы. Он получил ускорение после знаменитой речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., воспринятой в Европе как сигнал к освобождению от сталинизма⁴⁰⁷. XX съезд, как указывает Шарль Зоргбиб, «был историческим съездом, на котором 1.436 делегатов услышали новую концепцию советской власти и миропорядка. Вместо верности Сталину им предложили вернуться к коллективной легитимности через партию, вновь возвышая

⁴⁰⁷ Laqueur W. Stalin. La estrategia del terror. Javier Vergara Editor, 2003: Pereira J.C., Martínez, P. Documentos básicos sobre historia de las relaciones internacionales. 1815-1991. Madrid: Editorial Complutense 1995. P. 500-501.

наследие и методы Ленина, дух коллективного руководства»⁴⁰⁸. Разоблачение культа личности не затрагивало марксистско-ленинских устоев. Но хотя хрущевская критика ни в коем случае не ставила под сомнение основы коммунистического режима, оказалось, по словам Э. Хобсбаума, что «советский монолит был разрушен»⁴⁰⁹.

Как утверждает Бжезинский, тогда же идеи особого национального пути к социализму стали популярны в тех странах, где были более сильны традиционный национализм и антисоветизм. К этому следует добавить сильные католические традиции, которые лежали в основе национального самосознания в Венгрии и Польше.

В послесталинских режимах народных демократий имели место разные формы протеста против СССР: восстание 17 июня 1953 г. в Берлине, антисоветские демонстрации в Болгарии. Эти явления с озабоченностью воспринимались в Москве как симптомы народного недовольства⁴¹⁰. В конце 1956 г. в специальном коммюнике КПСС признала, что «были совершены ошибки в отношениях с социалистическими странами»⁴¹¹.

Как бы то ни было, после смерти старого диктатора, внушавшего страх, в словарь марксистов вошло новое слово — «оттепель», хотя в академических кругах предпочитали говорить о «мирном сосуществовании».⁴¹² Это слово говорило о

⁴⁰⁸ Zorgbibe C. Historia de las Relaciones Internacionales, Vol. II, Del sistema de Yalta hasta nuestros días., Madrid: Alianza Universidad, 1997. P. 205.

⁴⁰⁹ Hobsbawm E. Historia del siglo XX. Barcelona: Crítica, 1995. P. 396.

⁴¹⁰ Tony J. Postguerra. Una historia de Europa desde 1945. Madrid: Taurus, 2006. P. 455. Branko L. Le rapport Krouchtchev et son histoire. Le Seuil, 1976. Bogdan H. La historia de los países del Este. De los orígenes a nuestros días. Buenos Aires: Javier Vergara Editor S. A., 1991. P. 300.

⁴¹¹ Diez J.R. Historia del Mundo Actual (desde 1945 hasta nuestros días), Universidad de Valladolid, 2000. P. 317.

⁴¹² Pereira J.C. Diccionario de relaciones internacionales y política exterior. Barcelona: Ariel Ciencia Política, 2008. P. 157. Существовала также китайская интерпретация «мирного сосуществования», выдвинутая в 1954 году премьер-министром Чжоу Энь-Лаем, изложенная в пяти принципах Панча Шилы, позднее включенных в декларацию Бандунгской конференции (1955). Это были следующие принципы: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела других государств, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Слово «оттепель» было взято из одноименного романа Ильи Эренбурга,

демократизации внутри вовнутрь тоталитарного режима, но не означало отказа от мировой экспансии социалистического проекта, речь шла лишь о поиске взаимопонимания с противниками, идеологическими и стратегическими антагонистами, продолжавшими существовать.⁴¹³ Как указывал эксперт, «...советская политика послесталинской эпохи демонстрировала черты большего динамизма, для нее были характерны поиски новых путей и возможностей реализовать свою идеологическую миссию и привести социализм к победе в мировом масштабе».⁴¹⁴

В период после смерти Сталина, но еще до консолидации влияния Хрущева в СССР, Москва явственно продемонстрировала свою новую позицию, известную как десталинизация. Это было не что иное, как смена политики господства над странами-сателлитами на признание за ними суверенитета и равенства, т.е. их независимости в избрании механизмов, с помощью которых будет строиться социализм в мире. Этому новому духу соответствовал роспуск Коминформа в апреле 1956 года и идея создания вместе со всеми другими странами широкой зоны мира от Европы до Азии.

В этот контекст вписывается визит Хрущева и Булганина в мае 1955 года в Белград, Югославия, с четким намерением восстановить двусторонние отношения, прерванные за три года до этого. В остальном пример Югославии в плане смягчения идеологической жесткости в политических аспектах и ее способности к поиску новых форм развития внутри социализма

опубликованного в 1954 году. Это название родилось во время начавшегося в СССР процесса десталинизации.

⁴¹³ Palma Castillo L. *La confrontación ideológica en la Guerra Fría*. Santiago de Chile: RIL, 2003. P. 74. Стратегическим выбором СССР в те годы была поддержка движений за национальное освобождение, вспыхнувших по всей планете с процессом деколонизации. В 1953 году СССР оказал поддержку Индии, в 1955-56 годах СССР вместо Запада взял на себя финансирование строительства Асуанской плотины в Египте, что положило начало его широкому проникновению в этот регион и способствовало превращению арабо-израильского конфликта в новый эпизод холодной войны. В эти же годы началась советская помощь Ираку, Афганистану, Южному Йемену, Алжиру, Сирии, Вьетнаму, Монголии, Гане, Мали и Гвинее. Также оказывалась поддержка азиатским и африканским движениям за независимость, что привело к росту числа советских союзников и сателлитов.

⁴¹⁴ Benz W., Graml H. *El siglo XX*, vol. II, *Historia Universal siglo XXI*, 1986, P. 385.

оказал заметное влияние на страны-сателлиты.⁴¹⁵ Возможно, поэтому В. Гомулка заверил в 1956 году в отношении социализма: «Пути, ведущие к этой цели, могут быть многообразными. Они зависят от различных обстоятельств места и времени. Модели социализма также могут быть различными. Это может быть тип, созданный в Советском Союзе, а может быть тот, что мы наблюдаем в Югославии, могут быть и другие типы... После Второй мировой войны СССР перестал быть единственной страной, строившей социализм. В мире появился народный Китай и многочисленные страны народной демократии, среди них – Польша».⁴¹⁶

С помощью целой серии своих шагов Москва дала понять всем коммунистическим партиям, что существуют различные пути к социализму – это было снижение военных расходов (1954), сокращение советских вооруженных сил на 37% в 1955-58 годах, отказ от территориальных притязаний в турецкой Анатолии (1953), восстановление дипломатических отношений с Израилем (1953), вывод частей Красной Армии из Порт-Артура, где они оставались после Второй мировой войны, официальное прекращение состояния войны с Германией в 1955 году, что способствовало осуществлению визита канцлера Конрада Аденауэра в Москву и восстановлению двусторонних отношений между Федеральной Республикой Германии и СССР, встреча в Женеве (июль 1955 года) Хрущева с Эйзенхауэром, роспуск Коминформа⁴¹⁷ (эта организация предала анафеме Тито за идеологический уклон в 1956 году), а польский и венгерский кризис очертили границы этого процесса.

В этот период стали очевидными идеологические разногласия, но в то же время социалистический «блок» постепенно продвигался в решении задачи сплочения и консолидации. Беспорядки в Восточном Берлине (1953), которые правительство не смогло взять под контроль без помощи советских войск, в Польше в промышленном городе Познань в июне 1956 года и в Венгрии в

⁴¹⁵ Mammarella G. *Historia de Europa Contemporánea desde 1945 hasta hoy*. Barcelona: Ariel, 2008. P. 166.

⁴¹⁶ Pereira J.C., Martínez P. *Documentos básicos sobre historia*. P. 502.

⁴¹⁷ Аббревиатура Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, созданного Сталиным в 1947 году с целью объединения коммунистических партий и их подчинения интересам безопасности, куда входили Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария и Румыния, а также Франция и Италия. См.: Pereira J.C. *Diccionario de relaciones internacionales*. P. 555-556.

октябре 1956 года либо были жестоко подавлены, либо было принято решение о военной оккупации Красной армией. Это означало шаг назад в плане концепции мирного сосуществования в холодной войне, но твердо демонстрировало, что ни КПСС, ни местные коммунистические партии не потерпят потери своей власти и авторитета.⁴¹⁸

По утверждению Кристиана Гарая «... попытки либерализации в Польше и Венгрии, возникшие внутри самого марксистского социализма, закончились трагически, когда по геополитическим и идеологическим причинам они были вынуждены вернуться к марксистской ортодоксии и подчинению Москве».⁴¹⁹

В августе 1953 года Советский Союз испытал первую водородную бомбу. Затем началось обострение обстановки на Ближнем Востоке, и Москва оказала поддержку Насеру в Египте, что означало «прыжок» через санитарный кордон. В начале 60-х годов произошли два события огромного значения. Во-первых, это возведение Берлинской стены (1961), называемой коммунистами Германской Демократической Республики «Антифашистский оборонительный вал» (*Antifaschistischer Schutzwall*) и известной на Западе как «Позорная стена». Вторым событием стал кубинский ракетный кризис (1962).⁴²⁰

⁴¹⁸ Теме холодной войны посвящены следующие работы: Pereira J.C. *Historia y presente de la Guerra Fría*. Madrid: Ediciones ITSMO, 1989; Pereira J.C. *Los orígenes de la Guerra Fría*. Madrid: ARCO, 1997; Pereira J.C. *La Guerra Fría en Historia de las Relaciones Internacionales Contemporáneas*. Barcelona: Ariel, 2001; Powaski R.E. *La guerra fría: Estados Unidos y la Unión Soviética, 1917-1991*. Barcelona: Crítica, 2000; Leffler Melvyn P. *La guerra después de la guerra: Estados Unidos, la Unión Soviética y la Guerra Fría*. Barcelona: Crítica, 2008; Fontaine A. *Historia de la Guerra Fría*, Barcelona, 1970; Zorgbibe C. *Historia de las relaciones internacionales. II. Del sistema de Yalta a nuestros días*. Madrid: Alianza Universidad, 1997; Gaddis Lewis J. *La Guerra Fría*. Barcelona: RBA Libros, 2008; Gaddis Lewis J. *The United States and the origins of the cold World, 1941-1947*. Columbia and Princeton: University Presses of California, 2000. Также рекомендуем труды общего характера: Benz W., Hermann G. *El siglo XX*, 2 vols., *Historia Universal siglo XXI 6ª Edición en español*, 1986; Stuart H. *Historia de Europa Contemporánea*. Santiago de Chile: Editorial del Pacífico, 1966.

⁴¹⁹ Garay C. *La cuestión húngara y la política exterior de Chile en 1956*. // *Diplomacia*, N° 110, enero-marzo, 2007, p. 61.

⁴²⁰ Помимо трудов историков об этом эпизоде холодной войны большой интерес представляют свидетельства участников событий. Американская интерпретация: Kennedy R. *Trece días (La crisis de Cuba)*. Barcelona: Plaza & Janés, 1966; Schlesinger A.M. *Los mil días de Kennedy*. Barcelona: AYMA, 1966. P. 579-612; Sorensen T. *Kennedy. El hombre. El presidente*, vol II, Barcelona:

В мае 1955 года был подписан Варшавский договор, названный «коммунистическим НАТО», который хотя и являлся договором о дружбе, кооперации и взаимопомощи, стал ответом на начавшееся перевооружение ФРГ. Его главной целью было крепче сплотить сателлитов СССР вокруг Москвы, продемонстрировав тем самым сохранение своей гегемонии в этой зоне.

Можно констатировать, что эпоха «оттепели» или «мирного сосуществования» не обошлась без серьезных кризисов, которые подвергли риску международную стабильность, ядерная угроза привела к тому, что Раймон Арон определил этот этап как «война невероятна, мир невозможен», ибо военное столкновение означало уничтожение всего человечества.⁴²¹ Атомное оружие могло использоваться лишь для устрашения как Москвой, так и Вашингтоном, поэтому они сконцентрировались на двойной цели: сохранить свои сферы влияния и распространить свои интересы за пределы Европы, т.е. на третий мир. Тем самым столкновение приобрело бы всемирный масштаб.⁴²²

Ложное польское освобождение: июнь-октябрь 1956 года

Смерть Сталина и XX съезд КПСС (14-25 февраля 1956 года) стали решающим этапом для всех коммунистических стран. Во

Editorial Grijalbo, 1972, pp. 989-1064. Советская интерпретация: Krushev N. Memorias. El último testament. Barcelona: Editorial Euros, 1975. P. 450-455; Taubman W. Krushev. El hombre y su tiempo. Madrid: La Esfera de los Libros, 2005. P. 633-688.

⁴²¹ Президент Эйзенхауэр определил его как «неудобный мир». Для противостояния продвижению коммунизма в третьем мире госсекретарем Дж. Фостером Даллесом была провозглашена «теория домино», согласно которой, если одна страна упадет в руки коммунистов, то она неизбежно повлечет за собой соседние страны, в конечном счете дестабилизируя весь мир. В соответствии в этой теорией США проводили широкую политику региональных союзов, созданных в духе трансатлантической модели НАТО: АНЗЮС (1951), СЕАТО (1954), СЕНТО (1959). Большое количество соглашений на мировом уровне были задуманы как своего рода «санитарный кордон», опоясывавший Советский Союз. Это было дополнено доктриной «массированного возмездия», красиво называвшейся «на краю бездны», согласно которой на любой советский локальный вызов полагалось ответить угрозой мировой ядерной войны.

⁴²² Обе сверхдержавы использовали ядерную угрозу. Соединенные Штаты – чтобы ускорить переговоры о мире в Корее (1953) и Вьетнаме (1954), а СССР – чтобы заставить Великобританию и Францию уйти из Суэца (1956).

время дискуссий на этом знаменитом съезде Польшу представлял Первый секретарь Центрального комитета ПОРП (Коммунистической партии Польши) сталинист Болеслав Берут (1892-1956), возглавлявший просоветское крыло внутри ПОРП. Он умер 12 марта, сразу после съезда, от остановки сердца, и в отсутствие лидера его внутривнутрипартийная фракция распалась.

Руководство стран народной демократии, лояльное Москве, практически не распространяло доклад Хрущева, но текст его выступления стал известен, после чего начался период «оттепели», и общество в Польше надеялось на либерализацию и гуманизацию системы. С другой стороны, либеральные силы внутри самой партии пользовались поддержкой населения и, в конце концов, взяли партию под свой контроль благодаря наличию умеренного лидера националистической ориентации – реабилитированного Владислава Гомулки, который впал в немилость в результате чистки в 1951 году. Его попросили вернуться и занять пост первого секретаря ПОРП на первом заседании Политбюро с его участием 13 октября 1956 года. Тем временем советский маршал польского происхождения Константин Рокоссовский, назначенный министром обороны и членом польского Политбюро с 1949 года, был смещен со своей должности, что означало окончание подчинения польской армии и правительства советской опеке. После этих событий ПОРП заявила, что страна будет следовать по «национальному пути к социализму», и это вызвало беспокойство Москвы.

Польская политика открытости была ограничена внутривнутрипартийными рамками, тем не менее, стала очевидной относительная автономия этой компартии по отношению к Москве. Сам Гомулка уточнил эту стратегию, заявив: «Путь демократизации – это... единственный приемлемый путь строительства лучшего типа социализма; мы не можем сойти с этого пути, и защитим его всеми нашими силами, чтобы не потерпеть на нем поражение. Но мы также никому не позволим использовать в своих интересах процесс демократизации в ущерб социализму...»⁴²³

Динамика десталинизации сопровождалась ростом напряжения и противоречий как внутри СССР, так и в других странах. Процесс десталинизации в СССР вызвал беспокойство у проталинского крыла, бывшего частью коммунистических партий в странах-

⁴²³ Pereira J.C., Martínez P. Documentos básicos sobre historia. P. 502.

сателлитах, а также озабоченность национальных групп, положительно воспринявших волну либерализации, что привело к росту напряжения по периметру безопасности СССР.

В последние дни июня 1956 года в Познани начались забастовки и беспорядки в связи с проведением Международной выставки. Недовольство было вызвано низкой зарплатой, изнурительно долгим рабочим днем, дефицитом продовольствия и товаров широкого потребления, неправильным управлением экономикой и другими причинами. За забастовкой последовали демонстрации, на которые вышли десятки тысяч человек, начались нападения на общественные здания, приведшие к кровавому взрыву насилия, беспрецедентному в гражданской истории коммунистической Польши. В конце концов власти прибегли к помощи польской армии и сил безопасности для восстановления порядка, итогом чего стали 54 убитых, сотни раненых и многочисленные аресты. Через несколько месяцев Гомулка, анализируя события в Познани, утверждал, что глубинная причина трагедии и недовольства рабочего класса заключалась именно в самом руководстве компартии и правительства Польши.⁴²⁴

Недовольство трудящихся сопрягалось с брожением мысли интеллигентов-диссидентов, университетскими процессами и выступлениями католиков при паломничестве в Ченстохова к чудотворной иконе Божией матери, во время которых они требовали освобождения примаса Польши.⁴²⁵ Там, на возвышении как символ отсутствия кардинала Вышинского был установлен пустой стул.

Эхом возмущения против руководства партии стала знаменитая «Поэма для взрослых» Адама Важика (1905-1982), опубликованная в журнале *Nowa Kultura* 21 августа 1955 года. В ней описывалась чудовищная ситуация в Новой Гуте, рабочем городе недалеко от Кракова, где находился крупный металлургический комплекс,

⁴²⁴ Diez J.R. *Historia del Mundo Actual (desde 1945 hasta nuestros días)*. Valladolid, 2000. P. 319.

⁴²⁵ Черная мадонна Ченстохова – святая икона девы Марии, наиболее почитаемая святыня Польши, один из ее национальных символов. Ее праздник, утвержденный Папой Пием X в апреле 1904 года, отмечается в первую среду после 24 августа.

символ социализма, воплощение утопии.⁴²⁶

«Они говорили:
При социализме
Раненый палец не болит.
Они поранили себе палец:
Им было больно.
Они усомнились
Мы просим ясной правды
зерно свободы
пылающий разум»⁴²⁷

Оппозиция коммунистическому режиму потребовала ухода польских сталинистских руководителей. При поддержке Хрущева к власти пришел национально ориентированный коммунист Владислав Гомулка. Польское общество в 1956 году очень сознательно стремилось к осуществлению долгожданной десталинизации и демократизации политической системы, проходящей через оттепель. Национализм стал дрожжами мобилизации, в ходе которой снова стали петь гимн родной страны и требовать возвращения белого орла на знамя. Также возродились религиозные и клерикальные чувства, поляки требовали освобождения епископов, введения религиозного образования и возвращения распятий в образовательные центры.

Десять тысяч солдат и 360 танков противостояли гражданским лицам, сотни человек задержаны, многие из них затем осуждены. Отчасти было реализовано то, о чем предупреждал премьер-министр Польши: «рука, поднявшаяся против власти, будет отрублена».⁴²⁸

В октябре 1956 года в СССР были отправлены министр обороны Польши советский маршал Константин Рокоссовский, а также 32 русских генерала и полковника. Были запрещены доносы и закрыты магазины, где отоваривалась элита компартии. Польским гражданам было разрешено покупать золото, серебро и иностранную валюту. Была отменена практика ссылок, после чего

⁴²⁶ Этой теме посвящен фильм «Человек из мрамора» (1977) режиссера Анджея Вайды. Он ставит под вопрос коммунизм, стахановские стимулы, подавляющие человека, и, конечно, Сталина.

⁴²⁷ Цит. по: Fontaine A. Historia de la Guerra Fría. De la guerra de Corea a las crisis de las alianzas. 1950-1967. Bracelona: Luis de Caralt, 1970. P. 196.

⁴²⁸ Courtois S., Werth N., Panné J-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J-L. El libro negro del comunismo. Crímenes, terror y repression. Madrid - Barcelona, Editorial Planeta - Espasa 1998. P. 433.

многие университетские профессора вернулись в аудитории и на кафедры. Были реабилитированы участники сопротивления нацистской оккупации. Одним из самых выдающихся событий того периода стало освобождение заключенных епископов, в первую очередь примаса Польши кардинала Стефана Вышинского (1901-1981) 21 октября 1956 года.⁴²⁹

Прямым следствием реформ октября 1956 года был роспуск польского Комитета государственной безопасности (КГБ) и сокращение штата политической службы безопасности, ответственной за репрессии. Число ее сотрудников значительно уменьшилось, были уволены информаторы, прекратилась поддержка различных проектов, были приостановлены проводимые исследования. При всем размахе принятых решений Гомулка смог начать лишь отдельные судебные процессы, ибо не стоило демобилизовать структуру, которая могла еще понадобиться.

В результате этих событий Советский Союз был вынужден согласиться с возвращением во власть Гомулки в октябре 1956 года, ибо прямая военная интервенция русских сил в Польше была слишком рискованной не только из-за сопротивления, которое оказала бы польская армия, но и из-за ее влияния на другие страны. 22 октября Хрущев утвердил Гомулку первым Генеральным секретарем компартии, но с тем условием, что новое польское правительство сохранит социалистическую систему и останется в Варшавском договоре.⁴³⁰

⁴²⁹ Он родился в 1901 году, и до войны имел большой пастырский опыт работы в молодежь и рабочими. Во время войны был капелланом подпольной польской армии. После смерти кардинала Хлонда единодушным решением польского епископата и Папы Пия XII был назначен архиепископом района Гнезно-Варшава 12 ноября 1948 года. Вышинский был назван «примасом тысячелетия».

Католическая церковь являлась почти единственным институтом в Польше, который сохранил свою независимость, но оставался под тесным наблюдением. В 1950 году начались суды над священниками, и в сентябре 1953 года был приговорен к 12 годам заключения епископ Качмарек. Затем были приговорены к тюремному заключению еще 100 прелатов, но этим не ограничилось. Последователей свидетелей Иеговы заклеили как «американских шпионов» и в 1951 году их было задержано более 2.500 человек. См.: Courtois S. (et. al.) *El libro negro del comunismo*. P. 430. О положении польской католической церкви в это период см.: Kieniewicz, J. *Historia de la Polonia*. México: FCE, 2001. P. 227.

⁴³⁰ Военный союз, заключенный в 1955 году между СССР и его сателлитами в Восточной и Центральной Европе имел двойную цель: сплотить советский

Хотя маршал Рокоссовский был выведен из состава Политбюро и покинул Польшу, система обороны СССР формально осталась нетронутой, но мы говорим о формальности, ибо в случае любого столкновения с Западом уже не было гарантии соблюдения своих обязательств польской армией.

Но эти ветра освобождения от опеки Москвы дули недолго, и Гомулка понял, что публичные дебаты о жизнеспособности коммунизма могли привести к отбрасыванию идеологической утопии, поэтому он решил вернуться к идее непогрешимости социализма и к однопартийной системе. Кроме того, он был коммунистом, который знал, что должен поддерживать разумные дружеские отношения с СССР, обеспечить власть партии и не отдалять Польшу от Варшавского договора. Тем самым он гарантировал СССР, что его основные интересы в зоне не подвергнутся риску. К концу 1956 года Польша подтвердила свою верность социалистическому лагерю, подписав советско-польский договор, дававший право Советскому Союзу оставить свои войска в Польше. Гомулка дал гарантии Москве в своей речи в Центральном комитете 20 октября 1956 года, заверив: «мы никому не позволим воспользоваться преимуществами процессом демократизации за счет социализма. Во главе этого процесса демократизации находится наша партия».⁴³¹

Влияние на Чили

Мы полагаем, что утверждения Кристиана Гарая относительно венгерской трагедии 1956 года могут быть экстраполированы на польскую ситуацию: «двусмысленность положения и вина чилийских левых социалистов были огромны, ибо они колебались и очень слабо противостояли империалистическим действиям своего главного покровителя и финансиста».⁴³²

Как известно, тезис «ограниченного суверенитета»,

блок, упрочить контроль Москвы за политической эволюцией других его членов, а также противостоять оборонной системе Запада, сформированной после создания НАТО в 1949 году и принятия туда Федеративной Республики Германии в 1955 году. См.: Pereira J.C. Diccionario de relaciones internacionales, P. 730 y ss.

⁴³¹ Henry B. La historia de los países del Este. De los orígenes a nuestros días. Buenos Aires: Javier Vergara Editor, 1991. P. 306.

⁴³² Garay C. La rebelión húngara de 1956 y la política internacional de Chile. // *Revista Electrónica Arbil*, N° 103 (www.arbil.org)

провозглашенный Леонидом Брежневым на V съезде ПОРП (11-XI-1968) был ни чем иным как возвращением к первенству пролетарского интернационализма, изложенному Коровиным в 1924 году. Это теоретическое оправдание гласит, что суверенное государство не выше мирового пролетарского класса, а представляет интересы этого класса советская власть, которая вправе «вмешиваться» в любые дела стран-сателлитов в случае «контрреволюционной опасности».⁴³³

16 июля 1956 года Эдвард Више Заржицкий, представитель правительства Польши в изгнании, направил письмо министру иностранных дел Чили, к которому был приложен меморандум, чтобы Чили огласило его на встрече глав государств 22 июля в Панаме. Он сделал это, как говорилось в послании: «с уверенностью, что Чили, будучи всегда в авангарде защиты демократии, взяла на себя инициативу отстаивать дело свободы и справедливости».⁴³⁴

В этом документе признавалось, что народы подвергались угнетению из-за советского контроля, а кроме того предусматривалось осуждение со стороны государств Латинской Америки их ситуации за железным занавесом. Этот документ был обговорен с Джоном Фостером Даллесом, который счел несвоевременным принятие подобных обязательств.⁴³⁵

Несколькими днями раньше президент польского народа (президент Польши в изгнании) направил письмо президенту Республики Чили Карлосу Ибаньесу дель Кампо, в котором просил его о поддержке своей страны в ее стремлении к свободе и справедливости для польского народа.⁴³⁶ Он также не мог не упомянуть такой факт, как то, что «движение в Познани возглавляли трудящиеся массы, те самые, о чьей поддержке и покровительстве которых заявлял режим. И вновь Польша была драматически предназначена открыть брешь и указать путь

⁴³³ Zorgbibe C. Historia de las Relaciones Internacionales, Vol. II. P. 342.

⁴³⁴ Misión residente, 1956, vol. 4.420; Notas (E-R), Polonia, julio 16 de 1956 (Santiago, Chile)

⁴³⁵ Джон Фостер Даллес (1888-1959), американский политик. В 1953-1959 был госсекретарем при президенте Д. Эйзенхауэре. Он был важнейшей фигурой в первые годы холодной войны, выделяясь своей борьбой с международным коммунизмом.

⁴³⁶ Misión residente, 1956, vol. 4.420; Notas (E-R), Polonia, julio 3 de 1956 (Santiago, Chile).

угнетенным странам, страдающим от голода и террора».⁴³⁷

В выступлении Роберто Альдунате, председателя чилийской делегации на одиннадцатой очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН (с 12-XI-1956 по 08-III-1957), была высказана позиция страны в следующем заявлении: «Моя страна, чьи традиции чистой демократической жизни и свободы никогда не были запятнаны, не может проявлять терпимость перед лицом вторжения тиранических сил под предлогами, которые невозможно принять во внимание и тем более оправдать то, что попирают волю другого народа, не позволяя ему создать независимое правительство и определить свое будущее. Поэтому мы на стороне тех, кто поднял здесь свой голос протеста несмотря на эту агрессию, которая направлена против суверенитета каждого государства и покушается на самые элементарные права человека».⁴³⁸

Как указал дипломат, это всего лишь соответствовало линии, намеченной Чили в плане сплочения рядов с западными державами, особенно США, с учетом антикоммунистических позиций правительства чилийского президента Карлоса Ибаньеса.⁴³⁹

Тем временем сообщения о польских событиях привлекли внимание чилийских СМИ и нашли отражение в заголовках газет с того момента, как в июне 1956 года начались беспорядки в Познани.⁴⁴⁰

На политическом уровне Исполнительный совет Объединенной консервативной партии Чили выразил протест против репрессий коммунистов а отношении польских католиков.⁴⁴¹ То же объединение позднее провело собрание 12 июля 1956 года в клубе Доминго Фернандес Конча в честь польских католиков, преследуемых коммунизмом, куда были приглашены представители всех общин эмигрантов из стран, находившихся под

⁴³⁷ Misión residente, 1956, vol. 4.420;: Notas (E-R), Polonia, julio 3 de 1956 (Santiago, Chile).

⁴³⁸ MINREL, Memorias Delegación de Chile, XI Asamblea General N.U., 1956-1957, Sesiones plenarias. Tomo 1; vol. 131, Capítulo II, Debate General. A) Intervención del Presidente de la delegación chilena, folio 00018.

⁴³⁹ MINREL. Oficio Ordinario, N° 09534 (E). Dirección Política, Santiago de Chile, 8-XI-1956, p. 8, punto B. 1)

⁴⁴⁰ El Diario Ilustrado, 29 de junio de 1956, 30 de junio, 1 de julio de 1956.

⁴⁴¹ El Diario Ilustrado, 4 de julio de 1956.

властью СССР.⁴⁴² Главным оратором на собрании был Серхио Фернандес Ларраин, председатель комиссии, которую создала Объединенная консервативная партия для изучения проникновения коммунизма в Америку.⁴⁴³

После выступления Фернандеса Ларраина руководители польской общины в Чили написали ему письмо, в котором выразили признательность за его дружественную позицию и солидарность, выраженную им в злосчастные дни, пережитые польским народом с этой высокой кафедры сенатской палаты «в тот момент, когда считанные лица отваживались это сделать».⁴⁴⁴ Выступление руководителя консерваторов позднее было отмечено орденом Возрождения Польши.⁴⁴⁵

Это было не единственным проявлением солидарности. Национальное руководство Конфедерации частных служащих Чили одобрило 5 голосами против 3 публичное заявление, в котором были осуждены репрессии против польских трудящихся.⁴⁴⁶ После этого заявления вышел номер газеты «Эль Сигло», печатный орган Коммунистической партии Чили, где ответственность за оркестровку кампании «дезинформации» была возложена прежде всего на такие информационные агентства, как «United Press», «Associated Press» и особенно «International New Service». Газета считала, что анализ событий в Познани должен был учитывать все разрушения, принесенные Второй мировой войной, серьезные экономические, социальные и политические преобразования, которые пережила Польша и, конечно, существование североамериканского плана усиления напряженности в странах народной демократии.

Пытаясь определить степень ответственности всех, газета без тени сомнения указывала, что насилие было развязано «вечными

⁴⁴² El Diario Ilustrado, 8 de julio de 1956 г..

⁴⁴³ El Diario Ilustrado, 10 de julio de 1956.

⁴⁴⁴ El Diario Ilustrado, 20 de Julio 1956. Письмо было подписано Симоном Войчицким, председателем Польского союза, Бруно Рыхловским, ректором Польской католической миссии и Михаилом Порадовским, президентом Польского института культуры.

⁴⁴⁵ Это одна из высших наград Польши. Она вручается за выдающиеся достижения в области образования, науки, спорта, культуры, искусства, экономики, обороны страны, гражданской службы и укрепления добрых отношений с другой страной. Орден учрежден 4 февраля 1921 года и может вручаться как гражданским лицам, так и военным, а также иностранцам.

⁴⁴⁶ El Mercurio, 4 de julio 1956.

заговорщиками старых реакционных классов – землевладельцев и крупной буржуазии, сотрудничавших с нацистами и потерявших свои богатства». И, разумеется, часть из них были платными агентами Вашингтона.⁴⁴⁷

Однако на следующий день к анализу были добавлены новые элементы. Было указано, что причины недовольства профсоюзов коренились в низком уровне зарплаты и бюрократизме функционеров, ответственных за решение этой проблемы. Газета сочла, что единственное, что сделали рабочие, это требовали удовлетворения своих экономических нужд в Польше, где существует народная демократия и свобода профсоюзов.⁴⁴⁸

Через несколько дней, 7 июля 1956 года, Федерация чилийских студентов, объединявшая учащихся университетов всей страны, выразила энергичный протест против коммунистических репрессий. В ее заявлении указывалось, что не ново в мире подвергать эксплуатации народы и рабочих во имя «диктатуры пролетариата», и подчеркивалось, что в странах «народной демократии» часто подавлялся с помощью насилия любой протест против тоталитарных правителей.

В тексте не только выражалась солидарность с польскими мучениками, павшими в Познани, но и высказывалось негодование правительству Польши за убийство безоружных патриотов.⁴⁴⁹

В воскресенье 8 июля 1956 года в коллегию Национального благодарения в присутствии парламентариев, профсоюзных руководителей и многочисленной публики состоялась траурная церемония, где почтили память нашедших вечный покой душ рабочих, убитых в Познани. На церемонии присутствовали представители Федерации чилийских студентов (FECh); Национальной конфедерации частных служащих (CERPCh); Фронта свободных трудящихся; Ассоциации государственных служащих

⁴⁴⁷ El Siglo, 5 de julio 1956.

⁴⁴⁸ El Siglo, 6 de julio de 1956.

⁴⁴⁹ El Diario Ilustrado, 8 de julio de 1956.

Три следующих пункта текста заявления выразили мнение Федерации чилийских студентов. Его подписал вице-президент федерации Кастильо: «1.- Выразить солидарность с польскими мучениками, павшими в Познани под пулями военных и танков. 2.- Высказать правительству Польши протест и негодование по поводу убийства безоружных патриотов. 3.- Подтвердить свою веру в то, что народы мира окончательно свергнут все тирании, и в особенности советское господство над половиной Европы». – El Sur, 8 de Julio de 1956.

(ANEF); Конфедерации трудящихся Чили; Национальной текстильной федерации; Чилийской ассоциации профсоюзов (ASICH); Федерации профсоюзов медицинских работников; Metallургической федерации; Федерации воспитателей и других профессиональных организаций, которые представляли служащих и рабочих.

Во время церемонии взял слово Бруно Рыхловский, ректор Польской католической миссии в Чили: «Снова, уже в который раз за время своего трагического существования, дети Польши собрались у подножия креста, чтобы помолиться за своих павших». И добавил: «...польский рабочий по традиции сознает свое человеческое достоинство. Его тысячелетняя культура пропитана духом Христа, открывшего ему его достоинство сына божьего».⁴⁵⁰

На этой церемонии присутствовал также известный чилийский профсоюзный лидер Клотарио Блест, президент Единого профцентра трудящихся Чили (CUT), что произвело смятение среди национальных советников CUT, поддерживавших креольский коммунизм в этой федерации профсоюзов.⁴⁵¹ Это был немаловажный факт, выявивший раскол в национальном руководстве CUT. Перед тем, как прийти на церемонию, Блест попытался прийти к согласию в CUT, чтобы заявить протест против кровавых московских репрессий в Польше, но жесткая оппозиция советников-коммунистов, пригрозивших руководителю его исключением из профсоюза, сделала невозможным материализацию этого соглашения несмотря на поддержку ряда советников.⁴⁵² Тем не менее присутствие президента CUT возмутило советников-коммунистов профцентра, которые потребовали созвать специальную сессию для рассмотрения

⁴⁵⁰ El Mercurio, 9 de Julio de 1956. La Nación, 8 de Julio de 1956.

⁴⁵¹ Клотарио Блест (1899-1990), чилийский профсоюзный руководитель, основатель ряда организаций: Национальная ассоциация государственных служащих (ANEF), Единый профцентр трудящихся Чили (CUT), Левое революционное движение (MIR), Комитет защиты прав человека и профсоюзов (CODEHS).

⁴⁵² Среди них был Хуан Дуран, член фаланги и представитель Национальной федерации горной промышленности. Протест также поддержали советники Национальной конфедерации частных служащих (CERCh), хотя эта организация сделала публичное заявление, где энергично клеймила преследование трудящихся в странах, угнетаемых советской диктатурой. Им дал жесткий ответ один из руководителей коммунистов Хосе Мигель Варас в газете «Эль Сигло», официальном органе чилийской компартии. La Nación, 9 de Julio de 1956, El Siglo, 5 de Julio de 1956.

сложившейся ситуации. Это окончательно отдалило Блеста от креольских коммунистов.

Поэтому не удивительно, что после церемонии профсоюза чилийской электрической компании, посвященной памяти свободных трудящихся и проходившей в профсоюзном театре, представители красных профсоюза напали на выходе из здания на организатора мероприятия Хулио Фуэнтеса.⁴⁵³

Для чилийских коммунистов демонстрация солидарности с повергшимися насилию польскими рабочими и начавшиеся расколы в профсоюзных и студенческих организациях в связи с событиями на Востоке, были частью так называемой «операции Познань», осуществляемой американским империализмом в мировом масштабе.⁴⁵⁴

Через несколько недель в штаб-квартире Партии труда состоялся форум на тему Польши, в котором приняли участие Эктор Гахардо, руководитель Партии труда, г-н Мерино, редактор «Diario Ilustrado», руководители фаланги Хайме Кастильо, Роберто Леон Алькинта и Элена Гуттьерес.⁴⁵⁵

«Эль Сигло», воспевая польские события, не жалел ни пера, ни краски, чтобы продемонстрировать, как укрепился социализм после мятежа в Познани. На его страницах была перепечатана целая серия колонок мнений, опубликованных в газете «Trybuna Ludu», а также выдержки из некоторых заявлений Гомулки.

С другой стороны, для официальной газеты «La Nación» события в Польше были всего лишь следствием «внутренних волнений, ставших отложенной реакцией на смерть Сталина в надежде на смену курса, которая может произойти при новых хозяевах», говорилось в одной из редакционных статей. И далее указывалось: «Мир полон надежд, но также и скептицизма, наблюдая за этой титанической борьбой нации-мученика, чья гражданская траектория отмечена жертвами, от которых содрогаются люди во всем мире, еще способные восхищаться проявлениями героизма в человеческих войнах»... «И именно это нужно Польше в этот решающий момент своей истории: моральная и по возможности материальная поддержка цивилизованного мира,

⁴⁵³ La Nación, 11 de Julio de 1956.

⁴⁵⁴ El Siglo, 10 de Julio de 1956.

⁴⁵⁵ Согласно «Эль Сигло», оба руководителя были связаны с «Конгрессом за свободу культуры», который финансировал госдепартамент США. El Siglo, 26 de Julio de 1956.

чтобы помочь ей преодолеть жестокого, безжалостного и свирепого захватчика, который сможет отступить только перед более сильным».⁴⁵⁶

«La Nación» считала необходимым, чтобы Чили выразила поддержку польскому народу ибо, по ее мнению, на карту были поставлены основные темы для Запада: свобода, право и братство – все эти начала газета считала имманентно присущими душе страны.

В конце октября официальная пресса вернулась к этим обсуждениям в передовой статье, где говорилось о том, что каждое общество должно решать свои проблемы независимо и «...без иностранной опеки, ибо его демократическое развитие не приемлет ни намордника, ни колючей проволоки».⁴⁵⁷

Объединенные консерваторы с самого начала не только осудили события в Познани, но и выразили свою солидарность с польским народом и трудящимися. Депутат Луис Вальдес Ларраин выступил в палате, а бывший сенатор Серхио Фернандес Ларраин дал интервью на тему событий. Лишь в конце 1956 года тему затронули представители Радикальной партии, Народной социалистической, Фаланги и коммунисты в целой серии интервью, взятых журналом «Ercilla».⁴⁵⁸

Гало Гонсалес, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили, утверждал в этой публикации, что процесс демократизации, начатый самими коммунистическими партиями после XX Конгресса Коммунистической Партии Советского Союза, позволил реанимировать отстраненные от власти реакционные группы, стремящиеся к восстановлению капитализма. В решении этой задачи, как утверждал руководитель, они рассчитывали на помощь сил международного капитализма. Несмотря на эти заявления, Гонсалес признал, что недовольство польского населения также имело своим объяснением его тяжелое положение, а процесс удовлетворения его материальных нужд шел слишком медленно. «Возможно, – заверил он, – что власти действовали недостаточно, не следовали своим принципам и не стремились

⁴⁵⁶ La Nación, 23 de Julio de 1956.

⁴⁵⁷ La Nación, 26 de Julio de 1956.

⁴⁵⁸ Интервью дали М. Труэко (Радикальная партия), Р. Ампуэроо (Народная социалистическая партия), Х. де Диос Кармона (Фаланга), Гало Гонсалес (Генеральный секретарь Коммунистической партии). *Ercilla*, 31 de octubre de 1956.

улучшить жизнь народа». В заключение руководитель уточнил, что как в польском, так и в венгерском случае речь идет о несостоятельности метода, но не системы: «колесо истории нельзя повернуть назад».⁴⁵⁹

Выдвинутые им аргументы были весьма сходны с теми, которые звучали в публикациях газеты «Эль Сигло», которая всегда – как и следовало ожидать – возлагала ответственность за события в Познани на «агентов империализма».⁴⁶⁰

Со своей стороны «El Diario Ilustrado» писал о событиях в Познани: «Поляки идут вперед, положив руку на сердце. Героический дух Шопена распростер свои крылья над Познанью, вселяя бодрость и смелость в любимый свой народ, который в эти моменты пишет на нотах истории Героическую симфонию человеческого долга: Симфонию правды»... Все страны мира потрясены, у них вызывает отвращение подобная подлость».⁴⁶¹

Депутат Луис Вальдес Ларраин, член Объединений консервативной партии, выразил энергичный протест против событий в Центральной и Восточной Европе: «С помощью смелости организованного меньшинства и открытой поддержки красной армии, – сказал парламентарий, – удалось починить свободные народы, которые любили свободу и продолжают стремиться к ней, не желая навязывания коммунизма». Но его организация всегда будет «проявлять бдительность перед лицом любого покушения на демократию и свободу» и станет «преградой на пути предательства и всех нарушений международного коммунизма».⁴⁶²

По случаю событий в Польше и Венгрии общины выходцев из этих стран в Чили организовали публичное мероприятие в театре SACHT 31 октября. На нем выступили Амбросио Сцола от имени венгерской общины, Эдвард Више от польской, а от Чили депутат Луис Вальдес Ларраин. В конце собрания был проведен сбор средств для «помощи жертвам тоталитарных репрессий».⁴⁶³ К церемонии также присоединился Фронт свободных трудящихся Латинской Америки (FTLAL), принявший заявление протеста

⁴⁵⁹ Ibid.

⁴⁶⁰ El Siglo, 3 de Julio de 1956. В остальном пресса того периода повторяла на своих страницах информацию и сведения, полученные от коммунистической оси. См. Например: El Sur, 30 de junio de 1956.

⁴⁶¹ El Diario Ilustrado, 13 de julio de 1956.

⁴⁶² El Diario Ilustrado, 25 de octubre de 1956.

⁴⁶³ El Diario Ilustrado, 31 de octubre de 1956.

против репрессий в Польше и Венгрии. В воскресенье 4 ноября в полдень все были приглашены на торжественную мессу в коллегии Национального благодарения (сализианцы), чтобы отдать дань памяти павших в Польше и Венгрии.⁴⁶⁴

Объединенная консервативная партия провела 5 ноября в своем профсоюзном отделе памятную церемонию в честь мучеников освободительной революции в Польше и Венгрии. Генерал Янош Сипос, бывший боец венгерской армии, живущий в Чили, где возглавил Объединение бывших бойцов своей родины, был особым приглашенным на церемонию, ибо в этот момент он воплощал «...освободительный дух и достоинство традиционной Венгрии».⁴⁶⁵

7 ноября в 19 часов в Зале Свободы была отдана честь защитникам свободы в Польше и Венгрии, мероприятие было проведено при покровительстве чилийской секции Конгресса за свободу и культуру. Председательствовали на церемонии Рамон Кортес, президент Чилийского комитета Конгресса и Хулио Сесар Хобет, член Конгресса. Также выразили свою солидарность с польским и венгерским народом Эдуардо Морага, президент Федерации чилийских студентов, Эктор Дуран, секретарь Единого профцентра трудящихся Чили (CUT) и Оскар Рекабаррен, президент Ассоциации рабочих и служащих предприятий общественного транспорта. Заключительным аккордом церемонии стали выступления депутатов Хулио Дурана, председателя Палаты, и Игнасио Пальмы Викуньи.⁴⁶⁶

Хобету было поручено озвучить позицию Чилийского комитета Конгресса, которая заключалась в «солидарности с революцией народов Венгрии и Польши, во главе с трудящимися этих стран, направленной против тоталитарного господства советского империализма». Далее в тексте усиливалась критика, уточнялось, что колониальная политика Кремля продолжала оставаться «политикой тирании, захвата и грабежа народов, поработанных и устранных его террором».⁴⁶⁷

Польские события, несмотря на географическое расстояние, не оставили равнодушным все чилийское общество. Широкое

⁴⁶⁴ El Diario Ilustrado, 31 de octubre de 1956; El Mercurio, 1 de noviembre de 1956.

⁴⁶⁵ El Diario Ilustrado, 5 de noviembre de 1956.

⁴⁶⁶ El Mercurio, 6 de noviembre de 1956.

⁴⁶⁷ El Mercurio, 9 de noviembre de 1956.

освещение в прессе Чили и напряженные дискуссии в парламенте показали существование близости и неподдельного интереса со стороны чилийских общественных сил. Чем объяснить этот живой интерес? С одной стороны, чилийское общество всегда чувствовало себя частью основных течений западной истории и переживало, а также интенсивно воссоздавало внутри себя важнейшие международные события. Так, холодная война не раз затрагивала молодую южноамериканскую нацию. Кроме того, нельзя забывать, что в 1956 году президентом Чили был Карлос Ибаньес дель Кампо, который поддерживал Вашингтон и его антикоммунистический крестовый поход. Поэтому чилийскому обществу было бы очень сложно остаться незатронутым такими событиями, как Венгерская революция или польский октябрь.

Библиография.

- Benz W., Hermann G.* El siglo XX, 2 vols., Historia Universal siglo XXI 6ª Edición en español, 1986.
- Bogdan H.* La historia de los países del Este. De los orígenes a nuestros días. Buenos Aires: Javier Vergara Editor S. A., 1991.
- Branko L.* Le rapport Krouchtchev et son histoire. Le Seuil, 1976.
- Courtois S., Werth N., Panné J-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J-L.* El libro negro del comunismo. Crímenes, terror y repression. Madrid - Barcelona, Editorial Planeta - Espasa 1998.
- Diez J.R.* Historia del Mundo Actual (desde 1945 hasta nuestros días). Valladolid, 2000.
- Fontaine A.* Historia de la Guerra Fría. De la guerra de Corea a las crisis de las alianzas. 1950-1967. Bracelona: Luis de Caralt, 1970.
- Gaddis Lewis J.* La Guerra Fría. Barcelona: RBA Libros, 2008.
- Gaddis Lewis J.* The United States and the origins of the cold World, 1941-1947. Columbia and Princeton: University Presses of California, 2000.
- Garay C.* La cuestión húngara y la política exterior de Chile en 1956. // Diplomacia, N° 110, enero-marzo, 2007.
- Garay C.* La rebelión húngara de 1956 y la política internacional de Chile. // Revista Electrónica Arbil, N° 103 (www.arbil.org)
- Henry B.* La historia de los países del Este. De los orígenes a nuestros días. Buenos Aires: Javier Vergara Editor, 1991.
- Hobsbawm E.* Historia del siglo XX. Barcelona: Crítica, 1995.
- Kennedy R.* Trece días (La crisis de Cuba). Barcelona: Plaza & Janés, 1966.

- Kieniewicz J.* Historia de la Polonia. México: FCE, 2001.
- Kruschev N.* Memorias. El último testament. Barcelona: Editorial Euros, 1975.
- Laqueur W.* Stalin. La estrategia del terror. Javier Vergara Editor, 2003.
- Leffler Melvyn P.* La guerra después de la guerra: Estados Unidos, la Unión Soviética y la Guerra Fría. Barcelona: Crítica, 2008.
- Mammarella G.* Historia de Europa Contemporánea desde 1945 hasta hoy. Barcelona: Ariel, 2008. P. 166.
- Palma Castillo L.* La confrontación ideológica en la Guerra Fría. Santiago de Chile: RIL, 2003.
- Pereira J.C.* Diccionario de relaciones internacionales y política exterior. Barcelona: Ariel Ciencia Política, 2008.
- Pereira J.C.* La Guerra Fría // Historia de las Relaciones Internacionales Contemporáneas. Barcelona: Ariel, 2001.
- Pereira J.C.* Los orígenes de la Guerra Fría. Madrid: ARCO, 1997.
- Pereira J.C., Martínez P.* Documentos básicos sobre historia de las relaciones internacionales. 1815-1991. Madrid: Editorial Complutense, 1995.
- Powaski R.E.* La guerra fría: Estados Unidos y la Unión Soviética, 1917-1991. Barcelona: Crítica, 2000.
- Schlesinger A.M.* Los mil días de Kennedy. Barcelona: AYMA, 1966.
- Sorensen T.* Kennedy. El hombre. El presidente, vol II, Barcelona: Editorial Grijalbo, 1972.
- Stuart H.* Historia de Europa Contemporánea. Santiago de Chile: Editorial del Pacífico, 1966.
- Taubman W.* Kruschev. El hombre y su tiempo. Madrid: La Esfera de los Libros, 2005.
- Tony J.* Postguerra. Una historia de Europa desde 1945. Madrid: Taurus, 2006.
- Zorgbibe C.* Historia de las relaciones internacionales. II. Del sistema de Yalta a nuestros días. Madrid: Alianza Universidad, 1997.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ДВА ВЕКА ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО

*В.П.Казakov*⁴⁶⁹

V.P. Kazakov

АРГЕНТИНА: КОНСЕРВАТИЗМ
ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА

ARGENTINA: CONSERVATISM
VERSUS LIBERALISM

Аннотация: В статье рассматривается идеология режима Х.М. Росаса (1829–1852). Особое место уделяется полемике между Педро де Анхелисом – наиболее эрудированном представителем режима и Эстебаном Эчеверрией – лидером антиросистской оппозиции – о путях развития Аргентины.

Ключевые слова: Аргентина, консерватизм, либерализм, Росас, Анхелис, Эчеверрия..

Abstract: This article examines the ideology of the Rosas regime (1829–1852). Special attention is paid to a great debate between Pedro de Angelis – the more enlightened spokesmen of the regime and Esteban Echeverria – the leader of antirosista opposition concerning the ways of the development of Argentina.

Keywords: Argentina, conservatism, liberalism, Rosas, Angelis, Echeverria.

В основе идеологии диктатуры Х.М. Росаса (1829–1852) лежали представления об Аргентине и мире самого Росаса, человека глубоко консервативных взглядов, сформировавшихся в условиях колониального общества⁴⁷⁰. Этому так же способствовало его

⁴⁶⁸ Круглый стол проведён при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

⁴⁶⁹ **Владимир Петрович Казakov** – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Vladimir P. Kazakov – doctor in history, Insititute of World History RAS)

⁴⁷⁰ Ларин Е.А. Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15; Селиванова И.В. Формирование консервативного политического течения в первые годы

происхождение, среда, в которой он жил, и его деятельность в качестве крупного землевладельца-скотовода.

Майская революция 1810 г. сыграла скорее отрицательную, чем положительную роль в складывании мировоззрения будущего диктатора. В речи, произнесенной 25 мая 1836 г. на приеме дипломатического корпуса, Росас изложил свое видение революции. По его словам, она не была радикальным переворотом обусловленным глубокими причинами, а скорее недоразумением, происшедшим из-за непонимания испанской короной истинных мотивов выступления, которое не преследовало цели борьбы против законной власти на Ла-Плате. "Не для восстания против нашего Суверена, а для сохранения за ним его владений, которых он был коварно лишен". " Не для разрыва уз, которые нас связывали с испанцами, а для еще большего их укрепления путем любви и благодарности "Не для внесения анархии, а для ее предотвращения, чтобы не быть увлеченной в бездну, в какую оказалась погружена Испания". Причиной независимости, – по мнению Росаса, – стало непонимание со стороны метрополии, которая приняла события 25 мая 1810 г. за восстание против Испании, что "вынуждало нас провозгласить независимость от королей Испании и всякого другого иностранного господства"⁴⁷¹.

Росас не подвергал сомнению независимость, но не принимал и решительно отвергал наступившую вслед за ней анархию, неподчинение властям. Он считал колониальные времена золотым веком, потому что тогда господствовали закон и порядок.

С самого начала его политической деятельности главным словом в его словаре было подчинение, под которым он имел в виду уважение власти, общественного порядка и частной собственности. Росас отвергал либеральную программу Б.Ривадавии, считая его идеи пустыми и вредными мечтаниями Он ненавидел унитариев, так как они были либералы и масоны, разрушители порядка и традиции. В политических свободах он видел причину всех беспорядков.

независимого развития Мексиканского государства // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15; Щелчков А.А. Мануэль Мария Мадьедо – колумбийский консерватизм и христианский социализм // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15.

⁴⁷¹ Myers J. Orden y virtud. El discurso republicano en el régimen rosista – Buenos Aires: Bernal, 2011. P. 163–164.

Росас старался представить себя вне классов, как честного сельского жителя, призванного восстановить закон. О себе он говорил: "Хуан Мануэль Росас честный человек, уважаемый фермер, друг закона и благосостояния страны, где он имеет земельную собственность, жену, детей, родственников. Он провел большую часть своих 35 лет в уединении и безвестности, которые привлекают его больше всего"⁴⁷².

Росас не был, строго говоря, политическим мыслителем, но однажды усвоенным взглядам остался верен всю жизнь. Для него идеальной политической моделью был абсолютистский режим. "Для меня, – писал он, – идеалом хорошего правительства была бы патерналистская автократия, умная, бескорыстная и неутомимая [...]. Я всегда восхищался самодержавными деспотическими диктатурами, которые были первыми слугами своего народа"⁴⁷³.

Такой он видел власть для Аргентины, таким и было его собственное правительство, созданное для водворения порядка в стране. По его мнению, события в странах Америки и Европы подтверждали правильность его действий. Уже в изгнании, незадолго до смерти, в беседе с историком Э. Кесадой он повторил: "Моим идеалом хорошего правительства является патерналистская автократия, умная, незаинтересованная, неутомимая, энергичная и нацеленная на счастье людей, без фаворитов [...] Я всегда презирал мелких тиранов и каудильо в их тени. Я всегда восхищался самодержавными диктаторами, которые были первыми слугами своего народа. Это является моим великим званием. Я всегда стремился служить стране"⁴⁷⁴. Он повторял, что получил "расколотую, анархизированную, дезинтегрированную и нестабильную страну – в миниатюре – ад", а сделал годной для жизни, оставил в отличном порядке.

Для Росаса классовая поляризация, деление на богатых и бедных, господ и слуг являлась добродетелью, а не недостатком. В его государстве господствовал абсолютистский режим, право частной собственности, защищались интересы крупных землевладельцев. В тоже время он сочувствовал бедным. Средство для борьбы с бедностью он видел в благотворительности и

⁴⁷² Correspondencia de Juan Manuel de Rosas. – Buenos Aires: Endela, 2005. P. 74.

⁴⁷³ Sampay A.E. Las ideas politicas de Juan Manuel de Rosas. – Buenos Aires, 1972. P. 215, 218–219.

⁴⁷⁴ Quesada E. La epoca de Rosas Su verdadero character historico. – Buenos Aires, 1923, P. 2231–232.

патерналистском правительстве. В социальном вопросе, по мнению Росаса, власти должны уступить, но не сдаваться перед народными требованиями, действовать с позиции силы.

Революция 1848 г. вызвала его крайне отрицательную реакцию. В ней он справедливо увидел конфликт тех, кто имеет собственность, с теми, кто ее не имеет. Само французское правительство он обвинил в том, что оно не уделяло должного внимания низшим классам. Он был решительным противником рабочего движения и рассматривал его как оскорбление власти и угрозу для общества. Деятельность I Интернационала он считал грубым нарушением закона и не понимал, почему его не запрещают, так как он представляет исключительную угрозу всем принципам собственности и наследства⁴⁷⁵. Революция не знает границ и необходимы, по мнению Росаса, международные усилия для борьбы с ней. Государства имеют право вторгаться в другие государства с целью ее подавления. Следует создать нечто вроде Священного союза – международную организацию христианских монархов под руководством римского папы для обуздания рабочего класса и предотвращения анархии. Росас рассматривал церковь как политическую силу, а папу как абсолютного сюзерена и лидера борьбы с революцией⁴⁷⁶.

Консерватизм Росаса не был ни уникальным, ни оригинальным, но он оказал большое влияние на развитие Аргентины.

Как реальный политик, Росас не мог не учитывать последствия революции, возросшее значение народных масс. Что делать? Как привлечь их, установить над ними контроль и в тоже время не упустить интересы господствующего класса? Росас нашел выход. Опыт управления эстансией позволили ему изучить жизнь гаучо, их привычки, обычаи. Это позволило Росасу выстроить своеобразную модель отношений с ними: строгий, но справедливый хозяин и благодарные, всем обязанные работники. Упор был сделан не на социальной стороне отношений, а на социокультурной: "Я такой же гаучо, как и вы".

Росас много сделал, чтобы в их глазах выглядеть своим. Он это и не скрывал. Известно его признание по этому поводу: "Мне казалось очень важным добиться огромного влияния на этот класс для того, чтобы сдерживать его и руководить им. Я поставил перед собой цель достичь этого влияния любой ценой. Для этого мне

⁴⁷⁵ Rosas J.M. *Cartas del exilio 1853–1875*. – Buenos Aires, 1974. P. 163–164.

⁴⁷⁶ *Ibid.* P. 142–143.

необходимо было работать с большой настойчивостью, с большими жертвами удобств и денег. Сделаться таким же гаучо, как они, говорить как они и делать как они. Защищать их, сделаться их доверенным, заботиться об их интересах. В конечном итоге не жалеть труда и средств, чтобы как можно больше завоевать их доверие"⁴⁷⁷.

В письме свое жене Энкарнасьон Эскурре, активно помогавшей ему в политической борьбе, он разъяснял, как конкретно завоевать симпатии простых людей, отмечал важность народной поддержки. "Ты уже видела как ценна дружба бедных и как важно ее культивировать, и не потерять ни одной возможности для привлечения их симпатий. Итак, не теряй связь с ними. Пиши им часто, посылай подарки и не жалеешь о цене. То же самое касается матерей и вдов, верных парос и цветных. Не колебайся посещать тех, кто заслуживает этого, и брать их на загородные прогулки"⁴⁷⁸.

Политика Росаса в отношении народных масс полностью удалась. Ему удалось мобилизовать их на борьбу с унитариями и добиться полной победы.

Главными органами пропаганды были "Газета Меркантиль" и "Архиво Американо". Если первая предназначалась для читателей внутри страны, то второе издание выходило на тех языках: испанском, английском, французском и призвано было разъяснять и защищать политику Росаса в странах Америки и Европы. Во главе его стоял итальянец Педро де Анхелис.

В статьях де Анхелиса режим Росаса представал как реакция на либеральный проект унитариев, совершенно непригодный к условиям Аргентины, который вызвал глубокий кризис и анархию в стране, что потребовало "реставрацию законов и институтов, осуществленную Росасом". "На Бернардино Ривадавию, – писал де Анхелис, – из-за его абстракций падает ответственность за наши несчастья. Без малейшего знания страны, в противоречии с идеями и обычаями своих соотечественников, он предпринял радикальную реформу во всех областях. Его не остановили трудности. Не удерживало отсутствие ресурсов, он не принимал во внимание возможность или невозможность проектируемых работ. Единственное, что его заботило так это слава мудреца века. Но

⁴⁷⁷ Las constituciones de la Argentina 1810–1972. – Buenos Aires, 1975. P. 37.

⁴⁷⁸ Correspondencia de Juan Manuel de Rosas. P. 149–150, 153.

если у него не было таланта созидателя, его в избытке хватало для разрушения"⁴⁷⁹.

Критическому анализу были подвергнуты все реформы Ривадавии. Де Анхелис скрупулезно перечислил их вредные для страны последствия. Ликвидация кабильдо" – этого первого образца совещательной ассамблеи", оставило в управлении страной "пустоту, которую до сих пор нельзя заполнить"⁴⁸⁰. Учетный банк, созданный для содействия торговли и промышленности, "превратился в центр постыдных спекуляций". Обанкротившись, он передал свои привилегии Национальному банку, "который лишь углубил и расширил раны, нанесенные кредиту страны"⁴⁸¹. Иностранная компания по эксплуатации рудников Фаматаны, была создана без согласия властей провинции, на территории которой они находились⁴⁸². Учредительный конгресс 1825–1827 гг. присвоил себе функции законодательного органа и, превысив свои полномочия, назначил президентом страны Ривадавию. Правительство Ривадавии не имело права национализировать таможни и вмешиваться в дела провинций. " Конгресс имел бесстыдство законодательным путем препятствовать провинциям распоряжаться своей землей"⁴⁸³. Совершенно нереалистичным был проект судоходства по реке Бермехо и строительство сети каналов от Анд до Буэнос-Айреса по "незаселенной территории, лишенной ресурсов и полной естественных препятствий". Все эти начинания, по мнению Де Анхелиса, "превосходили возможности всей страны в течение многих лет мира". Но в условиях войн с Бразилией имели катастрофические последствия и ускорили падение Ривадавии⁴⁸⁴.

"Газета Меркантиль" настойчиво проводила мысль о неготовности страны принять конституционный режим: "Народу нужно дать не лучшие законы, а те, которые ему подходят... Генерал Росас, облеченный соотечественниками безграничным доверием, делает единственно возможное, что может спасти республику и его власть; основывается не на представительной системе, так как это означало бы пройти в один день путь столетий, а на возможно лучший для новой страны, которая все еще с

⁴⁷⁹ Angelis de P. Archivo Americano y espiritu del la a Pensa del mundo. – Buenos Aires: Biblioteca Nacional, 2008. P. 59, 67.

⁴⁸⁰ Ibid. P. 70–71.

⁴⁸¹ Ibid. P. 72.

⁴⁸² Ibid. P. 94.

⁴⁸³ Ibid. P. 118.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 119, 120.

оружием защищает свою независимость и только что подавила внутреннюю анархию"⁴⁸⁵.

"Газета Меркантиль" обвиняла унитариев в слепом подражании иностранным образцам. "Они смотрели и думали о Европе, ее обычаях, конституциях и потребностях. И забыли первое, что должны были помнить: они принимают законы для Аргентинской республики. Ее правительство не может быть создано на основании установленных в Европе окончательно в результате медленного движения на протяжении веков". Эти ошибки, по словам газеты, вызвали все беды и несчастья, "отдалили народ от мира, ослабили его национальную силу и болезненно скомпрометировали политическую независимость"⁴⁸⁶.

Стране нужен продолжительный период сильного правительства во главе с мудрым, энергичным, непоколебимым и добродетельным правителем, который исправил бы все беды и неудачи и не приносил бы национальной независимости в жертву собственным пристрастиям и увлечениям. При правлении генерала Росаса, – подчеркивала газета, – утвердился общественный порядок и была защищена национальная независимость и свобода"⁴⁸⁷.

Сами законы, какими бы хорошими они не были, не приблизят страну к представительскому режиму, если нет, как справедливо считала газета, основы: обычаев и привычек. Или говоря современным языком "соответствующей политической культуры". Представительный режим ничего не может без обычаев и без формирования компактного, свободного, просвещенного, законопослушного большинства. Без этого отсутствует основа и здание рухнет. "Что значит, – риторически спрашивала газета, – законы без обычаев и представительная система без возможности ее осуществления"?⁴⁸⁸

Однако газета ничего не говорила о том, как это сделать, как создать гражданское общество и соответствующую политическую культуру.

Эти вопросы оказались в центр внимания нового поколения борцов против диктатуры Росаса – "поколения 37" – Э. Эчеверрия, Х.М. Гутьерес, М. Канэ, Х.Б Альберди, Б. Митре, Д.Ф. Сармьенто и

⁴⁸⁵ Myer J. Op. cit. P. 223.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 227.

⁴⁸⁷ Ibid, P. 229.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 235.

др. Лидер поколения Эчеверрия подверг критическому анализу деятельность унитариев.

Если росисты видели причину всех несчастий страны в радикальном разрыве с колониальным прошлым, то Эчеверрия напротив, считал революцию незавершенной. Все пороки дореволюционного образа жизни, психологии перешли в наследство молодой республике. Отсюда Эчеверрия делал вывод: "Мы независимы, но мы не свободны. Испания больше не угнетает нас, но ее традиции тяготеют над нами"⁴⁸⁹.

Вину за незавершенность революции Эчеверрия возлагал на унитариев. Он обвинял их в непонимании специфики местной жизни и в конечном счете – в создании предпосылок для захвата власти Росасом. По словам Эчеверрии, "они искали идеал, который видели в Европе, но не идеал – результат развитие Аргентины"⁴⁹⁰. На первый взгляд может показаться, что это высказывание полностью совпадает с мнением росистов. Но если последние полностью отвергали зарубежный опыт для данного опыта развития страны, то оценка унитариев Эчеверрией вписана в его проект, центральным пунктом которого являлась идея ассоциации, которую он заимствовал у А.Сен-Симона, Д. Мадзини, но адаптировал к конкретно-историческим условиям Аргентины. Видя ошибку унитариев в том, что они хотели учредить национальную власть прежде организации общества, Эчеверрия предлагал создать общество, называемое им ассоциацией. В ней он видел путь развития элементов социальной жизни в стране, где основная масса местного населения – гаучо – была антисоциальной и не обладала навыками и представлениями о жизни в "цивилизованном обществе". Ассоциация призвана была стать средством социальной, политической и культурной мобилизации масс, объединением их вокруг общей идеи – прогресса нации.. Таким образом, Эчеверрия, в отличие от Росаса, предлагал не консервировать патриархальный уклад, а преодолеть его и исправить основную ошибку унитариев, которая заключалась в том, что они не сумели организовать "демократический элемент пампы, (под которым Эчеверрия подразумевал гаучо), а потому и не сумели управлять им". "Будучи лишенными этой базы, социальное здание должно было рухнуть и

⁴⁸⁹ Эчеверрия Э. Социалистическое учение Майской революции // Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX –начало XX в.) – М., 1965. С. 73.

⁴⁹⁰ Echeverria E. Obras completas. –Buenos Aires, 1951. P. 304.

оно рухнуло"⁴⁹¹. Росас, в отличие от унитариев воспользовался этим демократическим элементом и, опираясь на него, установил свою диктатуру.

Путь национального объединения страны Эчеверрия видел в создании "истинной федерации". "Мы не являемся унитариями, – писал он, – потому что убежден, что унитарная система является наихудшей из систем для республики. Но мы также не являемся федералистами в том значении, которое Росс придал этому слову, чтобы скрыть свой унитаризм в тысячу раз более утрированный и деспотичный, чем у унитариев"⁴⁹². Для Эчеверрии "истинная федерация" – это федеративная организация провинции и республики: сохранение суверенитета и независимости каждой провинции во всем, что касается ее внутренних дел, и установление центральной власти для координации интересов и управления общими делами. Фундаментом такой федерации должна была стать муниципальная система.

Изложенные Эчеверрией идеи, прежде всего в его главном произведении – "Социалистическая догма" – вызвали оживленные комментарии и полемику. С рецензией на "Социалистическую догму" выступил Де Анхелис. Развернувшаяся полемика четко выявила позиции сторон, их взгляды на дальнейшее развитие страны.

Рецензия Де Анхелиса была написана в оскорбительном для Эчеверрии и всего "поколения 37" тоне и преследовала цель свести на нет значение этого произведения, представив его как результат иностранного влияния, а ее автора как находящегося на грани помешательства. Де Анхелис характеризовал созданную Эчеверрией организацию "Молодая Аргентина" как "питомник, рассадник мятежников, состоящий из нескольких студентов юридического факультета, беспокойных, спесивых, заносчивых, ленивых бездельников, очень приверженных романтической литературе, без иных понятий, чем те, которые они приобрели в аудитории. Лишь потому, что они читали романы Гюго и драмы Дюма, они считают себя способными дать направление идеям, обычаям и даже судьбам страны"⁴⁹³.

"За покровом сентиментальных и философских писаний" Де Анхелис видел "тенденцию в пользу иностранного господства. Это

⁴⁹¹ Ibid. P. 169.

⁴⁹² Ibid. P. 271.

⁴⁹³ Angelis de P. Op. cit. P. 427.

их вдохновило, этому они аплодировали, а не тем, кто защищает национальную независимость"⁴⁹⁴.

Это было написано в дни, когда была еще свежа память о битве при Буэльто-де-Облигадо и отражении англо-французской интервенции. "Строго говоря, – заключал Де Анхелис – они являются врагами национальной независимости" и "представляют собой исключительно интеллектуальное движение"⁴⁹⁵. И добавлял: "Если бы они могли выйти из революционного пароксизма, они бы увидели насколько экстравагантна идея возродить страну с несколькими юношами [...] превратить аргентинцев в общество сен-симонистов, подчинить республику, созданную на общих принципах современной организации государств, бреду Фурье и Консидеранта"⁴⁹⁶.

Эчеверрия ответил двумя письмами. В первом он охарактеризовал личность Де Анхелиса, приглашенного в Аргентину либералом Ривадавией, но служившего консерватору Росасу, как слугу всех правителей Ла-Платы.

Во втором он изложил свое видение национальной организации страны. Если для Росаса, по словам Эчеверрии, "федерация и социалистический критерий (т.е. критерий, по которому должна организовываться страна. – *В.К.*) находились в диктатуре, а для Вас в чаевых от диктатора, то для меня он находится в муниципальной организации моей страны"⁴⁹⁷.

Прежде всего необходимо было просветить народ, научить его пользоваться правами, чтобы он мог управлять самим собой. Средством для этого призвана была стать муниципальная власть, организованная в каждом поселении, районе и провинции. Муниципалитеты стали бы школой, где люди узнали бы свои права и интересы. По мнению Эчеверрии, это был длительный процесс, но единственно возможный, чтобы страна пришла к демократии⁴⁹⁸.

Де Анхелис не ответил на письмо Эчеверрии. Он так и не объяснил в чем состояли "принципы современной организации государства. Для росистов по-прежнему главным программным

⁴⁹⁴ Ibid. P. 429.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 429, 431.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 431.

⁴⁹⁷ Echeverria E. El Dogma Sôcialista y obras eseritos. –Buenos Aires: Terramar, 2007. P. 293–294.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 286–287.

документом оставалась письмо Росаса "из асьенды Фигероа". Они так и не выработали позитивную программу развития страны.

Диктатура Росаса становилась все большим анахронизмом, которая подтачивалась как изнутри, так и извне. В 1851 г. губернатор провинции Энтре-Риос Х. Уркиса в союзе с провинцией Корриентес, а также Бразилией и Парагваем начал борьбу против Росаса и 3 февраля 1852 г. в битве при Монте-Касерос нанес ему решительное поражение, что привело к падению диктатуры. Аргентина вернулась на либеральный путь развития.

Библиография

- Ларин Е.А.* Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15.
- Селиванова И.В.* Формирование консервативного политического течения в первые годы независимого развития Мексиканского государства // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15.
- Щелчков А.А.* Мануэль Мария Мадьедо – колумбийский консерватизм и христианский социализм // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15.
- История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков. М.: Наука, 2010.
- Прогрессивные мыслители Латинской Америки. М., 1965.
- Angelis P. de.* Archivo Americano y espíritu de la Pensa del mundo/ Buenos Aires: Biblioteca Nacional, 2009.
- Correspondencia de Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires: Endela, 2005.
- Echeverria E.* Obras completas. Buenos Aires, 1951.
- Echeverria E.* El Dogma Socialista y otros eseritos. Buenos Aires: Terramar, 2007.
- Las constituciones de la Argentina (1810–1972), Buenos Aires, 1975.
- Myers J.* Orden y virtud. El discurso republicano en el régimen rosista. Buenos Aires: Bernal, 2011.
- Quesada E.* La época de Rosas, su verdadero caracteristico. Buenos Aires, 1923.
- Rosas J.M.* Cartas del exilio. 1853–1875. Buenos Aires, 1974.
- Sampay A.E.* Las ideas políticas de Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1972.

*И.В. Селиванова*⁴⁹⁹
I.V. Selivanova

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ
И ЛИБЕРАЛОВ В МЕКСИКЕ
ВО ВРЕМЯ ПРИНЯТИЯ «ЗАКОНОВ О РЕФОРМЕ» И
КОНСТИТУЦИИ 1857 ГОДА.

CONSERVATIVES AND LIBERALS IN MEXICO
DURING THE ADOPTION OF THE "LAWS OF THE REFORM" AND
THE CONSTITUTION OF 1857

Аннотация: Статья освещает процесс противостояния консерваторов и либералов в Мексике во время принятия «Законов о Реформе» и конституции 1857 года. В центре внимания находятся прогрессивный «план Аютлы», «закон Хуареса» 1855 года об отмене фуэрос духовенства и армии и «закон Лердо де Техада» 1856 года о деэмортизации собственности гражданских и религиозных корпораций. Автор рассматривает процесс принятия конституцию 1857 годы и основные ее положения.

Ключевые слова: «Законы о Реформе», конституция 1857 г., «план Аютлы», «закон Хуареса», отмена фуэрос, закон «Лердо де Техада», деэмортизация собственности гражданских и религиозных корпораций..

Abstract: This article analyzes the process of the opposition of conservatives and liberals during the adoption of the «Laws on Reform» and the constitution of 1857. The author focuses on the «Juarez Law» of 1855 of the abolition of the privilege of the clergy and the army and on the «Lerdo de Tejada Law» of 1856 about the seizure of property of civil and religious corporations.

Keywords: Opposition of conservatives and liberals, «Laws on Reform», «Juarez Law», «Lerdo de Tejada Law», the constitution of 1857.

⁴⁹⁹ *Ирина Валентиновна Селиванова* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. *Irina Selivanova* - investigator of the Institute of World History.

Политический кризис в стране в середине XIX века, привел Мексику к необходимости осуществления новых прогрессивных радикальных преобразований, которые в свою очередь способствовали формированию мексиканской нации и складыванию национального самосознания. Во главе этого процесса встали представители либерального движения-пурос, сторонники решительных буржуазных преобразований. Среди радикальных либералов в это время выделялись такие прогрессивные деятели как Мельчор Окампо, Сантос Дегольядо, Гильермо Прието, Бенито Хуарес, Игнасио Сарагоса, Педро Огасон, Франсиско Сарко, Висенте Рива Паласио, Порфирио Диас. Многие из них были убежденными противниками католической церкви, феодальных привилегий и сторонниками прогрессивных буржуазных преобразований. Представители пурос выступали за проведение радикальной церковной реформы, отделение церкви от государства, национализацию ее имущества, отмену фуэрос церкви и военных, введение всеобщего избирательного права. Их взгляды отражали интересы мелкой и средней буржуазии, которая требовала отмены феодальных сословных привилегий, получения новых земель за счет изъятия церковной собственности, но также защищала частную собственность, выступала за социальное равенство. В противовес пурос выступали модерадос, которые высказывались за умеренные реформы, проведение которых не требовало бы участия народа и отвечало интересам, прежде всего, крупной буржуазии. Во главе этого крыла либералов стояли генералы Гомес Педраса и Мариано Ариста, Мариано Отера и Игнасио Комонфорт.

Противниками реформ, сторонниками сохранения феодальных привилегий церкви и армии, укрепления власти помещиков, ликвидации республики и восстановления монархии с представителями европейской монархической династии были представители консервативной партии. Среди лидеров этой партии выделялись Лукас Аламан, генерал М. Паредес-и-Аррильяга, крупный землевладелец Гутьеррес Эстрада, генерал Мигель Мирамон.

В период с 1847 по 1853 гг. у власти находилось правительство, возглавляемое представителями модерадос. В это время поочередно сменяли друг друга президенты: Мануэль де ла Пенья-и-Пенья (1847-1848), Хосе Хоакин Эррера (1848-1851), Мариано Ариста (1851-1853). Политика, проводимая модерадос, не удовлетворяла народным требованиям, что привело к ряду

восстаний в стране, таким как волнение индейцев на Юкатане в 1847 г. а также крестьянские восстания на Сьерра-Горде, в штатах Пуэбла и Оахака. Недовольны политикой правительства были и консерваторы, которые воспользовавшись отставкой Аристы в 1853 году поддержали генерала Антонио Лопеса де Санта-Анну (1853-1855), пришедшего к власти в очередной раз. Поддерживая Санта-Анну, консервативная партия стремилась сохранить католическую религию и привилегированное положение церкви, выступала против федеративного устройства республики, против демократических выборов и вообще деятельности Конгресса, предлагая возложить на президента и его немногочисленных советников все управление страной⁵⁰⁰. Новое правительство было сформировано из консерваторов.

Генерал Санта-Анна, политические убеждения которого постепенно трансформировались от умеренно либеральных до откровенно консервативных, проводил политику в интересах укрепления частной собственности, сохранения в неприкосновенности имущества церкви. 25 апреля 1853 года был издан декрет, ограничивший свободу печати. Декретом от 19 сентября 1853 года были восстановлены иезуитские ордена в Мексике⁵⁰¹. В конце 1853 года Санта-Анна установил в стране фактически личную диктатуру, провозгласив себя «светлейшим высочеством», в некоторых штатах его называли уже «императором», сам он, однако, этот титул принять не решился⁵⁰². Политика Санта-Анна принимала откровенно предательский характер для национальных интересов, о чем говорит подписанный 30 декабря 1853 года «договор Гадсдена», согласно которому страна уступала США часть штатов Тамаулипас, Новый Леон, Коауила, Чиуауа, Сонора, а также всю Нижнюю Калифорнию в обмен на 50 млн. песо⁵⁰³.

1 марта 1854 года в городе Аютле группой либерально настроенных офицеров под руководством полковника Флоренсино Вильяреала и при поддержке губернатора штата Хуана Альвареса был провозглашен «план Аютлы», ставший основой для

⁵⁰⁰ Historia documental de México. Por. Ernesto de la Torre Villar. T. II. México, 1984. P.243-245.

⁵⁰¹ Historia documental de México. T. II. P.246-247.

⁵⁰² Leyes fundamentales y planes revolucionarios. México, 1960, P 467.

⁵⁰³ Historia documental de México. T. II. P.249-253.

учреждения либеральных основ государства⁵⁰⁴. Позднее одним из участников восстания модерадос Игнасио Комонфортом «план Аютлы» был изменен и получили название «план Акапулько». Целью революционных преобразований в нем называлась защита не республиканских, как прежде, а либеральных институтов. Первая статья «плана Аютлы» предлагала прекратить деятельность Санта-Анны и других консервативных деятелей как недостойных уважения народа. После победы восстания план предполагал, что главнокомандующим будут созваны представители от всех штатов и земель для избрания временного президента. После избрания временного президента должен был начать действовать Чрезвычайный конгресс для дальнейшего реформирования страны. Для руководства осуществлением плана были приглашены видные либералы Николас Браво (он не принял участия), Хуан Альварес, Томас Морено⁵⁰⁵.

Движение повстанцев, возглавляемое Мануэлем Добладо, Бенито Хуаресом, Мельчором Окампо, Хосе Марией Мата, Понсияно Аррьягой, быстро охватило всю страну, распространившись из штата Герреро в Мичоакан, потом в Тамаулипас, в дальнейшем борьбой были охвачены штаты Веракрус, Нуэво-Леон, Сонора⁵⁰⁶. Отряды под командованием Альвареса на юге, на западе под командованием Комонфорта, на севере под руководством Сантьяго Видаурри постепенно сомкнулись кольцом вокруг Мехико. В августе Санта-Анна, осознав неизбежность поражения, бежал из столицы.

В начале октября 1854 года в Куэрनावаке собралась хунта, которая избрала временным президентом страны Альвареса (1855-1856). Хуан Альварес незамедлительно сформировал либеральное правительство, в которое вошли министром иностранных и внутренних дел М. Окампо, министром финансов Г. Прието, министром юстиции Б. Хуарес, военных дел И. Комонфорт. Таким образом, почти все правительство (за исключением Комонфорта) состояло из представителей пурос. Сформированное правительство приступило к проведению прогрессивных преобразований. Одним из самых радикальных действий нового правительство стало

⁵⁰⁴ Matute A. Mexico en el siglo XIX. Antología de Fuentes e interpretaciones históricas. México, 1972, P.287-295.

⁵⁰⁵ Historia documental de México. T. II, P.263-264.

⁵⁰⁶ Walter V. Scholes Política mexicana durante el régimen de Juárez 1855-1872. México, 1972, P.23-24.

издание декрета, автором которого был министр юстиции Б. Хуарес, в честь которого этот декрет так и стал называться «закон Хуареса». Он был опубликован 23 ноября 1855 года, суть его заключалась в отмене феодальных привилегий (фуэрос) духовенства и армии. Лица духовного звания обязаны были платить налоги и подлежали светскому, а не духовному суду. Согласно закону духовенство лишалось избирательного права. Также упразднились и специальные военные суды⁵⁰⁷.

Этих преобразований было достаточно, чтобы напугать умеренных либералов модерадос, которые поспешили сместить радиального президента с поста. В активную борьбу с правительством вступила церковь. Архиепископ де ла Гарса-и-Бальестерос угрожал отлучением от церкви каждому, кто подчинится «закону Хуареса». 6 декабря восставшие против правительства под руководством губернатора штата Гуанахуато Мануэля Добладо, потребовали отставки президента Альвареса. Правительство уступило, и 10 декабря Альварес объявил о своей отставке и передаче власти в руки Комонфорта, представителя модерадос. В правительство вошли представители партии модерадос: Луис де ла Роса, Эсеквиль Монте, Хосе М. Яньес, Мануэль Силисео, Хосе Мария Лафрагуа, Мануэль Паяно⁵⁰⁸. Сам Альварес с поддерживающей его армией ушел в своей родной штат Герреро.

Приход к власти 10 декабря 1855 года правительства модерадос под руководством Комонфорта (1856-1858), означал остановку в развитии революционных действий. Правительство Комонфорта приостановило наиболее радикальные преобразования, осуществляя буржуазно-либеральную программу. Были провозглашены свобода печати, отменялась жесткая регламентация промышленности, упразднились цехи и внутренние таможи, вводилась метрическая система мер и весов. 28 декабря 1855 года министром правительства Хосе Марией Лафрагуа был разработан новый закон, предоставлявший свободу печати. 15 мая 1856 правительством Комонфорта был принят Органический провинциальный статут (*El Estatuto Organico Provisional*), в котором нашли отражение основные буржуазно-демократические свободы, которые предоставлялись гражданам, отменялось рабство⁵⁰⁹.

⁵⁰⁷ Historia documental de México. T. II, P.266.

⁵⁰⁸ Walter V. Scholes. Op. cit. P. 7.

⁵⁰⁹ Historia documental de México. T. II, P.279-281.

Однако документ был направлен на усиление центральной власти и несколько ограничивал права штатов. Статут не был поддержан пурос, которые боялись ущемления прав штатов.

Одной из наиболее важных задач либерального правительства была борьба с привилегиями католической церкви и стремление изъять из ее владения огромную собственность, которой она на тот момент обладала. Многочисленные владения «мертвой руки», которые принадлежали церкви не облагались налогами, были изъяты из оборота, что наносило ущерб экономическому развитию страны. В стране насчитывалось 1500 церквей, 1609 приходов, свыше двухсот мужских и женских монастырей⁵¹⁰. Либеральная буржуазия была заинтересована в ослаблении церкви и изъятии у нее имущества. Дезамортизация (переход церковного имущества в частную собственность) и освобождение от ипотеки своих земельных владений, которые были заложены церкви, стали требованиями, которые поддерживали даже умеренные либералы.

На основе сформировавшихся в обществе требований в правительстве Комонфорта созрел закон, затрагивающий церковную собственность. 25 июня 1856 года был издан закон о дезамортизации недвижимой сельской и городской собственности гражданских и религиозных корпораций, подготовленный министром финансов Мигелем Лердо де Техада. Согласно первой статье закона все земельные поместья и городская недвижимость, которые находись во владении и управлении гражданских и церковных корпораций, переходят в собственность тем, кто их арендует. Арендаторы, которые хотели стать собственниками земельных участков и домов, которые они арендовали, должны были внести в казну 5% (алькабала) от стоимости этой недвижимости. В случае если арендатор заявлял в трехмесячный срок о желании приобрести арендуемую недвижимость и платил алькабалу, недвижимость переходила к нему при условии ежегодной уплаты 6% стоимости этой недвижимости в государственную казну, до полной выплаты всей стоимости. Если арендатор не заявлял в течение трех месяцев желания приобрести арендуемую недвижимость, то любой мог донести за плату 1/8 от стоимости недвижимости, после чего она выставлялась на продажу. Статья 3 понимала под корпорациями религиозные общины, религиозные братства, приходы, органы общинного

⁵¹⁰ Бельский А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. М. 1967. С.18.

самоуправления. Закон распространялся не только на собственность церкви, но и на собственность всех корпораций, в том числе индейских общин. Статья 8 делала исключения из продажи для зданий и земель общинного самоуправления (эхидо), если они использовались для общественных целей. Не подлежали продаже здания, которые непосредственно использовались корпорациями: школы, госпитали, приюты, рынки. Но общинные земли, распределяющиеся между индейскими семьями, для индивидуальной обработки, подлежали продаже⁵¹¹. Позже «Закон Лердо» был включен в конституцию 1857 года в качестве статьи 27, в тот момент из него была изъята статья 8, делающая исключения для корпораций. Закон о деамортизации способствовал введению в оборот значительной недвижимости, что должно было способствовать капиталистическому развитию страны. Но при этом имущество церкви не конфисковывалось, за ней сохранялись ее капиталы, долговые обязательства, а за продажу имущества церковь получала значительные суммы. Закон был основан на вере либералов в неприкосновенность частной собственности и должен был обеспечить переход собственности из религиозных и гражданских корпораций в руки мелких собственников. «Закон Лердо» обсуждался на работающем с 14 февраля 1856 года по 5 февраля 1857 года в Мехико конституционном конгрессе. Радикально настроенные либералы, такие как Игнасио Рамирес критиковали предложенный закон за мягкость и нерешительность, требуя не деамортизации, а национализации собственности корпораций. Депутаты пурос Пансиано Арриага и Исидоро Ольвера и Хосе Мария Кастильйо Веласко предлагали ограничить (15 кв. лигами – 1 лига – 3105,5 га) максимально возможную концентрацию земель в одних руках, чтобы не создавались вновь крупные асьенды. Земельные участки большего размера разрешалось бы сохранять в случае их полной обработки. Но предложения депутатов не были поддержаны модерадос на конгрессе.

Проведение в жизнь «закона Лердо» способствовало переходу церковного и общинного имущества в руки крупной национальной и иностранной буржуазии. Неблагоприятным образом реализация закона сказалась на индейских общинах, в которых индейцы пользовались землей на основе обычного права. Оплатить

⁵¹¹ Historia documental de México. Т. II, P.267-269.

стоимость оформления земли и выкупить ее арендаторам-индейцам было не под силу. В результате под действие закона о демортизации попадали не только церковные земли, но и общинное землевладение. Осуществление «закона Лердо» вызвало возмущение не только церкви, но и индейцев. Епископ Мичоакана Мунгиа выступал с протестами против закона о демортизации, призывая под страхом отлучения от церкви не признавать действия этого закона. Индейские восстания вспыхивали в штатах Мичоакане, Керетаро, Пуэбла, Халиско. Правительству модерадос пришлось, учитывая настроения общинников, принять новый декрет 9 октября 1856 года, согласно которому земельные участки, стоимость которых не превышала 200 песо, могли переходить без сложного оформления и оплаты алькабалы в руки арендаторов⁵¹².

Еще одним серьезным вопросом, который обсуждался на конгрессе, был вопрос о веротерпимости. Депутаты пурос предлагали включить статью о веротерпимости в новую конституцию. Выступая в конгрессе депутат Хосе Антонио Гамбоа, будучи католиком, настаивал на религиозной толерантности, поскольку это позволило бы привлечь в страну иммиграцию, прежде всего, протестантскую, необходимую для быстрого экономического развития и обеспечения безопасности страны, так как немногочисленное население Мексики не позволит ей сохранять независимость перед лицом территориальных претензий США. Отмечал, что веротерпимость является обязательным условием либерального развития страны, обеспечивает населению свободу и прогресс. Консервативно настроенный депутат Марселино Кастаньеда, напротив, настаивал на сохранении за католической религией статуса государственной. Он пояснял, что сейчас не время принимать свободу вероисповедания, а для приезда рабочих рук в страну необходимы гарантии мира и безопасности, что вряд ли удастся обеспечить в случае протестантской иммиграции из Европы. Во время бурного обсуждения вопроса в зале консерваторы и клерикалы использовали лозунги «Да здравствует религия!», «Смерть еретикам, смерть и трусам!». В результате споров конгресс голосованием 65 голосов против 44 отправил статью о веротерпимости на доработку в конституционную комиссию.

⁵¹² Там же. С 165.

Позже 26 января 1857 года при голосовании 57 голосов против 22 конгресс вообще убрал эту статью⁵¹³.

Главным результатом деятельности конгресса было принятие новой конституции 5 февраля 1857 года. Конституция состояла из 128 статей, и была достаточно передовой буржуазной конституцией того времени. Многие положения конституции носили прогрессивный, но при этом декларативный характер. Первые 29 статей конституции касались личных прав граждан. Статья 1 объявляла, что «права человека признаются основой общественных учреждений». Статья 2 провозглашала всех граждан Мексики свободными, декларировала, что рабы, вступившие на территорию государства, становились свободными и имели право быть защищенными законами. Статья 3 объявляла образование свободным, т.е. светским, вопросы, связанные с религиозным культом, регулировались светскими властями. Статья 5 конституции отменяла педонаж. Она провозглашала, что никто не может принуждаться к труду без согласия и без вознаграждения. Конституция гарантировала гражданам демократические свободы: слова, печати, общественных организаций, неприкосновенность личности. Статья 12 конституции отменяла наследственные титулы и привилегии. Статья 13 отменяла феодализм и фактически включала в себя «закон Хуареса». Статья 27 повторяла «закон Лердо» о запрете для религиозных и гражданских корпораций владеть недвижимым имуществом. Провозглашалась неприкосновенность частной собственности. Статья 40 определяла форму государственного устройства Мексики. Мексиканское государство являлось представительной, демократической, федеративной республикой, состоящей из штатов, свободных и суверенных в своем внутреннем устройстве. Согласно 50 статье власть в государстве разделена на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, никому не позволяется объединять власти. Законодательная власть была представлена однопалатным конгрессом, который состоял из депутатов, избравшихся на два года. Духовные лица не могли быть избраны в конгресс. Два раза в год конгресс должен был собираться на сессии: первая начиналась 16 сентября и заканчивалась 15 декабря, вторая – с 1 апреля по 31 мая. В промежутках между сессиями конгресса действовала специальная

⁵¹³ Walter V. Scholes. Op. cit. P. 12-14.

депутатская комиссия, в которую входили по одному депутату от штата (статья 73). Исполнительная власть принадлежала президенту, который избирался на четыре года. Кандидатом в президенты может быть гражданин Мексики, проживающий на ее территории, не моложе 35 лет и не имеющий духовного звания. К исполнению своих полномочий президент приступал с 1 декабря. (ст.ст. 75-78). В случае невозможности избранным президентом выполнять свои обязанности, временным президентом становился председатель Верховного Суда (статья 79). Новая конституция отменяла алькабалу, монополии, упраздняла внутренние таможи и пошлины, что способствовало капиталистическому развитию страны. Статья 32 провозглашала издание законов, улучшающих жизнь мексиканцев, предполагалось создание новых школ для обучения наукам, искусству и ремеслам⁵¹⁴. 11 марта 1857 года конституция была издана и через неделю правительство объявило, что все чиновники и военные должны ей присягнуть. Несмотря на декларативность многих статей конституции, она, безусловно, была прогрессивной для своего времени и вызвала серьезную борьбу со стороны консерваторов и католической церкви. Архиепископ Мехико издал циркуляр, который запрещал духовенству, а также всем католикам под угрозой отлучения от церкви приносить присягу конституции. Те, кто уже присягнули конституции, должны были публично отречься от нее. Антиправительственные восстания под руководством консерваторов генералов Мехиа, Кобос, Викарио, полковника Мирамона вспыхнули в штатах Герреро, Керетаро.

После принятия новой конституции И. Комонфорт вновь был избран новым конституционным президентом. Конгресс открылся 16 сентября 1857 года, в состав правительства вошли либералы Фуэнтес, Мануэль Руис, Гарсия Конде, Пайно, Бенито Хуарес.

В ответ на это в стране вспыхнул очередной мятеж консерваторов. Генерал Феликс Сулоага, командовавший бригадой в Такубаей недалеко от Мехико, провозгласил план 17 декабря «план Такубайя». В нем отменялась конституция 1857 года, предлагалось созвать в течение трех месяцев учредительный конгресс для выработки новой конституции. На это время президенту временно предоставлялись чрезвычайные полномочия⁵¹⁵. Президент Комонфорт признал «план Такубайя» и

⁵¹⁴ Historia documental de México. Т. II. P.287-291.

⁵¹⁵ Historia documental de México. Т. II, P.293-294.

выступил на стороне консерваторов. Войска консерваторов под командованием Сулоаги вошли в Мехико, где были арестованы и заключены в тюрьму Б. Хуарес и другие радикальные либералы. Однако вскоре между консерваторами и Комонфортом возникли разногласия. Консерваторы требовали отмены «закона Лердо» и возвращения церкви купленной у нее недвижимости, на что Комонфорт, опиравшийся на буржуазию, активно скупавшую церковную собственность, пойти не мог. В результате конфликта 11 января 1858 года Сулоага сместил Комонфорта с поста президента и сам был провозглашен президентом. Смещение с президентского поста способствовало возвращению Комонфорта в либеральный лагерь и до того, как 21 января он бежал из столицы в США, он выпустил из тюрьмы Хуареса и других либералов. Б. Хуарес, являясь председателем Верховного суда, стал временным президентом Мексики.

В городе Керетаро было сформировано либеральное правительство верное конституции 1857 года. Так, в стране появилось два правительства и действовало два президента, начался новый этап борьбы между консервативными и либеральными силами.

Библиография

- Беленький А.Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. М. 1967.
Historia documental de México. Por. Ernesto de la Torre Villar. T.I-II México. 1984
Matute A. Mexico en el siglo XIX. Antología de Fuentes e interpretaciones históricas. México. 1972.
Walter V. Scholes Política mexicana durante el régimen de Juárez 1855-1872. México. 1972.

*Е.А. Ларин*⁵¹⁶
E.A. Larin

⁵¹⁶ *Евгений Александрович Ларин* – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Evgueni A. Larin– doctor in history, Insititute of World History RAS)

ЛИБЕРАЛЬНО – КОНСЕРВАТИВНЫЕ БАТАЛИИ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ В XIX В.⁵¹⁷

LIBERAL-CONSERVATIVE BATTLES IN CENTRAL AMERICA IN
THE XIX-TH CENTURY

Аннотация: В статье анализируются три важнейших этапа борьбы либералов и консерваторов в Центральной Америке в XIX в. Либеральные режимы Франсиско Морасана и Хусто Руфино Барриоса, а также консервативный режим Рафаэля Карреры.

Ключевые слова: Центральная Америка, консерваторы, либералы, Франсиско Морасан, Хусто Руфино Барриос, Рафаэль Каррера.

Abstract: The article analyzes three most important stages of the struggle of liberals and conservatives in Central America in the XIX century: liberal regimes of Francisco Morazán, Justo Rufino Barrios and the conservative regime of José Rafael Carrera.

Keywords: Central America, conservatives, liberals, Francisco Morazán, Justo Rufino Barrios, José Rafael Carrera.

Противостояние либералов и консерваторов в центрально-американском регионе в наибольшей степени стало проявляться с начала 20 – х годов. В это время на полях сражений Войны за независимость решалась судьба многих колоний Испании в Новом Свете. В Центральной Америке такой войны не было, и никто к ней не стремился, тем более генерал-капитан Габино Гаинса. Полной неожиданностью для многих стало проведенное им 15.09.1821г. совещание, на которое были приглашены наиболее влиятельные представители гражданских, церковных и военных структур генерал-капитанства Гватемала. На этом совещании неожиданно для всех была провозглашена независимость Центральной Америки. Тогда многие не знали, что Гаинса поддерживал постоянную связь с Агустином де Итурбиде, пригласившим его присоединиться к Плану Игуала, на основании которого Итурбиде стал императором Мексики. Этот План основывался на трех

⁵¹⁷ При поддержке РФНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

принципах: независимость, католическая религия, единство мексиканцев и испанцев. Конечной целью активных контактов Гаинсы и некоторых политических лидеров различных регионов Центральной Америки с Итурбиде была аннексия Мексикой всей Центральной Америки.⁵¹⁸ Только крах императорского проекта Итурбиде и последующий расстрел самого императора воспрепятствовали его осуществлению.

В то же время новость о независимости в мгновение ока распространялась по всей Центральной Америке. Начался процесс стихийного принятия решений в масштабе провинций и городов. Провинция Чьяпас заявила о своей независимости и вхождении в состав Мексики, Сальвадор провозгласил абсолютную независимость, столица Гондураса Комаягуа вышла из подчинения Гватемалы и стремилась в состав Мексики, стали независимыми никарагуанский Леон и Коста-Рика. Вскоре выявились и другие предпочтения различных политических группировок: Гондурас, Никарагуа и Гватемала хотели войти в состав Мексики, Коста-Рика в Новую Гранаду, Сальвадор в США. Только к середине 1823 г. стала складываться определенная стабильность.

«Революция сверху», как называли некоторые историки «15 сентября 1821 г.», несмотря на всю эту политическую суетность, принесла Г.Гаинсе около двух лет сравнительно спокойной жизни. Генерал – капитанством Гватемала управляла та же колониальная администрация, царили те же старые колониальные законы, циркулировали денежные знаки метрополии, взимались королевские налоги, оставались в силе все титулы знати, теплилась обманчивая надежда, что всё еще уладится. Но судьбу Центральной Америки всё увереннее брали в свои руки автохтонные политические силы.

1 июля 1823 г. Национальная конституционная ассамблея, созданная из представителей всех бывших колоний региона, приняла декрет об абсолютной независимости Центральной Америки, как от Испании, так и любого другого государства Старого и Нового Света. Декрет провозглашал создание Федерации объединенных провинций Центральной Америки.

22 ноября 1824 г. была провозглашена конституция этого государства. В основном она была слепком с конституции США. Провозглашалась свобода печати, регулировались торговля и финансы, упразднялись феодальные титулы и колониальные

⁵¹⁸ Brignoli Pérez H. Breve Historia de Centroamérica. Madrid, 1985, P.61.

монополии. Впервые в Новом Свете конституция латиноамериканского государства отменяла рабство., в чем Центральная Америка естественно отличалась от США. В апреле следующего года был избран первый президент Федерации – сальвадорец Мануэль Хосе Арсе. Он считал себя либералом и пригласил в правительство несколько известных либеральных деятелей, ответивших ему отказом. Тогда он обратился к консерваторам, которые приняли предложение. Так началась либерально-консервативная тяжба и появилось правительство «консервативных кровей». Столицей Федерации стал город Гватемала. В конце 1825 г. входившие в состав Федерации Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор создали собственные управленческие структуры, состоявшие главным образом из богатых креолов. В Гватемале в это время проживала 661 тыс. человек, Сальвадоре — 213 тыс., Никарагуа – 207 тыс., Гондурасе — 137 тыс., Коста-Рике — 70 тысяч.⁵¹⁹ В экономическом плане наиболее состоятельным из них был Сальвадор — самый крупный производитель бальзама и индиго в Новом Свете.

Центральная Америка избежала Войны за независимость, но не смогла предотвратить гражданскую войну, вызванную постоянными противоречиями между либералами и консерваторами. Главным очагом конфликта стало правительство Федерации, где сосуществование и тех и других было явно противопоказано. В 1827 г. консерваторы во главе с президентом Арсе одержали полную победу над либералами, которые были полностью изгнаны из правительства, что привело к гражданской войне. Реванш либералов во главе с Франсиско Морасаном, был не менее убедителен. К ним на целое десятилетие перешло управление государством.

Франсиско Морасан – символ единства Центральной Америки

Франсиско Морасан (1792–1842) — один из самых ярких политиков Центральной Америки XIX в. Уроженец Гондураса «вошел в историю» прежде всего как выдающийся деятель либерального движения и глава правительства Федерации.

⁵¹⁹ Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975, С. 6.

Его отец, Хосе Эусебио Морасан, был итальянцем, родители которого жили в Гондурасе с 1729 г. Семья проживала в Тегусигальпе, будущей столице страны, но в то время это селение не являлось городом, и поэтому не имело ни одного учебного заведения. Родителям Франсиско пришлось нанять для его обучения монаха Хосе Антонио Мурга, интеллектуальный багаж которого стал для юноши и школой всех уровней и университетом. Впрочем, выбор оказался удачным. Франсиско освоил с ним грамматику латинского языка, математику, историю и первые уроки черчения. Некоторые биографы Ф. Морасана считают, что одновременно они изучали и французский язык, что в дальнейшем открыло для будущего политика возможности приобщиться к французской культуре, а самое главное, ознакомиться с трудами философов эпохи Просвещения. Как бы то ни было, но Ф. Морасан действительно хорошо знал «Общественный договор», своеобразную Библию либерализма, труды Руссо, Токвиля и других французских классиков. Первая же самостоятельная работа Франсиско – писарь нотариуса, стала фактически своеобразным дипломом.

15 сентября 1821 г. в корне изменило и судьбу Ф. Морасана. Одним из его ближайших друзей был Дионисио Эррера, талантливый молодой человек, гондурасец, окончивший Университет Сан-Карлос в Гватемале и обладавший блестящими гуманитарными познаниями. Долгое время его влияние на Франсиско было определяющим. Габино Гаинса назначил Эрреру главой гондурасского правительства, а тот, в свою очередь, пригласил Ф. Морасана на должность своего рода государственного секретаря, т.е. второго человека в правительстве, который буквально решает все вопросы. Должность оказалась мощным трамплином, позволившим Морасану постичь многие «секреты» политической кухни, узнать «кто есть кто», переосмыслить многое из того, в чем он раньше заблуждался. Как отмечалось выше, Морасан успешно зарекомендовал себя и в войне с консерваторами, где действовал в звании лейтенанта, имея в начале в своем распоряжении 135 человек, а в конце операций уже 2000.⁵²⁰

На вторых президентских выборах 1830 г. Морасан стал главным кандидатом от либералов, которые, будучи хозяевами положения, устроили 16 сентября торжественный акт, начавшийся с клятвы Морасана. Председательствовавший обратился к

⁵²⁰ Untermeyer L. Forjadores del mundo modern. T. 2. México, 1957. P.68.

Морасану: «Благородный народ Центральной Америки благославляет Вашу шпагу. Хотя кому-то не по себе от Ваших лавров, собравшиеся здесь приветствуют их, как уничтоживших семена раздора». В своем ответе Морасан был столь же торжественен и краток: «Суверенный народ поручает мне самые опасные высоты нашей судьбы. Я должен подчиниться и выполнить торжественную клятву, только что произнесенную мною. Обещаю и впредь защищать федеральную Конституцию, которую я защищал как солдат и как гражданин»⁵²¹.

Первоначальная идея этих выборов состояла в том, чтобы лидеры Гватемалы, Никарагуа, Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики поочередно, каждые пять лет сменяли друг друга на посту президента. В данном случае смена президента Арсе на президента Морасана вполне соответствовала принятой договоренности. Однако эта рокировка была связана с насилием, с большой кровью, с политической непримиримостью главных действующих лиц. Теперь борьба приняла ожесточенный характер по формуле «кто кого: либералы или консерваторы». Либералы победили в этой борьбе и в 1835 г.

Правда, Морасан видел свое предназначение в том, чтобы на этом высоком посту максимально способствовать прогрессу центрально-американского общества во всех сферах жизни. Эту цель он и пытался реализовать в 30 – е годы.

. В первой половине XIX в. во всем центрально-американском регионе практически не получила развитие промышленность. Изготовление тканей, одежды и обуви ограничивалось домашним производством. Кустарным было и производство различного рода утвари, оружия и т. д. Бедственное положение экономики и финансов заставляло власти Федерации обращаться к иностранным, прежде всего английским ростовщикам. Долги росли, но ситуация существенно не менялась, влияние центрального правительства находилось на очень низком уровне. Приоритетными направлениями своей деятельности Морасан объявил: 1) достижение союза латиноамериканских народов; 2) укрепление независимости Центральной Америки перед лицом внешней угрозы; 3) устранение препятствий на пути развития промышленности; 4) расширение народного образования; 5) прорытие межokeанского канала через территорию Никарагуа; 6) борьбу с фанатизмом и политиканством церкви.

⁵²¹ Ibid., P. 69 – 70.

Эта программа свидетельствовала о его стремлении к проведению радикальных социально-экономических преобразований, способных подорвать основу господствующих классов. Однако Морасан не допускал мысли о дроблении крупных латифундий и создании слоя мелких и средних собственников, которые могли бы стать его опорой. Он считал, что можно, не нарушая традиционной структуры общества, обеспечить возможности для развития промышленности, роста торговли, образования и т. п., т. е. дать толчок развитию капитализма в Центральной Америке. Единственные ограничения касались католической церкви, да и те сводились к конфискации имущества отдельных орденов и ссылке некоторых церковнослужителей. Президент Федерации не предполагал секуляризацию всего церковного имущества и широкого ограничения вмешательства церкви в политическую жизнь..

Фактически Морасан стремился установить в Центральной Америке буржуазный режим в условиях господства большей частью докапиталистических отношений. Однако суровая социально-экономическая и политическая реальность оказалась сильнее его и поддерживавших либерального лидера соратников. В 1839 г. либералы потерпели решающее поражение в не прекращавшейся ранее войне с консерваторами. 15 сентября 1842 г. Морасан был расстрелян политическими противниками.

Поражение либералов означало и окончательный крах Федерации Объединенных провинций Центральной Америки (1839), и определенный шаг назад в политической жизни стран этого региона. Идеи единства, реформ и патриотизма не разделялись консервативными силами, они отдавали предпочтение локальным интересам, законам и структурам, сохранявшим их привилегии.

В Гватемале власть перешла к реакционному диктатору Рафаэлю Каррере. Хотя он всего лишь дважды избирался президентом (1844–1848 и 1851–1865), практически с конца 30-х годов и до своей смерти (1865) оставался «хозяином» страны. Опираясь на армию, церковь и крупных латифундистов, Каррера распространил свое влияние и на остальные страны, входившие в Федерацию. В гватемальской и латиноамериканской историографии период его диктатуры многие исследователи называют «мрачным тридцатилетием».

В 1839 г. к нему полностью перешли бразды правления. В этом году были отменены практически все законы и постановления

либералов. В своем обращении в конгресс Каррера требовал суда над главой правительства либералов Марьяно Гальвесом, отмену введенных им налогов, добивался для народа права назначать священников судьями и признания незаконной продажу земель иностранцам, осуществленную правительством Гальвеса. Одно из его требований было особенно значимым: назначить его, Рафаэля Каррера, главным лицом в государстве, имеющим право на проведение реформ. В декабре 1839 г. была возвращена церковная десятина. Одновременно было заявлено, что главной религией государства является католическая религия, но разрешается и отправление других культов. В следующем году был отменен гражданский характер бракосочетания. В 1841 г. были введена церковная кара за чтение аморальной и антирелигиозной литературы. 4.07.1843 г. было принято решение о возвращении ордена иезуитов, запрещенного Карлом III еще в 1767 г.⁵²² Гватемала вновь очутилась в XVIII столетии. В 1854 г. Р.Каррера был провозглашен Верховным Правителем и Пожизненным Президентом Гватемалы. В этом звании он и управлял Гватемалой до конца жизни. В последние дни, прощаясь с ней, Каррера был сверх уверен в своем «будущем»: «Я много сделал для Бога, и он мне воздаст должное»⁵²³.

Новая попытка объединения Центральной Америки

Идеи Морасана о единстве Центральной Америки в XIX в. не сходили с повестки дня. В 50-е годы они стали особенно актуальны в период авантюры Уокера. Легкость, с которой Уокер захватил в 1855 г. Никарагуа и назначил себя ее президентом, вновь актуализировала проблему единства стран региона. На сей раз признанным лидером этого процесса стал президент Гватемалы Хусто Руфино Баррьос (1835–1885). В годы его правления (1873–885) был проведен ряд важных реформ: принудительное распределение общинных земель индейцев и превращение их в частную собственность; внедрение системы субсидий и государственных бонификаций производителям индиго, хенекена и фруктов; стимулирование иммиграции; улучшение инфраструктуры страны. Была построена железная дорога между тихоокеанским портом Сан-Хосе и столицей, созданы телеграфные

⁵²² Toussaint M. Guatemala. México, 1986. P. 65, 66.

⁵²³ Ibid., P.74.

линии. Много было сделано в области образования. С 1875 г. оно стало обязательным, бесплатным и светским в своей основе. В столице и в пяти наиболее крупных городах появились специализированные центры гуманитарного и технического образования. Существенные перемены произошли в отношениях между церковью и государством. Был запрещен Орден иезуитов и ликвидированы монастыри с конфискацией их имущества. Церковь перешла на содержание государства. Эти реформы и новации способствовали превращению Гватемалы в самое динамично развивающееся государство Центральной Америки и подняли престиж Баррьоса как регионального лидера. В 1875 г. он обратился ко всем президентам стран региона с приглашением на совещание по вопросу об объединении центрально-американских государств. Совещание намечалось на 1876 г. Процесс объединения предполагал три этапа: создание единых вооруженных сил для совместной защиты своего суверенитета и единого органа, проводящего единую линию в международных отношениях; создание единого флота и единой системы железных дорог; создание единой образовательной системы, единого законодательства, единой монетарной системы и, наконец, принятие единого гражданства жителями пяти центрально-американских государств.

Совещание состоялось, но прибывшие на него представители других стран не были уполномочены своими правительствами принимать решения и подписывать итоговые документы. Враждебную позицию по отношению к совещанию заняли США и мексиканское правительство, возглавляемое П. Диасом. В итоге они сумели повлиять на правительства других стран Центральной Америки и убедить их не поддерживать инициативы гватемальского президента.

Оба больших либеральных проекта (Морасана и Х.Руфино Баррьоса) завершились неудачей. Чего же добился центрально-американский либерализм в XIX в.? На взгляд современных историков этого региона, тем не менее, можно констатировать существенные результаты. 1.Ему удалось централизовать политическую власть. При решении этой проблемы либеральные государства передавали свою власть церкви, индейским общинам, муниципалитетам, каудильо и региональным элитам. 2.Либералы использовали некий набор экономических принципов для развития производства экспортных продуктов, особенно кофе и бананов. Сюда же следует отнести: приватизацию земли, новые формы

контроля за наличием рабочей силы, концессии и контракты с иностранным капиталом. 3. Либералы консолидировали отдельные государственные службы, в частности армию. Хотя либералы неизменно поднимали вопрос о важности образования, тем не менее, в повседневной государственной практике наибольшее внимание выпадало на армию и карательные службы. Одним из таких примеров является диктатура Мануэля Эстрады Кабреры (1898–1920). Единственной страной, которой удалось приблизиться к политическим идеалам либерализма была Коста-Рика, которая фактически отказалась от армии, превратив ее в слой гражданских политиков, скорее с демократическими, нежели с авторитарными стремлениями.⁵²⁴

Библиография

- Brignoli Pérez H.* Breve Historia de Centroamérica. Madrid, 1985.
Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.
Untermeyer L. Forjadores del mundo modern. T. 2. México, 1957.
Toussaint M. Guatemala. México, 1986.
Historia del istmo centroamericano. San José, 2000.

*Л.А. Ивкина*⁵²⁵
L.A. Ivkina

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ПРОБЛЕМЕ ВЛАСТИ В ГОДЫ
ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КУБЫ, 1868-1878

POLITICAL STRUGGLE ON THE ISSUE OF POWER IN THE YEARS
OF THE TEN YEARS' WAR FOR THE INDEPENDENCE OF CUBA,
1868-1878

Аннотация: В работе рассматриваются политические

⁵²⁴ *Historia del istmo centroamericano.* San José, 2000, t.2, P.313.

⁵²⁵ *Людмила Андреевна Ивкина*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivkina Liudmila A., Institute of World History of the Russian Academy of Science, lais07@mail.ru.).

разногласия по вопросу о власти в годы Десятилетней войны за независимость Кубы 1868-1878 гг., возникшие между двумя созданными в начале борьбы правительствами Ориенте и Камагуэя. Вопрос о методах и формах осуществления власти (военный или гражданский) - главный вопрос всякого революционного процесса, стал одной из главных причин незавершенности борьбы за независимость 1868-1878 гг.

Ключевые слова: Десятилетняя война 1868-1878, К.М. де Сеспедес, И. Аграмонте, политические противоречия, республика, конституция Гуаймаро, военные и гражданские формы власти.

Abstract: The article analyzed political differences over the issue of power during the the Cuban Ten Years War of Independence of 1868-1878, which arosed between the two governments created at the beginning of the war – Oriente and Camagüey. The question of methods and forms of exercising power – military or civil – the main issue of every revolutionary process, has became one of the main reasons for the incompleteness of the struggle for independence of 1868-1878.

Keywords: The Cuban Ten Years War for independence, 1868-1878, C.M. de Céspedes, I. Agramonte, political differences, the military o civil forms of power.

Десятилетняя война за независимость Кубы 1868-1878 гг. — ключевой момент в истории Кубы XIX века, важный этап становления антиколониальной кубинской мысли. Она явилась логическим продолжением национально-освободительного процесса, начавшегося в странах Латинской Америки в начале XIX века, ознаменовала наступление нового этапа в историческом развитии Кубы — этапа освободительных войн против колониального господства, завершившегося лишь в середине XX в., а её лидер Карлос Мануэль де Сеспедес удостоился почетного звания «Отца Родины» — «El Padre de la Patria». Несмотря на то, что в силу ряда объективных и субъективных причин конечная цель борьбы — независимость — не была достигнута, Десятилетняя война оказала огромное воздействие на все последующее историческое развитие Кубы. Она расчистила почву для ускоренного развития новых форм общественного устройства, стала исходным рубежом в становлении кубинской нации, заложила традиции революционной борьбы. Её непосредственным итогом стала полная отмена рабства в 1880-1886 гг.

Известно, что проблема власти является центральной проблемой любого революционного процесса. Во время Десятилетней войны за независимость 1868-1878 гг. разногласия по вопросу о власти, о том, какие формы и методы ее осуществления — военные или гражданские - более уместны и необходимы для достижения независимости — стали предметом политических разногласий и в итоге послужили одной из главных причин незавершенности освободительного процесса.

В первые месяцы революционного движения 1868- 1878 гг. на Кубе были созданы два правительства: временное правительство в провинции Орьенте (К. М. де Сеспедес) и Революционный комитет провинции Камагуэй, преобразованный в феврале 1869 г. в Ассамблею представителей центра.

10 октября 1868 г. лидер повстанческих сил провинции Орьенте Карлос Мануэль де Сеспедес, освободив своих рабов, обратился к собравшимся соотечественникам с Манифестом независимости. Это важный политический документ, который по праву можно назвать Кубинской декларацией независимости. Впервые в истории антиколониальной мысли Манифест апеллировал не к испанским сводам законов, а к естественно-правовой доктрине, согласно которой все люди считались равными от рождения и обладали неотъемлемыми правами: правом на свободу, равенство, на частную собственность, право на восстание. Важное место в Манифесте уделялось обвинениям в адрес Испании и обоснованию причин, побудивших кубинских патриотов взяться за оружие и пойти на окончательный разрыв с метрополией ². Признавая приоритет вооруженной борьбы за независимость, Манифест подчинял этой цели вопрос о формах политической организации этой борьбы. Он предусматривал создание сильной централизованной власти, сосредоточенной в руках главнокомандующего, обладающего неограниченными полномочиями, и Правительственной комиссии в составе пяти человек, призванной оказывать всяческое содействие в решении насущных задач освободительной борьбы. Манифест подчеркивал временный характер всех принятых мер, действительных лишь на период ведения освободительной борьбы, «пока нация не освободится от

² Documentos para la historia de Cuba: Época colonial. La Habana, 1971. T.I. - P. 358-362.

своих врагов и, представленная более широко, не организуется в соответствии со своими желаниями»³.

20 октября 1868 г. кубинские патриоты захватили город Баямо и провозгласили его столицей свободной Кубы; 28 октября 1868 г. здесь был создан гражданский орган власти-Демократический муниципалитет Баямо в составе 9 человек. Главой временного правительства и генерал-капитаном Освободительной армии был назначен К. М. де Сеспедес. Был создан и новый флаг Кубы, по цветам напоминавший национальный флаг Чили. Впервые на улицах Баямо зазвучал гимн независимой Кубы.

В одном из своих воззваний (30 октября 1868 г.), подчеркивая временный характер издаваемых декретов Сеспедес заявил, что созданные им гражданские и военные органы власти призваны служить одному делу - делу освобождения Кубы: «Мы - солдаты своей родины, решившие отдать свои жизни за святые идеалы свободы, и только необходимость урегулировать положение нашей армии и обеспечить функционирование гражданских и административных органов власти вынуждают нас выступать сейчас в такой роли, которая не соответствует ни нашему характеру, ни нашим целям. Мы заявляем со всей откровенностью, что не желаем противопоставлять себя или навязывать свое правление другим жителям Кубы и что мы готовы подчиниться большинству жителей, как только они смогут собраться и воспользоваться своими правами»⁴. Всем лицам, не пожелавшим признать новое революционное правительство, было разрешено покинуть территорию Кубы⁵.

4 ноября 1868 г. началось восстание в провинции Камагуэй. Здесь наибольшую революционную активность проявил молодой адвокат Игнасио Аграмонте (1841-1873), впоследствии ставший одним из видных лидеров освободительного движения. 26 ноября 1868 г. был создан Революционный комитет Камагуэя, в который вошли наиболее известные креольские жители этой провинции. В декабре 1868 г. к патриотам Камагуэя присоединилась и революционно настроенная гаванская молодежь, оказавшая существенное влияние на всё последующее развитие революционной борьбы. Все они являлись учениками выдающегося кубинского просветителя Х. де Лус-и-Кабальеро.

³ Documentos. T.I. P.362.

⁴ Céspedes C.M. Escritos. T. 1. La Habana, 1974. P.124 .

⁵ Céspedes C.M. Escritos. -T. 1.- P.127.

Революционный комитет Камагуэя издал декрет о всеобщей воинской повинности и направил своего представителя в США. В послании от 18 декабря 1868 г. президенту США содержалась просьба о помощи и признании за Кубой права воюющей стороны. Отмечая, что перед Кубой стоят две альтернативы в выборе своего будущего — независимость или присоединение к США, Революционный комитет Камагуэя отдавал предпочтение второй ⁶.

В феврале 1869 г. Революционный комитет Камагуэя был преобразован в Ассамблею представителей центра. Наиболее важным актом нового правительства стало издание 26 февраля 1869 г. декрета о полной отмене рабства с выкупом. В преамбуле к нему было сказано: «Рабство, привнесенное на Кубу испанской властью, должно быть уничтожено вместе с ней» ⁷.

Революционный комитет Камагуэя выразил несогласие с политической формой организации революционной власти в Орьенте и отказался подчиниться созданному там временному правительству. В послании представителю Кубинской революционной хунты Гаваны Моралесу Лемусу от 7 февраля 1869 г. Революционный комитет Камагуэя заявил, что стремится к объединению всех патриотических сил на основе создания демократических институтов власти ⁸.

Правительство Сеспедеса подверглось критике и со стороны патриотически настроенной гаванской студенческой молодежи и кубинских патриотов Лас Вильяса. Сеспедеса обвинили в диктаторских замашках, в стремлении создать на Кубе антидемократический режим, а его самого называли военным диктатором, присвоившим себе титул капитан-генерала Освободительной армии, ассоциировавшийся с ненавистным испанским режимом. Комитет также выразил свое несогласие с нерешительной аболиционистской политикой К. М. де Сеспедеса и его нежеланием решать религиозный вопрос (отделение церкви от государства).

Между сформированными двумя революционными правительствами существовали разногласия относительно методов и форм политической организации вооруженной борьбы: К.М. де Сеспедес настаивал на создании сильной централизованной власти с сосредоточением военного и политического руководства в руках

⁶ Agramonte I. Documentos. La Habana, 1974.- P.145,146.

⁷ Documentos. T. 1. P.374-375.

⁸ Agramonte I. Documentos. P.150.

главнокомандующего. Патриоты Камагуэя и поддержавшие их члены Революционной хунты Лас Вильяс, перешедшие в марте 1869 г. в эту провинцию, являлись сторонниками создания республиканских форм власти с представительными органами. Переговоры относительно формирования единого правительства между патриотическими силами всех трех восставших провинций, начавшиеся еще в декабре 1868 г., не привели ни к какому определенному результату⁹.

Масштабное наступление испанской армии в январе 1869 г., захват ею временной столицы кубинских повстанцев Орьенте вынудил правительство Сеспедеса перейти к обороне. Серьезным тормозом на пути более широкого использования революционного энтузиазма широких народных масс, включившихся в освободительный процесс, являлось отсутствие единства среди руководства борьбой, существование двух правительств. Создававшаяся ситуация затрудняла установление более тесных и постоянных контактов с повстанческими силами других восставших провинций, мешала принятию единого плана военных операций. Все более очевидным становилось необходимость объединения всех патриотических сил.

Четырежды Сеспедес предпринимал переговоры с руководством революционных сил Камагуэя и Лас Вильяса о необходимости создания единого органа власти для реализации главной задачи борьбы — достижения независимости. На одной из первых встреч (8 декабря 1868 г.), когда И. Аграмонте начал рассуждать о республике, которую необходимо создать и какой она должна быть сейчас, в настоящий момент, К.М. де Сеспедес прервав его, заявил: «Какая Республика? Сначала надо сражаться за независимость. А потом думать о создании Республики. Война требует единства власти, необходимо центральное правительство, которое должно руководить и осуществлять военные действия»¹⁰. Сеспедес прекрасно понимал, что надо было сделать для успешного достижения независимости: необходимо было воспользоваться внутривластной ситуацией в самой метрополии (революционные события сентября 1868 г.); объединить усилия всех патриотических сил; отменить рабство; сохранить единство и дисциплину в рядах революционных сил и

⁹ Zambrana A. La República de Cuba. La Habana, 1969. - P.33.

¹⁰ Griñan Peralta L. Carlos Manuel de Céspedes (Análisis caracterológico). -Santiago de Cuba, 1968.- P.114.

среди кубинских эмигрантов; распространить очаг освободительной борьбы на западные территории острова, которые все еще находились под властью Испании; заручиться поддержкой государств Латинской Америки; предоставить революционному правительству свободу действий для решения главного вопроса освободительной борьбы — достижения независимости, чтобы затем, после победы, создать Республику.

В марте 1869 г. в ходе очередного раунда переговоров К.М. де Сеспедес, понимая, что остался в меньшинстве и, опасаясь, что дальнейшая отсрочка может привести к серьезным негативным последствиям и усугубить дальнейшее развитие освободительного процесса, принял условия Ассамблеи представителей центра. Ему был предложен пост президента будущей республики. Ради счастья Родины он отказался от всех регалий, от своих политических принципов, и позволил революционерам-романтикам создать Кубинскую республику и принять конституцию.

10 апреля 1869 г. в селении Гуаймаро (провинция Камагуэй) была созвана Конституционная ассамблея, в состав которой вошли члены Ассамблеи представителей центра, Революционной хунты Лас Вильяс и члены временного правительства провинции Орьенте во главе с К.М. де Сеспедесом. Конституционная ассамблея разработала и приняла основной закон-конституцию (Гуаймаро). Её текст был написан молодыми кубинскими юристами: 28-летним Игнасио Аграмонте и 23-летним Антонио Самбраной.

В преамбуле конституции говорилось: «Представители свободного народа Республики Куба, руководствуясь принципом национального суверенитета, провозгласили временную политическую конституцию, которая объявляется действующей на весь период борьбы за независимость»¹¹.

Конституция провозгласила Кубу федеративной республикой. Высшая законодательная власть принадлежала однопалатному парламенту - палате представителей. Ей были предоставлены широкие полномочия. Она имела право назначать и смещать президента республики, главу законодательной власти, главнокомандующего и других членов правительства. В ее ведении находились такие вопросы, как объявление войны и мира, установление контрибуций и налогов, ратификация договоров с другими странами, создание и обеспечение армии, руководство

¹¹ Constitución de Guáimaro. Reproducida del Texto Original Adoptado por la Asamblea Nacional de Cuba. Abril 10 de 1869. La Habana, 1957.

военными операциями, право помилования преступников. Исполнительная власть принадлежала президенту республики. Ему подчинялся главнокомандующий, который был обязан давать отчет о ходе военных операций. Президент имел право вето на законопроекты, издаваемые палатой представителей, назначал послов Революционной Кубы в другие страны, принимал иностранных представителей, следил за строгим соблюдением и исполнением изданных законов. Судебная власть провозглашалась независимой, для её организации в ближайшее время предполагалось принять специальный законопроект. Вся территория острова была разделена на четыре штата: Орьенте, Камагуэй, Лас-Вильяс и Оксиденте. Хотя в западных районах так и не произошло массового выступления против испанского колониализма, молодые революционеры-романтики считали это делом недалекого будущего.

Анализ статей Конституции ясно свидетельствовал о том, единственно реальной политической силой была палата представителей, в то время как президент был лишь исполнителем ее распоряжений и декретов¹². Наделение палаты представителей столь широкими полномочиями объяснялось опасением со стороны молодого поколения кубинских борцов за независимость возникновения на Кубе диктаторского режима, подобия тех, которыми была так богата политическая история стран Латинской Америки после достижения ими независимости. По существу конституция Гуаймаро стала своего рода компромиссом между двумя фракциями патриотического лагеря: Орьенте и сторонниками республиканских форм власти — Камагуэя, Лас Вильяса и революционной гаванской молодежи.

Безусловно, конституция Гуаймаро явилась важным политическим документом эпохи освободительной борьбы. В основу этого важнейшего документа были заложены буржуазно-правовые принципы государственного устройства, заимствованные из всемирно-исторического опыта, в частности, из опыта Великой французской революции (1789-1793) и войны за независимость США (1775-1783). Само конституционное оформление освободительной борьбы свидетельствовало о том, что она приобретала все более глубокую социальную направленность, объективно решая не только задачу национального освобождения, но и установления нового общественного порядка.

¹² Collazo E. Desde Yara hasta el Zanjón. La Habana, 1967. P.16.

Однако провозглашение Кубинской республики и принятие буржуазной по духу и содержанию конституции произошли в тот момент, когда основной стратегической задачей освободительной борьбы являлось распространение вооруженного восстания на всю территорию острова. В силу ряда объективных и субъективных причин этого не произошло, что затрудняло и делало практически невозможным претворение в жизнь многих изданных палатой представителей законов и декретов.

За годы войны кубинским повстанцам так и не удалось удержать ни одного населенного городского пункта. После захвата испанцами в декабре 1869 г. Гуаймаро для правительства революционной Кубы настал период постоянных маршей и передвижений, что существенно осложняло законотворческую деятельность парламента, который, согласно принятой конституции, являлся постоянно действующим органом власти. Правительство в условиях военного времени зачастую было вынуждено следовать за отрядами освободительной армии, не оказывая ей никакой реальной помощи. Отсутствие регулярных связей между провинциями, вакантное место главнокомандующего мешало принятию единого стратегического плана военных операций и осуществлению наступательной тактики. В такой объективно складывавшейся обстановке фактическая деятельность как законодательной, так и исполнительной власти была номинальна. Все более возрастала роль местных военных лидеров, выдвинувшихся в ходе борьбы и обладавших реальной политической и военной властью на подведомственной им территории. Возникла ситуация, при которой три ветви власти — законодательная, исполнительная и военная — действовали независимо друг от друга, не дополняя, а порой и мешая друг другу.

В отчетном докладе парламенту о своей деятельности 10 марта 1872 г., президент в очередной раз указал на необходимость модификации административных, законодательных и судебных органов власти, расширения полномочий исполнительной и военной власти, пересмотра военного законодательства. Он считал, что гражданские органы власти должны подчиняться военным, что позволило бы им более эффективно исполнять возложенные на них обязанности. Он также предложил упразднить должности губернаторов, префектов и субпрефектов и создать органы управления, обладающие смешанными функциями. Касаясь проблемы проведения всеобщих выборов, президент отметил, что

все попытки исполнительной власти осуществить их, оказались безуспешными. В докладе он также затронул проблему нехватки военных ресурсов, что в итоге привело к стагнации освободительного движения, о своих попытках преодолеть серьезный раскол, возникший в рядах кубинской эмиграции, помощь со стороны которой практически прекратилась¹³. По существу все предложения президента отражали его взгляды и точку зрения на формы и методы осуществления освободительной борьбы, которые он выдвигал еще на начальном этапе. Особенно серьезные разногласия возникли при обсуждении нового проекта о военной организации республики, внесенного палатой представителей 20 апреля 1872 г. Он существенно ограничивал роль исполнительной власти и передавал большие полномочия военным лидерам каждой провинции; и хотя за президентом был сохранен пост главнокомандующего, тот имел право возглавить руководство армией только с одобрения парламента. Президент наложил вето и на этот законопроект, что еще более накалило политическую обстановку. Все более растущие противоречия между исполнительной и законодательной органами власти, приобретая личностный характер, привели в итоге к отставке первого президента Кубинской республики 27 октября 1873 г. Против него были выдвинуты обвинения в стремлении установить военную диктатуру, в нарушении конституционных гарантий, в нежелании проводить всеобщие выборы, в непотизме (покровительстве своим родственникам). Большинством голосов (8 человек) членов палаты представителей отставка президента была принята¹⁴. Так завершилась деятельность первого президента Кубинской республики. На этом посту он находился более 4,5 лет.

Отставка К.М. де Сеспедеса явилась итогом зрелого в течение всего периода освободительной борьбы военно-политического кризиса. В его основе лежали серьезные разногласия внутри патриотического лагеря по наиболее важным вопросам стратегии и тактики освободительной борьбы, в частности, относительно форм её организации и методов осуществления. Сложившаяся на Кубе ситуация в тот период показала, что функционирование стабильного конституционно оформленного правительства с сильным законодательным органом оказалось невозможным в

¹³ Céspedes C.M. Escritos. - T.I.- P. 279-285.

¹⁴ Camacho P.D. Biografía de la Cámara de la Guerra Grande. La Habana, 1945.- P.36.

период ведения войны. При всей прогрессивности и исторической важности создания Кубинской республики молодым кубинским законодателям была присуща восторженно-экзальтированная идеализация республиканских форм политического устройства, вызванная отсутствием опыта политической борьбы. Иллюзия того, что создание кубинской республики и выработка буржуазной по духу конституции сами по себе смогут привести к победе, основывалась на политической неопытности молодых кубинских законодателей-романтиков. Увлеченность гражданской стороной дела и забвение непосредственных задач освободительной борьбы существенно снижали эффективность деятельности самого законодательного органа. Многие изданные ими законы и декреты не соответствовали реально складывавшейся обстановке, например, декрет об административном делении территории острова на четыре штата (за основу была принята федеральная система США), одним из которых стала западная часть острова, где так и не возникло массового освободительного движения и где на протяжении всего периода борьбы преимущества военного и стратегического порядка были на стороне Испании. То же можно сказать и о других гражданских законах, например, декрете о внутреннем долге, о свободе торговли, об избирательном праве. Многие законы носили декларативный характер: они или вовсе не были претворены в жизнь или имели ограниченный, короткий срок существования, и, как правило, в пределах территории, занимаемой кубинскими повстанцами.

Одной из главных ошибок первых кубинских законодателей явилось то, что, опасаясь возникновения диктатуры, члены палаты представителей постоянно блокировали деятельность исполнительной власти, лишая ее тем самым инициативы в осуществлении главной стратегической задачи — ведения наступательных военных операций с целью распространения освободительной борьбы на западные районы острова. Пытаясь воспрепятствовать возникновению военной диктатуры, мираж которой постоянно пугал молодых законодателей, палата представителей направляла все свои силы и использовала предоставленные ей прерогативы, а именно конституцию, чтобы не допустить усиления президентской исполнительной власти, даже в ущерб главной цели борьбы, то есть, по существу, она сама превратилась в верховный неподконтрольный орган власти, в «смирительную рубашку» для всего революционного процесса. Пренебрежение конкретными задачами борьбы привело к усилению противоречий между двумя

ветвями власти и складыванию сложной моральной обстановки внутри повстанческих сил. Правительственный кризис разразился в период общего спада и стагнации борьбы и был использован правым крылом буржуазно-плантаторского блока, пытавшегося приостановить дальнейшую радикализацию освободительного процесса и, прежде всего, не допустить распространения вооруженной борьбы на западные районы острова.

Будучи порождением философского идеализма палата представителей с самого своего возникновения стала тормозом, а не движущей силой революционного процесса. Руководствуясь «страхом и ненавистью перед возникновением деспотической власти, реальной или гипотетической, в каждом военном лидере она видела потенциального деспота. Перед её глазами стояли события, происходившие в латиноамериканских республиках после войны за независимость Испанской Америки (1810-1826). Среди политических предрассудков палаты представителей «наиболее серьезными был страх перед возникновением военной диктатуры, на манер испано-американского каудильизма». Страх, который заставлял в каждом военном лидере видеть врага свободы. Этот страх позволил ей превратить фигуру президента Кубинской республики Сеспедеса в жертву этих предрассудков и этого страха»¹⁵.

Кубинский историк и участник Десятилетней героической эпопеи Э. Колясо один из первых выдвинул тезис о том, что палата представителей была «порождением неопытности и политической незрелости руководителей восстания, преждевременной, поспешной мерой»: «Если бы в момент провозглашения республики в Гуаймаро были слышны ружейные выстрелы и канонада вражеских пушек, мы бы имели менее республиканскую конституцию и правительство более адекватное нашему положению. «Была создана республика и разработана конституция», - писал он, - в то время как мы не имели даже пяди земли, над которой могли бы водрузить свой флаг; приложили все усилия, чтобы не допустить возникновения диктатуры, забыв о враге, который наступал; надеялись обрести свободу, не понимая, что ещё не имеем родины; провозгласили себя гражданами в то время, когда нужны были солдаты, и в итоге придали только что рождённому ребёнку черты уже зрелого человека»¹⁶. Отставку

¹⁵ Griñan Peralta L.Carlos Manuel de Céspedes.- P. 228,230.

¹⁶ Collazo E. Desde Yara hasta el Zanjón.- P.1 7

первого президента автор рассматривал как самый негативный момент борьбы, который, не приведя к стабилизации и упрочению освободительного процесса, повлек за собой более серьезные внутренние разногласия. Она явилась серьезным деморализующим фактором и по существу стала началом конца, выражением которого явилось подписание компромиссного Санхонского договора 1878 г.

Очень точно о политическом противостоянии и разногласиях внутри лагеря патриотических сил Кубы в рассматриваемый период сказал Хосе Марти: «10 апреля в Гуаймаро состоялась ассамблея, которая пыталась примирить две враждующие стороны: патриотов Центра и Орьенте. Первые были сторонниками республиканских форм власти, вторые выступали за военные методы борьбы. Сеспедес выступал против республиканских форм правления, считая их несвоевременными, но более всего он стремился избежать разногласий, которые считал неуместными. Он пожертвовал своими собственными принципами, которыми никто никогда не жертвовал. Палата — вдохновляемая своими чистыми, но несвоевременными, помыслами, издавала законы в сфере образования, аграрные декреты, в то время как единственным средством борьбы должны были быть мачете, сражения, боевой опыт, пот и кровь. И наступило вето». «Он считал, что властные полномочия должны находиться в одних руках; что единая власть - это спасение революции Он имел в виду конечную цель борьбы: независимость Родины. Палата имела в виду другое: какой страна станет после завоевания независимости. Оба были правы; но в период сражений идеи палаты представителей были вторичны»¹⁷.

Библиография

- Ивкина Л.А.* Десятилетняя война за независимость на Кубе, 1868-1878. М., Наука, 2007.
- Camacho P.D.* Biografía de la Camara de la Guerra Grande. La Habana, 1945.
- Collazo E.* Desde Yara hasta el Zanjón. La Habana, 1967.
- Documentos para la historia de Cuba. La Habana, 1971.-Т. I.
- Griñan Peralta L.* Carlos Manuel de Céspedes (Análisis caracterológico). -Santiago de Cuba, 1968.

¹⁷ Martí J. La Revolución de 68. La Habana, 1968.- P.197.

Márquez Sterling M. La Diplomacia en Nuestra Historia. La Habana, 1967.

Martí J. La Revolución de 68. La Habana, 1968.

Morales y Morales V. Hombres del 68. Rafael Morales y González. La Habana, 1972.

Zambrana A. La República de Cuba. La Habana, 1969.

*A.A. Щелчков*⁵²⁶
A.A. Schelchkov

ЧИЛИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИВНО-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ КОНЦА XX В.⁵²⁷

CONSERVATIVE-LIBERAL SYNTHESIS IN CHILE AT THE END OF THE XX-TH CENTURY

Аннотация: После переворота Аугусто Пиночета в 1973 г. в Чили происходил синтез «революционного консерватизма», представленного гремиалистским движением, и неолиберализмом. В основе идеологии пиночетизма лежал принцип субсидиарности государства, разделения народного суверенитета на политическую и социальную власть, смысл которых сводился к попытке навечно закрепить в стране авторитарный режим.

Ключевые слова: «революционный консерватизм», гремиалистское движение, субсидиарность, А. Пиночет, Чили, неолиберализм, Х. Гусман.

Abstract: After the coup of Augusto Pinochet in 1973 in Chile, the synthesis of the "revolutionary conservatism",

⁵²⁶ *Андрей Аркадьевич Щелчков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Andrey A. Schelchkov* — Insitutte of World History) sch2000@mail.ru.

⁵²⁷ При поддержке РФНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

presented by gremialism movement, and the neoliberalism. The ideology of pinochetismo based on the principle of subsidiarity of the State, the subdivision of the popular sovereignty in the political and social power, attempting to perpetuate the authoritarian regime.

Keywords: Revolutionary conservatism, gremialism movement, subsidiarity, A. Pinochet, Chile, neoliberalism, J. Guzmán.

Кардинальные изменения в политической системе Чили произошли в 60-70-е годы XX в. Постоянный тренд влево в чилийской политике с приходом к власти христианских демократов в 1964 г. и рост популярности социалистов и коммунистов вызвали к жизни процессы консолидации на правом фланге: в 1966 г. Консервативная и Либеральные партии и националистическое Движение Национального действия Хорхе Прата объединились в Национальную партию, провозгласившую принципы авторитаризма и национализма.

Новая партия объявляла себя инструментом национального обновления, провозглашая приверженность национализму. В программном документе партии содержалось «воспоминание» и беспартийном авторитаризме времён Диего Порталеса: «Необходимо предоставить исполнительной власти все полномочия для управления государством без экономического и политического вмешательства, свободной от влияния групповых интересов». Также заявлялось, что целью партии является «установление нового экономического, социального и политического порядка». Главные противники этой линии – «марксизм и все формы коллективизма». Националистическая партия представляла себя как альтернатива не только левому блоку коммунистов и социалистов, но и вышедших их лона консерваторов демохристиан, декларировавших свою приверженность идеям коммунитаризма. Несмотря на то, что партия объявляла себя наследницей христианской цивилизации, декларировала, что не связана ни с какой религией и уважает все верования⁵²⁸. Консерваторы должны были уступить либералам во имя объединения.

В новой объединенной партии нашли свое место как старые консерваторы-традиционалисты и националисты, так и молодые

⁵²⁸ Partido Nacional. Fundamentos doctrinarios y programáticos. Santiago de Chile, 1966.

неолибералы, сформировавшиеся в Экономической школе Католического университета, с 1956 г. сотрудничавшей со школой экономистов Чикагского университета. Этот союз особенно проявил себя после переворота 1973 г.

Последователи корпоративистов во главе с будущим идеологом пиночетовского режима Хайме Гусманом в 1966 г. создали в Католическом университете гремиалистское движение (от испанского *gremio* – цех), противостоявшее объединению студентов по партийным предпочтениям⁵²⁹. Это движение рассматривало социальную структуру как состоящую из посреднических между государством, политикой и простыми людьми организаций, создаваемых на патерналистской основе, выступали против идеологического влияния какой-либо партии на жизнь общества, то есть предполагали аполитичность гремиалистских организаций как основы общества. Хайме Гусман определял гремиализм как «идейное движение, которое стремится укрепить автономию общинных посреднических структур — профсоюзов, цехов (*gremios*), предпринимательских, молодёжных организаций и других — основываясь на принципе субсидиарности государства⁵³⁰ как ключевого принципа для подлинно свободного государства»⁵³¹.

Неолибералы издавали в 1968 г. недолговечный журнал «*Polémica económica-social*», в котором сотрудничали идеологи неолиберализма Пабло Бараона, Пауль Альдунате, Серхио де Кастро, Эмилио Санфуэнтес. В 1969 г. близкая Национальной партии группа националистов, связанная с ультраконсервативной

⁵²⁹ Correa Sutil S. El pensamiento en Chile en el siglo XX bajo la sombra de Portales // Ideas en le siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano./ Oscar Terán (coord..) Buenos Aires: Siglo XXI, 2008. P. 230.

⁵³⁰ Принцип вспомогательной функции государства, введённый в оборот в результате Первого Ватиканского собора, связан с идеей децентрализации, решения социальных вопросов не на государственном, а на частном, низшем, базовом уровне, что предполагает в интерпретации правых, в том числе и чилийских, второстепенность интересов государства пред частным предпринимательством, ликвидацию централизованных механизмов социального государства, антиэтатизм, аполитичность. Государство играет вспомогательную роль и только там, где автономные (посреднические между индивидом и обществом) организации не справляются.

⁵³¹ Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. Seis ensayos. Santiago de Chile: Universitaria, 2015. P. 124.

католической Опус Деи, стали издавать журнал «Portada», ставший идеологическим рупором чилийских правых, находивших в оппозиции демохристианам и левым. Во главе журнала стоял историк Гонсало Виаль. На ее страницах выступал также гремиалист Хайме Гусман. Затем они же в союзе с неолибералами создали журнал «Que pasa».

В «Portada» подчёркивалась преемственность с корпоративизмом и испанизмом Х. Эйсагирре и антикоммунизмом Х. Прата, подтверждалась приверженность идеям враждебным Просвещению, демократии и социализму, за некое национальное единство вне партийных и политических интересов. В основу новой политической системы должен был положен принцип subsidiarности, корпоративизма, ликвидации партий, сильной власти близкой народным чувствам и потребностям, отвергающей влияние иностранных идеологий. Отрицался весь опыт политического плюрализма и самого права партий на существование, даже идеологически близкая им Национальная партия объявлялась неэффективной и вредной. После прихода к власти С. Альенде в 1970 г. гремиалисты Гусмана и Национальная партия объединились в общей борьбе с «марксистской угрозой», причём идеологическое первенство в этом союзе осталось за гремиалистами.

В условиях усиления государственного вмешательства в экономику корпоративистские идеи претерпели кардинальные изменения. Если следовать идеям «государства-производителя» Энсины или корпоративизма Эйсагирре, то политика демохристиан и Альенде вполне вписывалась в эти рамки. Корпоративисты, в том числе и сам Эйсагирре в переизданиях своих работ в 60-е годы, эволюционировали к тому, что ранее отрицали, а именно к признанию либеральных принципов в экономике. Теперь они поддерживали идеи subsidiarности, второстепенности государства по сравнению с институтами гражданского общества и выступали за «социальную рыночную экономику»⁵³².

Журнал «Que pasa» предлагал разрыв со всем прошлым чилийской политики, основанном на демократии и партийном многообразии, предлагалось созидать новые правые силы, которые смогут резко повернуть курс чилийской политической жизни во имя национального единства. По всем параметрам декларировался

⁵³² Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 125.

разрыв с чилийской политической традицией, в том числе с традиционными правами⁵³³.

После переворота 1973 г. журнал «Que pasa» стал одним из идейных рупоров военного режима. На его страницах историк Гонсало Виаль излагал идейные основы «новой» Чили, обращаясь к так называемым истинным историческим принципам: национализм, национальное единство, принадлежность к западной христианской цивилизации, субсидиарность, частная собственность, а чилийской особенностью объявлялась приверженность порядку и дисциплине⁵³⁴.

После переворота 1973 г. военные пригласили Гусмана, которому было только 27 лет, возглавить комиссию по выработке новой конституции. Гусман стал идеологом нового режима. Он редактировал программные документы Хунты, такие как «Декларация принципов» 1974 г.⁵³⁵ Победа неолибералов в союзе с традиционалистами, гремиалистами при Пиночете привела к трансформации самого понимания субсидиарности государства и корпоративизма к том смысле, что упрощало всю эту сложную католическую консервативную доктрину до невмешательства государства в экономику, то есть до идеи «минимального государства»⁵³⁶.

Через шесть месяцев после переворота, 11 марта 1974 г. военное правительство опубликовало «Декларацию принципов правительства Чили». Если сразу после переворота военные говорили о своем стремлении восстановить демократию и порядок, то теперь в этом документе, к которому приложил руку Гусман, говорилось не о восстановлении демократии, а о новом типе институциональности, новом политическом строе, соответствующем консервативным традициям страны. Гусман через эту декларацию заявлял, что в мире существует два типа режимов: марксистские и либеральные, сочетающие экономический рост и политические свободы. Но хунта отвергала обе модели, так как марксизм не вел к благосостоянию, а либерализм порождает консюмеризм.

⁵³³ Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 105-107.

⁵³⁴ Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 116.

⁵³⁵ Correa Sutil S. El pensamiento en Chile en el siglo XX. P. 290-291.

⁵³⁶ Góngora M. Ensayo histórico sobre la noción de Estado en Chile en los siglos XIX y XX. Santiago de Chile, 1970. P. 133.

Декларация сформулировала идеи, ранее высказанные Гусманом: «У Чили большая традиция общественных организаций, которая уходит корнями в испанское прошлое. Кабильдо, автономные коммуны, рабочий синдикализм и гremиализм присутствуют на всех уровнях...», – а также утверждала автономию этих «посреднических организаций», и следовало «обеспечить независимость и деполитизацию всех организаций, посредничавших между человеком и государством»⁵³⁷.

«Декларация» вводила понятие и принцип «общего блага», не связанного ни с либеральным индивидуализмом, ни с марксистским «тоталитарным коллективизмом». «Общее благо» заменяло принцип народного суверенитета. Чуть позже, в январе 1975 г. Гусман как глава комиссии по реформе конституции выступил с разъяснениями нового понимания народного суверенитета, который не мог быть абсолютным принципом, так как ограничивался частными свободами и Божественными установлениями⁵³⁸. Из этого ограничения народного суверенитета авторы декларации 1974 г. переходили к принципу субсидиарности государства: «Уважение принципа субсидиарности представляет собой ключевой пункт в обеспечении подлинно либертарного общества». Хунта брала на вооружение принцип субсидиарности государства, состоящий, в силу его новой трактовки, в различии между политическим суверенитетом и социальным суверенитетом, резервируя для себя первый, но с диктаторскими функциями, или, как писали традиционалисты, осуществляя «королевские принципы», то есть отдавая законодательную власть диктатору, а второй тип суверенитета или социальную власть – аполитичным муниципалитетам, профессиональным и предпринимательским коллегиям, гremиос. Подчёркивалось различие между «политической властью» и «социальной властью»: «Политическая власть или право принимать решения по вопросам, имеющим общий интерес для всей нации, является функцией правительства страны. Социальная власть, наоборот, должна пониматься как способность принимать решения посредническими формированиями общества для развития законных интересов автономий по достижений их специфических целей, обогащая тем самым действия политической власти..., обеспечив деполитизацию

⁵³⁷ www.archivochile.com/Dictadura_militar (обращение 20 мая 2016 г.)

⁵³⁸ Zaldívar A. La Transición inconclusa. Santiago de Chile: Los Andes, 1995. P. 30.

всех посреднических сообществ между человеком и государством»⁵³⁹

Характеризуя эволюцию чилийского консерватизма и либерализма при Пиночете, Ренато Кристи отмечал: «Национализм и корпоративизм представляют собой канал, через который осуществляется политическая (Националистическое государство) и социальная (гражданское гremиалистское общество) реализация рыночной экономики, при том что принцип субсидиарности становится принципом взаимодействия этих двух сфер. Нация и цех (гremио), каждый в своей сфере, сливаются в созидании рыночной свободы»⁵⁴⁰. В этом состоял, по словам Кристи, «консервативный синтез», объединивший консерватизм в виде католического корпоративизма и неолиберализм.

«Декларация» отсылала к историческому прошлому, к которому обращались Гусман и военные – к мифу о порталианском государстве как инструменту величия нации. Национализм и авторитаризм был краеугольным камнем «консервативного синтеза». Этот программный документ заявлял: «В соответствии с вдохновляющими нас принципами Порталеса, правительство вооружённых сил со всей энергией будет осуществлять принцип власти, подавляя любые ростки анархии и беспорядка..., с тем чтобы сделать из Чили великую нацию»⁵⁴¹.

Хайме Гусман утверждал, что всеобщее избирательное право, хотя и неизбежное зло, но должно быть ограничено «принципами» чилийской самобытности, что исключает свободу для марксистских идей. Гусман допускал переход к ограниченной демократии только после того, как общество достигнет определённых экономических успехов, и все оно будет чувствовать связь с господствующей системой, отличающейся свободным, ничем не ограниченным рынком⁵⁴². Идеологи военного режима говорили не только о необходимости временного приостановления деятельности политических партий, но и перестройки партийной системы, создания новых организаций в соответствии с новой моделью государства⁵⁴³.

⁵³⁹ www.archivochile.com/Dictadura_militar (обращение 20 мая 2016 г.)

⁵⁴⁰ Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 137.

⁵⁴¹ www.archivochile.com/Dictadura_militar (обращение 20 мая 2016 г.)

⁵⁴² Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 117 - 118.

⁵⁴³ Zaldívar A. La Transición inconclusa. P. 28.

Идейное обоснование этих взглядов Гусман находил в социальной доктрине католической церкви, а именно в энциклике *Mater et magistra*, утверждающей приоритет личности перед обществом и государством. Гусман испытал на себе не только влияние испанизма, корпоративизма, крайне-правых взглядов К. Шмитта, но и нео-либерализма австрийской экономической школы Ф.А. Хайека⁵⁴⁴. Неолиберализм в этот период стал доминирующей идеологией, что привело к изменению взглядов корпоративистов и гремиалистов во главе с Гусманом, которые приняли новые правила, неолиберальную экономическую систему и взгляды. Гремиализм трансформировался в 1983 г. в политическое движение Независимый демократический союз – УДИ (*Unión Democrática Independiente – UDI*). Принципы, изложенные Гусманом в «Декларации» 1974 г. были положены в основу конституции 1980 г., действующей с небольшими изменениями до сих пор⁵⁴⁵.

В отличие от прочих времен чилийской истории «революционный» консерватизм пиночетизма и Хайме Гусмана, хотя идеологически опирался на папские энциклики, не нашел поддержки католической церкви. 24 апреля 1974 г. чилийский епископат призвал к национальному согласию, соблюдению прав человека и восстановлению конституционной законности, что вызвало раздражённую позицию журнала «*Que pasa*», который был рупором пиночетизма⁵⁴⁶. Церковь заняла открыто оппозиционную позицию к военным и развернула кампанию солидарности с жертвами репрессий, что привело к многочисленным конфликтам правительства с церковью.

Неолиберализм пиночетовского режима не был принят и теми, кто вначале поддержал переворот, как например, консервативным историком Марио Гонгорой⁵⁴⁷, который критиковал Пиночета как могильщика чилийского национального государства с ультраконсервативных позиций. В 30-е годы Гонгора был активным членом Консервативной молодёжи (затем оформившейся

⁵⁴⁴ Cristi R., Ruiz-Tagle P. *El constitucionalismo del miedo*. Santiago de Chile: LOM ediciones, 2014. P. 107 - 108.

⁵⁴⁵ Correa Sutil S. *El pensamiento en Chile en el siglo XX*. P. 298.

⁵⁴⁶ Zaldívar A. *La Transición inconclusa*. P. 26.

⁵⁴⁷ Марио Гонгора считал самым высоким моральным авторитетом в мире Александра Солженицына, что свидетельствует о совокупности его взглядов на мир и политику. - Góngora M. *Ensayo histórico sobre la noción de Estado*. P. 138.

в Национальную фалангу, предшественницу демохристиан), но за свой социал-консерватизм был осуждён партийной верхушкой. Побывал в Европе в 1938 г., после чего вступил в Компартию, но и её он покинул в 1941 г. Увлечённо изучал европейских консерваторов, особенно Шпенглера и Буркхарда, писал работы прославляющие авторитаризм Порталеса, прочно становится на позиции консервативного национализма⁵⁴⁸. Поддержал переворот Пиночета, разделял принципы, изложенные в Декларации хунты 1974 г. Однако, с победой неолибералов перешел в оппозицию режиму, считая, что сильное производительное государство является непреходящей ценностью, которую выстрадало чилийское общество в течение XIX–XX вв. Он напрямую называл политику Пиночета антигосударственной, считал непростительной реприватизацию промышленности и применение принципа субсидиарности к образованию, особенно, к высшему, в то время как оно является непреходящим завоеванием чилийского государства⁵⁴⁹.

Гонгора утверждал, что «в Чили государство есть основа нации, а нации нет без государства»⁵⁵⁰. Эта идея восходит к Дж. Джентиле и Карлу Шмитту. Согласно Гонгоры, в Чили эта максима нашла свое полное выражение в режиме Порталеса, который не отражал состояние нации, а скорее был инструментом формирования нации, находившейся в состоянии гражданской незрелости, внутренней борьбы и развала. Сильное государство смогло преодолеть недостатки и болезни, переживаемые нацией. Так было при Порталесе и так должно было происходить в 70-е годы после переворота⁵⁵¹.

Гонгора разделял консерваторов-революционеров, стоящих на своих принципах и пытающихся изменить реальность в соответствии с ними, и консерваторов, легко пошедших на компромисс с неолиберализмом. Современный консерватизм для него был по сути формой либерализма. Он отличал его от

⁵⁴⁸ Vial Larraín J. Otra conversación mas con Mario Góngora // Revista universitaria. Pontificia Universidad Católica de Chile. No. 22. Santiago: 1987. P. 66.

⁵⁴⁹ Góngora M. Ensayo histórico sobre la noción de Estado. P. 133 – 135.

⁵⁵⁰ Góngora M. Ensayo histórico sobre la noción de Estado. P. 5.

⁵⁵¹ García de la Huerta M. Nación-estado y legitimidad en Chile, reflexiones sobre un libro de Mario Góngora // Opciones. Centro de Estudios de la Realidad Contemporánea. No.10. Enero-abril 1987. Santiago de Chile, 1987. P. 160.

романтического и контрреволюционного консерватизма прошлого, являвшегося реакцией на модернность, на рационализм и индивидуализм. Этот консерватизм был выражением души народа, чувства коллективности, общинности, что противостояло индивидуализму и рационализму либералов. Применительно к Чили Гонгора считал классиков консерватизма Мариано Эганью, Андреса Белью, Диего Порталеса, Мануэля Монтта скрытыми либералами, а лидеров консерваторов после 1860 г. чистыми либералами, то есть весь чилийский консерватизм сильно отличался от европейского, который был реакцией на Французскую революцию и модернность, и который в отличие от чилийского был контрреволюционным⁵⁵². Гонгора заключал свой анализ неолиберального виража конца XX в. – «это кризис идеи государства, которая является основным понятием для нашего народа, ибо именно государство создало и придало форму нашей нации»⁵⁵³.

Важно отметить, что в период военной диктатуры церковь встала на защиту прав человека, выступала за восстановление демократии в стране. В лице своего высшего иерарха кардинала Рауля Сильвы Энрикеса осудила безграничный неолиберализм властей и политической элиты. В 1986 г. кардинал говорил: «Мы показываем несовместимость христианской веры и безграничной либеральной идеологии, которая рассматривает прибыль как главный двигатель прогресса, конкуренцию как высший закон экономики, частную собственность на средства производства как абсолютное право, без ограничений и соответствующих социальных обязательств. Эта идеология, как сказал Павел VI, ведёт к диктатуре и войне, а по словам Пия XI, к международному империализму денег. Христианская вера требует от нас повторять и повторять, что экономика должна служить человеку»⁵⁵⁴. Новый чилийский консерватизм опирается на неолиберализм и авторитаризм⁵⁵⁵, причем первый стал основой компромисса с

⁵⁵² Cristi R., Ruiz C. El pensamiento conservador en Chile. P. 149.

⁵⁵³ Góngora M. Ensayo histórico sobre la noción de Estado. P. 138.

⁵⁵⁴ Cristi R., Ruiz-Tagle P. El constitucionalismo del miedo. P. 112.

⁵⁵⁵ О современном латиноамериканском консерватизме см.: Ивановский З.В. Латиноамериканский консерватизм в начале XXI в. // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С. 270-275.

левоцентристскими силами в период демократического транзита в 1990-е годы⁵⁵⁶.

Библиография

- Дьякова Л.В.* Деятельность правительств Консертасьон в Чили в пост-пиночетовский период (1990-2010) // Латиноамериканский исторический альманах. №14. 2014. С.191-218.
- Ивановский З.В.* Латиноамериканский консерватизм в начале XXI в. // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С. 270-275.
- Correa Sutil S.* El pensamiento en Chile en el siglo XX bajo la sombra de Portales // Ideas en le siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano./ Oscar Terán (coord.) Buenos Aires: Siglo XXI, 2008.
- Cristi R., Ruiz C.* El pensamiento conservador en Chile. Seis ensayos. Santiago de Chile: Universitaria, 2015.
- Cristi R., Ruiz-Tagle P.* El constitucionalismo del miedo. Santiago de Chile: LOM ediciones, 2014.
- García de la Huerta M.* Nación-estado y legitimidad en Chile, reflexiones sobre un libro de Mario Góngora // Opciones. Centro de Estudios de la Realidad Contemporánea. No.10. Enero-abril 1987. Santiago de Chile, 1987.
- Góngora M.* Ensayo histórico sobre la noción de Estado en Chile en los siglos XIX y XX. Santiago de Chile, 1970.
- Partido Nacional. Fundamentos doctrinarios y programáticos. Santiago de Chile, 1966.
- Vial Larrain J.* Otra conversación mas con Mario Góngora // Revista universitaria. Pontificia Universidad Católica de Chile. No. 22. Santiago: 1987.
- Zaldívar A.* La Transición inconclusa. Santiago de Chile: Los Andes, 1995.

*Н.С. Иванов*⁵⁵⁷

⁵⁵⁶ О демократическом транзите в Чили см. Дьякова Л.В. Деятельность правительств Консертасьон в Чили в пост-пиночетовский период (1990-2010) // Латиноамериканский исторический альманах. №14. 2014. С.191-218.

N.S. Ivanov

ЛИБЕРАЛЫ, КОНСЕРВАТОРЫ И ШИРОКИЙ ФРОНТ
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УРУГВАЯ⁵⁵⁸

LIBERALS, CONSERVATIVES AND FRENTE AMPLIO IN THE
CONTEMPORARY HISTORY OF URUGUAY

Аннотация: В статье анализируется кризис традиционной партийно-политической структуры Уругвая, с неизменным в течение более полутора веков преобладанием партий «Колорадо» и «Бланко». Приход к власти леволиберального Широкого Фронта был вызван разочарованием электората в неолиберальном курсе правящих кругов, требованием расширения социальных функций государства. Исследуются основные пункты политических программ президентов Т. Васкеса и Х. Мухики.

Ключевые слова: Уругвай, Широкий Фронт, неолиберализм, консерватизм, Табаре Васкес, Хосе Мухика.

Abstract: The article analyzes the crisis of the traditional political party structure of Uruguay, unchanged for over one hundred and fifty years with the predominance of the parties «Colorado» and «Blanco». The rise to power of the left-liberal Broad Front was caused by the electorate's frustration in the neoliberal policy of the ruling circles, the demand to expand social functions of the state. The author examines main points of the political programs of Uruguayan presidents T.Vázquez and J.Mujica.

Keywords: Uruguay, Wide Front, neoliberalism, conservatism, Tabaré Vázquez, José Mujica.

Приход к президентской власти в 2005 г. лидера Широкого Фронта, Табаре Васкеса стал историческим событием для Уругвая. Впервые

⁵⁵⁷ *Николай Серафимович Иванов* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Nikolay S. Ivanov* — Institute of World History) nik3334@yandex.ru

⁵⁵⁸ При поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

коалиция левых партий и организаций одержала победу на национальном уровне. Впервые за всю историю страны потерпела поражение казавшаяся незыблемой «двухчленка» из буржуазных партий «Колорадо» и «Бланко» (Национальной партии)⁵⁵⁹.

В качестве президента Васкес принес гражданам примерно те же социальные завоевания, которые были характерны для всех представителей так называемой «розовой волны» в Латинской Америке. Он провел реформу здравоохранения, что было вполне закономерно, учитывая то, что сам он по «основной» профессии – врач. Создал комиссию по расследованию преступлений военной хунты, которая правила страной в 1973-1985 гг. – и это нашло поддержку среди многих уругвайцев, чьи родственники пострадали в этот период. Президент и его сторонники добились в течение первого срока правления снижения процента бедняков с 32 до 20%. И в целом Васкес закончил свой первый срок (второй раз он пришел к власти в 2015 г.) на пике популярности – его рейтинг зашкалил за 80%, что являлось беспрецедентным для современной истории не только Уругвая, но и большинства стран Латинской Америки.

Приход Васкеса к власти отражал господствующие настроения по всему латиноамериканскому континенту. Венесуэльский президент Уго Чавес назвал его победу «одним из важнейших шагов на пути создания Новой Латинской Америки и в целом зарождающегося Нового Мира». Чавес, как и другие представители «левой волны» – аргентинский президент Нестор Киршнер, бразилец Лула да Силва – тесно сотрудничали с Васкесом по широкому кругу региональных вопросов, включая торговлю и экономическое развитие. В рамках «Меркосура», ненавидимого североамериканскими глобалистами, были заключены экономические соглашения с Египтом, Израилем и Чили.

Однако приход представителя Широкого Фронта Васкеса к президентской власти в 2015 г. произошло в совершенно новом международном контексте. Если его первый срок характеризовался политическим оптимизмом, ожиданием долгожданного появления «Новой Латинской Америки», то ее провозвестник, Уго Чавес умер (не без помощи американских спецслужб), и на смену ему пришел Н. Мадуро, которые испытывает чудовищный экономический и

⁵⁵⁹ О либерализме и консерватизме в Латинской Америке в конце XX – начале XXI вв. см.: Ларин Е.А. Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С. 222-224; Ивановский З.В. Латиноамериканский консерватизм в начале XXI в. // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С.270-275.

политический прессинг со стороны США и других стран Запада, а также внутренней «пятой колонны». Венесуэла поражена трехзначными цифрами инфляции. Лулу подвергли уголовному преследованию по обвинению в коррупции. А его преемница Дилма Руссеф по тому же обвинению была отстранена от президентской власти. На смену чете Киршнеров в Аргентине к власти пришел неолиберал М. Макри, целью которого, по его собственным словам, является полное сворачивание социальных преобразований его предшественников. Многими исследователями эти события рассматриваются как «начало конца» левого поворота на континенте.

Во внутренней политике Уругвая наметились тревожные симптомы. Во-первых, резко растет инфляция (более 10% в год). Правительство старается снизить темпы ее роста, однако это во многом не в его силах. Главную проблему представляют Аргентина и Бразилия. Правительство Макри после его прихода к власти провело девальвацию песо, и курс бразильской валюты также резко пошел вниз в условиях политического и экономического кризиса. Эти события в соседних странах ухудшают положение Уругвая, снижают возможности вывоза своих товаров на мировые рынки в условиях понижения экспортных цен на аналогичную продукцию у соседей.

Снижение конкурентоспособности привело к сокращению продаж главной экспортной продукции страны – мяса, что приводит к резкому ослаблению экономики. Экспорт мяса упал более чем на 15%, чему способствовали не только описанные выше события в Бразилии и Аргентине, но и сокращение импорта главных потребителей уругвайского мяса – Китая и России, которые также испытывают экономические сложности. Резко возросла преступность. Стали гораздо чаще появляться статьи об ограблениях и убийствах. Хотя очевидно, что рост преступности связан прежде всего с экономическими причинами (инфляцией), правые партии, игнорируя истинные причины, раздувают тему «неспособности властей навести элементарный порядок в стране».

Например, сенатор от партии «Бланко» Х. Ларраньяга (возможный кандидат на пост президента в 1919 г.) сравнил уровень преступности в Уругвае с «Чикаго времен 30-х годов». А способ выхода из этого кризиса, по его мнению, только один – объявить «войну с преступностью» и усилить полицию армейскими патрулями на улицах. Дополнительные проблемы создает оппозиция внутри самого Широкого Фронта. Так вице-президент Рауль Сендик долгое время возглавлял государственную компанию ANCAP, которая занималась добычей и переработкой нефти. Сендик отвечал за финансовое

положение фирмы. И вдруг выяснилось, что долги ANCAP превысили 600 млн долларов. Сендик обвинил во всем министра экономики, который препятствовал «покрытию издержек» (несмотря на то, что цена на бензин в Уругвае – одна из самых высоких в мире). В конце концов скандал замяли, однако Широкому Фронту был нанесен довольно серьезный политический ущерб.

Широкий Фронт теперь поддерживает лишь 30% уругвайцев. А между тем, перед приходом к власти Васкеса в 2015 г. уровень доверия превышал 50%. Да и среди верных сторонников Васкеса и Х. Мухики (президент в 2010-2015 гг.) значительно снизился уровень пассионарности, что явилось следствием кризисных явлений.

В свете всего этого Васкес переместил область идеологии к достижению «прагматических идеалов», вместо социалистической риторики, которой он придерживался во время первого президентского срока. В качестве долгосрочных «прагматических» проектов рассматривается расширение возобновляемых источников энергии, которой обеспечивается большинство населения страны. Планы роста альтернативных источников настолько амбициозны, что предполагают даже экспорт энергии в Аргентину и Бразилию. Плюс к этому Васкес собрал на совещание всех экс-президентов страны для обсуждения долгосрочной стратегии по добыче нефти и газа. Это рассматривается как «первый шаг по пути преодоления узости однопартийной политики и стратегии».

Известно, что в Аргентине находятся одни из самых богатых на планете запасов сланцевого газа, и правительство Уругвая предполагает, что на его территории должно быть нечто сопоставимое по объемам. Именно новые разработки позволят выйти из сложившегося экономического тупика (рост экономики за последнее время составляет в среднем один процент в год).. Поэтому активно привлекаются компании Exxon, Statoil и Total для бурения скважин на побережье Уругвая для открытия новых месторождений, даже невзирая на резкое понижение цен на нефть на мировом рынке. ANCAP собирается пожинать все выгоды от любых месторождений нефти и газа. Все бывшие президенты раскритиковали амбициозные проекты Васкеса. Так Хорхе Батлье (президент в 2000-2005 гг.) заявил, что не хотел бы, чтобы Уругвай попал в ближайшем будущем в самые сложные условия, наподобие Аргентины или Бразилии. Что рост добычи и переработки нефти и газа приведет к росту глобального потепления и катастрофически ухудшит экологическую обстановку в стране.

В своей собственной коалиции, Широком Фронте, Васкес все еще имеет прочные позиции среди тех, кто поддерживает его реформу здравоохранения и торговые соглашения. Но новые назначения на должности в правительстве отражают кардинальные различия во взглядах на будущее развитие страны. Многие из соратников по коалиции поддерживают сделки в русле «свободной торговли», например секретное «Соглашение в сфере услуг», (подобное Транстихоокеанскому партнерству Обама). Довольно мощное рабочее движение страны подталкивает законодателей к голосованию против подобных сделок, которые снижают экспортную конкурентоспособность уругвайской промышленности. Х. Мухика прямо высказался за отказ от «свободы торговли»

Однако Васкес не придерживается столь же твердых взглядов. Он пытается, в рамках Меркосура, добиться соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом. Об этом можно было даже не заикаться в те времена, когда Киршнеры были у власти в Аргентине. Однако при Макри это стало вполне допустимым. Более того, Васкеса поддерживают в этом члены его кабинета. В ответ на блокирование «Соглашения об услугах» министр иностранных дел Уругвая заявил, что «Уругвай все равно должен подписать это соглашение, либо мы обречены на роль деревушки на отшибе мировой цивилизации и торговли».

Страна постоянно наращивает отношения с Западом. При Васкесе это выглядит как вынужденная мера. Однако в ходе визита Оланда в Уругвай в 2015 г. было заявлено, что у Франции и Уругвая «одни и те же цели во внешней политике». И эти цели требуют все более тесного сотрудничества в политике и торговле. Васкес призвал французских предпринимателей инвестировать средства в уругвайскую экономику – что полностью отличается от его позиции во время первого президентского срока.

В Латинской Америке Васкес создает новые связи и контакты, которые доказывают его дрейф в сторону неолиберализма. Он установил прочные торговые отношения с Аргентиной, подписав торговое соглашение с Макри. Две страны даже договорились о совместной заявке на проведения чемпионата мира по футболу в 2030 г.

Все это не означает, что Васкес отказывается от поддержки левых. Он даже отваживался порой поддерживать мероприятия по наведению конституционного порядка Н. Мадуро в Венесуэле. Однако все больше исследователей склоняются к тому, что взлет левых в начале

века был следствием роста цен на нефть и другие сырьевые товары, которые создали основу для расширения социальных расходов.

Х. Мухика в преддверии выборов 2004 г. говорил, что Широкий Фронт «никоим образом не может запугать буржуазию своими амбициозными планами». Это отражало тревогу левых по поводу дальнейших перспектив движения, даже несмотря на то, что тогда был пик «левой волны». Теперь же наблюдается обратная тенденция: Васкес не только «не может запугать буржуазию», – он «боится испугать ее».

Конечно политика Широкого Фронта по прежнему выгодно отличается по сравнению с другими странами региона. Экономика страны выглядит даже в лучшем состоянии, чем в соседней Бразилии. Сохраняются социальные завоевания последних десятилетий. Однако неолиберализм завоевывает все новые рубежи. В его русле была полностью легализована марихуана, приняты самые либеральные законы об абортах, узаконены однополые браки. А Широкий Фронт тем временем теряет и теряет свои позиции, и вполне реальным становится приход к власти неолибералов в 2020 г..

Библиография

Ивановский З.В. Латиноамериканский консерватизм в начале XXI в. // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С.270-275.

Ларин Е.А. Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории // Латиноамериканский исторический альманах. 2015. №14. С. 222-224;

КРУГЛЫЙ СТОЛ

100-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ⁵⁶⁰

⁵⁶⁰ Круглый стол проведён при поддержке РФФИ, грант № 16-01-00138, «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

*А.А. Щелчков*⁵⁶¹
A.A. Schelchkov

ХОСЕ ИНХЕНЬЕРОС И РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

JOSÉ INGENIEROS
AND THE RUSSIAN REVOLUTION

Аннотация: События Российской революции наибольший отклик среди латиноамериканской интеллектуальной элиты нашли в Аргентине. Её с энтузиазмом и надеждой воспринял виднейший интеллектуал и властитель дум левого студенчества и молодежи, публицист и мыслитель Хосе Инхеньерос, много писавший о событиях в России. Инхеньерос оказал огромное влияние на политические и идейные процессы в Аргентине в 20-е годы, прежде всего на левое и студенческое движение Университетской реформы.

Ключевые слова: Хосе Инхеньерос, Российская революция, элитизм, молодежное движение, Аргентина

Abstract: The events of the Russian revolution found the greatest response among the Latin American intellectual elite and in Argentina first of all. The revolution was enthusiastically and hopefully received by the most prominent intellectual leader of the left-wing students and youth movement Jose Ingenieros, who wrote a lot about the events in Russia. Ingenieros had a great influence on the political and ideological processes in Argentina in the 1920s, primarily on the left and student movement of the University reform.

Keywords: Jose Ingenieros, the Russian Revolution, Elitism, Youth Movement, Argentina

Важнейшим и крупнейшим памятником воздействия русской революции на латиноамериканскую интеллигенцию была книга

⁵⁶¹ *Андрей Аркадьевич Щелчков* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (*Andrey A. Schelchkov* — Insitutte of World History) sch2000@mail.ru.

аргентинского мыслителя и публициста Хосе Инхеньероса «Новые времена» (1921). Ключевым пунктом для Инхеньероса были ужасы и несправедливости мировой войны. Описывая корысть империалистических держав в этой войне, он выделял момент исторического перелома, когда борьба союзников из Антанты приобрела новое содержание в 1917 г. Причина этого – русская революция, освободившая республиканскую Францию от компрометирующего союза с самодержавием. К этому ставшему подлинно демократическому союзу стран добавилось вступление в войну американской демократии, президент которой Вудро Вильсон анонсировал начало новой эпохи демократических принципов в мировой политике⁵⁶². Однако Вильсон, по мнению Инхеньероса, был недостаточно решителен для созидания нового мирового порядка. Инхеньерос при всех симпатиях к американской демократии считал, что если Вильсон и Керенский представляли программу «минимум» демократии в мировом масштабе, то лидеры «максимализма»-большевизма Ленин и Троцкий были единственными, способными произвести всемирный переворот.

Инхеньерос подчеркивал важность исторического момента, который заключался в противостоянии в европейской войне между интересами народов и старых феодальных классов Центральных держав, высказывал свои симпатии к Франции, Англии, США. В новых обстоятельствах, писал он, «мои симпатии с русской революцией, вчера с Керенским, сегодня с несмотря на все их ошибки с Лениным и Троцким». Революция, порожденная войной, пробуждала энтузиазм у Инхеньероса: «Эта война меня возбуждает, мне она интересна потому, что это война новых идеалов против старых, война молодого человечества против ветхого человечества»⁵⁶³. Молодость мира, молодость человечества связана с Россией, но не с ней одной – также с вильсонскими США, однако русские идут в своей борьбе до конца. Они идут во главе социальной революции⁵⁶⁴.

Инхеньерос, признавая, что не имеет полной и достоверной информации о революции в России и большевистском режиме, получая информацию лишь от противников нового революционного режима, а priori соглашался с возможными

⁵⁶² Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid: ed. América, 1921. P. 53.

⁵⁶³ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 61-62.

⁵⁶⁴ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 69.

жестокостями и эксцессами революции. И тем не менее, русская революция, несмотря на свои жестокости, принесёт новую эру народам, ведь и французская революция, результатами которой пользуется все человечество, пролила реки крови⁵⁶⁵.

Инженерос присоединился к движению солидарности, начатому Анатолем Франсом и Анри Барбюсом, к их призыву создать «Интернационал интеллигенции» на основе группы «Clarté». Эта идея союза прогрессивной интеллигенции, объединенной идеями гуманизма, пацифизма, антивоенной борьбы, интернационализма и солидарности с Советской Россией, привлекала гораздо больше латиноамериканских интеллектуалов, нежели пропаганда Коминтерна классовой борьбы и гражданской войны⁵⁶⁶. Инженерос в статье для журнала «Cuasimodo» писал: «Анатоль Франс, Анри Барбюс, Ромен Роллан возглавили смелую группу «Claridad», которая указала миру новый путь для всей интеллигенции»⁵⁶⁷. Задачей этого «Интернационала интеллектуалов» всего мира будет создание Универсальной республики, где будут царить равенство, братство, всеобщий труд, коллективное обладание средствами производства, где не будет границ, но солидарность и мир⁵⁶⁸. Результатом этого Интернационала должна была стать всемирная духовная революция, начало которой было положено в России.

Инженерос предпочитал говорить о значении этого Интернационала интеллигенции во всемирном масштабе, провозглашавшем принципы солидарности, социального равенства и справедливости: этот Интернационал интеллигенции (группа «Claridad») важнее и значительнее партийного интернационала коммунистов⁵⁶⁹, ибо отражает состояние духа и молодости новой эпохи⁵⁷⁰. Огромное значение Инженерос придавал интеллигенции и молодёжи, которых должен объединить этот «Интернационал

⁵⁶⁵ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 59.

⁵⁶⁶ Historia de América Latina. Tomo 12. / Leslie Bethell, ed. Barcelona: Crítica, 1997. P. 77.

⁵⁶⁷ Cuasimodo. Magazine interamericano. Panamá. Tomo IV. No.12. Agosto, 1920. P. 70.

⁵⁶⁸ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 76-81.

⁵⁶⁹ Инженерос причислял к «апостолам» новой веры, которой привержена группа «Claridad», русских борцов с белогвардейцами, немецких «мучеников» Розу Люксембург и Карла Либкнехта.

⁵⁷⁰ Repertorio Americano. San José (Costa Rica). Vol. 1. No. 19. 15 de mayo, 1920. P. 302-304.

интеллектуалов» как лидер всемирной реформы и революции, идейного и морального обновления. Для Инженьероса классовая борьба не имела никакого значения, он говорил о биологической борьбе молодости «нового времени» и «ветхости» старых режимов. При всех восторгах от русского опыта трансформация общества, по Инженьеросу, должна была происходить путём эволюции, реформы и сотрудничества классов⁵⁷¹.

Инженьерос выделял три главных достижения Российской революции, которые свидетельствовали о ней, как провозвестнике прогресса. Во-первых, это политическое новаторство, предложившее новую форму федеральной системы, в которой на место традиционных парламентов придут органы власти, осуществляющие социальные функции, что в России представлено советами. Во-вторых, революция провозглашала «интегральное просвещение», то есть такое народное образование, которое превращает гражданина в созидательного и полезного члена общества. В-третьих, средства производства и обмена будут социализированы, что приведёт к исчезновению паразитических классов⁵⁷².

Французская революция, опиравшаяся на народный суверенитет, выродилась в расцвет привилегий, что показал весь XIX в. Российская революция предлагает «функциональную» систему, советы противостоят капитализму и буржуазному парламентаризму, что является новаторством и революцией в понимании народного суверенитета⁵⁷³.

Для Инженьероса значение революции больше, чем её победа в России, оно состоит в «духе обновления, которое уже сформировало осознание новой морали во всем человечестве»⁵⁷⁴. В своей работе, посвященной к трёхлетию революции в 1920 г., названной «Моральные силы революции», Инженьерос поставил достижения русских революционеров выше свершений Христианства, Возрождения и Французской революции. Для Инженьероса революционные процессы в России и Европе были

⁵⁷¹ Fatyass R. El pensamiento teórico, ideológico y moral de Ingenieros en su sentido práctico: sus Tiempos Nuevos.// VI Jornadas de la Historia de las Izquierdas “José Ingenieros y sus mundos”. CeDInCI / UNSAM. 9, 10 y 11 de noviembre de 2011. P. 20-21.

⁵⁷² Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 10-11.

⁵⁷³ Kohen N. De Ingenieros al Che. Buenos Aires: Biblos, 2000. P. 39.

⁵⁷⁴ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 11-12.

продолжением пути, начатого в период Возрождения, принципам которого, состоящим в первую очередь в человеческой солидарности, на протяжении четырехсот лет противостоял феодализм, ввергнувший Европу в мировую войну и почти погубивший цивилизацию. Он писал: «До сего дня насилие питало политическое и экономическое господство, сегодня над мусорной кучей империализма встает новая мораль, а этические ценности определяются Справедливостью... У новой эпохи две ведущие силы труд и культура». Нации превратятся в «солидарные сообщества, вдохновляемые общими идеалами»⁵⁷⁵. Мировая война дала начало новой эпохи, которая нашла свое самое яркое выражение в русской революции, в начале эпохи солидарности, морали, справедливости и достоинства, положившей конец рабству и разделению людей⁵⁷⁶.

Революция, в понимании Инхеньероса, должна была привести к появлению «нового человека». Однако его поход к этому новому человеку отличался от марксистского коллективного человека, части сообщества строителей новой цивилизации и новой антропологии. Инхеньерос исходил из антибуржуазного пафоса работ Ницше, протестующих против «посредственности», против серого рутинера, следующего за движением капитала. Он также хотел видеть сверх-человека, героя, разрушающего мелкобуржуазный уют и стабильность. Поэтому Инхеньеросу Керенский был менее симпатичен, ибо был умереннее, а вот Троцкий и Ленин, программа большевиков, штурмующих устой всего человечества, вызывали у него абсолютный восторг⁵⁷⁷. Инхеньерос не был поклонником демократии, видя в ней большой дефект в торжестве большинства, которое всегда посредственно. Демократия – это буржуазность, которая была для него синонимом посредственности. Инхеньерос был последователем художественного модернизма с его отрицанием буржуазности. Прогресс принадлежит молодежи и творческому меньшинству. В этой перспективе его не пугала диктатура большевиков.

Инхеньерос по своим взглядам был эволюционист (социальный давривинист) и элитист, он верил в благотворность действий элиты во имя всеобщего блага. Будучи последователем ариэлизма Э.Родо, возвеличивавшем нонконформизм молодежи, Инхеньерос

⁵⁷⁵ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 11-14.

⁵⁷⁶ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. P. 42.

⁵⁷⁷ Kohen N. De Ingenieros al Che. P. 36.

проводил причинно-следственную связь между молодостью и способностью к обновлению и прогрессу. В Российской революции, в большевиках (максималистах) он видел молодую элиту, способную дать толчок новому витку прогресса и исторической эволюции. В отличие от элитистов консерваторов моральное и политическое превосходство элиты перед массами у Инхеньероса проистекало не из традиции или отношения к собственности, а из её готовности к переменам, революционной смене и прогрессу⁵⁷⁸. При этом мы не находим у Инхеньероса ассоциации между образом идеального будущего, обновления, прогресса и преодолением капитализма, триумфом социализма. Он крайне далек от социалистической перспективы, которая его мало интересовала.

Элитизм также был свойственен движению «Новое поколение», стоявшее у истоков Университетской реформы, на которое огромное влияние оказал испанский философ Ортега-и-Гассет, побывавший в Аргентине в 1916 г. Поколенческий конфликт, вера в силу молодежи были по сути элитистскими концепциями – они лежали в основании движения «Новое поколение», сумевшего привлечь на свою сторону как радикальных, так и реформистски настроенных интеллектуалов. Инхеньерос среди них занимал видное место.

Инхеньерос был признанным вождём студенчества, его борьбы за университетскую реформу. В 1922 г. он создал журнал «Revista de filosofía», которым руководил с молодым Анибалем Понсе, который затем перешёл в компартию. Основная аудитория издания – интеллигенция и радикальное студенчество, охваченное борьбой за университетскую реформу.

В 1922 г. Инхеньерос создает Латиноамериканский союз, как объединение интеллигенции, декларировавшей свой антиимпериализм, латиноамериканизм, веру с молодежь и социальный прогресс. Это Союз издает журнал «Renovación», которым руководят сначала Х. Инхеньерос, затем последовательно Габриэль Маро, А. Орсабаль Кинтана⁵⁷⁹, Ф. Маркес Миранда, и наконец будущий видный идеолог АПРА М. Сеоане. Этот журнал развивал идеи Инхеньероса: антиимпериализм, ариэлизм,

⁵⁷⁸ Acha O. La revolución rusa de José Ingenieros: elitismo y progresismo.// Herramienta. No.20. P.3-4. (<http://www.herramienta.com.ar>)

⁵⁷⁹ Артуро Орасбаль Кинтана – адвокат, интеллектуал, в середине 20-х возглавлял Общества друзей России.

большевистская революция, интегральное просвещение – вот основные темы статей⁵⁸⁰.

Просвещенная воля, в данном случае большевиков, была для Инхеньероса единственным источником изменений, прогресса. Счастье России состояло в том, что нашлась такая «аристократия духа и воли», меньшинство, способное повести за собой массы. Инхеньерос в работе «Интегральное просвещение в России» (июнь 1920 г.) видел формирование нового человека через реализацию просветительской революции в России. Он называл её «целостным, интегральным просвещением», и дело «вождя просвещения» Луначарского сравнивал с победой красной армии Троцкого над белыми и интервентами, приветствовал новые поиски в искусстве, все новое в эстетике и культуре Пролеткульта, что, по его мнению, станет основой нового подхода к народному просвещению⁵⁸¹.

Инхеньерос критически относился к либеральной демократии, парламентаризму, не верил в возможность свободного действия свободной личности, индивида в политической системе. Он считал необходимым защиту именно социальных прав личности через некие корпоративные институты, поэтому его привлекала идея «функциональной демократии», примером которой ему виделись советы в России. Он был сторонником своего рода корпоративизма⁵⁸².

С этой идеей Инхеньероса страстно спорил, опираясь на работы Маркса, Энгельса, Каутского, социалист Энрике Дикманн. Он доказывал реакционность корпоративности в политическом устройстве, отвергая идею, что такая система лучше представляет интересы рабочего класса, всех трудящихся. Наличие рабочей партии, представляющей интересы именно пролетариата, достаточная гарантия в условиях широкой демократии. Социалисты Дикманн, А. Ди Томасо считали, что Инхеньерос ошибается, и советская система вовсе не «функциональная», а типично классовая, исключая из системы другие, не большевистские политические силы и группы. Только демократия на основе всеобщего избирательного права была гарантией

⁵⁸⁰ Kohen N. De Ingenieros al Che. P. 43.

⁵⁸¹ Kohen N. De Ingenieros al Che. P. 40.

⁵⁸² Acha O. La revolución rusa de José Ingenieros: elitismo y progresismo// Herramienta. No.20. P. 11. (<http://www.herramienta.com.ar>)

свободы и прогресса⁵⁸³.

Если бы Инхеньерос не защищал с таким пылом советскую революцию, то суммируя все особенности его взглядов на народ, демократию, волю и молодость в политике, то он скорее мог претендовать на будущего симпатизанта фашистских или националистических режимов в самой Латинской Америке, типа перонистского. Однако он умер в 1925 г. и до конца жизни боролся вместе с левыми, со студенческим движением, а благодаря Анибалью Понсе в исторической памяти был присвоен аргентинскими коммунистами как попутчик и союзник.

Библиография

Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid: ed. América, 1921.

Historia de América Latina. Tomo 12. / Leslie Bethell, ed. Barcelona: Crítica, 1997.

Fatyass R. El pensamiento teórico, ideológico y moral de Ingenieros en su sentido práctico: sus Tiempos Nuevos.// VI Jornadas de la Historia de las Izquierdas “José Ingenieros y sus mundos”. CeDInCI / UNSAM. 9, 10 y 11 de noviembre de 2011.

Kohen N. De Ingenieros al Che. Buenos Aires: Biblos, 2000.

Acha O. La revolución rusa de José Ingenieros: elitismo y progresismo.// Herramienta. No.20.

Pittaluga R. Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la Revolución en Rusia. Buenos Aires: Prometeo, 2015.

*Л.А. Ивкина*⁵⁸⁴
L.A. Ivkina

ВИЗИТ Х.А. МЕЛЬИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1927 Г.)⁵⁸⁵

⁵⁸³ Pittaluga R. Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la Revolución en Rusia. Buenos Aires: Prometeo, 2015. P. 268-269

⁵⁸⁴ *Людмила Андреевна Ивкина*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Ivkina Liudmila A., Institute of World History of the Russian Academy of Science, lais07@mail.ru.).

THE VISIT OF JULIO ANTONIO MELLA TO THE SOVIET UNION (1927)

Аннотация: В работе освещается пребывание в Советском Союзе в 1927 году видного кубинского революционного деятеля, лидера студенческого движения Кубы, одного из основателей первой компартии Кубы Х. А. Мельи (1903-1929). Впечатления о визите затем были опубликованы Мельей в печатном органе коммунистической партии Мексики «Эль Мачете».

Ключевые слова: Хулио Антонио Мелья, Советский Союз, визит, впечатления.

Abstract: The work highlights the presence in the Soviet Union in 1927 of a prominent Cuban revolutionary figure, leader of the student movement of Cuba, one of the founders of the first Communist Party of Cuba, Julio Antonio Melia (1903-1929). Impressions of the visit were subsequently published by Mélla in the the newspaper of the Communist Party of Mexico "El Machete".

Keywords: Julio Antonio Mella, your visit to the Soviet Union, impressions y publications.

16 января 1927 года в газете «Комсомольская правда» был опубликован некролог группы мексиканских коммунистов, в котором сообщалось об убийстве в Мексике 10 января 1929 года видного кубинского революционного деятеля, лидера студенческого движения Кубы, одного из основателей первой коммунистической партии Кубы Хулио Антонио Мельи (1903-1929). Ему тогда было всего 25 лет. Мексиканские соратники Мельи характеризовали его, как «блестящего оратора, талантливого литератора, прекрасного организатора, любимца рабочих масс»: «Нет той отрасли революционной деятельности в Латинской Америке, в которой не проявил бы себя его разносторонний талант; застрельщик коммунистического движения учащейся молодежи в Гаване, член ЦК и секретарь партии, организатор рабочего университета, редактор журналов,

⁵⁸⁵ При поддержке РФФИ, грант № 16-01-00138, «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

деятельный руководитель стачек, совсем юный тов. Мелья был одной из наиболее популярных и любимых фигур кубинского рабочего движения: табачники Гаваны, негры-грузчики в порту, рабочие сахарных плантаций всегда видели этого пылкого коммунара в своих первых рядах». Мексиканские коллеги и соратники Мельи отметили, что он был не только революционером - практиком; были все основания ожидать, что «уже в ближайшем будущем он займет место одного из лучших коммунистов-теоретиков Латинской Америки»².

Мало кто из советской читающей публики знал тогда об этом удивительном молодом революционере - романтике, мечтающем о свободе и независимости своей любимой Кубы, попавшей в стальные когти американского империализма. Однако практически все коммунистические молодые организации Латинской Америки, а также США, а особенно деятели Коминтерна и Профинтерна знали не понаслышке имя этого поистине легендарного борца за социальную справедливость и независимость родины. В последнее два десятилетия практически все многочисленные работы, монографии и статьи о Мелье, вышедшие на Кубе, в Мексике, Германии, России, посвящены исследованию ранее закрытых тем: участие Мельи в работе Коминтерна и Крестинтерна, его революционная деятельность в период пребывания в Мексике (1926-1929), сущность разногласий, возникших как между руководством первой компартии Кубы (КПК) и Мельей (1925), так и между партийным руководством коммунистической партии Мексики (КПМ) и кубинским революционером (обвинения в троцкизме), исследование различных версий убийства Мельи (1929). В этой работе я хотела бы осветить малоизвестные факты его пребывания в СССР в 1927 году.

Самым огромным желанием юного кубинского революционера, как, впрочем, и многих представителей коммунистического движения стран Латинской Америки, было посетить Советский Союз и своими глазами воочию увидеть, что происходило в первой социалистической стране мира десять лет спустя после победы Великой Октябрьской социалистической революции. И эта мечта сбылась. В те годы выехать нелегально из Мексики в Европу и тем более в СССР было довольно проблематично. Однако Мелья был направлен в Брюссель, где 10-15 февраля должен был проходить

² Комсомольская правда. 16. 01. 1927.

первый Всемирный конгресс против империализма и колониального угнетения. Мелья представлял на конгрессе Национальную крестьянскую лигу Мексики и Всеамериканскую антиимпериалистическую лигу (ВААИЛ – мексиканскую, панамскую и сальвадорскую секции). Добираться надо было окольными путями. В начале января 1927 г. Мелья покинул Мексику и через США и Францию добрался до Брюсселя только 9 февраля. Конгресс, в котором приняли участие делегаты из 37 стран мира, должен был обсудить вопросы колониальной политики империализма и задачи национально-освободительного и антиимпериалистического движения, а также создать Всемирную антиимпериалистическую лигу. Доклад Мельи «Куба - фактория янки» вызвал большой интерес у участников конгресса. Мелья был не только избран в состав президиума, но также стал одним из авторов резолюции конгресса по латиноамериканским проблемам, внося свой вклад в разработку проблемы создания единого антиимпериалистического фронта в масштабе континента для борьбы против американского империализма. Придавая первостепенное значение интернациональному единству всех антиимпериалистических сил, он призывал к участию в этой борьбе все социальные слои населения стран Латинской Америки: рабочих, крестьянство, студенчество, партии, профсоюзы, прогрессивную интеллигенцию, общественные организации, внося крупный вклад в деятельность Всемирной антиимпериалистической лиги.

Находясь в Брюсселе, он уже тогда знал, что ему, возможно, предстоит поездка в СССР. Об этом он писал еще осенью 16 сентября 1926 г. в письме своему товарищу по борьбе Саре Паскуаль: «Если обстоятельства позволят, надеюсь из Брюсселя совершить поездку, наиболее важную на настоящий момент, в Россию»³. Тогда этот визит можно было совершить нелегально. В этом ему помогли российская дипломатическая миссия в Берлине и французские коммунисты. 25 февраля 1927 г. советское посольство в Германии выдало ему визу. И через несколько дней он уже был в Москве. Советская столица встретила его мартовской слякотью и ветром, однако холодная погода не могла испортить то ощущение счастья, которые он испытывал. Нет точных данных, какое время он находился в СССР. Считается, что около полутора месяцев, с начала марта по апрель 1927 г.

³ Mella J.A. Documentos y Artículos. La Habana, 1975. - P. 257.

На следующий после приезда день была составлена программа его пребывания в Москве. Встречи, заседания, выступления, посещение фабрик и заводов, музеев и театров, встречи с советскими учеными, общения с известными деятелями Коминтерна и участниками Великой Октябрьской социалистической революции. Ведь в этом году- 1927 - исполнялось 10 лет с момента создания первого в мире пролетарского государства.

15 марта 1927 г. он уже выступал с докладом перед советскими учеными созданного год назад Международного аграрного института (МАИ). На этой встрече Мелья рассказал об историческом значении мексиканской революции 1910-1917 гг., положении мексиканских крестьян, о деятельности Национальной крестьянской лиги, ведущей активную борьбу за решение аграрной реформы в Мексике.

24 марта 1927 г. открывался II-й конгресс Международной организации помощи революционерам (МОПР), на котором Мелья представлял мопровское отделение Мексики.

Накануне открытия конгресса он встретился с легендарной Еленой Дмитриевной Стасовой, соратницей Ленина, Крупской, Коллонтай, которая в тот период (1927-1937) была председателем ЦК Международной организации помощи революционерам (МОПР)⁴. В разговоре с известной революционеркой были затронуты проблемы, существующие в деятельности мексиканской секции МОПР (создана в 1925 г.), о сотрудничестве и помощи, оказываемой мексиканской секцией МОПР в создании национальных мопровских секций на Кубе, в Колумбии, Гватемале, Никарагуа, Коста-Рике. Он так и не узнал, что позднее его выступления в МАИ, а также его беседы и разговоры с членами президиума конференции МОПРа были после его отъезда опубликованы в советской прессе: первое — в журнале «Аграрные проблемы», 1927, № 1, С.183-185; а второе — в «Бюллетене ЦК МОПР СССР», № 9.

⁴ Стасова Елена Дмитриевна (1873-1966) - партийные псевдонимы: Абсолют, Гуца, Варвара Ивановна, Дельта; революционерка, советский деятель международного женского и коммунистического движения; из дворян, дочь известного русского общественного деятеля адвоката Д. Стасова, член партии с 1898 г, после победы ВРСР занимала ряд ответственных постов , член ЦК (1930-1934), в 1927-1937 гг., председатель ЦК МОПР, герой Социалистического труда, кавалер четырех орденов Ленина.

В апреле состоялся его визит в Донбасс (Украина), куда его пригласили коллеги из советского МОПРА. Ему удалось побывать в Артемовске, Донецке и Харькове. Его заинтересовала революционная жизнь и деятельность одного из лидеров революционного движения Украины, соратника Кирова и Сталина, председателя Всеукраинского ЦИК Федора Андреевича Сергеева⁵. Судьба этого человека — настолько яркая, непредсказуемая и увлекательная так напоминала жизнь самого Мельи. Это были люди одного характера. Мелья был приятно удивлен теплой и сердечной встречей, оказанной ему делегацией рабочих-шахтеров, пионерами, учителями, жителями этих городов.

Время его пребывания в Советском Союзе подходило к концу. Оно пролетело быстро и незаметно. Ему вновь предстоял сложный путь возвращения в Мексику (через Францию, Польшу, США) где

⁵ Сергеев Федор Андреевич (1883-1921)-партийная кличка «товарищ Артем», родился в крестьянской семье Курской губернии; в 1901 г. будучи студентом Императорского Московского технического училища (ныне МГТУ им. Баумана) вступил в РСДРП, арестован за подготовку студенческой демонстрации, исключен из училища, получив волчий билет без права обучаться в России. В 1902 г. эмигрировал во Францию, где учился в высшей школе общественных наук М. Ковалевского, здесь слушал лекции Ленина. По возвращении в Россию включился в нелегальную деятельность на Донбассе; организатор декабрьского вооруженного восстания в Харькове (1905). Делегат IV съезда РСДРП ((Стокгольм,1906). В 1909 г. был приговорен к пожизненной ссылке в Восточной Сибири, в 1910 г. бежал за границу, в 1910 -1917 гг. жил в Австралии, став видным лидером в ассоциации Русских эмигрантов Брисбена. Участвовал в деятельности Австралийской Социалистической Рабочей партии, известен под псевдонимом «Большой Том», получил британское подданство. Стал героем романа современного австралийского писателя Тома Кенилли «Народный поезд» (Tom Kenelly, The People's Train,2009. В 1917 г. вернулся в Россию через Владивосток, затем в Харькове создал большевистскую фракцию Харьковского совета; секретарь бюро Донецкого областного комитета РСДРП, делегат VI съезда РСДРП, на котором был избран членом ЦК. Один их организаторов вооруженного восстания в Харькове и на Донбассе. В 1918 г. основал Донецко- Криворожскую советскую республику, активный деятель по организации советской власти на Украине. В 1920 г. председатель Донецкого губисполкома. Восстанавливал угольные шахты бассейна. В 1920-1921 – секретарь Московского комитета РКП (б), член ВЦИК. Погиб в 1921 г. во время испытания аэровагона в возрасте 38 лет); его сын Артем (1921-2008) воспитывался И. В.Сталиным.

он отсутствовал почти четыре месяца, и он спешил к началу V-го съезда КПМ, который должен был открыться 23 апреля 1927 года.

Летом этого же года в печатном органе Коммунистической партии Мексики *El Machete* появилась серия его статей, посвященных визиту в Советский Союз. Первая из них называлась «Провокации империалистов против Советов». В ней он осудил провокационную и агрессивную внешнеполитическую деятельность Великобритании и других империалистических держав, стремившихся покончить с первой республикой рабочих и крестьян. Он отметил огромные достижения молодой советской республики в сфере индустриализации, что являлось важным показателем неоспоримой верности избранного курса. Он указал на стремление стран империалистического лагеря спровоцировать новую империалистическую войну, которая охватит еще больше государств мира, и тогда «пролетариат возьмет власть в свои руки,... чтобы завоевать свою свободу». В заключение он призывал мексиканский пролетариат и все пролетарские слои населения Латинской Америки стать на защиту социализма и включиться в борьбу за национальное освобождение⁶. В июне-июле этого же года вышли в свет его статьи «Эпизоды из жизни Советского Союза»⁷. В первую очередь он говорит о своих впечатлениях от посещения советских фабрик и заводов, которые Ленин ранее называл «крепостями революции», а сейчас - это «крепости пролетариата», взявшего власть в свои руки и превратившего средства производства в динамичный генератор промышленного, социального и политического развития. Новая народная власть реорганизовала предприятия, превратив их в достояние всего народа, где промышленный пролетариат обучается новым методам управления народным хозяйством во благо социалистического отечества. Мелья рассказал о роли и функциях таких организаций, созданных при фабриках и заводах, как рабочие комитеты, производственные комитеты, комитеты контроля и культуры, комитеты защиты, призванные стоять на страже защиты здоровья пролетарских масс. Кроме того, он обратил внимание на организации по защите женщин и детей, созданных на фабриках и заводах, на меры, принимаемые советской властью по строительству жилья для рабочих и их семей, на кооперативное

⁶ Mella J.A. Documentos y Artículos.- P. 283-285.

⁷ Mella J.A. Documentos y Artículos.- P. 296-307. Опубликовано в 67, 68, 69 и 72-ом номерах «Эль Мачете» .

движение и новые формы организации крестьянских артелей и хозяйств.

В декабре 1927 г. вышли три его статьи под общим названием «Революционный триумф красной дипломатии»⁸. В них он отметил, что «Третий Интернационал и СССР имеют для Латинской Америки двойное значение. Во-первых, они являются авангардом и оплотом социалистического движения. Во-вторых, это движущая сила всего национально-освободительного движения. Ленинская теория империализма применима для всех стран мира, а не только для отдельных ее районов, как это пытаются доказать простаки-ревизионисты»⁹. Он подчеркнул, что Советский Союз находится в окружении врагов, которые пытаются любыми мерами (шантажом, бойкотами, угрозами, ложью) расправиться с первой страной рабочих и крестьян. Он высоко оценивал действия советской дипломатии в решении самых сложных международных проблем и достойно отвечающей на все неблагоприятные поступки империалистического лагеря. Ставя опыт Советского государства в пример странам Латинской Америки он в заключении писал: «Когда в Америке, как и в остальном мире, будут действовать настоящие дипломатические отношения между свободными и суверенными государствами, не империалистическими, а социалистическими, то усилия и тактика советских дипломатов будут оценены по достоинству»¹⁰.

Вероятно, многое осталось за кадром, о чем-то умолчалось, что-то было не договорено и не досказано. Это был период, когда внутри коммунистической партии СССР назревали серьезные разногласия (левая оппозиция) и происходили (с V-го конгресса 1924 г.) новые веяния в деятельности Коминтерна. Теоретическая неопределенность, серьезные внутрипартийные и фракционные разборки внутри большевистского руководства спровоцировали многочисленные перемены и зигзаги коминтерновского курса в 1925-1928 гг. Предполагается, что здесь, в СССР, Мелья имел контакты с Андресом Нином¹¹, разделявшим взгляды Троцкого, и

⁸ Mella J.A. Documentos y Artículos. - P. 333-342. Опубликовано в номерах 92,93,94 «Эль Мачете» от 10,17 и 24 декабря 1927 г. соответственно.

⁹ Mella J.A. Documentos y Artículos. - P. 340.

¹⁰ Mella J.A. Documentos y Artículos. - P. 342.

¹¹ Андрес Нин (1892-1937) — участник левого движения (анархо-синдикализм); в 1917 г. член Социалистической рабочей партии Испании, а затем один из организаторов Испанской коммунистической партии. В 1921 г. делегат III конгресса Коминтерна и I-го конгресса Интернационала красных

что это и определило взгляды и позиции Мельи в отношении необходимости создания единого антиимпериалистического фронта при ведущей роли пролетариата. Повторюсь еще раз. Все главные черты его революционного мировоззрения, такие, как интернационализм, патриотизм, антиимпериализм, осознание авангардной роли рабочего класса в процессе социального преобразования общества, необходимость союза и единства всех социальных сил общества (рабочих, крестьян, интеллигенции, студенческой молодежи, мелкой и средней национальной буржуазии, стоящей на патриотических позициях) для решения главной задачи революционной борьбы того периода — борьбы против американского империализма — были определяющими с самого начала его восхождения на политическую арену. Можно сказать так: он всегда знал, что нужно делать. Именно его революционное чутье, его прозорливость, понимание реальной ситуации и задач, стоявших перед страной, позволило ему выдвинуться в лидеры латиноамериканского масштаба.

Библиография

Зорина А.М. Революционное движение на Кубе, 1917-1925. М., 1971.

профсоюзов. В течение 9-ти лет (1921-1930) жил в СССР, работал в Коминтерне и секретариате Профинтерна, вступил в РКП(б), депутат Моссовета. Сблизившись с левой оппозицией (Л. Троцкий) был в 1926 г. отстранен от работы в Профинтерне. Вернувшись в Испанию в 1930-м г. организовал «Коммунистическую левую Испанию (Izquierda Comunista de España), связанную с международной троцкистской организацией. В 1935 г. вступил в объединенную партию испанских сторонников Троцкого и Бухарина - Рабочую партию марксистского единства (ПОУМ). В период создания Народного фронта ПОУМ вошла в него, а после его победы в 1936 г. Нин участвует в создании автономных органов управления в Каталонии, становится министром юстиции Каталонской автономии. Во время гражданской войны в Испании и Барселонского восстания в 1937 г. Нин был арестован на основании фальсифицированных улик и обвинен в связях с франкистами. Отказавшись признать свою вину, был уничтожен физически НКВД (Операция «Николай»). Известен, как прекрасный переводчик классической русской литературы. Первый перевел на каталонский язык работы Л. Толстого (Анна Каренина), Ф. Достоевского (Преступление и наказание), Чехова, Тургенева, Бориса Пильняка, М. Зощенко и др. писателей.

- Зорина А.М.* Рабочее движение на Кубе. 1850-1925. М., 1975.
- Погосов Ю.В.* Мелья. М., 1968.
- Cipull A., González F.* Julio Antonio Mella: Biografía. La Habana, 2010.
- Hatzky C.* Julio Antonio Mella (1903-1929).Una biografía. Santiago de Cuba: Oriente, 2008.
- Dumpierre E.* Mella: biografía.La Habana, 1977.
- García A., Mironchuk P.* La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba. La Habana, 1977.
- Jeifets L., Jeifets V.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario Biográfico. - Santiago de Cuba: Ed.Ariadna, 2015.
- Massón Sena C.* Comintern y comunismo en Cuba.Una reflexión crítica // Revista Izquierda. 2010. Año 3, N7.
- Massón Sena C.* Comunismo, socialismo y nacionalismo en Cuba (1920-1958). La Habana, Ed.ICICJM, 2013.
- Massón Sena C.* Advenimiento del Comunismo en América Latina. Los casos de México, Brasil y Cuba // Revista de Estudios and Pesquisas sobre las Américas. - 2014: vol.8, N2.- P. 234-247.
- Mella J.A.* Documentos y Artículos. La Habana, 1975.
- Mella J.A: 100 años. 2 vols: La Habana: Ed. Oriente, 2003
- Muñoz M.* Viajeros cubanos a la Unión Soviética: la experiencia del periplo y las formas del relato en las plumas de Julio Antonio Mella, Sergio Carbó y Pubén Mariñez Villena (1927-1932) // Revista de la Real Intercátedras de historia de América Latina Contemporánea. Año2, № 3. Cordova, diciembre de 2015. P. 44-59.
- Padrón P.L.* Julio Antonio Mella y el movimiento obrero. La Habana: Ciencias Sociales, 1980.
- Pérez Cruz F.* Mella y la Revolución de Octubre. La Habana, 1980.
- Tibol R.* Mella en el Machete. Mexico, 1968.

*В.П.Казак*⁵⁸⁶
V.P. Kazakov

КАКАЯ ПАРТИЯ НАМ НУЖНА?

WHAT KIND OF PARTY WE NEED?

Аннотация: В докладе рассматривается дискуссия на Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки по ключевому вопросу о типе коммунистической партии в Латинской Америке.

Ключевые слова: This article examines key question concerning the type of Communist Party in Latin America at the First Conference of the Communist parties of Latin America.

Abstract: This article examines the ideology of the Rosas regime (1829–1852). Special attention is paid to a great debate between Pedro de Angelis – the more enlightened spokesmen of the regime and Esteban Echeverria – the leader of antirosista opposition concerning the ways of the development of Argentina.

Keywords: Comintern, first conference of the communist parties of Latin America, socialist party, Codovilla, Humber Droz.

На Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки, состоявшейся в 1929 г., возникла дискуссия о возможности и целесообразности создания коммунистических партий во всех латиноамериканских странах как ближайшей, непосредственной задачи коммунистов.

Делегация Перу предложила создать партию с более широкой социальной базой, чем коммунистическая – социалистическую. Перуанский делегат Самора мотивировал это предложение особенностями социально-экономического положения страны, состоянием рабочего движения. Он заявил, что в Аргентине, Бразилии, Уругвае у пролетариата более высокое политическое образование, чем в других латиноамериканских странах, и это необходимо учитывать. Директивы Южноамериканского секретариата ИККИ в отношении Перу должны быть иными, так как здесь имеется огромное количество ремесленников и крайне мало пролетариев. "Поэтому, принимая во внимание

⁵⁸⁶ *Владимир Петрович Казаков* – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН (Vladimir P. Kazakov – doctor in history, Institute of World History RAS)

экономическое положение страны, степень политической зрелости перуанцев, мы считаем допустимым создание социалистической партии, куда вошли бы массы ремесленников, сельскохозяйственных рабочих и некоторые честные интеллигенты"⁵⁸⁷.

Программные требования социалистической партии должны были решать задачи буржуазно-демократических революций: 1. Безвозмездная конфискация латифундий и передача земли общинам и арендаторам. 2. Экспроприация иностранных предприятий. 3. Непризнание государственного долга. 4. 8-ми часовой рабочий день и ликвидация всех докапиталистических пережитков. 5. Вооружение рабочих и крестьян. 6. Создание рабочих, крестьянских и солдатских муниципалитетов. "Создание социалистической партии, – подчеркивал Самора, – это средство установить связь с массами. У рабочих и крестьян Перу нет классового сознания"⁵⁸⁸.

Самора допускал возможность неудачи: утрату контроля над партией со стороны коммунистов. Но и в этом случае он считал, что опыт с созданием социалистической партии будет полезным: "пролетариат делает шаг в своем политическом развитии"⁵⁸⁹.

Предложение Саморы шло в разрез с политической линией Коминтерна на создание коммунистических партий там, "где их нет"⁵⁹⁰.

С доводами Саморы не согласился представитель Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) Петерс: "Сама идея идти к массам, создавать массовые организации и использовать их для легальной работы, справедлива. Но ошибка наших товарищей из Перу состоит в том, что они путают это с образованием коммунистической партии. Их ошибка – непонимание того, что создание настоящей компартии, идеологически монолитной – предварительное условие всякой серьезной революционной работы. Создание такой партии –

⁵⁸⁷ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana Tunio de 1929. – Buenos Aires, 1929. P. 154.

⁵⁸⁸ Ibid. P. 153.

⁵⁸⁹ Ibid. P. 154.

⁵⁹⁰ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением // Латиноамериканский исторический альманах. М.: ИВИ РАН, 2016. №16. С. 243.

единственная гарантия работы среди масс и образования политической организации трудящихся"⁵⁹¹.

Сама идея создания другой партии на конференции не отвергалась. Все зависело от конкретных условий каждой страны. В Перу, где еще не было такой партии, коммунисты выступали за ее создание. В Колумбии и Эквадоре, где такие партии уже существовали, коммунисты пытались ими руководить и превратить в коммунистические. "В первом случае, я думаю, – говорил представитель Коминтерна на конференции Луис (Ж.Эмбер-Дро), – мы должны взять инициативу создания второй пролетарской партии, где коммунистическая партия может существовать и работать как таковая. Если партия не более как легальная маска для компартии, мы можем использовать этот метод"⁵⁹².

Однако положение осложнялось тем, что перуанские коммунисты хотели создать и параллельно развивать две пролетарские партии. Одну – нелегальную, состоящую из отобранных коммунистов. Другую – легальную, широко открытую для интеллигенции и всех сочувствующих. В последнем случае речь шла не о легальной маске для коммунистической партии, а о второй пролетарской партии с более широкой социальной базой, чем у коммунистической партии.

Предложение перуанской делегации Эмбер-Дро назвал очень опасным. "Мы будем иметь две пролетарские партии, чей социальный состав и политическая линия не идентичны. Они неизбежно вступят в конфликт и однажды некоммунистические элементы при поддержке правительства выступят против революционной политики нелегальной партии и мы тем самым зложим основу для появления реформистской партии, которая завтра, в решающий час, будет нашим злейшим врагом. Боюсь, что в Перу под этой новой этикеткой возродится АПРА"⁵⁹³.

Эмбер-Дро предложил другую форму связи с массами: рабоче-крестьянский блок. "Взаимоотношения блока с коммунистической партией ясны. Компартия участвует в блоке, будучи в нем единственной партией. Кроме того, блок не такая закрытая организация как политическая партия. Эта форма временной организации более гибкая, чем прикрытие" шую

⁵⁹¹ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. P. 182.

⁵⁹² Ibid. P. 101.

⁵⁹³ Ibid.

свободу действий. Рабочие и крестьянские организации, которые присоединятся к партии, присоединятся к блоку"⁵⁹⁴.

Против создания второй легальной партии выступил секретарь Южноамериканского секретариата ИККИ В. Кодовилья. "Весь Южноамериканский секретариат против формирования такой партии. Для оправдания товарищи обращают внимание на условия "перуанской реальности". Конечно, тактика должна соответствовать условиям страны. Но какие условия Перу отличают его от других латиноамериканских стран? Никакие, абсолютно никакие. Речь идет о полуколониальной стране, как и другие страны. И если Коминтерн устанавливает, что во всех латиноамериканских странах нужно создавать коммунистические партии, почему Перу должен быть исключением?"⁵⁹⁵ "Без создания коммунистической партии, – подчеркивал Кодовилья, – невозможно завоевать гегемонию в революционной борьбе, которой в таком случае будет руководить мелкая буржуазия, которая после ряда демагогических антикапиталистических и антиимпериалистических жестов капитулирует перед силами реакции"⁵⁹⁶. Не основательным признал он и довод, что вторая партия необходима как средство влияния коммунистов на широкие трудящиеся массы. Кодовилья солидаризировался с Эмбер-Дро в том, что таким средством должен стать рабоче-крестьянский блок как организация единого фронта, союза различных социальных групп, заинтересованных в борьбе против империализма. "Но эти блоки не должны превращаться в партии нескольких классов"⁵⁹⁷.

Конференция взяла курс на создание сильных коммунистических партий "со своим собственным лицом, какими бы не были политические условия страны". Вместе с тем допускалось, что "они могли надеть легальную маску, внешне приняв другое название, но сохраняя свой социальный состав и коммунистическую идеологию"⁵⁹⁸.

Библиография

⁵⁹⁴ Ibid. P. 102.

⁵⁹⁵ Ibid. P. 187.

⁵⁹⁶ Ibid. P. 187.

⁵⁹⁷ Ibid. P. 189.

⁵⁹⁸ La Correspondencia Sudamericana. Buenos Aires, 1929. № 15. P. 4.

Андреев А.С. Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая // Латиноамериканский исторический альманах. М.: ИВИ РАН, 2016, № 16.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением // Латиноамериканский исторический альманах. М.: ИВИ РАН, 2016. №16.

El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana Tunio de 1929. – Buenos Aires, 1929.

La Correspondencia Sudamericana. Buenos Aires, 1929. № 15.

*В.Л. Хейфец*⁵⁹⁹
V.L. Jeifets

КОМИНТЕРН И МЕКСИКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОТНОШЕНИЙ, 1919-1921 ГГ.⁶⁰⁰

THE ORIGINS OF THE COMINTERN'S RELATIONS WITH MEXICO, 1919-1921

Аннотация: В статье проанализированы истоки и характер отношений Коминтерна с левым движением Мексики. Показаны внешние и внутренние факторы развития мексиканской компартии, исследована роль эмиссаров III Интернационала. Особое внимание уделено панамериканской стратегии Коминтерна и причинам ее краха в 1921-1922 гг.

⁵⁹⁹ *Виктор Лазаревич Хейфец*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Viktor L. Jeifets – St. Peterburg University)

⁶⁰⁰ При поддержке РФФИ, грант № 16-01-00138, «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

Ключевые слова: Мексика; Коминтерн; Бородин; Коммунистическая партия; Панамериканское бюро; КРОМ; Сен Катаяма

Abstract: The article deals with the origins and the character of the Comintern's relations with the Mexico's Left-Wing movement. The authors show the internal and external factors which determined the development of Mexican Communism, and analyzed the role played by the III International's emissaries. The special focus is given to the Panamerican strategy of the Comintern and to the reasons of its failure in 1921-1922

Keywords: Jose Ingenieros, the Russian Revolution, Elitism, Youth Movement, Argentina

В политическом плане в первые десятилетия XX века Мексика, безусловно, занимала особое место в Западном полушарии. В стране только что завершилась национальная и буржуазно-демократическая революция 1910-1917 гг., в результате которой в стране были провозглашены основные политические свободы, рабочие добились ряда прав, был дан старт проведению аграрной реформы. Это обеспечило лояльность значительной части трудящихся пост-революционным властям, хотя революция так и не была завершена. Набивавший силу реформистский профцентр КРОМ (Мексиканская региональная рабочая конфедерация) сумел завязать прочные и взаимовыгодные отношения с властями. Серьезным конкурентом реформистов было растущее анархо-синдикалистское движение, находившееся в оппозиции к государственной машине и пустившее прочные корни в рабочем движении страны; марксизм же в целом был мало знаком рабочим.

Руководство Коминтерна обладало лишь фрагментарными сведениями о мексиканской революции. В.И. Ленин в ходе встречи с делегатом Второго конгресса Коминтерна Ч. Филлипсом не скрывал: главное, что ему было известно о данной стране – это желание крестьянской массы получить землю.⁶⁰¹ В целом процессы, происходившие в стране, расценивались с точки зрения их включенности в глобальные процессы в Латинской Америке и стратегического положения страны в Западном полушарии

⁶⁰¹ Gomez M. [Phillips Ch.]. From Mexico to Moscow // Survey. 1964. № 53. P.43; Shipman Ch. [Phillips Ch.]. It Had to Be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London: 1993. P. 118.

(близость к США). III Интернационал уделял мексиканскому левому движению особое внимание, но не раз ошибался в оценке его перспектив. Убийственную оценку большинству коминтерновских документов, рассматривающих проблемы развития Мексики – «перемалывание воздуха» - дал самый опытный в 1920-х гг. эксперт ИККИ по латиноамериканской тематике Эдгар Воог («Альфред Штирнер»). По его словам, никому «даже в голову не приходила абсурдность сравнения» Мексики с Китаем или Индией.⁶⁰² Но эта точка зрения так и не стала доминирующей среди руководителей Коминтерна.

Приезд в Мексику первого эмиссара Коминтерна М.М.Бородин (Грузенберга) осенью 1919 г. был во многом авантюрой; его направили в страну «несмотря на скептицизм Бюро», как позже признала секретарь ИККИ А.Балабанова. Не говоривший по-испански Бородин завязал знакомство с американскими левыми социалистами Ч.Филлипсом и И.Граничем, работавшими в социалистическом движении страны, а через них – вышел на индийского националиста Манабендру Нат Роя, к тому времени игравшего важную роль в недавно созданной Социалистической партии. Само социалистическое движение Мексики состояло из разрозненных групп и партий, многие из которых действовали лишь в рамках отдельных регионов, в значительной степени социалисты находились под влиянием анархо-синдикалистов и не обладали влиянием в рабочем движении.⁶⁰³ В результате Первого Национального социалистического конгресса в сентябре 1919 г. была основана общенациональная Мексиканская Социалистическая партия во главе с Хосе Алленом, провозгласившая ультралевую программу.⁶⁰⁴ При этом левое движение практически сразу раскололось: обвинив МСП в недостаточной революционности, съезда ушла часть делегатов во главе с американцем Линном Гэйлом, создавшим Коммунистическую партию Мексики. Никаких серьезных политических и теоретических расхождений у обеих

⁶⁰² Письмо А.Штирнера [Воога] Х.Пенелону. Москва, 10 февраля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁶⁰³ Соколов А.А. Рабочее движение Мексики (1917-1929 гг.). М.: 1978, С. 33; Roy M.N. M.N.Roy's Memoirs. Bombay-New Delhi: 1954. PP.106-121; Christopulos D.K. American Radicals and the Mexican Revolution, 1900-1925. Ph. D. Thesis, State University of New York at Binghamton, 1980.

⁶⁰⁴ Declaración de Principios Aceptados por el Primer Congreso Nacional Socialista; Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición. 19-25.7.1979.

партий не было: непосредственной причиной подобного шага явился вопрос о составе руководства и делегации на Второй конгресс Коминтерна. В целом для мексиканских социалистов русская революция была «великолепным примером прямого действия», осуществленного активным политическим меньшинством под привычными анархистскими лозунгами.

Именно Бородин в октябре 1919 г. убедил лидеров МСП преобразовать ее в Коммунистическую партию и направить делегатов на конгресс Коминтерна. Неофиты коммунистической идеи энергично приступили к делу. Это практически сразу привело к новому расколу: часть членов МСП отказались становиться коммунистами и сохранили соцпартию. Тем не менее Исполком МСП 24 ноября 1919 г. провозгласил создание Мексиканской Коммунистической партии, генеральным секретарем которой был избран Аллен, а делегатами на Второй конгресс Коминтерна – Рой, его супруга Эвелина Трент-Рой и Филлипс. МКП была весьма немногочисленной (в лучшем случае, несколько десятков человек) партией. Лишь в 1920 г. создаются первые партийные ячейки за пределами Мехико – в Веракрусе, Орисабе, Тампико, Гуанахуато, Сакатекасе и Соноре, практически не связанные между собой.

И августовско-сентябрьский конгресс и выделение «красного» сектора внутри рабочего движения состоялись помимо прямого организационного воздействия со стороны всемирной компартии. Но именно влияние Бородина на некоторых лидеров социалистов стало катализатором процессов, назревших в левом движении страны. Полномочия же эмиссара Москвы были, достаточно весомыми, позволяя ему подписать обращение к МКП от имени Исполкома Коминтерна и заверять о признании партии III Интернационалом к моменту приезда её делегации в Москву, едва он (Бородин) поставит вопрос перед ИККИ.⁶⁰⁵

Эмиссар Коминтерна решительно и бескомпромиссно поддержал МКП и убедил Амстердамское бюро Коминтерна, курировавшее коммунистическое движение в Новом Свете, в необходимости признать ее единственной секцией III Интернационала в Мексике. В идейных позициях Роя и Гэйла трудно найти серьезные противоречия. Позиция московского эмиссара объяснялась легко: дело было в личности Роя, в котором Бородин увидел будущего видного деятеля коммунистического движения в азиатском колониальном мире – на стратегическом для

⁶⁰⁵ Письмо М.М.Бородина Х.Аллену. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 9-10.

III Интернационала направлении.⁶⁰⁶ Сделав ставку на Роя как лидера антиколониального движения в Азии, Коминтерн фактически отказался от потенциальных возможностей, которые возникли в Мексике с созданием компартии. Возможно, иллюзорное восприятие Мексики как страны, готовой к новой социальной революции устранило необходимость присутствия Роя в партии, направившей его в Москву. Знамя гипотетического мощного пролетарского движения могли подхватить и менее значимые фигуры.

При этом планы у Коминтерна изначально были амбициозными. Созданное по предложению Бородина Латиноамериканское бюро III Интернационала предназначалось для ведения континентальной коммунистической деятельности. Временный комитет бюро призвал трудящихся Латинской Америки принять участие в континентальном коммунистическом конгрессе.⁶⁰⁷ Основание ЛАБ можно расценивать как инициативу неофитов коммунистического движения, хотя и иницированную Бородиным. Однако идея такой организации носилась в воздухе. Создавший еще в сентябре 1919 г. Коммунистическую партию Мексики Гэйл организовал параллельное Латиноамериканское бюро и назначил свою делегацию на Второй конгресс Коминтерна.

Судя по мемуарам Роя, идея бюро обсуждалась Бородиным во время неофициальной встречи с президентом Каррансой. Москва и мексиканское левое движение всерьез полагали, что деятельность бюро не может испортить отношения между двумя революционными правительствами, напротив его антиимпериалистическая позиция будет очевидно совпадать с антиамериканизмом мексиканских властей. Бородин и его мексиканские соратники полагали, что континентальные масштабы деятельности бюро должны были гораздо менее встревожить Каррансу, нежели чем сосредоточенность новорожденной коммунистической партии на социальных проблемах Мексики. Фактически мексиканские радикальные левые попытались обрести некоторое подобие полуофициального патронажа со стороны правительства.

В тот момент Мексика планировалась в качестве центра

⁶⁰⁶ Письмо М.М.Бородина С.Ю.Путгерсу [1920 г.]. // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 39.

⁶⁰⁷ Manifiesto del Buro Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de América Latina // Oposición. 23-28.8.1979.

панамериканского континентального движения.⁶⁰⁸ В феврале 1920 г. Амстердамская международная коммунистическая конференция провозгласила цель объединения континентального коммунистического движения Латинской Америки под эгидой ЛАБ.⁶⁰⁹ Осенью 1920 г. штаб-квартира Коммунистического Интернационала молодежи известила своего представителя в Мексике Эдгара Воога о решении поручить ему возглавить субсекретариат КИМа для Центральной и Южной Америки, который должен был действовать в тесном контакте с Латиноамериканским бюро III Интернационала.⁶¹⁰ В то же время состав Временного комитета бюро, который должен был показать интернациональный характер регионального органа Коминтерна, на деле продемонстрировал случайный характер подбора кадров, ибо его немексиканские члены представляли самих себя, а не реально существовавшие организации. Это стало первой причиной быстро проявившейся нежизнеспособности бюро. Международные связи бюро также были ограниченными, речь шла о контактах латиноамериканской и испанской революционной эмиграции, влившейся в коммунистическое движение. Но самые её яркие представители (Себастьян Сан-Висенте, Хосе Рубио, Виктор Рекоба и др.) были анархистами и через них можно было установить контакты лишь с их единомышленниками.

Ко времени Второго конгресса Интернационала делегация Мексики оказалась единственной, представлявшей Латинскую Америку, что лишь способствовало росту престижа мексиканских коммунистов в глазах руководства ИККИ. Страна превратилась в место работы созданного вскоре Панамериканского бюро (Американского агентства) Коминтерна, заменившего ЛАБ. Между тем, конфликт внутри левого движения Мексики отнюдь не был исчерпан, и его разрешение оставалось одной из важнейших задач Интернационала в Западном полушарии, ибо продолжавшиеся распри фактически парализовали деятельность Латиноамериканского бюро. Жесткая антиэлекторальная позиция коммунистического движения привела в 1920-1921 гг. к

⁶⁰⁸ Письмо Х. Аллена А. Балабановой 29 ноября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 1-2.

⁶⁰⁹ Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'Internationale Communiste. 1920 (Mars). № 3. P.9.

⁶¹⁰ Хейфец В.Л. Коммунистический Интернационал молодежи и Латинская Америка // Проблемы отечественной и зарубежной истории. СПб.: 1997. С. 16-21.

сокращению рядов и без того немногочисленных сторонников партии. Члены Латиноамериканского бюро III Интернационала Ф. Мухика и Ф. Каррильо Пуэрто, привлеченные в компартию в конце 1919 г. и предпринявшие попытку модифицировать партийную тактику с целью улучшения ее политических перспектив, безуспешно пытались убедить МКП найти общий язык с движением во главе с А.Обрегоном. Встретив отказ коммунистов, они покинули бюро и МКП, которая к тому времени располагала менее чем 20 активистами. В рабочем движении продолжалось укрепление КРОМ, сделавшей ставку на альянс с обрегонистами и классовое содружество на базе принципов социальной справедливости и государство как выразителя интересов всех классов. МКП же, отвергая реформизм, пыталась развернуть альтернативное массовое профсоюзное движение, применяя тактику прямого действия с целью улучшения положения рабочих и захвата политической власти, формируя альянс с революционным анархо-синдикализмом⁶¹¹ в рамках созданных при активном участии коммунистов Коммунистической Федерации Мексиканского пролетариата и Всеобщей Конфедерации Труда.

В сентябре 1921 г. начало действовать Панамериканское бюро (Американское агентство) в составе Сен Катаямы (председатель), Луиса Фрайны и Карла Янсона (Чарльза Скотта),⁶¹² намеревавшееся координировать коммунистов во всем полушарии и формировать группы сторонников III Интернационала там, где их еще не было. Только на первые три месяца работы бюро Москва выделила 100 тыс. долларов – никогда более левое движение региона не получало таких субвенций из штаб-квартиры Коминтерна.

Катаяма попытался инициировать объединительную работу двух компартий под эгидой ПАБ.⁶¹³ 11 апреля 1921 г. от лица руководства Коминтерна он призвал лидеров МКП и КПМ до начала Третьего всемирного конгресса сформировать «сильную секцию» международной компартии; ЦИК КПМ должен быть организован из пяти человек – по одному от МКП и КПМ и троих,

⁶¹¹ Taibo II, P.I. y Vizcaino R. La memoria Roja. México: 1984; Valadés J.C. Las memorias del joven rebelde. Sinaloa: 1986.

⁶¹² Протокол заседания Малого бюро ИККИ. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 97-97 об.

⁶¹³ Запись бесед Явки [Катаямы] и Таннера [Филлипса] [апрель 1921 г.]. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 65. Л. 109.

избранных на съезде; подготовка съезда осуществлялась в сотрудничестве с мексиканским представителем ПАБ, которым стал Филлипс, к тому времени лично знакомый с Лениным и рядом руководителей Коминтерна.⁶¹⁴

Явно под влиянием Филиппа Катаяма благосклоннее отнёсся к МКП, представитель которой на Третий конгресс Коминтерна Мануэль Диас Рамирес был в итоге утверждён ПАБ в качестве делегата всей Мексики.⁶¹⁵ Резолюция о предстоящем объединении обращала особое внимание на необходимость сохранения практически в неизменном виде Федерации Коммунистической молодёжи (работавшей ранее под эгидой МКП) в качестве структуры, действующей в союзе с компартией и не подлежащей роспуску.⁶¹⁶ Фантомность существовавших в Мексике коммунистических структур не была принята в расчет Панамериканским бюро. Катаяма безоговорочно верил Филлиппу и отбрасывал в сторону любые возражения других мексиканских левых радикалов (в том числе и лидера МКП Аллена), смазывавших благодостную картину будущего объединенного и влиятельного коммунистического движения страны.

Между тем, альянс генерала А. Обрегона с КРОМ, обеспечив правительству поддержку со стороны существенной части организованного рабочего класса, оставил ему свободу рук для действий против радикальных секторов последнего в любой момент, когда это понадобится правящей политической или профсоюзной элите (КРОМ). В этих условиях власти ужесточили свою позицию против анархо-синдикалистов и коммунистов, предприняв в мае высылку целого ряда активистов.⁶¹⁷ Работа по объединению левого движения Мексики, проделанная председателем ПАБ, фактически пошла насмарку, обе компартии почти исчезли вместе со своими лидерами.

В итоге Катаяма выдвинул идею формирования объединенной компартии посредством реорганизации Федерации Коммунистической молодёжи Мексики (ФКММ). Только после формирования единой компартии ПАБ полагало возможным

⁶¹⁴ Письмо С. Катаямы членам МКП и КПМ. – Там же. Л. 98-99, 109

⁶¹⁵ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 4. Л. 139-140, 143.

⁶¹⁶ Резолюция об объединении МКП и КПМ. // Там же. Ф. 495. Оп. 18. Д. 66. Л. 260-261; Там же. Оп. 108. Д. 16. Л. 21-23.

⁶¹⁷ Excelsior. 17.05.1921, 18.05.1921 и 22.05.1921; AGN. Ramo A. Obregón-P.E.Calles. Exp. 421-P-8, 421-M-3, 421-R-7; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 25. Л. 28-33; Там же. Оп. 18. Д. 65. Л. 190-191.

заняться организацией секций Коминтерна в странах Центральной и Южной Америки и их последующим объединением в Панамериканскую коммунистическую федерацию (с участием коммунистов США и Канады), чтобы превратить ее в одно из сильнейших отделений Коминтерна. При этом сама идея панамериканской революции оставалась магистральным направлением деятельности регионального представительства III Интернационала.

ПАБ попыталось найти внутри мексиканского левого движение новых (и реальных) союзников в деле создания объединенной коммунистической партии. Посланцы Коминтерна, помимо ФКММ, рассматривали в качестве партнера Социалистическую партию Юго-востока Мексики (СП Юкатана), но попытки сближения оказались неудачными ввиду неправильно выбранной мотивации для объединения – в то время как СПЮВ опиралась на крестьянских активистов, заинтересованных в аграрной реформе, ПАБ намеревалось увлечь тех идеями континентальной революции.

Формально работа ПАБ по восстановлению компартии принесла организационный успех – на декабрьский конгресс, возродивший КПМ (25-30 декабря 1921 г.), прибыли представители 25 коммунистических групп общей численностью в несколько сот человек. Однако новорожденная политическая структура вполне очевидно не отличалась готовностью придерживаться установок III Интернационала: «Мы сперва выстроим партию, было сказано мне (Фрайне – В.Х.), и пусть рабочие обретут доверие, а потом мы сможем принять программу участия в выборах».⁶¹⁸ Информировав Москву о лишь кажущейся прочности абсентеистских лозунгов, эмиссар ПАБ заявил, что рост численности коммунистических кадров и прямое давление со стороны ИККИ позволят позднее отказаться от соблюдения компромисса. Фактически это было признанием неспособности повлиять на мексиканских левых, полагавших, что участие в выборах и парламентаризм неизбежно приведут к оппортунистическому перерождению партии. Диас Рамирес, на возвращение которого столь рассчитывал Фрайна, не только сам занял абсентеистскую позицию, но и подкрепил ее ссылкой на свою беседу с В.И.Лениным в Москве.

Действия Коминтерна и КПМ в сфере рабочего движения в этот период иначе как провальные охарактеризовать нельзя. Во многом

⁶¹⁸ Доклад Л.К.Фрайны Малому бюро ИККИ 2 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 22. Л. 1.

это было вызвано ориентацией практически исключительно на ВКТ, а внутри данного профцентра – на коммунистов. Созданное в 1921 г. временное Мексиканское бюро Красного Интернационала профсоюзов формально было представительным: член МКП и ВКТ Хосе Рубио, активист Мексиканского управления ИРМ и редактор его газеты «Эль Обреро Индустиаль» Морис Пэйли и представитель левого крыла КРОМ Фелипе Лейха Пас. Но позднее, по настоянию исполнявшего обязанности председателя данного бюро Филлипса, количество сотрудников было расширено до четырёх человек, чтобы включить двух коммунистов. К тому же Лейха Пас не пользовался расположением председателя ПАБ и его мексиканского представителя, и те решили «не доверяться ему полностью во всех делах».⁶¹⁹ Изначальная идея объединения в рамках бюро всех профорганизаций страны на паритетных началах была отодвинута в сторону под влиянием МКП, полагавшей, что руководство ВКТ уже полностью находится в её руках. Это оказалось стратегической ошибкой представителей Москвы.

Работа по включению континента в сферу деятельности московского представительства Профинтерна не смогла развернуться в полную силу, а распространение пропагандистских изданий происходило почти исключительно в Мехико. Катаяма не сумел наладить широкие контакты с руководителями профсоюзов по стране и слишком опирался на узкий круг лиц в созданном Мексиканском бюро. Недальновидность таких действий выяснилась в середине мая 1921 г., когда депортация большей части сотрудников Мексиканского бюро, МКП и КПИМ, фактически свела на нет организационные усилия Катаямы.

Хотя Мексиканское бюро и продолжило работу (основная тяжесть которой легла на плечи Хосе Валадеса, являвшегося одновременно редактором «Эль Трабахадор»), сохранялась линия на сотрудничество прежде всего с организациями, уже объявившими о присоединении к КИП – ВКТ и ИРМ, либо считавшимися потенциальными союзниками «революционными синдикалистами». Из числа возможных партнёров априори исключались анархисты и реформистская КРОМ, тогда как именно летом 1921 г. КРОМ выражала желание наладить связи с КИП и РСФСР. Побывавший в Москве делегат КРОМ Мартинес встретился с руководителем Профинтерна Соломоном Лозовским,

⁶¹⁹ Там же. Л.108-109; мандат членов временного Мексиканского бюро КИП от 2.4.1921. // Там же. Ф. 495. Оп.18. Д. 65. Л. 86.

имея неофициальное поручение прозондировать почву на предмет возможного установления торговых отношений между Мексикой и РСФСР⁶²⁰. В то же время – в силу открыто антикоммунистической позиции Региональной Конфедерации – сотрудничество между ней и КИП можно было осуществить лишь при условии отказа от ряда политических лозунгов и односторонней ориентации на коммунистические организации. Такая модель работы была практически исключена в 1921 г.

Ориентация Мексиканского бюро КИП почти исключительно на ВКТ, сочетавшаяся с одновременной резкой полемикой с анархистами, расходившаяся с прежней линией МКП и ФКММ, создавшими в 1920 г. Коммунистическую Федерацию мексиканского пролетариата, как неидеологическое профобъединение, продемонстрировала свою несостоятельность осенью 1921 г., когда в руководстве ВКТ окончательно возобладали анархо-синдикалистские настроения. На конгрессе (4-11 сентября) из организации были исключены Валадес и ФКММ, руководство ВКТ решило запретить своим членам работать в Мексиканском бюро. В итоге по решению ИБ Профинтерна отделение в Мексике было закрыто, а работа в профдвижении окончательно возложена на оргкомитет КПМ. Планировавшаяся ранее панамериканская профсоюзная конференция в Москве накануне Второго конгресса Красного Интернационала профсоюзов так и не состоялась.

Нельзя не согласиться с выводом, сделанным Фрайной в начале 1922 г., являвшимся, по сути, эпитафией Панамериканскому бюро: «Мексика не находится накануне революции. Она не заслуживает репутации большевистской страны. Здесь нет социального класса, способного консолидировать политическую власть, этого не может сделать даже буржуазия, управляющая благодаря слабости прочих классов и благодаря иностранному капиталу. Катаяма и я ошиблись в оценке ситуации, мы думали, что движение шире и что оно в состоянии вырасти больше, чем, что произошло на деле».⁶²¹

Общие малоутешительные итоги деятельности ПАБ в Мексике и неспособность организовать именно **общую панамериканскую** работу стали одной из причин роспуска данной региональной

⁶²⁰ Письмо С.Лозовского В.И.Ленину 13.10.1921. // Там же. Ф. 534. Оп. 3. Д. 12. Л. 1. Мандат Э. Мартинеса от 15.7.1921. // Там же. Оп. 7. Д. 393. Л. 4.

⁶²¹ Доклад Л.К.Фрайны Малому бюро ИККИ 2 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 22. Л. 3.

структуры руководством Коминтерна и его переориентацией с Мексики на КП Аргентину осенью 1921 г.

Библиография

- Christopulos D.K.* American Radicals and the Mexican Revolution, 1900-1925. Ph. D. Thesis, State University of New York at Binghamton, 1980.
- Gomez M.* [*Phillips Ch.*]. From Mexico to Moscow // Survey. 1964. № 53.
- Roy M.N.* M.N.Roy's Memoirs. Bombay-New Delhi: 1954.
- Shipman Ch.* [*Phillips Ch.*]. It Had to Be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London: 1993.
- Taibo II, P.I. y Vizcaino R.* La memoria Roja. México: 1984.
- Valadés J.C.* Las memorias del joven rebelde. Sinaloa: 1986.
- Соколов А.А.* Рабочее движение Мексики (1917-1929 гг.). М.: 1978.
- Хейфец В.Л.* Коммунистический Интернационал молодежи и Латинская Америка // Проблемы отечественной и зарубежной истории. СПб.: 1997.

*А.С. Андреев*⁶²²
A.S. Andreev

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ УРУГВАЯ И
КОМИНТЕРН: БОРЬБА С ДИКТАТУРОЙ Г. ТЕРРЫ (1933-1938).⁶²³

THE COMMUNIST PARTY OF URUGUAY AND THE
COMINTERN: AGAINST THE DICTATORSHIP OF
GABRIEL TERRA (1933-1938)

⁶²² *Антон Сергеевич Андреев* — аспирант СПбГУ, преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук ГИЭФПТ (Anton Andreev, postgraduate of St.Petersburg University)

⁶²³ При поддержке РФФИ, грант № 16-01-00138, «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка».

Аннотация: В настоящей статье на основе архивных документов фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) показаны основные проблемы взаимодействия коммунистической партии Уругвая с региональными и руководящими структурами Коминтерна в период диктатуры Габриэля Терры (1933-1938). Проанализированы цели и задачи, которые ставились III Интернационалом перед коммунистами Уругвая, а также оценки, которые давались КПУ в Москве.

Ключевые слова: Уругвай, компартия Уругвая, Коминтерн, Габриэль Терра.

Abstract: Based on archival documents of the Comintern in the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), article shows the main problems of the interaction between the Communist Party of Uruguay and the regional and leading structures of the Comintern during the dictatorship of Gabriel Terra (1933-1938). Article analyses the goals and tasks given for the Uruguayan Communists from the III International and the assessments that were given to the CPU in Moscow.

Keywords: Uruguay, Communist Party of Uruguay, Comintern, Gabriel Terra.

История коммунистического движения в Уругвае в межвоенный период продолжает оставаться историографической лагуной. В опубликованных работах уругвайских авторов⁶²⁴ практически не показаны связи коммунистической партии с Коминтерном, а основное внимание уделено участию КПУ в формировании Широкого фронта⁶²⁵. С другой стороны, российские авторы пока уделили недостаточное внимание контактам КПУ с Москвой в период диктатуры Г. Терры^{626 627}. Отметим, что и политическая

⁶²⁴ Leibner G. Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay. Montevideo: Trilce, 2011.

⁶²⁵ Schultze M. S. Aquellos comunistas. Montevideo: Taurus, 2009.

⁶²⁶ Андреев А. С. Объединять или разделять? Коминтерн и компартия Уругвая в поисках профсоюзного единства (1920-1938) // Латинская Америка. 2015. № 3. С. 88-95.

⁶²⁷ Андреев А. С. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта (1922-1938) // Клио. 2014. № 12 (96). С. 75-80.

жизнь страны в этот период не нашла полного отражения в исторической литературе⁶²⁸.

Открытие фондов Коминтерна⁶²⁹ позволило иначе взглянуть на эволюцию коммунистического движения в Уругвае, которая воспринималась ранее лишь на основе произведений лидеров КПУ Эухенио Гомеса⁶³⁰, Франсиско Пинтоса⁶³¹ и Роднея Арисменди⁶³². Однако в их работах часто даются крайне субъективные и ошибочные оценки, одни события сознательно замалчиваются⁶³³, а на первый план выходит описание «героической» деятельности самих партийных руководителей. Введение в научный оборот новых источников дало исследователям возможность составить полную и объективную характеристику взаимодействия КПУ с III Интернационалом, показать влияние Москвы на решения, принимавшиеся руководством партии, в том числе в рассматриваемый период.⁶³⁴

Приход к власти в 1931 г. Габриэля Терры негативно сказался на развитии рабочего движения страны. Совершив в 1933 г. государственный переворот, Терра реформировал существовавшую до него «батльскую» политическую систему, основанную на коллегиальности в принятии решений, политическом маневрировании, взаимном учете интересов. Политические механизмы, созданные при участии Хорхе Батлье-и-Ордоньеса (1903-1907, 1911-1915), основывались на системе сдержек и противовесов, и ограничивали реальную власть президента. Проведенные в 1933 г. Г. Террой реформы изменили эти механизмы, вновь наделив президента страны, т.е. самого Терру, реальными полномочиями. Получив в свои руки полную власть в

⁶²⁸ Pintos F. R. *Historia del Uruguay (1851-1938)*. - Montevideo: Ed. Pueblos Unidos, 1946.

⁶²⁹ Ching E., Pakkasvirta J. *Latin American Materials in the Comintern Archive// Latin American Research Review*, vol. 35, number 1. 2000. Pp. 138-149. (Эл. Ресурс: <http://jstor.pl.spb.ru/stable/pdfplus/10.2307/3338430.pdf>)

⁶³⁰ Gómez E. *Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1951)*. Montevideo: Trilce, 1990.

⁶³¹ Пинтос Ф. Р. *Профсоюзное движение в Уругвае*. - М.: Профиздат, 1964.

⁶³² Арисменди Р. *Великая Октябрьская Социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае*. М.: Госполитиздат, 1957.

⁶³³ Андреев А. С. *Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая // Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. Том 16. № 1. С. 203 – 231.

⁶³⁴ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. *Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1919-1929 гг.* СПб.: ГУАП; ИЛА РАН, 2012. Том 1. *Рождение первых компартий*.

стране, глава государства начал кампанию преследования наиболее радикальных общественных групп, в том числе профсоюзов, а также социалистической и коммунистической партий, которая к началу 1930-х гг. столкнулась с серьезными внутренними проблемами.

Само уругвайское правительство оценивалось КПУ как «правительство национальной измены»⁶³⁵ в связи с тем, что, по мнению партии, Терра тормозил социально-экономическое развитие страны и проводил в жизнь «фашистские установки», под которыми понималось преследование левых партий и организаций в стране. Несмотря на это, КПУ старалась участвовать в стачечном движении, забастовках, а также проводила публичные акции солидарности с забастовками в других странах, в том числе, странах Европы.

В докладе об Уругвае, подготовленном генеральным секретарем партии Э. Гомесом в адрес Д. Мануильского в мае 1937 г.⁶³⁶, лидер КПУ критически характеризовал режим Терры, отмечая допущенные властями страны фальсификации на выборах, приписку голосов. Партия с 1933 г. оказалась на нелегальном положении, теряя ячейки и численность. Так к 1935 г. КПУ официально насчитывала в своих рядах 200 человек⁶³⁷. В 1933-1935 гг. полиция проводила акции против рабочих организаций, а также левых политических организаций, в том числе КПУ и СПУ. Правительство Терры, по оценкам компартии, посягнуло на социальные законы и заработную плату, что считалось достижением «эпохи Батлье».

Несмотря на то, что политика Терры приводила к недовольству рабочих и росту протестных настроений, КПУ в начале 1930-х гг., до возобновления тактики единого фронта, не смогла использовать их для активизации массовой работы. Сложность состояла в том, что значительная часть рабочих и крестьян продолжала поддерживать традиционные партии страны – «Бланко» и «Колорадо», отнимая электорат у левых сил.

Руководство КПУ надеялось, что раскол внутри традиционных политических сил (борьба сторонников президента Терры – «терристов» - со сторонниками премьер-министра Эрреры –

⁶³⁵ О положении в Уругвае, март 1937 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 17. Д. 6. Л. 3.

⁶³⁶ Доклад об Уругвае, 13 мая 1937 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 1.

⁶³⁷ Там же. Л. 16.

«эрреристами», раскол внутри «терристской группы») поможет усилить влияние коммунистов в рабочем движении, даст новые возможности для поиска союзников и агитации. Э. Гомес подчеркивал, что даже внутри умеренной группы «батльистов» - сторонников курса Х. Батлье, входивших в состав партии «Бланко» - есть «национал-революционное крыло», способное вступить в тесные связи с компартией для совместной борьбы и пропаганды⁶³⁸. Примером такого взаимодействия можно считать политическую биографию Серутти Кросса - одного из лидеров ультралевого крыла «батльистов», перешедшего в эти годы в КПУ и возглавившего местное отделение МОПра⁶³⁹. В целом, эти идеи стали особенно актуальными после возобновления тактики единого фронта и, чуть позже, провозглашения необходимости создания Народного фронта на VII конгрессе Коминтерна.

Однако, в самом Интернационале оценки деятельности КПУ в борьбе с диктатурой Терры и развития партии были другими, отличными от «оптимистической» точки зрения Гомеса. В докладе «Орасио» (им был руководитель уругвайского комсомола Л.А.Фиерро⁶⁴⁰) подготовленном для секретариата Д. Ибарурри в январе 1936 г., было указано, что «до 1935 г. партия занимала крайне сектантскую позицию, упустив ряд возможностей, в которых должна была идти вместе с демократической оппозицией»⁶⁴¹. КПУ ставилось в вину, что она «проводит агитацию за забастовки рабочих, не объединяя рабочий класс». Как уже говорилось выше, именно в этой двусмысленности заключалась организационная проблема КПУ: партия стремилась всеми силами проводить согласованную с Коминтерном политику, не принимая во внимание политическую реальность и расклад общественных сил в стране. Отметим, что это не было исключительно уругвайской проблемой: подобные вещи происходили и в гораздо более крупных мексиканской⁶⁴²,

⁶³⁸ Доклад об Уругвае, 13 мая 1937 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 3-4.

⁶³⁹ Доклад Х. Бачино от лица ЦК КПУ, 14 августа 1937 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 17. Д. 350. Л. 15-19.

⁶⁴⁰ Jeifets L., Jeifets V. *La Internacional Comunista y America Latina, 1919-1943. Diccionario biografico*. Moscow, 2004.

⁶⁴¹ Доклад Орасио об Уругвае, 17 января 1936 г. – Там же. Л. 7.

⁶⁴² Martínez Verdugo A. (ed.) *Historia del comunismo en México*. México: Grijalbo, 1985. PP. 200-215.

колумбийской⁶⁴³ и кубинской⁶⁴⁴ секциях III Интернационала. С другой стороны, когда из Москвы приходили письма с анализом ошибок партии и указанием их исправить, время для массовой агитационной работы зачастую было уже упущено. Важным обстоятельством было и то, что партия не предлагала продуктивной повестки дня, не формулировала «положительных предложений», не имея из-за этого возможностей для объединения оппозиционных сил под своим влиянием.

Одновременно с этим, КПУ по-разному оценивало влияние Коминтерна на свою деятельность. Помимо положительных оценок воздействия Москвы, озвученных, например, в письме Хулио Баччино в адрес секретариата Д. Ибарурри, были и негативные оценки, связанные с политической борьбой внутри самого Коминтерна. Так, Э. Гомес в письме к Д. Мануильскому, отмечал⁶⁴⁵, что «престиж партии упал от ее сектантской позиции, усиленной в результате вмешательства Гуральского (настоящее имя – Абрам Хейфец) – влияния пагубного для Уругвая, такого же, как действия Синани (Г. Б. Скалова) и его компании». Однако, на наш взгляд, это точка зрения не столько отражала реальные проблемы партии, сколько политическую конъюнктуру самого Интернационала: занимавшие высокие должности в Коминтерне Гуральский и Синани были к тому времени обвинены в троцкизме и неверной оценке ситуации в Латинской Америке и лишены своих постов⁶⁴⁶. Давая вышеприведенные оценки, Гомес скорее «подталкивал падающих», а не пытался объективно проанализировать ситуацию в партии.

В свою очередь, Коминтерн настаивал на «укреплении КПУ, упрочении профсоюзов и народных организаций, мобилизации народных масс на защиту их интересов»⁶⁴⁷. Эти установки воспринимались партий как должные и оценивались как собственные цели и задачи.

⁶⁴³ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и формирование компартии Колумбии. – Латинская Америка. 2008. №5. С.41-61.

⁶⁴⁴ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эското. – Латинская Америка. 2011. №4. С.60-83.

⁶⁴⁵ Доклад об Уругвае, 13 мая 1937 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 5-6.

⁶⁴⁶ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латиноамериканские левые на пути к народному фронту в 30-е гг. XX в. // Латинская Америка. 2014. N 5. С. 65.

⁶⁴⁷ Письмо Коларова в комиссию бюро секретариата ИККИ по аргентинскому вопросу, 3 июля 1932 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 131. Д. 38. Л. 24.

К 1935 г. партия, имевшая организационные проблемы, связанные с политическим преследованием со стороны властей, имела крайне пестрый состав. Из всего состава членов партии более трети были гражданами других государств (больше всего среди иностранцев было, естественно, аргентинцев), партия практически не имела ячеек в деревне, а рабочие, входившие в ее состав, представляли ограниченный набор сфер промышленности (наибольшее количество ячеек было среди портовых рабочих, работников трамвайного парка и холодильной промышленности)⁶⁴⁸. Это говорит, с одной стороны, об ограниченности социальной базы партии, а с другой, с отсутствием зрелого организационного ядра и системной кадровой работы. Это, однако, не было исключительной характеристикой уругвайского коммунистического движения. Аналогичные проблемы наблюдались во многих компартиях Латинской Америки, не сумевших к тому времени обрести массовую пролетарскую базу.⁶⁴⁹

При этом в середине 1930-х гг. не была решена еще одна важная проблема – отсутствия регулярной финансовой помощи со стороны Коминтерна. С началом «сталинизации» руководство Интернационала стало бережнее относиться к финансовым запросам национальных секций, критически оценивая суммы запросов и их основания.⁶⁵⁰

В связи с этим, в начале 1930-х гг. партия стала испытывать серьезные проблемы с финансовой помощью со стороны Москвы. Она становилась все более случайной и скромной, а в 1934 г. закончилась вообще, что оставило партию без внешнего финансирования. В письмах Э. Гомеса в адрес руководства Коминтерна 1937 г. подчеркивалось, что «партия не получает никакой помощи уже три года»⁶⁵¹.

Финансовые запросы партии в середине 1930-х гг. оценивались в 400 долл. США в месяц для организации работы (зарплата одного

⁶⁴⁸ Письмо Орасио о положении в КПУ, май 1937 – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 400. Л. 10.

⁶⁴⁹ Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, ИЛА РАН, ГОУ ВПО «Ленинградский областной институт экономики и финансов». 2006. СС. 20-45.

⁶⁵⁰ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1919-1921 гг. СПб.: ГУАП; ИЛА РАН, 2012. Том 2. Латиноамериканские коммунисты между многообразием и унификацией. С. 180-199.

⁶⁵¹ Письмо Гомеса в адрес Москвина, 28 мая 1937 – Там же. 41.

наемного работника в секретариате, поддержка нелегальной типографии и нелегального аппарата партии, ежедневная газета, ежемесячный журнал и агитационные брошюры), а также в 350 долл. в месяц для функционирования континентальной партийной школы на 15 учеников, которая фактически принадлежала Южноамериканскому бюро. Периодически запрашивались и единовременные выплаты на проведение выборных кампаний⁶⁵². В дальнейшем финансовые отношения КПУ с Коминтерном лишь усугублялись, и регулярной финансовой помощи из Москвы партия не получала вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 г.

Период диктатуры Терры стал самым «темным» периодом в довоенной истории КПУ. Приход к власти А. Бальдомира в 1938 г. вернул партию к жизни: КПУ удалось выйти из подполья, восстановить функционирование ячеек и постоянный контакт с Москвой. Однако, пятилетие диктатуры Терры резко сократило как кадровый, так и финансовый потенциал партии. Потеряв численность, она не могла бороться за влияние среди рабочих с ведущими профсоюзами, в которые входили сотни организаций и тысячи человек.

Несмотря на это, именно в годы диктатуры Терры партия начала становиться вторым после Буэнос-Айреса центром коммунистического движения в регионе. После прихода к власти в Аргентине Х. Урибуру в 1931 г. и формирования военной диктатуры, поставившей перед собой цель бороться с рабочим движением и советским влиянием⁶⁵³, агентом которого была компартия, в Монтевидео переместилось не только представительство советской торговой компании «Южамторг»⁶⁵⁴, но и руководство регионального коммунистического движения. Многие преследуемые в Аргентине коммунисты искали убежища именно в Уругвае, т.к. преследования коммунистов со стороны Урибуру и его преемников на президентском посту были более массовыми и жесткими, чем аналогичные процессы в Уругвае.

Несмотря на тяжелые внешние условия, партия смогла выстоять в тяжелое время, в том числе благодаря поддержке Коминтерна и

⁶⁵² Там же. Л. 42-44.

⁶⁵³ Jeifets L. S., Andreev A. S. A. Gorelik: Argentinean touches to the Russian revolution portrait // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 397.

⁶⁵⁴ Андреев А. С. Уругвай в довоенной внешней политике СССР // Латинская Америка. 2016. № 1. С. 59-67.

желанию реализовывать установки всемирной коммунистической партии и достойно считаться ее национальной секцией.

Библиография

- Андреев А. С.* Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. Том 16. № 1. С. 203 – 231.
- Андреев А.С.* Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта (1922-1938) // *Клио*. 2014. № 12 (96). С. 75-80.
- Андреев А.С.* Объединять или разделять? Коминтерн и компартия Уругвая в поисках профсоюзного единства (1920-1938) // *Латинская Америка*. 2015. № 3. С. 88-95.
- Андреев А.С.* Уругвай в довоенной внешней политике СССР // *Латинская Америка*. 2016. № 1. С. 59-67.
- Арисменди Р.* Великая Октябрьская Социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. М.: Госполитиздат, 1957.
- Пинтос Ф.Р.* Профсоюзное движение в Уругвае. - М.: Профиздат, 1964.
- Хейфец В.Л.* Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, 2006.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эското. // *Латинская Америка*. 2011. №4. С.60-83.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Коминтерн и формирование компартии Колумбии. // *Латинская Америка*. 2008. №5. С.41-61.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Латиноамериканские левые на пути к народному фронту в 30-е гг. XX в. // *Латинская Америка*. 2014. N 5.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.* Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1919-1929 гг. СПб.: ГУАП; ИЛА РАН, 2012.
- Ching E., Pakkasvirta J.* Latin American Materials in the Comintern Archive// *Latin American Research Review*, vol. 35, number 1. 2000. P. 138-149.
- Gómez E.* Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1951). Montevideo: Trilce, 1990.
- Jeifets L., Jeifets V.* La Internacional Comunista y America Latina, 1919-1943. Diccionario biografico. Moscow, 2004.

- Jeifets L.S., Andreev A.S.* A. Gorelik: Argentinean touches to the Russian revolution portrait // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2).
- Leibner G.* Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay. Montevideo: Trilce, 2011.
- Martínez Verdugo A.* (ed.) Historia del comunismo en México. México: Grijalbo, 1985.
- Pintos F.R.* Historia del Uruguay (1851-1938). - Montevideo: Ed. Pueblos Unidos, 1946.
- Schultze M.S.* Aquellos comunistas. Montevideo: Taurus, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Веселова И.Ю.</i>	Экономические проекты Франсиско Хавьера Клавихеро.....	5
<i>Селиванова И.В.</i>	Торговые организации Мехико и Веракруса в конце колониального периода: партнерство и конкуренция.....	17
<i>Казаков В.П.</i>	Парагвай: от либерализма к эгалитаризму.....	35
<i>Ивкина Л.А.</i>	История в лицах. Хосе Антонио Сако и его время (2 часть).....	68
<i>Иванов Н.С.</i>	Хосе Батлье-и-Ордоньес: либеральные реформы в Уругвае и позиции великих держав (1903-1915).....	95
<i>Кареповс Д.</i>	Сыны бога Огума: троцкизм в Бразилии в эпоху III Интернационала.....	119
<i>Щелчков А.А.</i>	Троцкистское движение на Кубе.....	155

<i>Окунева Л.С.</i>	Был ли фашизм в Латинской Америке: о некоторых малоисследованных и спорных гранях латиноамериканских истории 1930-1940-х годов.....	178
<i>Медина К., Гахардо Г.</i>	Трещины в «железном занавесе»: Чили – Польша, 1956 г.....	220

**КРУГЛЫЙ СТОЛ:
ДВА ВЕКА ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

<i>Казаков В.П.</i>	Аргентина: консерватизм против либерализма	243
<i>Селиванова И.В.</i>	Противостояние консерваторов и либералов в Мексике во время принятия «Законов о Реформе» и конституции 1957 г.....	255
<i>Ларин Е.А.</i>	Либерально-консервативные баталии в Центральной Америке в XIX в.....	266
<i>Ивкина Л.А.</i>	Политическая борьба по проблеме власти в годы Десятилетней войны за независимость Кубы	275
<i>Щелчков А.А.</i>	Чилийский либерально-консервативный синтез конца XX века.....	288
<i>Иванов Н.С.</i>	Либералы, консерваторы и Широкий фронт в новейшей истории Уругвая.....	299

**КРУГЛЫЙ СТОЛ:
100-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ЛЕВАЯ
АЛЬТЕРНАТИВА В
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

<i>Щелчков А.А.</i>		305
<i>Ивкина Л.А.</i>	Хосе Инхеньерос и Российская революция... Визит Х.А. Мельи в Советский Союз (1927).	314
<i>Казаков В.П.</i>	Какая партия нам нужна?.....	324
<i>Хейфец В.Л.</i>	Коминтерн и Мексика на начальном этапе отношений, 1919 -1921 гг.	329

<i>Андреев А.С.</i>	Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: борьба с диктатурой Г. Терры (1933-1938).....	341
---------------------	--	-----

TABLE OF CONTENTS

<i>Veselova I.Yu.</i>	Economic projects of Francisco Javier Clavijero	5
<i>Selivanova I.V.</i>	The trade organizations of Mexico and Veracruz at the end of the colonial period: partnership and competition	17
<i>Kazakov V.P.</i> Paraguay: from liberalism to egalitarianism.....	35
<i>Ivkina L.A.</i> History in faces. José Antonio Saco	

	and its time.....	68
<i>Ivanov N.S.</i>	José Batlle y Ordóñez: liberal reforms in Uruguay and the attitude of great powers (1903-1915).....	95
<i>Karepovs D.</i>	The Ogum's sons: trotskyism in Brazil, 1930-1940	119
<i>Schelchkov A.A.</i>	Trotskyist's movement in Cuba.....	155
<i>Okuneva L.S.</i>	Was there fascism in Latin America? On some controversial facets of the Latin American history.....	178
<i>Medina C.,</i>	The fissures of the "curtain of steel"	
<i>Gajardo G.</i>	from Chile	220

TWO CENTURE OF LIBERAL-CONSERVATIVE CONFRONTATION

<i>Kazakov V.P.</i>	Argentina: conservatism versus liberalism.....	243
<i>Selivanova I.V</i>	Conservatives and liberals in Mexico during the "Laws of the Reform" and the Constitution of 1857.....	255
<i>Larin E.A.</i>	Liberal-conservative battles in Central America in the XIX-th Century.....	266
<i>Ivkina L.A.</i>	Political struggle in the Ten years' war for the independence of Cuba, 1868-1878.....	275
<i>Schelchkov A.A.</i>	Conservative-liberal synthesis in Chile at the end of the XX-th century.....	288
<i>Ivanov N.S.</i>	Liberals, conservatives and the «Frente Amplio» in the contemporary history of Uruguay.....	299

THE RUSSIAN REVOLUTION AND THE LEFT ALTERNATIVE IN LATIN AMERICA

<i>Schelchkov A.A.</i>	José Ingenieros and the Russian Revolution.....	305
<i>Ivkina L.A.</i>	The visit of Julio Antonio Mella to the Soviet Union (1927).....	314

<i>Kazakov V.P.</i>	What kind of party we need?	324
<i>Jeifets V.L.</i>	The origins of the Comintern's relations with Mexico, 1919-1921.....	329
<i>Andreev A.S.</i>	The Communist Party of Uruguay and the Comintern: against the dictatorship of Gabriel Terra (1933-1938).....	341